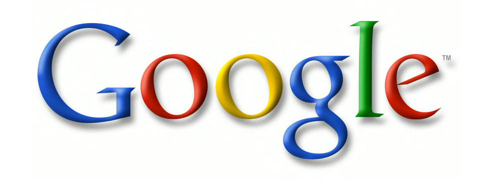

6.
C S[illegible] vegnau.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Мартъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1883.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БЫЛОЕ.

II.

Мэри.

*(Окончаніе *).*

Чернѣйшимъ днемъ былъ этотъ день въ моей жизни. Но я пережила его. Благо, все переживается, все переносится эластичною человѣческою натурою. Безъ этой способности, что было бы со мною?

Солнце садилось уже, когда я, разбитая, уничтоженная, едва держась на ногахъ, вышла, наконецъ, изъ своей комнаты. Въ домѣ было тихо, какъ въ гробу. Не знаю, готовили ли что нибудь на кухнѣ. Думаю, что нѣтъ. Я никого изъ кухонной прислуги не видѣла. Челядь, думаю, побѣжала тогда глазѣть на *комедію*, какъ *„жидову православный народъ чешетъ“*. Моя любимѣйшая горничная Агашка всего только раза два въ продолженіи цѣлаго дня, и то торопливо, мелькомъ полураскрывавала дверь моей комнаты и заглядывала въ нее. Мнѣ казалось, что въ ея добрыхъ и честныхъ глазахъ, на этотъ разъ, сверкалъ какой то злорадный огонекъ. Я не распрашивала ее. Я чувствовала, что если бы въ эту минуту тотъ ужасный мужичина съ площади, который такъ и стоялъ предъ моими глазами, поднялъ тяжеловѣсный лотокъ надъ моей головой, я не пошевельнулась бы, чтобы уклониться отъ убійственнаго удара; такъ мнѣ опостылѣли въ этотъ день и жизнь, и люди, и свѣтъ Божій, и я сама со своимъ легковѣріемъ, со своими глупыми мечтами. Отецъ и братъ все не возвращались. Я была

---

* См. «Восходъ», кн. 1—2.

почему то увѣрена, что съ ними случилось какое нибудь несчастіе, и страшно терзалась. Я позвонила. Явилась горничная.

— Папа и братъ не приходили?

— Нѣтъ, барышня, цѣлехенькій день ни старый, ни молодой баринъ не изволили возвращаться.

— Обѣдать готовили?

— Нѣтъ, вы не изволили заказывать. Какъ же было готовить?

— Какъ! Что это значитъ? Почему меня не спросили?

— Да и Маланьи дома нѣтъ. Она еще съ утра вышла со двора и до сихъ поръ не пришла.

«Гуляетъ, видно, на радостяхъ» подумала я и смолчала.

— Никого... не было? нерѣшительно спросила я Агашку.

— Нѣтъ, барышня. Александра Аполлоновича тоже не было. Никого не было, окромя...

— Кромѣ кого?

— Кромѣ нѣсколькихъ жид... евреевъ и евреекъ... Прибѣгали доктора звать... Говорятъ, такое въ городѣ творится, что Боже упаси...

— Хорошо! рѣзко осадила я горничную и отпустила ее.

Въ ея лицѣ, особенно въ глазахъ, такъ и просвѣчивалась затаенная фальшь. Она попробовала скорчить гримасу состраданія, думая, вѣроятно, что я стану вдаваться съ нею въ разные распросы.

Я вышла на балконъ. Мы жили во второмъ этажѣ собственнаго дома. Я окинула взглядомъ нашу прямую, длинную улицу. Движенія никакого, прохожихъ и гуляющихъ ни души. Я стояла, опершись о чугунныя перила балкона. Стояла долго. О чемъ я думала, не знаю. Сколько времени я простояла, не помню. Знаю только, что густыя сумерки уже наступили давно. Я высматривала направо и налѣво, не увижу ли я папу или Ефима. Вдругъ послышались въ комнатѣ тяжелые мужскіе шаги. Я чувствовала, какъ мое сердце замерло на мгновеніе, какъ оно вслѣдъ затѣмъ затрепетало, какъ птица, въ первый разъ запертая въ клѣтку. Я не рѣшалась обернуть голову, сдѣлать шагъ на встрѣчу пришедшему. Я боялась, въ буквальномъ смыслѣ боялась оглянуться...

— Мэри! услышала я грудный голосъ Н.—Гдѣ ты?

Я вздрогнула, но продолжала молчать. *Онъ* вступилъ на балконъ и протянулъ мнѣ обѣ руки. Я видѣла все, но... не замѣтила ничего.

— И не стыдно тебѣ, милая Мэри? Въ холодъ и сырость, въ легкомъ платьѣ, съ голой шеей на балконѣ! Вѣдь вечерѣетъ.

Я повернула къ нему лицо. Хорошо должно было выглядѣть теперь это лицо!

— Что съ тобою, Мэри? испуганно спросилъ Н., отступая шагъ назадъ.

— Со мною? Ничего... Откуда вы это взяли?

— *Вы*? Ты сердишься на меня, Мэри?

— Какъ можно? Смѣю ли я? За что бы это?

— А я же почемъ знаю? Можетъ быть, потому, что я... въ продолженіи цѣлаго дня...

— Не удостоили посѣщеніемъ? Пустяки! Какъ будто я не знаю, что происходитъ теперь въ городѣ! Могли ли вы думать обо мнѣ, когда сотни семействъ...

— Дѣйствительно. Это возмутительно, ужасно... Въ Европѣ, въ цивилизованной странѣ, въ концѣ XIX-го вѣка...—Онъ пожалъ плечами, изумленіе выразилось въ его лицѣ.

— Среди христіанъ... исповѣдующихъ любовь къ ближнему. Кажется, это главный догматъ великой идеи христіанства?.. Неправда-ли? саркастически спросила я.

— Дѣйствительно, дѣйствительно — началъ, сильно покраснѣвъ, Н. Но я перебила его.

— Вы, конечно, успѣли многихъ спасти, охранить, защитить?

— Все, что было въ моихъ силахъ, я все сдѣлалъ, но, увы! Одинъ въ полѣ не воинъ. Власти вяло, непозволительно вяло дѣйствуютъ. Вѣдь, безпорядки,—представь себѣ, Мэри—еще не утихли и по сю пору. Напротивъ... Это какой то пожаръ, оргія опьянѣлой челяди... Я думалъ, что моему вліянію удастся... Я непремѣнно доведу до свѣдѣнія высшаго начальства... Это въ буквальномъ смыслѣ потворство, деморализація...

— Merci за сочувствіе слабому, ехидно поблагодарила я Н. и оледенѣвшею рукою коснулась его руки.

Какъ отвратителенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту!

Безсовѣстно, прямо, серьезно смотрѣлъ онъ мнѣ въ глаза. Его взглядъ пронзилъ меня насквозь. Я не могла выдержать его взора, къ тому же мнѣ было стыдно за него.

— И представь себѣ, Мэри! это безобразіе длится, вѣдь, цѣлый день... Ты не выходила сегодня со двора, Мэри? спохватился онъ.

— Бѣдный! уклонилась я отъ прямого отвѣта.—Цѣлый день мучился! И не обѣдалъ еще, конечно?

— Объ этомъ я и думать позабылъ. До ѣды ли тутъ, когда сотни людей...

Во мнѣ вся кровь заклокотала въ жилахъ, но я сдѣлала нечеловѣческое усиліе, чтобы сдержать себя.

— Неужели даже не завтракали? Воображаю, какъ вы отощали.

— Я этого не скажу. Конечно, подобный денекъ дастъ себя почувствовать послѣ... Но пока .. Я ничего особеннаго не ощущаю... При необыкновенномъ, знаешь, возбужденіи, силы человѣка ростутъ, всякое чувство аппетита, даже голода на время замираетъ... Представь себѣ... чуть свѣтъ, меня разбудилъ необыкновенный шумъ въ корридорѣ. Вскакиваю. Оказывается, ночью еще въ городѣ были страшные безпорядки. Мы вчера ничего не знали, а въ городѣ шла кутерьма; это извѣстіе сильно меня встревожило, къ тому еще этотъ лошадиный топотъ номерныхъ... Такіе хамы... Я на-скоро одѣлся... не помню уже... кажется, не мылся даже и бросился на улицу...

— На тощакъ-то? Бѣдненькій!

— Ну, объ этомъ и говорить не стоитъ. Бѣжалъ я, какъ угорѣлый... Чинамъ гражданскимъ и военнымъ какъ-то неловко было бездѣйствовать въ моемъ присутствіи... Теперь, слава Богу, общими силами удалось нѣсколько усмирить звѣрей. На долго-ли? Первая свободная минута, и я воспользовался, чтобы броситься къ тебѣ, мой дружочекъ... Ты не въ ретензіи? Да?

Онъ попытался поцѣловать мою руку, но я рѣзко вырвала ее.

— Оставьте! Не до того теперь. Боже, какое несчастіе!

— Дѣйствительно, несчастіе, но что жъ подѣлаешь съ хищными инстинктами разбушевавшейся черни?

И онъ. продекламировавъ звучные стихи Шиллера о томъ, что изступленный человѣкъ опаснѣе льва и тигра, окончилъ вопросомъ:

— А ты тутъ не боялась, Мэри?

— Чего же мнѣ тутъ пугаться? Развѣ я и моя семья?...

— Конечно, конечно нѣтъ — перебилъ онъ меня.—А все таки... Я окончательно успокоюсь только послѣ завтра... Кто будетъ крестнымъ отцомъ? Вы рѣшили?

— Нѣтъ еще. Однако, Александръ Апполоновичъ, какой вы джентельменъ! сказалъ оглянувшись Н. съ головы до ногъ и залившись ядовитымъ хохотомъ.

— А что? Онъ тоже оглянулъ себя и покраснѣлъ.

— Вы, кажется, и умирая не забудете о своемъ благообразіи. Какъ мнѣ это въ васъ нравится!

— А, вотъ что? Если бы ты видѣла меня тамъ, въ толпѣ пьяной орды, то, Мэри, не сдѣлала бы мнѣ такого комплимента. Это я прежде, чѣмъ явиться на глаза моей безцѣнной Мэри, забѣжалъ на минутку въ мой номеръ, чтобы переодѣться...

— О, чудо! И бутоньерку не забыли! Какъ это мило!

— Ты знаешь мой вкусъ. Я поклонникъ всего изящнаго.— И Н. необыкновенно нѣжно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались торопливые шаги. Я бросилась туда. Н. остался на балконѣ.

Издали завидѣла я отца, разстроеннаго. блѣднаго, и кинулась ему на шею. Я не могла болѣе удержаться и зарыдала.

— Мэри, голубка, успокойся! Что съ тобою?

— Ничего, папа. Я такъ тревожилась за тебя и Ефима.

— Гдѣ Ефимъ?

— Его нѣтъ еще, папа.

— Гдѣ жъ они оба? Представь себѣ. я заходилъ къ Алексан-

дру Аполлоновичу. Въ гостинницѣ говорятъ: «послѣ завтрака ушелъ и до сихъ не приходилъ еще».

Н. услышалъ слова отца и прибѣжалъ въ комнату, видимо сконфуженный.

— Переврали вамъ, любезный докторъ. Я ушелъ еще далеко до завтрака, скороговоркой сказалъ онъ и подалъ руку отцу.

— Что вы скажете на подобное насиліе, подобные ужасы, на такія безчеловѣчныя отношенія? спросилъ возмущеннымъ голосомъ отецъ.

Какъ и что лгалъ Н. отцу, я не хотѣла болѣе слушать. Подъ предлогомъ готовящагося обѣда, я вышла въ кухню. Тотъ, кто вчера еще казался мнѣ совершенствомъ мужчины, человѣка и христіанина, былъ мнѣ сегодня противенъ до омерзѣнія.

Когда я возвратилась въ залу, тамъ уже никого не было. Слабый свѣтъ одинокой свѣчи, кѣмъ-то въ мое отсутствіе зажженной, еще болѣе сгущалъ по угламъ комнаты наступившія глубокія сумерки. Издали доносились взволнованные голоса отца и брата, возвратившагося между тѣмъ домой. По временамъ примѣшивался къ нимъ тихій, грудной, самоувѣренно-спокойный говоръ Н. Всѣ трое находились на балконѣ. Я побѣжала туда, къ брату, о продолжительномъ отсутствіи котораго не мало тревожилась.

Братъ, завидя меня издали, торопливо пошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Онъ былъ блѣденъ, какъ стѣна. На одной изъ его щекъ было замѣтно синебагровое пятно. Мнѣ показалось, что щека его испачкана.

— Вытри щеку, Ефимъ—сказала я ему. Ты испачкался.

Онъ грустно улыбнулся и, уклонившись отъ прямого отвѣта, скороговоркой шепнулъ:

— Мэри, не отдавайся первому впечатлѣнію... Обдумай хорошенько прежде, чѣмъ рѣшать. Отъ одного момента зависитъ теперь вся твоя будущность.

Я поняла брата.

— Я все обдумала, взвѣсила и рѣшила, Ефимъ—шепнула я брату въ отвѣтъ и подошла къ отцу и Н. Тамъ я узнала

отъ отца, что Ефимъ, возмущенный однимъ изъ уличныхъ насилій какого-то изверга надъ беззащитнымъ старикомъ евреемъ, принялъ сторону слабаго и за это получилъ нѣсколько жестокихъ ударовъ дубинкою, одинъ изъ которыхъ пришелся по щекѣ. Невольно перенесла я свои, полные слезъ, глаза съ брата на... на избранника моего сердца. Первый былъ всклокоченъ, растрепанъ, сюртукъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ измятъ, изорванъ, воротничекъ рубахи былъ запыленъ, грязенъ и скомканъ отъ поту; послѣдній же былъ, словно съ парада, точно только что сорвался съ вывѣски моднаго портного-артиста. Лицо его, казавшееся мнѣ всегда умнымъ, интеллигентнымъ, показалось мнѣ въ эту минуту пошлымъ, сытымъ, даже самонадѣянно-глупо-наглымъ. Я отвернулась и потупила глаза.

— Мэри, вы все еще встревожены, началъ нѣжнымъ голосомъ Н. и приблизился ко мнѣ.—Соберитесь съ силами. Это уже дѣтское сантиментальничанье.

Я отшатнулась отъ этого бездушнаго человѣка, и, кинувшись къ отцу, обвила его шею лѣвою рукою.

— Не безпокойтесь за меня, Александръ Аполлоновичъ, я не встревожена и никого не боюсь. Моя защита вотъ и вотъ,— указала я поочередно на папу и брата.

— Это косвенное оскорбленіе, Мэри?—покачалъ Н. головою, кисло улыбаясь. А меня вы не считаете вашимъ защитникомъ?

— Я считаю только родныхъ, а вы—чужой!

— Я—чужой!?

— Мэри? изумленно спросилъ отецъ.

— Мэри! призвалъ меня къ разсудку Ефимъ.

— Я васъ прощаю—спокойно сказалъ Н. Вы взволнованы. Не мудрено. Подобная анархія... подобное попраніе священнѣйшихъ правъ человѣка... въ цивилизованной странѣ, въ наше время... Неслыхано, неслыхано...

— Будто это ужъ такъ трогаетъ васъ? Полно! Зачѣмъ придавать значеніе сущей мелочи? Ничего, вѣдь, такого... какіе-нибудь жиды!...

Я ядовито засмѣялась.

— Отъ васъ ли я это слышу! возмутился для вида Н.— Развѣ евреи не такіе же люди, какъ мы съ вами?

— На сколько они *люди*, я судить не берусь, но насколько вы, *христіане*, смотрите на нихъ, какъ на ближнихъ, въ этомъ я сегодня достаточно убѣдилась.

Отецъ глубоко вздохнулъ и молча отвернулся. Братъ вспылилъ.

— И я убѣдился, Александръ Аполлоновичъ, на всю жизнь убѣдился! Вотъ тебѣ и величайшій догматъ въ области высочайшей нравственности!... ха, ха, ха!

— «Люби своего ближняго, яко самого себя»—докончила я за брата. Но мнѣ было уже не до смѣха.

Н. опустилъ глаза и, по своей манерѣ, принялся разсуждать.

— Чтобы понять всю дичь этого грустнаго въ наши дни явленія, пришлось бы развить теперь цѣлую теорію стаднаго чувства публики вообще и грубой черни въ особенности. Къ этому, чисто животному инстинкту, по моему мнѣнію, примѣшиваются еще инстинктъ подражанія, и ограниченность кругозора, и звѣрская жадность, и ребяческая, хотя, нелишенная добродушія, жестокость... Но время ли теперь ударяться въ философію?

— Философія изъ-подъ палки! иронически замѣтилъ отецъ.

— Умствованіе подъ перекладиной висѣлицы, съ петлей на шеѣ, добавилъ Ефимъ.

— Нѣтъ, вмѣшалась я, говорите, говорите, Александръ Аполлоновичъ. Вы такъ гладко, такъ умно говорите. Просто любо слушать.

Н. понялъ мой тонъ, но прикинулся наивнымъ.

— Merci, милая Мэри. Но не время теперь разсуждать. Прежде всего нужно позаботиться о *нашей* собственной семьѣ... Толпа слѣпа, какъ летучая мышь...

— А наша толпа, въ добавокъ пьяна, какъ стелька, добавилъ братъ.

— Ну, вотъ видите ли! Слѣдовательно... одинъ намекъ какого нибудь пьянаго мерзавца... На что неспособны эти подлецы!

— Вы думаете, что толпа можетъ напасть и на насъ? спросила я.

— Богъ съ вами! Что вы?

— Ничего тутъ удивительнаго. Развѣ мы не жиды развѣ папа не жидъ, развѣ Ефимъ не жидъ, развѣ я не жидовка?

— Успокойтесь, Мэри. Что вы! Ваша семья — счастливое исключеніе. Тутъ, видите ли, расовые признаки много значатъ... Притомъ, завтра... для вашей семьи всѣ традиціонные предразсудки исчезнутъ на-всегда.

— Нѣтъ не увлекайтесь, Александръ Аполлоновичъ, не исчезнутъ они, эти пороки, эти тяжкіе, неизгладимые пороки происхожденія! запальчиво вскрикнулъ братъ.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ Н. удивленно.

— Я не *думаю*, а я *увѣренъ*, потому что я рѣшился, безповоротно рѣшился остаться *порочнымъ* навсегда, гордо произнесъ братъ и торопливо вышелъ въ залу.

— Пылокъ больно Ефимъ Осиповичъ—улыбнулся Н.

Отецъ въ продолженіи всей этой сцены ни разу не поднялъ глазъ на Н. и упорно молчалъ. Щеки папы пылали, а лицо выражало не то скорбь, не то глубокій протестъ. Физіономія его носила признаки глубочайшей симпатіи къ своему страдающему племени. Въ эту минуту я сообразила, сколько родительской любви должно было быть въ сердцѣ этого человѣка, сли онъ рѣшился отречься отъ самого себя для счастія дѣтей!

Стыдно сознаться, но я должна теперь покаяться. Въ самую рѣшительную минуту всей моей жизни я поколебалась, я была слаба... я взглянула на Н. Онъ показался мнѣ грустнымъ. Мнѣ стало жаль его, жаль себя, жаль моей юности, моего счастія, моей будущности. Я чуть не протянула руку тому, котораго за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ считала чуть ли не моимъ личнымъ врагомъ. Но... будто завѣса вдругъ вздернулась предъ моими глазами: мнѣ живо представилась базарная площадь въ томъ ужасающемъ видѣ, въ какомъ я видѣла ее въ роковое это утро; я увидѣла карету, ту *извѣстную*, шикарную карету, увидѣла *ее*, прелестную, расфранченную, свѣтлоулыбающуюся при такихъ, душу раздирающихъ, гнусныхъ сценахъ, а возлѣ нея... Довольно... Я рѣшилась. Было ли это чувство ревности? Клянусь, нѣтъ. Я такъ любила, обожала *его*, что съ радостью простила бы ему явную даже

измѣну, а онъ... да въ чемъ онъ собственно провинился? Не въ томъ ли, что былъ милъ и изысканъ съ дамой? Да вѣдь это элементарная обязанность всякаго порядочнаго человѣка, маломальски воспитаннаго въ правилахъ житейскихъ приличій? Нѣтъ, не меня онъ оскорбилъ, не личная тутъ обида! Нѣтъ! Онъ унизилъ свое собственное человѣческое достоинство, онъ оказался безсердечнымъ, бездушнымъ, онъ нанесъ кровную обиду цѣлому племени изстрадавшихся людей; онъ, наконецъ, играя, разбилъ мой высокій идеалъ человѣка и христіанина, и я — презирала его.

Пока разнорѣчивыя мысли разрывали на клочки мою душу, Н. перевѣсился черезъ перила балкона, окидывая безпокойнымъ взоромъ ближайшія окрестности нашего дома.

— Гдѣ же они? удивился онъ.—Неужели ушли безъ спроса?

— Кто? спросилъ отецъ.

— Я привелъ сюда нѣсколькихъ солдатъ. Мнѣ лично далъ ихъ воинскій начальникъ. Я велѣлъ имъ на всякій случай спрятаться во дворѣ за воротами и время-отъ-времени посматривать на улицу въ обѣ стороны.

— Для чего же это? позвольте васъ спросить—спросила я, насупившись.

— А вы въ самомъ дѣлѣ сочли меня чужимъ вашей семьѣ? упрекнулъ меня Н.

— Ахъ, такъ это вы насъ охранять хотите?

— Странный вопросъ. Еще бы!

— Напрасный трудъ, Александръ Аполлоновичъ! Merci!

— Почему напрасный трудъ? удивился онъ.

— А многихъ ли вы, Александръ Аполлоновичъ, изволили охранить и спасти въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ отъ грабежей и разбоевъ?

— Для города имѣется свое начальство, своя полиція, свои воинскіе чины. Я не въ правѣ распоряжаться.

— Однако-жъ, у васъ хватило вліянія на столько, чтобы охранять насъ. Чѣмъ же мы лучше другихъ жидовъ? Во всякомъ случаѣ, даже ограбленные, мы будемъ счастливѣе тѣхъ бѣдныхъ семействъ, раззоренныхъ, обездоленныхъ, оскорбленныхъ, избитыхъ, какія теперь съ отчаянія не знаютъ, гдѣ

пріютить, чѣмъ накормить своихъ голодныхъ дѣтей. Чѣмъ мы лучше? Чѣмъ?

— Отвѣчу вамъ просто, Марія Осиповна — сердито отвѣтилъ Н., какъ то странно посмотрѣвъ на меня искоса—очень просто,—потому, что я не городовой, не солдатъ, не жандармъ, не стражъ... еврейскій...

— Лучше скажите «жидовскій»...

— Мэри! хотѣлъ остановить меня отецъ.

— Если вамъ угодно — *жидовскій*, продолжалъ Н. Съ какихъ это поръ у васъ, m-lle Marie, зашевелилось узкое чувство національности? Кажется, вы сами не особенно жаловали своихъ...

Въ эту минуту изъ боковой улицы хлынула пестрая, густая толпа оборванцевъ. Впереди въ припрыжку бѣжали мальчики и подростки, за ними слѣдовали два — три подозрительныхъ субъекта съ пылающими пьяными рожами, съ шапками на бекрень, съ дубинками на плечахъ и съ крупнымъ щебнемъ въ рукахъ. Вся эта стая издавала рѣзкій свистъ подъ акомпаниментъ дикаго гиканья. Тамъ и сямъ виднѣлись среди толпы единичныя шляпы и цилиндры. Орда съ какою то торжественностью и карнавальною рѣзвостью бѣжала по улицѣ такъ стремительно, что минуты черезъ двѣ-три должна была поравняться съ нашимъ домомъ.

— Мэри, дитя мое, вскрикнулъ, схвативъ меня за плечи, поблѣднѣвшій отецъ. Иди въ комнату скорѣе.

— Зачѣмъ, папа? Александръ Аполлоновичъ защититъ насъ. Неправда ли? Вѣдь, онъ у насъ рыцарь и *христіанинъ*, какихъ рѣдко, а я... Положимъ, я пока еще жидовка, но ..

Н. ничего не отвѣтилъ. Онъ вторично перевѣсился черезъ балконъ и во все горло позвалъ стражу. На его зовъ нѣсколько солдатъ выскочили изъ-за воротъ и шеренгой встали на панели тротуара, какъ разъ подъ самимъ балкономъ. Не знаю, почему, но во мнѣ заклокотала какая-то незнакомая злоба. Я подскочила къ самимъ периламъ балкона, буквально вырвавшись изъ рукъ отца Ефимъ быстро придвинулся ко мнѣ.

— Идите, Мэри, прочь отсюда — повелительно сказалъ Н.

Какой нибудь пьяный забулдыга можетъ угодить въ васъ камнемъ.

— Не ваше дѣло, сударь! гнѣвно отвѣчала я.—Пусть... Развѣ я не такая же жидовка, какъ та бѣдная дѣвушка, которой подставляли ноги разные забулдыги на базарной площади? Что-жъ, вы, благородный защитникъ слабыхъ, вступились за нее? Напротивъ, вы, кажется, еще глумились надъ несчастной, отпуская разныя остроты у дверецъ кареты хохотавшей генеральши К. Какое же вамъ, сударь, дѣло до меня?

Я залилась смѣхомъ, колючимъ смѣхомъ.

Но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. Онъ пожалъ только плечами.

— Какъ понять мнѣ вашу выходку? тонко улыбаясь, спросилъ онъ меня.

— Какъ хотите, только не какъ глупую вспышку пошлой ревности.

— Для этого вы слишномъ умны. Дайте прежде пробѣжать этому стаду скотовъ, потомъ мы объяснимся.

Но стадо, какъ назвалъ толпу Н., не пробѣжало, а, поровнявшись съ нашимъ балкономъ и завидѣвъ нашу группу, по *виду* людей, именуемыхъ благородными, какъ будто устыдилось и, охорашиваясь, замедлило свое шествіе. Нѣкоторые изъ толпы сняли даже предъ мнимыми панами свои шапки. Предводители, привыкшіе, вѣроятно, встрѣчать одобреніе отъ чиновниковъ и баръ, сочли долгомъ громко доложить намъ:

— На пархатыхъ жидовъ идемъ.

Я не выдержала.

— Если на жидовъ идете — крикнула я во всю мочь — то стойте, братцы. Тутъ-то именно жиды и живутъ. Мы всѣ здѣсь жиды, кромѣ вотъ этого барина, его высокоблагородія, указала я на Н.

Отецъ остолбенѣлъ и вслѣдъ затѣмъ обхватилъ меня, стараясь прикрыть собою. Ефимъ гордо поднялъ голову, глаза его пылали и онъ судорожно сжалъ балюстраду чугуннаго балкона обѣими руками. Н., ошеломленный моей безумной выходкой, принялся усовѣщивать буяновъ, въ какихъ именно выраженіяхъ, уже не помню. Помню только, что послѣ моихъ

словъ толпа вдругъ остановилась, изгибаясь и клубясь, какъ гигантскій удавъ, развертывающій свои кольца, приготовляясь проглотить свою жертву... Но, къ счастію нашему, благодаря ли психическому закону, въ силу котораго человѣкъ не бьетъ кинжаломъ въ грудь человѣка, обнажающаго ее сознательно съ восклицаніемъ: «бей», или потому, что толпѣ импонировали стражи, стоявшіе подъ балкономъ, или, наконецъ, потому, что въ эту минуту показалась военная команда на концѣ нашей улицы; — потому ли, по другому ли, но толпа, заливаясь хохотомъ и возобновивъ свистъ и гиканье, побѣжала дальше. Вскорѣ, вслѣдъ за толпою маршировала по улицѣ нетороплившымъ шагомъ, въ ногу, строго по-солдатски и военная команда, предводительствуемая юнымъ офицеромъ съ саблею на-голо.

— Это, Мэри, охранный аріергардъ вонъ тѣхъ... указалъ Ефимъ на бѣжавшую далеко впереди стаю хищниковъ.—Это не охрана для жидовъ, а почетный эскортъ той дикой силы.

Н. пронзительно глянулъ на брата.

— Отошлите, Александръ Аполлоновичъ, свою стражу! обратился въ первый разъ отецъ къ Н.

Онъ сердито отдалъ приказаніе, и солдаты, приведенные имъ, ушли.

— Ну-съ! сказалъ Н. гнѣвно.—Теперь зайдемте въ комнату, любезный докторъ. Пора намъ объясниться.

— Я васъ, Александръ Аполлоновичъ, ни въ чемъ не обвиняю. Слѣдовательно, намъ и объясняться не о чемъ.

-- Вы слышали, что Мэр... Марія Осиповна мнѣ говорила, какъ упрекала?

— Не впутывайте, милостивый государь, отца. Объясниться должны мы, т. е., я да вы.

— Согласенъ. Такъ пойдемте же.

— Мнѣ некуда идти. Мы и тутъ можемъ покончить дѣло.

— Ха-ха. Военный судъ?

— Почище: судъ жидовскій!

— Во всякомъ случаѣ, строгій. Ну-съ, я слушаю.

— Слушайте же! Я полюбила васъ, Александръ Аполлоновичъ, искренно, глубоко, безкорыстно... Вы это знаете. Эта

любовь моя первая, а можетъ быть, и послѣдняя; безкорыстнѣйшая въ жизни любовь останется неизгладимою въ моемъ сердцѣ...

— Вы говорите все о прошломъ. Ну, а теперь вы разлюбили меня, что ли?

— Не перебивайте меня, Александръ Аполлоновичъ... Я пережила самое счастливое, самое блаженное время всей моей жизни, по крайней мѣрѣ, прошлой. Вы въ моихъ глазахъ были чуть ли не героемъ, полубогомъ, во всякомъ случаѣ, человѣкомъ, далеко необыкновеннымъ. Вы ослѣпили меня... но теперь...

— Продолжайте.

— Но нынѣшній день сорвалъ повязку съ моихъ глазъ; въ одинъ день я убѣдилась, что вы... извините, Александръ Аполлоновичъ, за мою чистосердечность... я убѣдилась, что вы человѣкъ обыкновенный, заурядный: у васъ нѣтъ ни справедливости, ни сердца, ни великодушія, ни человѣчности, ни христіанской любви къ ближнему, ни даже простой справедливости.

— О!!

— Да. Всего этого у васъ нѣтъ! Вы красиво проповѣдуете противъ предразсудковъ, проповѣдуете равенство національностей, космополитизмъ чистѣйшей идеи христіанскаго высокаго ученія. Но вы, Александръ Аполлоновичъ, не проникуты сами тѣми возвышенными словами, которыми вы меня очаровали, словомъ, вы совсѣмъ не тотъ, который плѣнилъ мое сердце. Это то, что лично до васъ касается. Что же касается перехода моего въ другое вѣроисповѣданіе, то должна вамъ сказать, что я намѣревалась оставить свое племя не ради васъ, не ради вашей любви только; я съ самаго дѣтства срослась душою съ христіанскимъ обществомъ, всѣ мои симпатіи влекли меня къ моимъ сверстницамъ христіанкамъ, къ моимъ подругамъ. Съ еврейскою молодежью я ничего общаго не имѣла и имѣть не желала. Я знала, что еврейское общество ненавидитъ нашу вольнодумную семью. Не встрѣться я съ вами, не полюби я васъ, я все-таки раньше или позже перешла бы въ христіанство, потому что предъ великой идеей любви къ ближнему я всегда

благоговѣла; но тѣ, въ томъ числѣ и вы, къ которымъ я желала прилѣпиться всѣми силами своей души, доказали мнѣ сегодня, что... какъ бы это выразить?.. что для того, чтобы ужиться съ вами, надобно быть не простымъ смертнымъ, а именно, божественнымъ спасителемъ; надобно соэнательно принести себя въ жертву... Къ этому, Александръ Аполлоновичъ, я не способна: я слишкомъ мелкая обыденная натура. Далѣе, я увидѣла себи среди двухъ животныхъ... Еврейство пользуется у васъ репутаціей трусливой лисы-воровки, вы же, христіане, за эти сутки представились мнѣ смѣлымъ волкомъ. . Воля ваша. Скорѣе дамъ я себя обокрасть, обмануть, чѣмъ полечу въ кровожадную пасть хищнаго звѣря... Нѣтъ, Александръ Аполлоновичъ, наши дороги расходятся: Я... жидовка Маріамъ, пусть же останусь я ею на-всегда! Презирайте меня, но оставьте прозябать наравнѣ съ прочими моими соплеменниками.

— Мэри! Но вѣдь я васъ люблю, грустно и нѣжно произнесъ Н.

— Александръ Аполлоновичъ! Но, вѣдь... Господи и я заломала руки—но вѣдь я не чувствую теперь къ вамъ ничего... Я остаюсь, говорю вамъ, остаюсь навсегда жидовкой. Я полюбила, сегодня полюбила я свое несчастное племя! Я... Нѣтъ, не хочу я больше говорить! Прощайте. Желаю вамъ счастья.

Съ этими словами я зарыдала и опрометью бросилась въ залу. Какая-то невыразимая сила пронесла меня чрезъ гостинную, столовую—въ мою комнату. Мнѣ почудилась за мною какая-то погоня. Я лихорадочно повернула ключъ въ дверяхъ, уткнула голову въ подушки и не откликалась на всѣ настоятельные призывы отца и брата...

Что было дальше, я не знаю и знать не захотѣла. Въ продолженіи двухъ дней я не оставляла своей комнаты и не впускала къ себѣ никого, кромѣ служанки. Я вышла въ столовую не раньше, какъ папа честнымъ словомъ завѣрилъ меня, что наканунѣ Н. уѣхалъ совсѣмъ изъ города.

Вотъ какимъ образомъ осталась наша семья еврейскою и на этотъ разъ, надѣюсь, останется она еврейскою навсегда.

Послѣ того, что случилось, здѣсь оставаться далѣе невоз-

можно. Страданія и бѣдствія тысячи обнищалыхъ семействъ отравляютъ каждую минуту, отравляютъ собственную жизнь. Наша ничтожная помощь, всѣ труды и хлопоты отца и брата— капля въ морѣ. Расправа съ евреями разбудила злобу христіанскаго народонаселенія и разожгла хищный аппетитъ черни. Жизнь сдѣлалась тутъ не подъ-силу. Къ тому же мы окончательно перестали бывать въ обществѣ, загрустили, заскучали. Мы рѣшились, во что бы то ни стало, выселиться куда нибудь въ мирный, тихій уголокъ. Мы построили планы будущей нашей жизни... Отецъ ликвидируетъ дѣла, продаетъ домъ и все наше имущество.

Мы съ братомъ цѣлые дни проводимъ съ еврейскою молодежью. Къ намъ охотно пристаютъ. Мы затѣваемъ колонизацію тамъ, гдѣ судьба намъ укажетъ.

Господи! Какъ легко на душѣ, какъ весело страдать вмѣстѣ!

Г. Богровъ.

О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМЪ ВЪ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГІИ.

Статья третья и последняя.

ХАРАКТЕРЪ И УСЛОВІЯ РЕФОРМЪ ВЪ ІУДАИЗМѢ.

(Окончаніе).

IV.

Резюмируя все вышеизложенное, мы получаемъ слѣдующіе выводы, которыми, на основаніи всей исторіи нашей религіи, мы должны руководствоваться при производствѣ у насъ религіозныхъ реформъ:

1) Законы Моисеевы, какъ Богомъ изданные, не подлежатъ отмѣнѣ, ибо никакой соборъ не можетъ ни самъ, ни со стороны другихъ считаться на столько компетентнымъ, чтобы уничтожать законы, установленные самимъ Богомъ.

2) Реформы въ области Моисеевыхъ законовъ могутъ быть произведены лишь посредствомъ введенія, на вполнѣ легальномъ основаніи, новыхъ условій, не предусмотрѣнныхъ закономъ (какъ напр. «просбулъ»), или на основаніи извѣстнаго толкованія закона, при чемъ самъ законъ, внѣ предѣловъ этого толкованія или безъ способа къ обходу его, остается въ полной силѣ.

3) Законы, установленные соборомъ, къ каковымъ принадлежитъ значительная часть талмудическихъ постановленій, по смыслу адаіотской мишны и какъ видно изъ цѣлаго ряда отмѣнъ талмудистами существовавшихъ прежде законовъ —

могутъ быть отмѣнены *всякими* позднѣйшими соборами; по недоказанному же мнѣнію нѣкоторыхъ амораимовъ, отмѣняющій соборъ долженъ превосходить соборъ, установившій данный законъ, и ученостью и численностью,—условіе, которое на взглядъ рутины совершенно невозможно, а по здравому смыслу—очень возможно.

4) Законы, даже установленные соборомъ, но утратившіе въ теченіе времени свою причину и основаніе, по мнѣнію даже амораимовъ, могутъ быть отмѣняемы какимъ угодно соборомъ.

5) Законы, установленные не соборомъ, а частными авторитетными лицами или обычаемъ, каковы почти * всѣ послѣталмудическія постановленія и обычаи, могутъ быть отмѣнены даже безъ собора, по крайней мѣрѣ, безъ такого который превосходитъ число изобрѣтателей этого закона или обычая.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ ясенъ. Мы можемъ напримѣръ, признать нѣкоторые роды дѣятельности не входящими въ кругъ *работы*, вообще запрещенной въ субботній день (Исходъ XX, 10); мы можемъ, на основаніи этимологическихъ соображеній, истолковать стихъ, запрещающій зажигать огонь въ субботу, въ томъ смыслѣ, что запрещается только добываніе огня изъ источника (камней и т. п.), а не перенесеніе его изъ одного предмета на другой, — но мы не можемъ окончательно отмѣнить субботу, или, что то же самое, перенести ее на воскресенье, что равно, напр., празднованію Пасхи въ Іомъ-Кипуръ и пощенью въ Пасху, т. е. поступку равносильному отмѣнѣ Пасхи и Іомъ-Кипура вмѣстѣ — такъ какъ законъ говоритъ о *седьмомъ* днѣ недѣли **, а не о первомъ днѣ ея, о воскресеньи. Законъ, указывая на извѣстное порядковое число, не можетъ, конечно, предоставить каждому начинать порядокъ

---

* Послѣ талмуда соборы, какъ напр. при р. Гершонѣ, запретившемъ многоженство, были весьма рѣдки.

** Этотъ аргументъ автора слабъ для отраженія попытки желающихъ перенесенія субботы на воскресенье, такъ какъ въ Библіи нигдѣ не говорится «седьмой день *недѣли*», а *седьмой день*—par excellence. Но этотъ пунктъ основательнѣе разобранъ въ статьѣ «Попытки Реформъ», Восходъ за 1882 г., кн. 7—8, стр. 10—11. *Ред.*

по своему капризу, а разумѣетъ тотъ порядокъ, который принятъ всѣмъ обществомъ или даже міромъ. Говоря о седьмомъ днѣ, законъ поэтому имѣетъ въ виду тотъ *всемірный* порядокъ, по которому недѣля начинается съ воскресенья, и если напр. нѣмецкимъ реформаторамъ и «Новому Израилю», по невѣдомымъ имъ самимъ капризамъ, вздумается, вопреки до сихъ поръ всѣми принятому обычаю, начать недѣлю съ понедѣльника, а другимъ шутникамъ, можетъ быть, захочется начать ее съ пятницы, то они или сумасброды, или малодушные ханжи, невѣрующіе въ тору и прикидывающіеся вѣрующими. Также мы можемъ, напр., освобождать женщину отъ обряда «халицы», когда деверь ея находится въ безизвѣстной отлучкѣ и даже въ далекой отъ мѣстожительства умершаго брата странѣ, на основаніи смысла стиха «если братья живутъ *вмѣстѣ*» (Второзаконіе XXV, 5); мы можемъ освобождать ее отъ этого обряда, когда исполненіе его вообще весьма затруднительно,—(вслѣдствіе чего несчастная женщина обречена на всевозможныя лишенія и страданія, что у насъ, къ крайнему прискорбію, не рѣдко случается) — на томъ основаніи, что при бракѣ съ покойнымъ мужемъ она ничуть не была согласна на тотъ случай, если онъ умретъ безъ дѣтей, и ей придется столько страдать (Баба Кама 110 в.);—но мы не можемъ отмѣнить самаго закона о «халицѣ» *. Мы можемъ внести въ обрядъ обрученія такую формулу, которая въ случаѣ безвѣстной отлучки мужа сдѣлала-бы, на основаніи закона (Іебамотъ 110а, Кетуботъ 3а), самъ бракъ недѣйствительнымъ, подобно тому какъ поступали итальянскіе раввины (см. книгу Pachad Jzchak sub voce תנאי).

Что касается установленій талмуда, то нѣтъ сомнѣнія, что есть между ними такія, которыя еще и нынѣ сохраняютъ свое значеніе и свой здравый смыслъ, какъ въ нравственномъ, такъ въ религіозномъ и національномъ отношеніи, а иныя изъ нихъ принесли евреямъ и еврейству громадную пользу. Такъ напр., разнообразныя молитвы, установленныя для разныхъ буднихъ

* Авторъ забываетъ, что «халица» не установлена Моисеемъ какъ самостоятельный обрядъ, а въ замѣну левиратнаго брака, который, при запрещеніи многоженства существовать не можетъ. Слѣдовательно упраздненіемъ «халицы», мы нисколько не нарушаемъ Моисеева устава. *Ред.*

и праздничныхъ дней, которыя по разнообразію и объему не могли быть изучены наизусть, заставляли всѣхъ евреевъ быть грамотными; поддерживаемое государственными законами запрещеніе смѣшанныхъ браковъ, основанное впрочемъ на смыслѣ закона (Второзаконіе VII, 4 и см. Киддушинъ 68 в), * сохранило еврейство отъ національной смерти.

Ясно, что реформы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ евреевъ, отмѣняющія почти всю обрядовую сторону еврейской религіи, за исключеніемъ вовсе не установленныхъ Моисеемъ молитвъ, противорѣчатъ всей исторіи и характеру еврейской религіи, въ которой обрядовая сторона есть далеко не второстепенная часть *національнаго кодекса*, modi vivendi еврейскаго народа (см. «Восходъ» 1882, книги 1—2, стр. 178), въ которой многіе законы закрѣплены печатью ברית עולם (*вѣчный* союзъ), חקת עולם (*вѣчный* законъ), какъ напр. обрѣзаніе (Бытіе XVII, 13), суббота (Исходъ, XXXI, 16), запрещеніе ѣсть тукъ и кровь (Левитъ, III.

* Авторъ книги «Евреи реформаторы» утверждаетъ, что смѣшанные браки между евреями и другими народами, кромѣ семи ханаанскихъ, не запрещены ни Моисеемъ, ни талмудомъ (стр. 101). Но талмудъ разрѣшаетъ бракъ только съ *прозелитками* (Іебамотъ, 76 а), и это не есть капризъ талмуда, отъ котораго «Новый Израиль» отрѣшается. Это доказывается убіеніемъ Пинхасомъ Зимри, за что первый получилъ привѣтъ отъ Бога (Числа XXV, 6—13 и см. также ibid XXXI, 14—17). Говоря о моабитскихъ дочеряхъ (стр. 97), авторъ недобросовѣстно игнорируетъ также сдѣланный Соломону упрекъ за браки съ дочерью Фараона, моабитянками и амонитянками (Цари I, XI, 1, 2), тогда какъ бракъ Воаза съ моабитской *прозелиткою* считается благороднымъ поступкомъ (Руѳь IV). Слѣдуетъ замѣтить, что при изгнаніи Ездрою и Нееміею изъ срѣды евреевъ иноплеменныхъ женъ, между которыми были амонитянки, моабитянки, египтянки (Ездра, IX, 1) и даже филистимлянки (Неемія XIII, 23), о принятіи послѣдними еврейства и рѣчи нѣтъ. Въ странахъ, гдѣ дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ принадлежатъ господствующей религіи, о такихъ бракахъ у евреевъ не можетъ быть и рѣчи. Никакая религія, а слѣдовательно, также и еврейская, не можетъ допустить, чтобы дѣти ея послѣдователей были отрываемы отъ нея. Нужды нѣтъ, что въ Европѣ нѣтъ идолопоклонниковъ; православная церковь и евреевъ и мусульманъ не считаетъ идолопоклонниками, а между тѣмъ дѣти отъ смѣшанныхъ сожительствъ съ ними не принадлежатъ религіи отцовъ. Что касается увѣренія автора, что отъ единичныхъ случаевъ смѣшанныхъ браковъ еврейство не выродится, то оно напоминаетъ извѣстный софизмъ: если изъ головы вырвать одинъ волосъ, то человѣкъ не станетъ лысымъ, если вырвать еще одинъ волосъ, то онъ еще не станетъ лысымъ и т. д.

17) и т. д. Вотъ почему эти, противныя характеру еврейской религіи, реформы не могли имѣть успѣха. Попытки уничтожить обрядовую сторону еврейской религіи были и въ Александріи во время Филона, и въ Палестинѣ во время апостола Павла, и въ Испаніи въ началѣ XIV вѣка, онѣ были дѣлаемы и каббалистами разныхъ оттѣнковъ, но никогда не увѣнчивались успѣхомъ у евреевъ. И если александрійскіе и испанскіе философы пускали въ ходъ аллегорическія, каббалисты—мистическія толкованія Моисеевыхъ законовъ, а нѣмецкіе реформаторы тѣшатся какой-то фантастической миссіей еврейскаго народа, то сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Аллегорическое или мистическое толкованіе народнаго кодекса также безсмысленно, какъ признаваніе его отжившимъ на основаніи какой-то, будто уже исполненной, миссіи, которая Богу совсѣмъ не нужна, а человѣчеству пока очень мало существенной пользы принесла, ибо теперешніе арійцы, принявшіе цивилизацію отъ своихъ родственныхъ учителей, римлянъ, остались при римской цивилизаціи, т. е. военщинѣ и искусствѣ, иначе говоря хищничествѣ и внѣшнемъ лоскѣ, идущемъ рука объ руку съ роскошью, утонченностью манеръ, подъ которыми скрываются коварство и ненависть и т. д.; а ветхо-завѣтная цивилизація, состоящая во внутреннемъ самоусовершенствованіи и чистотѣ нравовъ (Левитъ XIX, 2), въ признаніи права собственности и неприкосновенности границъ въ отношеніе къ территоріямъ другихъ народовъ (Второзаконіе II, 5, 9, 19 и XXXII, 8), и вообще въ отвращеніи къ войнамъ (Исаія II, 3), осталась для нихъ мертвою буквою. Что касается наукъ, то онѣ существовали и у египтянъ, и у вавилонянъ, и даже процвѣтали у древнихъ грековъ. Въ настоящее же время ихъ успѣхи находятся въ обратной пропорціи съ успѣхами нашей миссіи въ Европѣ. Да вообще эти миссіи вещь очень мудреная. Вѣдь съ философской точки зрѣнія всѣ націи должны быть равны; почему же евреи, греки, римляне и пр. попали въ милость у Провидѣнія, назначившаго имъ миссіи, а бѣдные амонитяне, моабитяне, аллоброги, румыны (если миссія послѣднихъ не состоитъ въ распространеніи антисемитизма въ новѣйшее время) и пр. были такъ обижены, на этотъ счетъ?

А почему не сказать наоборотъ, что миссія ни для кого не назначена, но нѣкоторые мистики, увидѣвъ, что одни народы, благодаря климатическимъ и инымъ условіямъ, успѣли кое-что сдѣлать въ своей жизни и стать предметомъ подражанія для другихъ народовъ, а иные народы, опять таки по неизмѣннымъ законамъ жизни, ничего не могли сдѣлать,—эти мистики, говорю, приняли слѣдствіе за причину и выдумали миссіи? Въ сущности же нѣтъ никакихъ миссій, нѣтъ, слѣдовательно, основанія признать еврейскій кодексъ достигшимъ уже своей цѣли * и поэтому лишеннымъ права на дальнѣйшее существованіе, и нѣтъ почвы для реформъ нѣмецкихъ евреевъ.

О безжизненномъ «духовно-библейскомъ братствѣ» и возникшемъ въ разстроенномъ воображеніи нѣкоего сумасброда и подхваченномъ еле совершеннолѣтнимъ юношей «Новомъ Израилѣ», и говорить нечего. Какъ основатель «братства», такъ и выдумавшіе «Новый Израиль», никоимъ образомъ не могутъ и не должны быть названы реформаторами, ибо они проповѣдуютъ не реформу, а окончательное игнорированіе обрядовой части еврейской религіи. А такъ какъ принципы нравственности въ настоящее время стоятъ гораздо выше, чѣмъ они стояли и могли стоять во время Моисея, да и еще въ томъ размѣрѣ, въ которомъ они могли быть изложены только что вышедшему изъ рабства народу, то даже въ высшихъ заповѣдяхъ нашихъ новыхъ пророковъ, пожалуй, окажется болѣе соціальныхъ, чѣмъ религіозныхъ элементовъ, и такимъ образомъ эти секты ни съ библіею, ни съ Израилемъ ничего общаго не имѣютъ. У нихъ цѣль весьма не сложная, — та самая, что и у нашего англійскаго реформатора, Клода Монтефіоре, черпающаго всю свою богословскую мудрость изъ проповѣдей д-ра Адлера. Эта цѣль—ассимиляція, которой смѣлый англійскій реформаторъ не скрываетъ, а наши мелкіе пророки боятся высказать. Они хорошо знаютъ, что между прочимъ обрядовая сторона еврейской религіи не даетъ еврейской массѣ *растворяться* между не-евреями и прекратить свое отдѣльное, національное суще-

* Нѣсколько парадоксально. Если народы не имѣютъ миссіи, то уставы ихъ не могутъ имѣть спеціальныхъ цѣлей. *Ред.*

ствованіе, и хотятъ устранить это, лежащее на ихъ пути, препятствіе. Вотъ почему всѣ наши доморощенные Аманы настоящаго времени, отъ всей души ненавидящіе евреевъ, не какъ послѣдователей извѣстной религіи, а какъ членовъ не-славянской расы, такъ сердечно привѣтствовали появленіе «Духовно-библейскаго братства» и «Новаго Израиля». Они, эти Аманы, видятъ въ нихъ залогъ уничтоженія еврейской національности и поглощенія ея окружающимъ народомъ.

Но и еврейская масса имѣетъ свое чутье; она, не зная всей ничтожности нашихъ Магометовъ, не зная, что самый образованный изъ этихъ отцовъ новыхъ религій есть недавно окончившій курсъ житомірскаго учительскаго института, почти несовершеннолѣтній При—ръ, и что самые ученые богословы изъ нихъ, основатель «братства» и авторъ книги «Евреи реформаторы», врядъ-ли въ состояніи прочитать, какъ слѣдуетъ, одинъ листъ изъ талмуда *,—не зная всего этого, она, наша масса,

* Авторъ книги «Евреи реформаторы», повидимому главный подпророкъ «Новаго Израиля» изумилъ иныхъ изъ русскихъ публицистовъ своей богословской ученостью. Но эта глубокая ученость его врядъ ли превышаетъ степень простой грамотности. Вотъ нѣсколько доказательствъ. Онъ говоритъ, что талмудъ вавилонскій состоитъ изъ 6-ти главныхъ отдѣловъ (стр. 44), и что первоначальное возникновеніе талмуда относится къ первому вѣку христіанства (стр. 54). Но это на столько вѣрно, на сколько вѣрно, напр., то, что Іоанну Грозному принадлежитъ изреченіе Елизаветы Петровны: «отъ враговъ Христовыхъ прибыли не желаю» (см. стр. 31, 150), или что Спиноза перешелъ въ лоно христіанства (стр. 19). Подъ названіемъ талмуда вавилонскаго, подразумѣвается только толкованіе вавилонскихъ учителей къ почти $^{2}/_{6}$ частей мишны, состоящей изъ 6-ти отдѣловъ, а талмудъ вообще, т. е. составленная въ Палестинѣ мишна вмѣстѣ съ толкованіями ея, какъ ученіе перушимовъ (фарисеевъ), ведетъ свое начало отъ времени не позже распаденія еврейства на фарисеевъ и садукеевъ и, слѣдовательно, гораздо раньше перваго вѣка христіанства. Въ этой выпискѣ изъ талмуда онъ принимаетъ слово «оламъ» (міръ) за собственное имя древней страны «Эламъ» (см. Бытіе XIV, 1), произнося его ошибочно «Оламъ» (стр. 52). Суть «просбула», по его объясненію, состоитъ въ томъ, что долгъ переходитъ въ общественную собственность (стр. 58), но это опять не вѣрно. Дѣло вотъ въ чемъ: долгъ, предъявленный суду для взысканія, считается какъ-бы уже взысканнымъ (Шевіитъ, гл. 10 мишна 6 и комментаріи). Древнееврейское слово «trephah» (у него «treifoh») онъ переводитъ: падаль (стр. 118); между тѣмъ даже школьнику изъ хедера извѣстно, что это слово значитъ: растерзанное; падаль же на древнеевр. языкѣ n'belah.

не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на эти «ученія». Она *инстинктивно* видитъ въ нихъ одинъ только смертоносный ядъ для своей національности.

V.

Но если бредъ съумасшедшихъ, ученіе невѣждъ и лишенныя всякой почвы и духа еврейской религіи реформы нашихъ нѣмецкихъ новаторовъ не имѣютъ, естественнымъ образомъ, никакихъ успѣховъ, то изъ этого ничуть не слѣдуетъ заключить,

---

Смѣшно также чтеніе авторомъ названій трактатовъ талмуда и главъ ихъ напр. «Хагиге» вмѣсто «Хагига», «Ксуботъ» вм. «Кетуботъ», «Бове Мціе» вм. «Баба Меціа», «Авойде Зоре» вм. «Абода Зара», «Эйнъ Дейршинъ» вм. «Энъ Доршинъ» и т. п.

Но нашъ авторъ не только малограмотенъ, но и мало честенъ. Желая во чтобы то ни стало выставить талмудъ, какъ ученіе, не признающее государственныхъ законовъ, и боясь возраженія извѣстнымъ принципомъ талмуда: «дина демалхута дина» (законъ государства обязателенъ), онъ противупоставляетъ этому принципу другіе законы и изрѣченія талмуда, какъ будто отвергающіе его. Для этой цѣли онъ указываетъ на встрѣчаемое «во *многихъ* мѣстахъ талмуда «нихсе акумъ гефкеръ» или имѣніе не-еврея считается никому не принадлежащимъ», т. е. говоря словами автора: «каждый воленъ присвоивать его (имѣніе) себѣ», приводитъ законъ о томъ, что обманъ въ цѣнѣ, въ торговлѣ, на сумму менѣе $^1/_6$ части стоимости покупки, не уничтожаетъ самой сдѣлки, и что торговая сдѣлка, совершенная между комерческими людьми, долженствующими знать цѣны покупаемыхъ ими товаровъ, не уничтожается, если даже обманъ въ цѣнѣ превышаетъ $^1/_6$ часть стоимости; и, наконецъ, что строго соблюдающему субботу, талмудъ обѣщаетъ «освобожденіе отъ государственныхъ законовъ» (стр. 56), или, какъ онъ переводитъ эту послѣднюю цитату въ другомъ мѣстѣ (стр. 92) «отъ государственныхъ повинностей». Но сколько здѣсь возмутительнаго невѣжества! Начать съ того, что постановленія: «нихсе акумъ гефкеръ» *нигдѣ* въ талмудѣ нѣтъ. Только въ *одномъ* (а не въ многихъ) мѣстѣ, именно въ «Баба Батра» (54 в), талмудъ говоритъ слѣдующее: «имѣніе не-еврея все равно, что пустыня; кто первый завладѣетъ имъ, тотъ и пріобрѣтаетъ его; и вотъ почему: не-еврей, какъ только получитъ деньги за свое имѣніе, уже лишился своего права собственности на него, еврей же не пріобрѣтаетъ этого имѣнія пока не получаетъ (отъ продавца не-еврея) купчей крѣпости; поэтому оно все равно, что пустыня, и кто первый завладѣетъ имъ, тотъ и пріобрѣтаетъ его». Здѣсь и безграмотный, но добросовѣстный, видитъ, что «пресловутое постановленіе»: имѣніе не-еврея все равно, что пустыня,—не есть аксіома, а частное рѣшеніе, имѣющее силу только въ извѣстный моментъ при извѣстномъ случаѣ, именно, когда *еврей*, купившій имѣніе у не-еврея и *заплатившій* продавцу, еще не получилъ у послѣд-

что и реформы *въ духѣ и характерѣ* еврейства будутъ отвергнуты нашимъ народомъ. Реформаторская дѣятельность, какъ читатель успѣлъ убѣдиться изъ всего вышеприведеннаго, не прекращалась въ теченіи многихъ столѣтій. почему же ей теперь не возобновиться? Евреи, правда, въ послѣдніе вѣка окаменѣли, но вѣдь теперь жизнь и у нихъ проснулась, а гдѣ жизнь, тамъ и движеніе. При томъ можно ли забывать различныя требованія времени? Реформы непремѣнно будутъ пользоваться авторитетомъ, если онѣ будутъ согласны съ духомъ и характеромъ еврейской религіи, и если при произведеніи ихъ будутъ соблюдены непремѣнно условія, указанныя въ началѣ предъидущей главы.

наго купчей крѣпости, причемъ этотъ нелѣпый для насъ теперь законъ писанъ не во вредъ не-еврею, получившему уже свои деньги за проданное имъ имѣніе, а во вредъ покупателю-еврею. Слѣдуетъ замѣтить, что самъ талмудъ здѣсь же приводитъ постановленіе „законъ государственный обязателенъ" и доказываетъ, что мѣстный (т. е. персидскій) законъ не противорѣчитъ нашему нелѣпому закону.

Законы о томъ, когда и какимъ образомъ торговая сдѣлка уничтожается или признается дѣйствительною въ случаѣ обмана въ цѣнѣ, если даже они не соотвѣтствовали тогдашнимъ мѣстнымъ законамъ, чего авторъ не доказалъ, то и въ такомъ случаѣ не противны принципу о государственномъ законѣ, ибо тогдашніе евреи пользовались судебною автономіею, а государственные законы были для нихъ обязательны только въ дѣлахъ фискальныхъ. Что касается «освобожденія отъ государственныхъ законовъ или повинностей за соблюденіе субботы», то это наглая ложь. Талмудъ, т. е. одинъ только р. Нахманъ баръ-Іицхакъ, обѣщаетъ за соблюденіе субботы «избавленіе» (Богомъ) отъ «шіабудъ (отъ abed, порабощать) малхіотъ» т. е. отъ *произвола* властей.

Также онъ искажаетъ изреченіе «свѣтъ *былъ* созданъ только *ради* Израиля» передавая его въ формѣ: вселенная и *всѣ народы созданы для* и ради евреевъ (стр. 60). Не менѣе безцеремонна его паралель между ученіемъ талмуда и взглядомъ христіанства на царство небесное для членовъ разныхъ національностей (стр. 61), когда талмудъ ясно говоритъ: честные люди изъ не-евреевъ имѣютъ удѣлъ въ мірѣ грядущемъ. (Сангедринъ 105, а).

Разсказъ автора о томъ, что гдѣ-то у одной матери умерло 9 дѣтей отъ обрѣзанія, возбуждаетъ сомнѣніе въ его истинности въ виду слѣдующаго. Законъ говоритъ, что если у матери умерло уже двое дѣтей отъ обрѣзанія, или даже у двухъ сестеръ отъ этого умерли по одному дитяти, то первый сынъ матери, или первый сынъ третьей сестры, не долженъ быть обрѣзанъ (Іебамотъ, 64 в). Шулханъ Арухъ Іоре Деа (§ 263) распространяетъ этотъ законъ и на дѣтей одного отца. Шулханъ Арухъ, правда, требуетъ, чтобы такія дѣти были обрѣзаны при достиженіи ими болѣе зрѣлаго возраста и окрѣпленія, но Responsa „Нода Би-

Теперь мнѣ слѣдовало бы указать на размѣръ долженствующихъ быть произведенными у насъ реформъ, что, можетъ быть, потребовало бы еще нѣсколько статей, но я считаю это преждевременнымъ. Я могъ бы указать, напр., на необходимость отмѣны всѣхъ мелочей въ благословеніяхъ и уничтоженія всего того, что перешло къ намъ отъ древнихъ персовъ (см. Восходъ 1882 г., кн. 1—2, стр. 170—1731), отмѣны всѣхъ тѣхъ законовъ о субботѣ, которые имѣютъ своимъ основаніемъ такъ называемые «мукцэ» и «шебутъ» מוקצה. שבות; я указалъ бы и на необходимость строго опредѣлить, что̀ именно называется работою въ отношеніи къ субботѣ, и что—нѣтъ, на многіе долженствующіе быть отмѣненными законы и обычаи, касательно употребленія въ Пасху той или другой пищи, не запрещенной ни Моисеемъ, ни даже талмудомъ,—на необходимость пересмотра законовъ о рѣзкѣ скота, и согласованіи законовъ о «трефъ», вслѣдствіе болѣзни скота, съ добытыми наукою свѣдѣніями о способности къ выздоровленію того или другаго больного животнаго, на основаніи талмудическаго принципа: что трефъ считается то больное животное, которое не можетъ дожить до конца 12-ти мѣсяцевъ (Хулинъ 57 в);—на необходимость запрещать употребленіе въ пищу опасно больного заразительною болѣзнью животнаго (см. ibid. 37 а),—на необходимость найти способъ для избавленія несчастныхъ женщинъ отъ „халицы", когда послѣдняя почему-либо неисполнима, и отъ положенія «агуны», — наконецъ на необходимость отмѣны или переобразованія еще весьма и весьма многихъ законовъ. Но не говоря о томъ, что такія указанія со стороны единичной личности могутъ имѣть только теоретическій характеръ, ибо религіозныя реформы должны быть приспо-

---

іегуда" (томъ II, 165) не одобряетъ этого. Во всякомъ случаѣ, когда вторые два сына умерли отъ обрѣзанія въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, то, ужъ по смыслу закона, остальные дѣти окончательно свободны отъ обрѣзанія.

Считаю не лишнимъ прибавить, что цитируемаго въ письмѣ «братьевъ-библейцевъ» (стр. 72) мѣста изъ талмуда המהרהר על דברי חכמים (въ переводѣ тамъ «*анализирующій* слова мудрецовъ лишается удѣла въ мірѣ грядущемъ»), нигдѣ въ талмудѣ нѣтъ. Талмудъ говоритъ только המלעיג על דברי חכמים (Гитинъ 57 а), что̀ значитъ: „*издѣвающійся* надъ словами мудрецовъ подвергается наказанію на томъ свѣтѣ".

соблены къ жизни по крайней мѣрѣ евреевъ цѣлаго государства, гдѣ образъ жизни населеній различныхъ областей не вездѣ одинаковъ, почему въ этомъ дѣлѣ должно руководствоваться указаніями не одного лица, знающаго только свою мѣстность, а наблюденіями многихъ представителей различныхъ краевъ,— не говоря объ этомъ, указывать *теперь* на предѣлы тѣхъ или другихъ реформъ просто не имѣетъ никакого смысла. Это можно будетъ дѣлать только тогда, когда вопросъ о религіозныхъ реформахъ на столько выяснится, что мы уже будемъ наканунѣ съѣзда компетентныхъ богослововъ, для практическаго рѣшенія его. До этого же времени указывать на тѣ или другія религіозныя преобразованія — то-же самое, что продавать шкуру не пойманнаго еще медвѣдя. Мы въ настоящее время должны только научно и всесторонне разработывать этотъ вопросъ и сдѣлать желаемый нами съѣздъ богослововъ возможнымъ. Мы также должны теперь же убѣждать нашу массу въ лживости укоренившагося у евреевъ предразсудка будто, כל ישראל ערבים זה בזה (всѣ евреи отвѣтственны предъ Богомъ за грѣхи каждаго еврея въ отдѣльности), что́ неминуемо вредитъ единству евреевъ и причиняетъ иногда много горя отдѣльнымъ личностямъ. Фанатики и всѣ вѣрующіе въ этотъ предразсудокъ, должно быть, не знаютъ стиха св. Писанія, гласящаго: „Та душа, которая согрѣшаетъ, та и должна умереть; сынъ не долженъ терпѣть за нечестіе отца, и отецъ не долженъ терпѣть за нечестіе сына, справедливость праведника ему и вмѣняется и беззаконіе нечестиваго ему же и вмѣняется“ (Іезекіиль XVIII, 20). Также говоритъ и Іеремія: „каждый будетъ умирать за свое беззаконіе“ (Іеремія XXXI, 27). И если вышеупомянутый предразсудокъ встрѣчается въ талмудѣ (Сангедринъ 27 в), то вѣдь это только для того, чтобы разъяснить одинъ стихъ изъ Пятикнижія, взглядъ котораго на поруку одного за другаго, по словамъ самого талмуда, *отмѣненъ* былъ Іезекіилемъ въ вышеприведенномъ его стихѣ (Макотъ 24, а).

Теперь нѣсколько словъ по адресу противниковъ всякихъ религіозныхъ у насъ реформъ. Эти люди, (я говорю объ интеллигентныхъ), хотя не всѣ однихъ убѣжденій и воззрѣній на счетъ религіи, тѣмъ не менѣе сходятся въ томъ, что

о реформахъ и говорить не слѣдуетъ. Иные изъ нихъ считаютъ реформы просто безсмыслицею на томъ основаніи, что, по ихъ мнѣнію, нѣтъ того предѣла, гдѣ можно было бы остановиться; иначе говоря, нѣтъ ни одного камня во всемъ нашемъ религіозномъ зданіи, который ихъ разумъ призналъ бы годнымъ, и поэтому самое лучшее для нашей религіи, по ихъ мнѣнію, status quo. «Пусть, говорятъ, масса исполняетъ всѣ мелочи, формализмы, глупости и пр., и пусть интеллигентные люди игнорируютъ все, что касается религіи, какъ это бываетъ и теперь». Другіе указываютъ на то обстоятельство, что реформы требуются у насъ обыкновенно людьми изъ интеллигенціи, сами по себѣ не нуждающимися ни въ какихъ религіозныхъ реформахъ, такъ какъ они-то на дѣлѣ позволяютъ себѣ, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ требуютъ отъ другихъ; масса же и до сихъ поръ будто не заявляетъ никакого протеста противъ наложеннаго на нее Шулханъ-Арухомъ ига. Третьи, на основаніи Лютеровскихъ реформъ, утверждаютъ, что чисто-религіозныхъ реформъ, безъ политической подкладки, быть не можетъ, а такъ какъ реформы у евреевъ ничего общаго съ политикою имѣть не могутъ, то ни раввины, ни масса никогда не согласятся на какія-либо уступки въ дѣлахъ религіи.

Мнѣ кажется, что всѣ эти возраженія неосновательны. Представители перваго воззрѣнія, хотя, можетъ быть, деисты, но очевидно въ принципѣ отрицаютъ еврейскую религію. Но я спросилъ бы этихъ господъ вотъ что: чѣмъ вы, милостивые государи, считаете еврейство и кѣмъ считаете самихъ себя? Если вы считаете еврейство національностью и, слѣдовательно, себя—членами вашей націи, то согласитесь, что безтерриторіальная нація должна имѣть хоть свой національный уставъ, безъ чего она должна потерять свой послѣдній обликъ и подвергнуться растворенію. Признавая еврейство націею, вы должны желать, чтобъ еврейская масса была чѣмъ нибудь связана со своей интеллигенціею, чего безъ реформъ быть не можетъ, ибо, если даже допустить, что для интеллигенціи достаточно одного національнаго чувства, чтобы быть связанной съ массою, то вы хорошо знаете, что масса недовѣрчиво и даже враждебно относится къ интеллигенціи только

потому, что послѣдняя индифферентна къ религіи. Что касается предѣла, котораго вы тщетно ищете, то онъ на лицо. Какъ отрицатели откровенія въ еврейской религіи, вы должны заключить, что еврейская религія есть выработанный, въ теченіе многихъ вѣковъ, продуктъ характера еврейскаго народа, и это столь холимое дитя вашей націи, отъ котораго зависитъ и существованіе ея, должно быть вамъ дорого. Въ такомъ случаѣ предѣломъ можетъ служить вамъ приблизительно все то, что выработано *самостоятельнымъ* еврейскимъ характеромъ, т. е. почти все то, что развивалось у евреевъ во время ихъ пребыванія въ собственной своей странѣ, отъ Моисея или Іисуса Навина приблизительно до разрушенія второго храма,—и этотъ предѣлъ немногимъ только разнится отъ выше начертаннаго мною плана реформъ.

Если же вы считаете еврейство религіозной сектою русской, нѣмецкой и пр. національностей, а, слѣдовательно, самихъ себя — безрелигіозными членами русской, нѣмецкой и пр. національностей, то, согласитесь, между вами и евреями, какъ таковыми, ничего общаго нѣтъ. Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ вы болѣе всякаго русскаго, нѣмца, положимъ, даже безрелигіознаго, имѣете право подавать голосъ въ дѣлахъ, касающихся *чужой* вамъ еврейской религіи? И не есть-ли это вмѣшательство въ чужое дѣло съ вашей стороны, такой абсурдъ, чтобы не сказать больше, какъ напр., если бы вы вмѣшивались въ дѣла лютеранъ, магометанъ и пр. религіозныхъ общинъ, населяющихъ Россію?

Также невѣрно и второе возраженіе. Неужели то обстоятельство, что интеллигентные евреи требуютъ реформъ, не свидѣтельствуетъ о томъ, что они сами желаютъ имѣть связь со своимъ народомъ и съ массою и охотно подвергались бы игу народнаго кодекса, если бы онъ былъ преобразованъ согласно истинному духу Израиля и требованіямъ времени? Что же касается протеста массы, то надо быть слѣпымъ, чтобы не замѣчать его. А развѣ торговля по субботамъ въ большихъ городахъ, ношеніе замужними женщинами «собственныхъ волосъ» и т. д., и вообще замѣчаемый нынѣ поразительный индиффе-

рентизмъ къ религіи, не есть сильнѣйшій протестъ массы противъ гнета Шулханъ-Аруха?

Наконецъ о третьемъ возраженіи. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что реформы въ еврейской религіи ничего общаго съ политикою имѣть не могутъ. Мало того, они ничего общаго не имѣютъ даже съ равноправіемъ евреевъ. Какъ хорошо знакомый съ талмудомъ, раввинской литературою и еврейскимъ бытомъ и образомъ мыслей, я отлично знаю, что ни талмудъ, ни раввинская литература не указываютъ евреямъ на завладѣніе міромъ, не разрѣшаютъ имъ мошенничать въ сношеніяхъ съ неевреями, эксплоатировать ихъ и т. п., а, напротивъ, въ денежныхъ и даже благотворительныхъ дѣлахъ вполнѣ уравниваютъ неевреевъ съ евреями (см. Хулинъ 94, а Гитинъ, 61 а). *Единственныя* исключенія въ этомъ, состоящія въ томъ, что талмудъ позволяетъ евреямъ „пользоваться" ошибкою нееврея, если эта ошибка произошла помимо желанья еврея, и присвоивать себѣ найденную вещь, потерянную нееврсемъ *,— эти исключенія уже давно отмѣнены величайшими раввинами среднихъ вѣковъ (Шита Мекубецетъ на тр. Баба Кама, и цитировано въ предисловіяхъ къ изданіямъ талмуда и Бетъ Іосифъ къ Хошенъ Мишпатъ § 266 и Бееръ Гагола Шулханъ Арухъ ibid.), и тотъ еврей, который нынѣ пользуется ошибкою и потерей нееврея, непремѣнно дѣлаетъ то же самое и въ отношеніи къ еврею. Далѣе, талмудъ и раввинская письменность, какъ литература вообще, есть *только продуктъ жизни*, и слѣдовательно, они *подвергаются вліянію еврейской жизни, а не наоборотъ*, и надо быть неисправимымъ идіотомъ или отчаяннымъ ханжею, чтобы, вмѣстѣ съ основателями «духовно-библейскаго братства» и «Новаго Израиля» утверждать, что съ отреченіемъ евреевъ отъ «діавола талмуда» они сдѣлаются такими ангелами, какими непремѣнно суть прочіе русскіе граждане, и получатъ равноправіе. Да и стоитъ-ли еще говорить о

---

* Взглядъ талмуда на находку нееврея объясняется тѣмъ, что римляне считали потерянную вещь уже непринадлежащею первому владѣльцу ея (см. „Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer" Д-ра Майера. Томъ II, стр. 160) и поэтому римляне въ свою очередь, въ случаѣ нахожденія ими вещи еврея, не возвращали ея хозяину.

томъ, что въ еврейскомъ вопросѣ талмудъ ни при чемъ, когда самый компетентный въ дѣлѣ ненависти къ евреямъ, дрезденскій антисемитскій конгрессъ, торжественно заявилъ, что реформированные евреи хуже, чѣмъ ортодоксальные? Всякому безпристрастному наблюдателю ясно, что евреи теперь преслѣдуются, не какъ послѣдователи мозаизма или талмуда, а какъ „семиты", т. е., какъ чужая національность, и эти преслѣдованія прекратятся только тогда, когда евреи перестанутъ быть чужими, т. е., когда они пріобрѣтутъ свой уголокъ, или когда они, посредствомъ измѣны своей религіи и національности, окончательно растворятся между окружающими ихъ народами.

Также нельзя надѣяться, чтобы реформы въ еврейской религіи были проведены съ помощью власть имущихъ, какъ это было во время Лютера, ибо, кромѣ того, что властямъ нѣтъ никакого разсчета вмѣшиваться въ такія чисто внутреннія дѣла, которыя не могутъ интересовать ихъ, такое вмѣшательство *нееврейской* власти въ дѣла еврейской религіи еще больше повредило бы дѣлу, такъ какъ это вызвало бы сильную реакцію со стороны евреевъ, не безъ основанія видящихъ во всякихъ внѣшнихъ давленіяхъ на ихъ религію однѣ только прозелитскія цѣли. Да, реформы въ еврейской религіи сами по себѣ чужды всякаго политическаго и даже правоваго расчета, но это отнюдь не дѣлаетъ ихъ невозможными. Ссылка на реформы Лютера и сопровождавшія ихъ обстоятельства, по моему мнѣнію, есть только заблужденіе. Во первыхъ, реформъ въ религіяхъ было такъ мало, что мы еще не можемъ хоть приблизительно опредѣлить ихъ историческіе законы, и единичныя событія, помогавшія тому или другому реформатору осуществлять свои планы, не могутъ быть признаны непреложными законами реформъ. Во вторыхъ, между католическими пастырями времени Лютера и еврейскими раввинами всѣхъ временъ есть громаднѣйшая разница. Торговавшіе индульгенціями и большая часть инквизиторовъ, іезуитовъ и пр. знали очень хорошо, что они подлѣйшіе мерзавцы; такихъ людей словомъ не убѣдишь, ихъ должна ломать сила, при чемъ Лютеръ выступилъ и противъ догматической стороны, и противъ права на существованіе

владыки всей Европы, противъ папы. Вотъ почему для Лютера необходима была политическая помощь. У насъ же ничего подобнаго нѣтъ. Мы не отвергаемъ талмуда, а напротивъ, хотимъ продолжать его, ибо онъ, талмудъ, еще не законченъ и никогда не будетъ законченнымъ, съ чѣмъ согласны величайшіе авторитеты раввинизма. Наши реформы также не затрогиваютъ интересовъ нашихъ духовныхъ представителей, ибо и послѣ реформъ эти люди останутся у насъ тѣми же рѣшителями религіозныхъ вопросовъ, какъ и теперь. Притомъ, почти всѣ еврейскіе раввины—люди искренніе, они сами обмануты, и стоитъ только убѣдить ихъ въ ихъ заблужденіи, чтобъ они сами отказались отъ него. А это вещь не мудреная. Положимъ, настоящіе раввины и богословы ужъ неисправимы. Но развѣ, говоря о реформахъ, мы думаемъ, чтобы онѣ были проведены черезъ два мѣсяца, или даже чрезъ два года? Мы хотимъ только приготовить почву для этой необходимой работы въ близкомъ будущемъ. А это будущее не за горами. Слѣдуетъ только, чтобъ книги, подобныя „Доръ Доръ ведоршавъ" сдѣлались настольными книгами нашихъ раввиновъ и богослововъ, тогда эти послѣдніе познакомятся съ исторіею нашей религіи, съ ея характеромъ, съ развитіемъ талмуда и духомъ его; тогда они убѣдятся, что самъ талмудъ есть не болѣе, какъ длинный рядъ реформъ и требуемыхъ временемъ установленій, изъ которыхъ очень многія не могутъ не быть отмѣнены въ наше время. А что такія книги дѣйствительно сдѣлаются настольными для ученыхъ талмудистовъ ближайшаго времени, въ этомъ опять нѣтъ сомнѣнія. Ибо кто же будетъ раввинами ближайшаго времени, если не бет-гамидрашскіе бахуры настоящаго времени, которые охотно читаютъ всѣ книги новой еврейской литературы, какія только попадаются въ ихъ руки? Эти бахуры, теперешніе любители новоеврейской письменности и будущіе раввины и богословы, непремѣнно откликнутся на зовъ времени и логики и произведутъ въ нашей религіи болѣе или менѣе нужныя реформы, а за ними пойдетъ и масса, которая вообще падка на подражаніе своимъ, тѣмъ болѣе когда на то укажутъ ей и литература, и авторитетныя личности. Наше дѣло только доста-

точно выяснить вопросъ, указывать будущимъ представителямъ нашей религіи вѣрный путь къ рѣшенію его и приготовлять массу къ примѣненію этого рѣшенія къ дѣлу, причемъ мы должны не забывать изреченіе нашего древняго мудреца: «ты не обязанъ окончить работу, но и не воленъ отказаться отъ нея.

М. Лиліенблюмъ.

Отъ редакціи.

Реформа религіознаго, бытоваго и общественнаго строя еврейской жизни, какъ мѣра внутренняя, отъ самыхъ евреевъ зависящая, настолько же безотложно необходима для спасенія многострадальнаго, погибающаго нашего племени, насколько и не отъ него зависящее улучшеніе его матеріальнаго положенія посредствомъ регулированія его правоваго положенія. Что только обѣими этими мѣрами, одна другую дополняющими, и можетъ быть удовлетворительнымъ образомъ разрѣшенъ роковой еврейскій вопросъ въ нашемъ отечествѣ—это наше твердое и глубокое убѣжденіе. Поэтому, какъ мы не перестаемъ по мѣрѣ силъ и возможности бороться за попранныя наши человѣческія и гражданскія права, такъ мы считаемъ своею священною обязанностію содѣйствовать развитію и созрѣванію среди насъ сознанія необходимости всесторонней внутренней реформы. Съ этой цѣлію мы дали мѣсто въ нашемъ изданіи цѣлому ряду по этому вопросу статей г. Лиліенблюма. Рядъ статей компетентнаго автора нынѣ законченъ. Мы далеки отъ мысли, что въ этихъ очеркахъ вопросъ исчерпанъ и что высказанные въ нихъ взгляды вполнѣ удовлетворительны. Сами во многомъ съ авторомъ не соглашаясь, какъ читатели успѣли убѣдиться, мы отлично знаемъ, что они не удовлетворятъ вполнѣ ни одной

изъ нашихъ крайнихъ партій. Для одной намѣченная имъ программа будетъ слишкомъ широка, для другой—слишкомъ узка. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ питаемъ увѣренность, что когда вопросъ о реформахъ станетъ на очередь и сдѣлается вопросомъ дня, тѣ, которымъ будетъ предстоять разрѣшеніе этой вѣковой задачи, найдутъ въ этихъ очеркахъ значительный запасъ годнаго для ихъ работы матеріала. Что этотъ моментъ, отъ котораго зависитъ судьба и будущность евреевъ въ Россіи, не замедлитъ наступить, въ этомъ мы вмѣстѣ съ лучшими людьми нашего народа твердо убѣждены, не смотря на всѣ старанія тормозить дѣло со стороны разныхъ мракобѣсовъ и ханжей, въ главѣ которыхъ, взамѣнъ печальной памяти „*Галибанона*“, тщатся стать теперь болтливые и пустозвонные публицисты провинціальныхъ еврейскихъ листковъ.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ РЕАКЦІИ.

Романъ.

Часть вторая. *

V.

Счастлива юность, такъ легко и скоро забывающая всякое горе! Ея страданія похожи на весенній дождичекъ, который не бываетъ продолжителенъ и только освѣжаетъ растительность, ея слезы—это та же утренняя роса, которая тотчасъ же высыхаетъ отъ теплыхъ солнечныхъ лучей, ея печаль—облачка, развѣваемыя легкимъ вѣтеркомъ.

Уже при возвращеніи съ кладбища Сарра снова улыбалась, услышавъ отъ дѣда, что ей предстоитъ поѣздка къ дядѣ Іосифу, куда онъ рѣшился отправить ее, чтобъ избавить ее отъ всякихъ преслѣдованій ненавистнаго Готшалька. Но особенно радовало ее то, что, по случаю болѣзни братца Гольдштюккера, ее проводитъ къ дядѣ Маркъ, такъ какъ дѣла не позволяли отлучиться самому старику Самуилу. Дома ее ожидалъ уже другъ ея, не менѣе обрадованный неожиданнымъ счастіемъ. Она живо собралась въ путь и, нѣжно простившись съ родными, сѣла въ запряженную уже бричку.

Поѣздка была для обоихъ такъ привлекательна, какъ она только и можетъ быть въ этотъ счастливый возрастъ, когда юношеская фантазія въ каждомъ кремнѣ готова видѣть алмазъ, въ каждомъ репейникѣ — розу. По капризу той же фантазіи жалкая бричка ихъ превращалась въ изящную ко-

---

* См. „Восходъ", кн. I—II.

ляску, набитое соломой сидѣнье—въ мягкія, бархатныя подушки, а старый, хромой Сѣрко въ великолѣпнаго рысака. Даже захватившій ихъ по дорогѣ дождикъ не нарушалъ ихъ веселаго настроенія, такъ какъ небо вскорѣ прояснилось и солнце разогнало сѣрый туманъ. Мѣстность становилась все болѣе и болѣе красивою: путь ихъ велъ въ живописныя горы, такъ какъ дядя Іосифъ жилъ въ расположенномъ близъ австрійской границы красивомъ городкѣ Биркенштетелѣ, гдѣ практическая Гитель открыла торговлю галантерейными и красными товарами. Хотя по времени года нивы были уже сжаты и лишены лучшаго своего украшенія, но зато встрѣчавшіеся по дорогѣ лѣса одѣлись въ пестрый, блестящій уборъ. Тамъ и сямъ виднѣлись большія озера, свѣтлыя и чистыя, какъ зеркальное стекло, богатая усадьба мѣстныхъ аристократовъ, съ красивыми помѣщичьими домами и фермами, уютные домики лѣсничихъ, передъ дверьми которыхъ веселыя и здоровыя дѣти играли съ большими собаками, зажиточныя деревни, изъ которыхъ доносился до нихъ веселый стукъ цѣповъ.

Чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ красивѣе становилась окружающая ихъ мѣстность. На дальнемъ горизонтѣ обрисовались синеватыя вершины горъ, представлявшія самыми причудливыми переливами цвѣтовъ своихъ восхитительное зрѣлище для непривычнаго глаза обитателей равнинъ. Коегдѣ уже замѣчались слѣды производившихся здѣсь горныхъ промысловъ: черныя угольныя шахты, въ которыхъ двигались, точно муравьи, многочисленные рабочіе въ темныхъ блузахъ, склады руды, громадныя доменныя печи и трубы, изъ которыхъ выбивалось яркое пламя, и огромныя паровыя машины, которыя въ то время не были еще такъ распространены, какъ теперь.

Все это доставляло нашимъ путникамъ развлеченіе и матеріалъ для разговора, для обмѣна впечатлѣніями. На большой дорогѣ тоже кипѣла жизнь. Длинные обозы подвозили подземныя сокровища къ плавильнымъ печамъ или же отвозили добытое желѣзо и цинкъ въ ближайшій городъ, откуда они по каналу сплавлялись дальше. Далѣе имъ по-

падались навстрѣчу красивые экипажи владѣльцевъ копей, знатныя дамы въ изящныхъ дорожныхъ костюмахъ, сосѣдніе помѣщики верхомъ, управляющіе и служащіе при копяхъ, горнорабочіе и поселяне въ своемъ оригинальномъ мѣстномъ костюмѣ. Одна картина быстро смѣняла другую, и видѣвшая все это въ первый разъ въ своей жизни Сарра не переставала разспрашивать своего спутника, который весьма охотно давалъ ей необходимыя разъясненія, насколько хватало его собственныхъ познаній. И время для обоихъ проходило такъ скоро, что они ни на минуту не соскучились. Она не переставала удивляться его учености, его неизмѣримымъ, въ глазахъ ея, познаніямъ, между тѣмъ какъ онъ съ восторгомъ прислушивался къ умнымъ словамъ ея и испытывалъ никогда прежде неизвѣданное наслажденіе, когда она такъ ласково смотрѣла на него своими невинными дѣтскими глазками, вела такіе разумные разговоры или привѣтливой улыбкой благодарила его за данныя ей объясненія.

Подобно доброму брату вѣрный Маркъ заботился о ввѣренной его попеченіямъ ученицѣ, причемъ онъ выказалъ по-истинѣ рыцарскую любезность и оказывался гораздо болѣе ловкимъ, чѣмъ можно было ожидать или требовать отъ бѣднаго школьника. Онъ помогалъ ей садиться въ повозку и выходить изъ нея, укутывалъ ее платкомъ или накидкой, чтобъ она не простудилась и старался вычитать въ ея глазахъ малѣйшее ея желаніе. Она же отвѣчала на его предупредительность любезностью и ласкою. Когда кучеръ остановился передъ деревенскимъ шинкомъ, чтобы покормить лошадь, она пригласила его раздѣлить съ нею скромную закуску, данную ей на дорогу госпожей Малкой. Она вынула изъ кожанной сумки жареную курицу, хлѣбъ, соль, ножъ и вилку и все это разложила на столикѣ, приглашая его присѣсть къ ней и раздѣлить съ нею ея скромную трапезу. Она угощала его, клала ему самые лучшіе куски жаркого, довольствуясь сама ножкой и крылышкомъ. Онъ отказывался, но она сослалась на недостатокъ аппетита, и до тѣхъ поръ приставала къ нему, пока онъ не исполнилъ

ея желанія. Она вынула также изъ сумки фляжечку съ виномъ и налила стаканы—его до краевъ, свой на половину. Она пригласила его чокнуться и онъ не могъ не выпить своего стакана за ея здоровье. Это было настоящее лукулловское пиршество для бѣднаго Марка Леви и ему казалось, будто онъ сидитъ за царскимъ столомъ. Она же съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ онъ ѣлъ, радовалась его здоровому аппетиту, и была счастливѣйшей хозяйкой въ мірѣ, гордящейся заданнымъ ею блестящимъ обѣдомъ. Оба они смѣялись безъ умолку, сами не зная чему, и обоимъ было невыразимо весело. Счастлива юность, такъ легко и скоро забывающая горе.

Послѣ того, какъ они закусили и она убрала посуду и остатки въ кожаную сумку, они вышли на улицу, чтобъ узнать, нельзя ли имъ пуститься уже въ дальнѣйшій путь. Оказалось, что Сѣрко еще не съѣлъ заданнаго ему овса и кучеръ объявилъ, что коню нужно отдохнуть еще по меньшей мѣрѣ полчаса. Такъ какъ погода прояснилась, то Маркъ предложилъ своей нетерпѣливой спутницѣ пойти пѣшкомъ впередъ по совершенно безопасной большой дорогѣ. Она безъ всякаго жеманства подала свою руку и они пошли по деревнѣ. Хотя Саррѣ нечего было бояться, она однако плотнѣе прижималась къ своему кавалеру, какъ скоро имъ кто-либо встрѣчался или когда на нихъ лаяла собака. Такимъ образомъ они медленно поднялись на холмъ, у подножія котораго разстилался великолѣпный ландшафтъ.

Взойдя на него, они усѣлись на большой, придорожный камень, чтобы подождать отставшую повозку. Вблизи не было никого, кромѣ старой крестьянки, стоявшей на колѣняхъ передъ высокимъ распятіемъ, съ грубо выточеннымъ и еще грубѣе размалеваннымъ образомъ Спасителя, и горячо молилась. При видѣ ея Сарра невольно вспомнила о крестившемся отцѣ ея; она вдругъ замолкла среди самой веселой бесѣды и глубоко вздохнула. Она охотно сообщила бы своему другу, замѣтившему эту быструю перемѣну въ ней, свою тайну, всѣ свои страданія и сомнѣнія, но дѣдъ строго на-строго запретилъ ей говорить объ этомъ предметѣ

съ кѣмъ бы то ни было; да и ей самой какъ то совѣстно было прикасаться къ этому больному мѣсту ея семейной жизни. Тѣмъ не менѣе она не въ состояніи была совершенно подавить волновавшія ее размышленія и скрыть своей печали.

Я не понимаю — сказала она даже съ нѣкоторой досадой — какъ разумный человѣкъ можетъ преклоняться передъ кускомъ раскрашеннаго дерева.

— Но вѣдь и среди евреевъ есть суевѣрные люди—возразилъ онъ.

— А что, вы рѣшились бы обратиться въ христіанство—серьезно спросила она его.

— Конечно, нѣтъ, хотя я и увѣренъ, что при всякой религіи можно достигнуть блаженства,—отвѣтилъ онъ, нѣсколько удивленный ея вопросомъ.

— Даже еслибы, благодаря тому, вы могли бы сдѣлаться знатнымъ и знаменитымъ человѣкомъ?

— Даже и тогда, такъ какъ я считаю дѣломъ нехорошимъ отрекаться отъ своей вѣры ради земныхъ благъ. Тотъ человѣкъ, кто это дѣлаетъ, безъ внутренняго его убѣжденія, достойнъ презрѣнія.

Прибытіе ихъ повозки прервало этотъ разговоръ, который только укрѣпилъ рѣшимость Сарры ни подъ какими условіями не поддаваться искушеніямъ отца ея, даже въ томъ случаѣ, еслибы она не дала своему дѣду потребованной имъ отъ нея клятвы. Въ словахъ своего испытаннаго друга и учителя она нашла какъ бы подтвержденіе своихъ собственныхъ, не совсѣмъ ясныхъ, мыслей и разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній, порою возникавшихъ въ душѣ ея.

Успокоенная и удовлетворенная его отвѣтомъ она снова развеселилась и веселіе ея невольно сообщилось и ея спутнику. Разговоръ ихъ не прерывался ни на одну минуту, и оба они порою разражались такимъ громкимъ хохотомъ, что старый Сѣрко навострялъ уши и какъ бы вторилъ ихъ смѣху своимъ ржаніемъ. Такъ они сидѣли рядомъ на связкѣ соломы, подобно двумъ птичкамъ, весело щебечущимъ въ своемъ гнѣздышкѣ. Солнце свѣтило такъ ярко, міръ былъ

такъ прекрасенъ, а они такъ счастливы, какъ можетъ быть счастлива одна только беззаботная юность. Все прошлое горе было забыто въ пользованіи настоящимъ счастіемъ, и передъ ними лежала полная надеждъ будущность, озаренная, подобно возвышавшимся передъ ихъ взорами глазамъ, золотистымъ свѣтомъ.

Длинный путь показался имъ слишкомъ короткимъ, когда они увидѣли передъ собою въ долинѣ цѣль своего путешествія съ ея красными крышами, а надъ городкомъ, на холмѣ, красивый замокъ, въ которомъ жилъ съ своимъ придворнымъ штатомъ, владѣтель Биркенштедтеля, когда онъ не проживалъ въ чужихъ краяхъ. Заходящее солнце освѣщало великолѣпный дворецъ, многочисленныя, высокія окна котораго горѣли подъ красными солнечными лучами, какъ огненные рубины, представляя по истинѣ великолѣпную картину неизбалованнымъ взорамъ нашихъ путниковъ.

У подножія холма лежалъ маленькій, но веселый городокъ, внѣшній видъ котораго съ перваго раза показывалъ, что это была резиденція князя, хотя и медіотизированнаго. На улицахъ замѣчалась поразительная чистота, да и дома имѣли какой-то, такъ сказать, аристократическій видъ. Все здѣсь пахло чѣмъ то придворнымъ, и по крайней мѣрѣ на трети лавокъ и магазиновъ красовался гербъ князей Гохштейнскихъ—золотой единорогъ въ голубомъ полѣ—явное доказательство, что владѣльцы ихъ были придворными поставщиками. Даже самые обыватели имѣли болѣе или менѣе видъ придворныхъ и отличались необычными вообще въ такихъ маленькихъ городкахъ изяществомъ манеръ и образованіемъ, которымъ, конечно, не мало содѣйствовали и относительная зажиточность — результатъ пребыванія здѣсь маленькаго двора со своими служащими, а также горная промышленность.

Это и была главная причина, заставившая практическую Гитель склонить послѣ смерти ея отца находившагося у нея подъ башмакомъ Іосифа покинуть Лангендорфъ и переселиться въ отдаленный Биркенштедтель, гдѣ онъ открылъ лавку суровскихъ и красныхъ товаровъ, душою которой была

его жена и дѣла которой шли очень не дурно. Она одна завѣдывала всею покупкой и продажей, причемъ она выказывала столько вкуса и ловкости, что у нихъ не было отбоя отъ покупателей. Ни одинъ купецъ, даже изъ ученыхъ, не могъ сравниться съ бойкой Гитель въ расхваливаніи товара, и дѣйствительно ни одинъ покупатель не могъ устоять противъ ея краснорѣчія и не покидалъ лавки безъ какой либо покупки. Сельскимъ жителямъ она умѣла угодить яркими цвѣтами и крупными узорами, которые она умѣла выставить въ такомъ выгодномъ свѣтѣ, что парнямъ и дѣвкамъ казалось, будто они никогда не видѣли ничего лучшаго. Она позволяла также покупателямъ торговаться, а если у нихъ не хватало наличныхъ денегъ, то она лицамъ надежнымъ отпускала товаръ въ кредитъ или же принимала вмѣсто денегъ масло, яйца, муку или ленъ, которымъ она съумѣла находить употребленіе въ своемъ хозяйствѣ.

Для болѣе изысканной публики, и въ особенности для женъ чиновниковъ, у нея всегда были самые модные товары изъ столицы, а въ особенности большой запасъ комплиментовъ и сладкихъ рѣчей. Когда въ лавку ея являлась казначейша со своими дочерьми или жена горнаго инспектора съ своими дѣтьми, смѣтливая Гитель выказывала самую очаровательную любезность. По ея знаку, послушный Іосифъ приносилъ стулья для дамъ, дѣтей она угощала свѣжеиспеченными ею же пирожными, дѣвицамъ говорила комплименты на счетъ ихъ здороваго и цвѣтущаго вида, и въ тоже время развертывала передъ ними произведенія послѣдней моды. При этомъ языкъ ея ни на одну минуту не оставался безъ умолку, такъ какъ она то говорила посѣтительницамъ что нибудь любезное и пріятное, то сообщала имъ подъ секретомъ какую нибудь интересную городскую новость.

Такъ какъ она довольствовалась небольшими барышами и давала своимъ покупателямъ дѣйствительно доброкачественные товары, то дѣла ея шли бойко, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ей удалось, при содѣйствіи вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ княжескаго гофмаршала, добиться назначенія Іосифа придворнымъ поставщикомъ, вопреки интригамъ его

христіанскихъ и еврейскихъ конкуррентовъ. Но и независимо отъ этого отличія, которымъ Іосифъ обязанъ былъ женѣ своей, онъ былъ вообще обязанъ ей очень многимъ.

Хотя она и въ торговлѣ, и въ домѣ играла первую роль и властвовала неограниченно, она однако никогда не давала ему чувствовать свое превосходство и господство столь гнетущимъ образомъ, какъ это дѣлалъ прежде Самуилъ по отношенію къ своему сыну. Вмѣсто того, чтобы запугивать и принижать его въ глазахъ посторонниxъ, умная Гитель старалась пріободрять и возвышать его передъ чужими людьми, причемъ она для виду подчинялась ему, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она тѣмъ безграничнѣе управляла имъ, подобно тому, какъ иной министръ управляетъ именемъ своего монарха, незамѣтно для самого послѣдняго.

Ея умный и деликатный образъ дѣйствій вліялъ очень благотворно на добряка Іосифа; довѣріе его къ самому себѣ усилилось, а постоянно и близкое общеніе съ превосходившей его въ умственномъ отношеніи женщиной побуждало дремавшія до сей поры въ немъ способности и содѣйствовало развитію его. Хотя ему не доставало свойственной его соотчичамъ бойкости ума и способности быстро схватывать вещи, но за то его нѣсколько тяжеловѣсный умъ способенъ былъ къ правильнымъ выводамъ; онъ обладалъ извѣстнымъ здравымъ смысломъ, и прежде всего прирожденной честностью, вызывавшею всеобщее къ нему сочувствіе и содѣйствовавшее въ равной, если не въ большей мѣрѣ, чѣмъ умъ и любезность его жены, процвѣтанію ихъ торговли. Оба они, такъ сказать, взаимно дополняли другъ друга, и бракъ ихъ, несмотря на различіе характеровъ и способностей, былъ изъ самыхъ счастливыхъ, что доказывалось между прочимъ и обильнымъ потомствомъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола. Умная, но нѣсколько хитрая Гитель любила своего простяка-мужа какою-то снисходительною любовью, подобною той, которою мать любитъ своего добраго, но глупенькаго ребенка; онъ же взиралъ на нее, какъ на какое-то высшее существо, съ чувствомъ глубочайшей благодарности и удивленія. Онъ, въ ея глазахъ, былъ наилучшимъ мужемъ, а

она, въ его глазахъ, умнѣйшей женщиной, и такимъ образомъ еще разъ подтвердилось извѣстное изреченіе, что все устраивается къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ.

Вполнѣ довольный собой и своей обстановкой, Іосифъ сидѣлъ по окончаніи дневной работы, рядомъ съ своей Гитель на завалинкѣ передъ своимъ домомъ, окруженный цѣлой оравой шумливыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, когда передъ подъѣздомъ ихъ остановился хорошо знакомый имъ Сѣрко. Добрякъ Іосифъ, испустивъ крикъ радости, кинулся къ телѣжкѣ съ такою стремительностью, что жена его и многочисленное его потомство съ трудомъ могли поспѣть за нимъ. Увидѣвъ, однако, вмѣсто прежней маленькой дѣвочки Сарры, почти взрослую дѣвицу, да къ тому же еще совершенно незнакомаго ему бохера, онъ немного опѣшилъ и широко раскрылъ глаза, когда молодая дѣвушка кинулась къ нему съ распростертыми объятіями.

— Дядя Іосифъ, да ты, кажется, не узнаешь меня!— воскликнула она со смѣхомъ въ голосѣ.

— Убей меня Богъ! Да вѣдь это моя Саррочка, моя милая крошка!

Трудно описать восторгъ, съ которымъ онъ вынесъ Сарру изъ повозки, чуть не задушивъ ее въ своихъ объятіяхъ, между тѣмъ какъ слезы ручьями текли по щекамъ его, причемъ Гитель добродушно называла его старымъ дуракомъ, а дѣти, подобно репейнику и шиповнику, пристали къ платью красивой кузины такъ, что ихъ и оторвать нельзя было отъ него. Тутъ-то было веселіе, тутъ-то были перекрестные вопросы и отвѣты, тутъ-то были радостныя восклицанія и сердечныя лобызанія.

— Какъ же ты, однако, выросла, — удивлялся добродушный Іосифъ — какая же ты стала большая. Ахъ, кабы дожить до этого твоей покойной матери, моей милой сестричкѣ Рахили! А что подѣлываетъ дѣдушка? Онъ здоровъ? А?—неправда-ли здоровъ? А отчего же онъ не пріѣхалъ съ тобой? А что подѣлываетъ братецъ Гольдштюккеръ? А какъ поживаетъ Хая? Что, написалъ-ли ей изъ Америки сынокъ ея Лебель, прислалъ-ли онъ ей деньги?

И онъ болталъ и болталъ, разспрашивалъ и разспрашивалъ, не переводя духъ, такъ что Сарра едва успѣла представить ему своего провожатаго и передать ему письмо старика Самуила, которое прочтено было имъ съ почтительнымъ вниманіемъ и которое онъ тотчасъ же передалъ женѣ своей, такъ какъ передъ нею у него не было никакихъ тайнъ. Затѣмъ онъ отъ души пожалъ руку извѣстному ему уже по имени Маркусу Леви и такъ радушно пригласилъ его къ столу, что Маркусъ вскорѣ почувствовалъ себя совершенно по домашнему.

Тѣмъ временемъ Гитель готовила ужинъ, и притащила изъ кухни и изъ погреба такой запасъ яствій, что можно было подумать, что гости ея по крайней мѣрѣ три дня къ ряду соблюдали строжайшій постъ. Она наиусерднѣйшимъ образомъ угощала ихъ и подкладывала имъ на тарелки самые лучшіе куски съ такимъ усердіемъ, что имъ приходилось помышлять уже не объ утоленіи своего голода, а о томъ, чтобы не переполнить своего желудка.

Добрякъ Іосифъ, понятно, радовался всему — и красотѣ и здоровью его миленькой племянницы Сарры, и здоровому аппетиту гостей, и кулинарному искусству своей Гитель, болѣе всего тому сердечному пріему, который она оказала его племянницѣ, а также тѣмъ умнымъ рѣчамъ и разсказамъ, которые преподнесъ ему разумный ученикъ талмудъ-торы, понравившійся, къ слову сказать, и довольно взыскательной Гитель, и даже и дѣтямъ, которыя на сегодняшній день, въ видѣ исключенія, были особенно умны. Глаза его сіяли радостью и широкій ротъ его не переставалъ улыбаться. Онъ взглядывалъ нѣжнымъ взоромъ то на свою Гитель, то на милую племянницу свою Сарру, и его доброе сердце преисполнялось такою радостью и блаженствомъ, что онъ не могъ найти для того подходящихъ словъ. Онъ прерывалъ себя на полъ-словѣ, чтобы поцѣловать жену свою, чтобъ обнять племянницу, чтобы приласкать своихъ дѣтей или чтобы подлить вина въ стаканъ Марка.

Трудно было противустоять этой неописанной добротѣ и даже Гитель не могла не смѣяться надъ своимъ „дурач-

комъ“, хотя она и чувствовала нѣкоторую досаду въ сердцѣ по поводу его полу-комическихъ, полу-трогательныхъ выходокъ и съ трудомъ удерживалась отъ искушенія побранить его за его суетливость, несовмѣстную, по ея мнѣнію, съ достоинствомъ его, какъ главы семейства.

Но любезность и прирожденная доброта Сарры подѣйствовали и на нее, и Сарра въ тотъ же вечеръ сдѣлалась всеобщимъ любимцемъ всѣхъ членовъ семейства, и старыхъ, и малыхъ. Она всякому привезла какой-нибудь подарокъ: дядѣ—подтяжки своей работы, Гитель—новый чепчикъ, дѣтямъ — разныя игрушки, куклы и сабли, корзиночки и патронташи. Но болѣе, чѣмъ подарками, она очаровала сердца всѣхъ ласковостью и простотою своихъ манеръ.

— Вылитая покойница-мать! — восторгался Іосифъ. Отъ головы до пятокъ—красавица!

— Ты еще избалуешь дѣвочку своими похвалами — замѣтила благоразумная Гитель.—Самое важное—чтобъ она была хорошая хозяйка и съумѣла бы найдтись и въ кухнѣ.

— Да я для того и пріѣхала въ Биркенштедтель — отвѣчала Сарра, улыбаясь — чтобы подучиться у тебя тому, чего мнѣ еще недостаетъ.

— Ну, однако и г-жа Малка тоже отличная хозяйка— возразила польщенная Гитель—и мнѣ далеко до нея.

— А бабушка говоритъ, что ей никогда не сравниться съ тобой, и что я у тебя въ четыре недѣли научусь большему, чѣмъ у нея въ теченіе годовъ.

— Что ты тамъ толкуешь о четырехъ недѣляхъ?—вмѣшался Іосифъ.—Мы тебя такъ скоро не отпустимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—хоромъ закричали дѣти, цѣпляясь за новую кузину—мы не отпустимъ Сарру.

Подобно душистому цвѣтку, вокругъ котораго жужжали пчелы, сидѣла молодая дѣвушка среди дѣтей, споровшихъ о томъ, кому сидѣть ближе къ ней, пока наконецъ въ дѣло не вмѣшалась Гитель и не отправила всей ватаги спать.

Къ скромному бохеру, не смотря на его невзрачную наружность, всѣ тоже относились съ величайшимъ вниманіемъ, въ особенности практически-умная Гитель, умѣвшая

цѣнить значеніе образованія и рѣшившая дать своимъ дѣтямъ лучшее воспитаніе, чѣмъ то, какое получилъ ея добрякъ-Іосифъ. Поэтому она вступила въ оживленную бесѣду съ неглупымъ Маркусомъ, который нравился ей гораздо болѣе стараго, и, по ея мнѣнію, неспособнаго учителя ея дѣтей, и настоятельно приглашала его остаться у нихъ еще нѣсколько дней, такъ какъ она имѣетъ сдѣлать ему кое-какія предложенія.

Такимъ образомъ этотъ первый вечеръ прошелъ самымъ пріятнымъ и удовлетворительнымъ для всѣхъ образомъ, равно какъ и слѣдующее утро, въ которое путешественники осмотрѣли достопримѣчательности княжеской резиденціи. Бойкая Гитель осталась торговать въ лавкѣ, позволивъ Іосифу служить своимъ гостямъ чичероне и показать имъ какъ городъ, такъ и княжескій замокъ и паркъ. Дѣти тоже освобождены были на этотъ день отъ ученія, послѣ того, какъ они дали обѣщаніе быть какъ можно болѣе умными.

Добрякъ Іосифъ облекся въ новый сюртукъ свой и въ сопровожденіи всей компаніи вышелъ на улицу, съ выраженіемъ гордости и радости на лицѣ. Завидѣвъ знакомаго, онъ принимался кланяться и кивать ему еще издали. Передъ болѣе почетными жителями городка онъ снималъ шляпу, восхищаясь, когда тотъ заговаривалъ съ нимъ, а еще болѣе, когда тотъ спрашивалъ его о Саррѣ, гордясь тѣмъ, что онъ можетъ представить ее, какъ свою племянницу, какъ дочь своей возлюбленной покойной сестры. При этомъ онъ пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника, желая убѣдиться въ томъ, раздѣляетъ ли тотъ его восторгъ; а если ему доводилось услышать слово одобренія или похвалы, его лицо сіяло отъ наслажденія, такъ какъ въ его глазахъ на свѣтѣ не было ничего прекраснѣе Сарры, не исключая и собственныхъ дѣтей его.

Сегодня ему особенно везло, такъ какъ имъ какъ нарочно попадались на встрѣчу всѣ тѣ, лицезрѣніе которыхъ, по его глубокому убѣжденію, должно было доставить величайшее удовольствіе его дорогимъ гостямъ: сначала г. бургомистръ, который отвѣтилъ на его поклонъ привѣтливой

улыбкой, затѣмъ главный дворецкій князя, который проходя мимо, кивнулъ ему, правда, еле замѣтно, но все же милостиво, и наконецъ камердинеръ его свѣтлости, который даже заговорилъ съ нимъ и предложилъ ему понюшку изъ своей серебряной табакерки, между тѣмъ какъ онъ съ видомъ знатока разсматривалъ свѣжую и красивую Сарру.

Но апогеемъ благополучія добряка Іосифа былъ моментъ, когда, во время бесѣды его съ камердинеромъ, самъ князь и его супруга выѣхали изъ воротъ замка, въ сопровожденіи егерей въ красныхъ и зеленыхъ охотничьихъ нарядахъ, камеръ-лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ и нѣсколькихъ своръ громко лаявшихъ собакъ. Іосифъ поспѣшилъ отвѣсить чуть не земной поклонъ, который однако не помѣшалъ ему разсмотрѣть милостивую улыбку на устахъ князя, а равно и то, что княгиня въ золотой лорнетъ взглянула на стоявшую подлѣ него Сарру и, повидимому, обратила вниманіе молодого, ѣхавшаго верхомъ подлѣ коляски, кавалера на красивую дѣвушку; по крайней мѣрѣ послѣдній повернулся на сѣдлѣ и смотрѣлъ на Сарру до тѣхъ поръ, пока поворотъ дороги не скрылъ ея отъ его взоровъ.

Послѣ этого достопримѣчательнаго событія Іосифъ сталъ находить свою племянницу вдвое прекраснѣй, чѣмъ прежде; ему казалось, что на лицѣ ея легли какъ бы неизгладимымъ отпечаткомъ милостивые взоры высокихъ особъ. Отъ камердинера, противъ фамиліи котораго въ долговой книгѣ г-жи Гитель, красовалась довольно значительная сумма, тоже не укрылось это проявленіе княжескаго благоволенія.

— А кто эта хорошенькая дѣвушка? — спросилъ онъ, видимо заинтересованный.

— Это моя племянница, дочь моей родной сестры — отвѣтилъ Іосифъ не безъ гордости.—Она пріѣхала погостить ко мнѣ и пробудетъ нѣкоторое время въ Беркенштедтелѣ.

— Премиленькая дѣвушка, а со временемъ можетъ сдѣлаться совершенной красавицей. Вы, конечно, покажете ей замокъ, г. Оренштейнъ?

— Если вы будете такъ добры, г. Липпертъ.

— Мнѣ доставитъ особое удовольствіе самому показать

вамъ его. Да чего же откладывать? Вѣдь ихъ свѣтлости уѣхали на охоту и раньше вечера не возвратятся.

Само собою разумѣется, что любезное предложеніе было принято съ величайшею благодарностью и дѣйствительно красивый замокъ былъ осмотрѣнъ во всѣхъ отношеніяхъ. Любезный камердинеръ оказался превосходнымъ чичероне. Онъ показалъ всему обществу, едва рѣшавшемуся ступать по гладкому паркету, великолѣпныя, изящно меблированныя комнаты, и прежде всего красивую столовую, въ которой висѣли портреты княжескаго семейства, картинную галлерею, изобиловавшую произведеніями древнихъ и новыхъ мастеровъ, и комнаты княгини, изъ которыхъ открывался чудесный видъ на ближайшія горы.

— Боже мой! что за великолѣпіе! — восторгался Іосифъ.—Я въ жизнь свою не видалъ ничего подобнаго! Трудно даже подумать, что все это сдѣлано руками человѣческими! Ну, что ты на это скажешь, Сарра, дитя мое?

Дѣвушка въ это время стояла въ нѣмомъ восхищеніи передъ картиной, изображавшей Мадонну съ младенцемъ Іисусомъ, висѣвшей надъ готическимъ, рѣзнымъ кресломъ для молитвы.

— Это, вѣроятно, княгиня съ своимъ сыномъ?—наивно спросила она у камердинера.

— Нѣтъ, милое дитя мое — отвѣчалъ тотъ съ снисходительной улыбкой. — Это Божья Матерь, работы знаменитаго Корреджіо или Кароваджіо. Эту картину ихъ свѣтлости привезли съ собою изъ Рима. Она, говорятъ, заплачена 50,000 талеровъ и предназначается для часовои, которая будетъ освящена будущей весною.

— 50,000 талеровъ! — воскликнулъ добрякъ Іосифъ, пораженный такою расточительностію.—Вы, безъ сомнѣнія, шутите, г. Липпертъ! Можно ли платить такія деньги за размалеванный холстъ?

— Этого вы не понимаете, любезнѣйшій—отвѣтилъ чичероне, пожавъ плечами.—Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ свѣтлость побывали въ Римѣ и перешли въ католицизмъ...

Но вдругъ г. Липпертъ замолкъ, не докончивъ начатой

фразы, такъ какъ въ эту самую минуту отворилась дверь и въ комнатѣ появилась, подобно тѣни, высокая фигура въ черномъ, длиннополомъ сюртукѣ. Желтовато-блѣдное лице появившагося, взглядъ черныхъ. пронизывающихъ глазъ и высокій, лысый лобъ, сильно напоминавшій мертвую голову, имѣли что-то непріятное, отталкивающее.

Неслышными шагами, съ опущенными долу глазами, бросавшими однако косвенные взгляды по сторонамъ, патеръ, слегка поклонившись, прошмыгнулъ по комнатѣ. Проходя мимо Сарры, онъ кинулъ на нее пронизывающій взоръ, сильно смутившій ее.

— Патеръ Урбанъ — прошепталъ смутившійся дворецкій—нашъ придворный священникъ и духовникъ ихъ свѣтлостей.

Какъ ни мимолетно было это явленіе, оно произвело однако какое-то непріятное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, въ которомъ они сами не могли отдать себѣ яснаго отчета. Имъ какъ-то показалось душно въ великолѣпной комнатѣ, они стѣснялись по-прежнему громко выражать свои мысли, какъ будто ихъ подслушивали какія то невидимыя уши. Даже дворецкій казался смущеннымъ и торопливыми шагами провелъ своихъ гостей по остальнымъ комнатамъ, нигдѣ на долго не останавливаясь. Лишь послѣ того, какъ они покинули замокъ, вошли въ великолѣпный паркъ и простились съ г. Липпертомъ, они вздохнули свободнѣе.

Вскорѣ подъ великолѣпными, высокими деревьями окончательно изчезло ихъ смущеніе и воспоминаніе о неожиданномъ и непріятномъ появленіи духовной особы уступило мѣсто обаятельному впечатлѣнію самой по себѣ прекрасной и еще украшенной искусствомъ природы. Несмотря на позднее время года, съ террасы, на которой они стояли, имъ представился восхитительный, очаровательный видъ. Передъ ними разстилались деревья парка, съ свойственнымъ осеннему времени богатствомъ и разнообразіемъ красокъ. Сквозь листву деревьевъ просвѣчивала зеркальная поверхность озера, изъ средины котораго поднималась, достигая верхушекъ

высочайшихъ деревьевъ, могучая струя высокаго фонтана. Среди ярко-зеленыхъ лавровыхъ кустовъ и деревьевъ красиво выдѣлялись бѣлыя мраморныя статуи, рѣдкія пальмы раскидывали свои пышныя короны, окруженныя рѣдкими цвѣтами и красиво подстриженнымъ газономъ. На заднемъ фонѣ возвышался куполъ вновь отстроенной часовни, вызолоченный крестъ которой ярко сіялъ подъ лучами осенняго солнца, и замыкался этотъ великолѣпный ландшафтъ высокими, синеватыми горами, окаймлявшими горизонтъ.

При видѣ всей этой красоты бѣдному Марку однако невольно взгрустнулось, такъ какъ, идя рядомъ съ Саррой, онъ невольно вспоминалъ о предстоящей разлукѣ. Ему нельзя было дольше оставаться, чтобы не задерживать лошади и повозки, и поэтому онъ, хотя и съ тяжелымъ сердцемъ, самъ торопилъ къ отъѣзду. Гитель, успѣвшая въ ихъ отсутствіе бойко наторговать въ лавкѣ и кромѣ того изготовить имъ обѣдъ, встрѣтила гостей съ необыкновенной любезностью и стала разспрашивать ихъ обо всемъ, что они видѣли.

— А какъ вамъ понравился замокъ? — спросила она особенно сегодня молчаливаго бохера.

— Свыше всякаго описанія. Я только сожалѣю о томъ, что мнѣ нельзя дольше оставаться и что мнѣ приходится сегодня же уѣзжать.

— Ну, вѣдь вы можете скоро возвратиться, если вамъ у насъ такъ понравилось— возразила она, взглянувъ искоса на своего мужа.

— Къ тому не такъ скоро представится случай — отвѣтилъ Маркъ съ легкимъ вздохомъ.

— Кто знаетъ—съ улыбкой промолвила Гитель.—Быть можетъ, вы рѣшитесь совсѣмъ у насъ остаться.

— Вы шутите, г-жа Оренштейнъ.

— Нисколько; я говорю очень серьезно, какъ вы сейчасъ сами увидите. Дѣло въ томъ, что намъ нуженъ учитель для нашихъ дѣтей: старымъ мы очень недовольны. Вы, кажется, человѣкъ, знающій свое дѣло. Если вы согласны съ

моимъ предложеніемъ, то мы скоро сойдемся относительно условій.

Бѣдный бохеръ, понятно, не могъ отказаться отъ такого неожиданнаго счастія и его не трудно было убѣдить принять предлагаемое ему мѣсто учителя. Рѣшающее вліяніе на это его рѣшеніе имѣло, конечно, не скромное вознагражденіе, предложенное ему практической г-жей Гитель, сколько радость красивой Сарры и перспектива жить съ нею подъ одной кровлей.

VI.

Послѣ того какъ старику Самуилу удалось разстроить планы Готшалька и всѣ попытки послѣдняго разъискать изчезнувшую дѣвушку остались тщетны, Гавріилъ отказался отъ всякой надежды увидѣть у себя покинутую имъ дочь. Совѣсть его была спокойна, такъ какъ, по его убѣжденію, онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобъ исправить старое зло.

Хотя восторженныя описанія его другомъ-энтузіастомъ красоты и ума молодой дѣвушки преисполняли его родительское сердце радости и усиливали въ немъ желаніе увидѣть ее, но все же онъ въ душѣ радовался такому исходу дѣла; такъ какъ въ душѣ своей онъ не могъ не опасаться неизбѣжныхъ, по его мнѣнію, затрудненій, которыя при иномъ исходѣ не замедлили бы нарушить его домашній миръ.

Къ этому присоединялись еще усиленныя занятія, которыхъ требовала отъ него его новая должность, и забота объ Ульрикѣ, которая ожидала третьяго своего ребенка и чувствовала себя въ послѣднія недѣли очень нехорошо. Это послѣднее обстоятельство побуждало и г-жу Утенговенъ хранить пока молчаніе и затаить въ себѣ выманенную ею у добродушнаго Готшалька тайну, какъ ни тягостно было для нея это молчаніе.

Открытіе, что зять ея—крещеный еврей и что онъ обманулъ ее, или, вѣрнѣе, ея дочь, преисполняло ужасомъ бла-

бросавшійся въ глаза отпечатокъ. Красивые, старинные дома ея съ наглухо запертыми дверьми своими, спущенными шторами и закрытыми окнами, имѣли какой-то таинственный, торжественный видъ. Лишь изрѣдка виднѣлась какая-нибудь лавка, еще рѣже раздавался стукъ и шумъ мастерской. Кругомъ царствовало глубокое молчаніе, изъ домовъ не раздавался ни дѣтскій шумъ, ни веселый смѣхъ, изъ мрачныхъ монастырскихъ зданій не выглядывало ни одно женское лицо. На заросшихъ травою тротуарахъ можно было встрѣтить только пожилыхъ патеровъ и молодыхъ семинаристовъ, ужасно напоминавшихъ своими красными мантіями вареныхъ раковъ. Вообще въ окрестностяхъ собора все вѣяло какимъ-то инымъ міромъ, даже въ воздухѣ носился запахъ ѳиміама и восковыхъ свѣчей.

Въ этой-то своеобразной обстановкѣ жилъ соборный деканъ, въ тихомъ, но далеко не бездѣятельномъ уединеніи. Квартира его, въ которую только что вошла г-жа Утенговенъ, отличалась даже какою-то искусственной простотой. Выбѣленная бѣлой краской стѣны его кабинета, въ которомъ онъ принялъ ее, лишены были всякихъ украшеній. Только надъ массивнымъ письменнымъ столомъ изъ неполированнаго дуба, заваленнымъ книгами и рукописями, висѣло большое распятіе изъ чернаго дерева, съ артистически выточеннымъ изъ слоновой кости изображеніемъ Спасителя.

Клеменсъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ красивыми, но неподвижными чертами лица, темно-голубыми глазами, блестѣвшими какимъ-то стальнымъ блескомъ, какъ-бы находившимися постоянно на сторожѣ подъ высокимъ, бѣлоснѣжнымъ лбомъ и подъ густыми, черными бровями, между тѣмъ какъ привѣтливая улыбка, игравшая на его тонкихъ губахъ, невольно подкупала всякаго и въ состояніи была бы ввести въ заблужденіе даже весьма наблюдательнаго человѣка относительно его характера и намѣреній. Высокая, стройная фигура, облеченная въ черный суконный подрясникъ, носила на себѣ одновременно отпечатокъ аристократической изящности и какой-то елейности.

Онъ привѣтствовалъ г-жу Утенговенъ любезно, съ оттѣн-

комъ прежней свѣтскости, ни въ чемъ не поступаясь однако достоинствомъ теперешняго своего положенія, фамильярно, но безъ малѣйшаго намека на прежнія ихъ отношенія. Онъ внимательно, не прерывая ее, выслушалъ ея разсказъ, ничѣмъ не обнаруживая своихъ мыслей.

— Очень интересное, хотя и непріятное открытіе—задумчиво сказалъ онъ, когда она кончила.—Ну а какъ-же относится къ этому ваша дочь?

— Она ничего еще не знаетъ, такъ какъ при настоящемъ ея положеніи ее нужно щадить.

— Гордая Ульрика — супруга выкреста изъ евреевъ, имѣющаго къ тому же еще и дочь отъ перваго брака...

— Она пожалуй умретъ, если ей неосторожно сообщить объ этомъ.

— Вотъ справедливое наказаніе за ея строптивость. Но и вы сами въ этомъ отчасти виноваты.

— Что мнѣ было дѣлать? Вы знаете, что я не желала этого брака. Но Ульрика была уже совершеннолѣтняя и считала г. Нейдека превосходной партіей.

— Но вамъ по крайней мѣрѣ слѣдовало настоять на томъ, чтобы всѣ безъ исключенія, имѣвшія родиться отъ этого брака дѣти были воспитываемы въ нашей святой религіи; а между тѣмъ сынъ ихъ, какъ я слышалъ, крещенъ въ протестанскую вѣру. Если бы я въ то время былъ уже викаріемъ, я бы не позволилъ католическому священнику совершить вѣнчаніе.

— Но, зная Ульрику, я боюсь, что она въ такомъ случаѣ не обратила бы вниманія на такое запрещеніе и удовольствовалась-бы вѣнчаніемъ по обрядамъ протестанской церкви.

— А въ такомъ случаѣ я бы до тѣхъ поръ не допускалъ ее къ святому причастію—строго возразилъ деканъ—пока она не смирилась-бы.

— Ну, сдѣланнаго уже не передѣлаешь—съ покорностью замѣтила г-жа Утенговенъ.—Я разсчитываю на вашъ совѣтъ, мой другъ, на ваше содѣйствіе въ этомъ крайне-непріятномъ дѣлѣ. Подумайте только о томъ, какой будетъ скандалъ,

если свѣтъ узнаетъ, что Ульрика—жена выкреста-еврея. На насъ станутъ указывать пальцами, все наше семейство, все общество отшатнется отъ насъ. Этого дочь моя не въ состояніи будетъ пережить.

— Что значатъ сужденіе свѣта въ сравненіи съ судомъ Божіимъ, временная печаль въ сравненіи съ вѣчными муками ада, ожидающими нераскаявшагося грѣшника! Предположимъ—чего я однако отнюдь не желаю—что ваша дочь серьезно заболѣетъ, жизнь ея будетъ находиться въ опасности—а это весьма возможно при нынѣшнемъ ея положеніи. Я нашелся бы вынужденнымъ, какъ ни тяжело это было-бы для меня—отказать въ отпущеніи грѣховъ, въ напутствованіи Св. Тайнами и даже въ христіанскомъ погребеніи.

Всякое слово достопочтеннаго декана было для г-жи Утенговенъ ударомъ молота и преисполняло душу ея страха и ужаса. Чѣмъ легкомысленнѣе была прежняя ея жизнь, тѣмъ усерднѣе она заботилась теперь о спасеніи своей души, тѣмъ пламеннѣе она искала въ вѣрѣ опоры и прощенія за всѣ свои прежнія великія и малыя прегрѣшенія. Ее страшила мысль о смерти, но еще болѣе страшили ее угрозы строгаго духовнаго отца, открытая имъ страшная перспектива адскихъ мукъ, въ которыхъ она ни мало не сомнѣвалась.

— Неужели вы на самомъ дѣлѣ можете быть такъ жестоки?—въ испугѣ спросила она.

— Я ничто иное—невозмутимо отвѣтилъ деканъ—какъ недостойный рабъ Божій, служитель Его святой церкви, имѣющей власть вязать и рѣшить, миловать и осуждать. Я обязанъ дѣлать то, что она велитъ мнѣ, исполнять то, что она предписываетъ. Не у меня вамъ слѣдуетъ искать совѣта и помощи, а у нея. Она строгая, но въ тоже время и милосердая мать, которая всегда готова раскрыть свои объятія кающемуся грѣшнику и простить ему.

— Неужели же вы требуете, чтобы я переговорила съ Ульрикой въ теперешнемъ ея положеніи и открыла ей всю истину?

— Хотя она въ сущности и вполнѣ заслужила-бы этого—отвѣтилъ деканъ болѣе мягкимъ голосомъ—но милосер-

дый Господь не желаетъ смерти преступника, пока тотъ можетъ еще раскаяться и исправиться. Я вполнѣ согласенъ съ вами въ томъ, что подобное извѣстіе можетъ вредно отозваться на здоровьѣ вашей дочери и даже угрожать ея жизни. Поэтому намъ слѣдуетъ пока быть осторожнымъ и избѣгать всякаго публичнаго скандала. Къ счастью, кажется никто не подозрѣваетъ истины, кромѣ насъ съ вами, да того учителя.

— Вы возвращаете мнѣ жизнь, уважаемый другъ мой! — воскликнула г-жа Утенговенъ, схвативъ его бѣлую, холеную руку.—Скажите же мнѣ, какъ мнѣ и впредь держаться въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ.

Откинувшись на спинку своего кресла, уставивъ глаза на висѣвшее передъ нимъ распятіе, деканъ, казалось, искалъ вдохновенія свыше, между тѣмъ какъ г-жа Утенговенъ съ видимой тревогой ждала его отвѣта. Она давно уже привыкла видѣть въ духовномъ другѣ своемъ уже не прежняго, грѣшнаго, подверженнаго земнымъ слабостямъ и порокамъ Кассельскаго аббата, а лишь высокаго служителя всесильной римской церкви, передъ приговоромъ котораго она готова была безропотно преклониться.

— Да, во всемъ, что вы сообщили мнѣ — промолвилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы — я вижу перстъ Провидѣнія, указывающій намъ на единственный путь для исправленія зла. Наша святая церковь смотритъ на такіе смѣшанные браки между католиками и протестантами, какъ на терпимое государствомъ внѣбрачное сожительство, и даже хуже, чѣмъ на это, потому что при такомъ сожительствѣ оскверняется не только тѣло, но и душа. Ваша дочь, во всякомъ случаѣ, совершила тяжкій грѣхъ и должна понести заслуженное наказаніе. Но и вы не менѣе виновны ея, тѣмъ, что допустили это.

— Вы знаете, что я всегда не одобряла этого брака— пыталась оправдываться г-жа Утенговенъ.

— Этого недостаточно для вашего оправданія —замѣтилъ деканъ.—Церковь не можетъ удовольствоваться молчаливымъ

протестомъ своихъ сыновъ противъ нарушенія ея постановленій.

— Но у меня были связаны руки и я, при всей моей доброй волѣ, не могла помѣшать этому злосчастному браку.

— Да, но за то вы можете теперь отвратить печальныя послѣдствія его и еще спасти души вашей дочери и ея невинныхъ дѣтей, съ толкомъ употребивъ находящіяся въ вашемъ распоряженіи средства.

— Я не понимаю, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать. Ваше преосвященство крайне обязали-бы меня...

— Ничего не можетъ быть проще—отвѣтилъ онъ медленнымъ, размѣреннымъ тономъ.—Вы должны позаботиться о томъ, чтобы не только дочери, но и сыновья, произошедшіе отъ этого брака, воспитались въ католической вѣрѣ. Сынъ вашей дочери не долженъ болѣе воспитываться въ протестанской вѣрѣ, а если Ульрика, какъ я желаю отъ всей души, разрѣшится отъ бремени сыномъ, и тотъ долженъ быть немедленно крещенъ по обрядамъ католической церкви.

Даже благочестивой, не чуждой ханжества г-жѣ Утенговенъ это требованіе показалось чрезмѣрнымъ и трудно-исполнимымъ. Поэтому, не смотря на то, что она совершенно находилась подъ вліяніемъ декана, она все-же осмѣлилась предъявить хотя робкій протестъ противъ его ультиматума, указывая ему на неизбѣжныя усложненія и затрудненія, на несомнѣнное сопротивленіе ея зятя, на твердый характеръ ея дочери, и стараясь убѣдить его въ невозможности принятія такихъ суровыхъ условій и склонить его къ нѣкоторой уступчивости.

Но всѣ ея вполнѣ основательныя возраженія и представленія, даже мольбы и слезы бѣдной женщины, не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на непоколебимаго декана, который сидѣлъ, какъ мраморная статуя, въ своемъ креслѣ, оставаясь глухъ ко всѣмъ ея просьбамъ и проявленіямъ ея отчаянія.

— Напрасно вы такъ волнуетесь — наконецъ сказалъ онъ съ ледянымъ равнодушіемъ.—Съ церковью нельзя тор-

говаться. Или вы сдѣлаете то, чего я требую, или же вы принудите меня отлучить отъ церкви не только вашу дочь, но и васъ. Я, впрочемъ, столь же мало понимаю ваше волненіе, сколь мало дѣйствуютъ на меня ваши доводы. Съ помощью сдѣланнаго вамъ открытія, вамъ не трудно будетъ добиться всякихъ уступокъ отъ вашего зятя. Случайно узнанный вами секретъ его даетъ въ руки превосходное оружіе, противъ котораго онъ, конечно, не въ состояніи будетъ устоять. Насколько я его знаю, онъ скорѣе подчинится и сдѣлаетъ то, чего отъ него требуютъ, чѣмъ довести дѣло до скандала и явиться въ глаза Ульрики обличеннымъ обманщикомъ. Крещенаго еврея, завѣдомаго лгуна, вамъ нечего щадить.

— Но—со вздохомъ вставила г-жа Утенговенъ — Нейдекъ остается моимъ зятемъ, которому я многимъ обязана.

— А все же—отвѣтилъ деканъ съ презрительной улыбкой—онъ вдвойнѣ еретикъ, и намъ нечего съ нимъ церемониться. Что же касается дочери вашей, то я согласенъ съ вами въ томъ, что ее пока слѣдуетъ щадить. Я поэтому не буду торопить васъ и готовъ дать вамъ время, чтобы мало по малу совершить необходимую подготовку. Такая умная женщина, какъ вы, сама пойметъ, что ей слѣдуетъ дѣлать. Пустите въ ходъ ваше материнское вліяніе, воспользуйтесь вашимъ женскимъ умомъ, употребите всѣ находящіяся въ вашемъ распоряженіи средства, чтобы снова возжечь полуугасшееся въ сердцѣ вашей дочери пламя вѣры. Я думаю, вы удобно можете воспользоваться при этомъ нынѣшнимъ положеніемъ Ульрики, предстоящее ей тяжелое испытаніе. Угнетенный вслѣдствіе болѣзни духъ болѣе доступенъ къ воспринятію утѣшеній церкви и къ голосу религіи. Въ виду смерти, у воротъ вѣчности, передъ которыми, быть можетъ, ваша дочь будетъ уже въ скоромъ времени стоять, даже самый храбрый человѣкъ ощущаетъ нѣкоторый страхъ и трепетъ. Для того, чтобы спасти душу, нужно пользоваться всякимъ средствомъ, ведущимъ къ цѣли.

— Я попытаюсь, хотя и думаю, что Ульрика едва-ли согласится дать обязательство относительно воспитанія въ католической религіи ожидаемаго ребенка; а въ томъ, что она не захочетъ воспитать католикомъ маленькаго Фридриха, я твердо убѣждена. На сколько я знаю ея характеръ, она въ этомъ пунктѣ останется непоколебимою, даже если ей все будетъ извѣстно, такъ какъ данное ею слово для нея свято.

— Церковь имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ право развязать ее отъ даннаго слова, и даже отъ самой торжественной клятвы — замѣтилъ деканъ, немного подумавъ.—Но я отнюдь не стою за такія крайнія мѣры, къ которымъ слѣдуетъ прибѣгать только въ крайнемъ случаѣ. Я самъ стою за болѣе мягкія средства, покуда можно обойтись ими. Мальчикъ еще молодъ и еще не пропитался еретическимъ ядомъ. Поэтому мы можемъ подождать; но только нужно изъять его отъ вліянія протестантизма. Къ счастію, г. Нейдекъ настолько занятъ, что ему нѣкогда слѣдить за воспитаніемъ своего сына. Вотъ тутъ-то и представляется широкое, прекрасное поприще для вашей благочестивой дѣятельности, многоуважаемая г-жа фонъ-Утенговенъ. Вы можете заслужить благодарность и благословеніе церкви, посѣявъ сѣмена единой истинной религіи въ впечатлительный, молодой умъ. При вашихъ столь близкихъ родственныхъ отношеніяхъ, при вашихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ мальчикомъ, вамъ не трудно будетъ, словомъ и дѣломъ, примѣромъ и поученіемъ, противодѣйствовать еретическимъ злоученіямъ и возвратить въ лоно церкви эту, принадлежащую намъ по праву, душу.

Мягкій, дружескій, и въ то же время рѣшительный тонъ, которымъ говорилъ сердцевѣдъ-деканъ, не могъ не устранить сомнѣній и колебаній встревоженной дамы и не ввести ее въ заблужденіе относительно истиннаго значенія навязываемой ей роли и принимаемой ею на себя отвѣтственности. То, чего требовалъ отъ нея ея духовникъ, казалось ей вполнѣ законнымъ и какъ нельзя болѣе совпадалъ съ ея собственными видами и желаніями.

Выросши и воспитавшись въ католицизмѣ, будучи глу-

боко убѣждена въ благотворной силѣ и могуществѣ римской церкви, которыя она такъ часто испытала на себѣ, будучи тѣсно связана съ строго-ортодоксальной партіей какъ рожденіемъ и личными отношеніями, такъ и семейными узами и привычкой, запуганная угрозами и убѣжденная увѣщеваніями декана, она рѣшилась исполнить его требованія, послѣдовать его совѣтамъ и повиноваться его приказаніямъ.

Съ вполнѣ успокоенной совѣстью и утѣшенная его обѣщаніями, г-жа Утенговенъ ушла отъ декана, который съ аристократической вѣжливостью проводилъ ее до подъѣзда, гдѣ онъ дружески распрощался съ нею, послѣ того какъ она еще разъ обѣщала ему строго сообразоваться съ его предписаніями. Оставшись одинъ, онъ схватилъ стоявшій передъ нимъ на столѣ серебряный колокольчикъ и позвонилъ лакея.

— Скажи патеру Игнатію, что я прошу его немедленно прійти ко мнѣ.

Нѣсколько минутъ спустя въ кабинетѣ декана появился приглашенный, ученикъ германской іезуитской коллегіи, занимавшійся при деканѣ должность частнаго секретаря и довѣреннаго лица. Это былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ 28, съ тонкимъ, умнымъ лицомъ. Онъ молча поклонился и остановился передъ своимъ начальникомъ съ сложенными на груди руками.

— Что вы уже отправили наше донесеніе въ Римъ? — спросилъ его деканъ.

— Нѣтъ, я желалъ дать его предварительно для прочтенія вашему преподобію.

— Тѣмъ лучше. Значитъ, вы можете присовокупить къ нему еще одно важное извѣстіе, которое я вамъ сейчасъ сообщу, извѣстіе о новой побѣдѣ, ниспосланной намъ Господомъ Богомъ. Вѣдь вы знаете совѣтника Нейдека?

— Какъ же! Это зять г-жи Утенговенъ и особый любимецъ губернатора—отвѣтилъ патеръ.

— Г-жа Утенговенъ, которая только что была у меня, сообщала мнѣ важную тайну, которая могла бы сильно

скомпрометировать г. Нейдека, еслибъ она стала гласной. Вы должны знать, что онъ, оставшись лютераниномъ, женился на католичкѣ, не давъ обязательства воспитывать всѣхъ своихъ дѣтей въ католической вѣрѣ.

— Понимаю—сказалъ патеръ, слегка улыбнувшись.-- Ваше преподобіе желаете воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы добиться отъ него не даннаго имъ прежде обязательства. Я преклоняюсь передъ умомъ и рвеніемъ г. декана.

— Да, но это не все, хотя спасеніе этихъ молодыхъ душъ я тоже могу поставить себѣ въ заслугу. Гораздо важнѣе моральное значеніе такого примѣра, какъ воспитаніе подобнымъ высокопоставленнымъ лицомъ дѣтей своихъ въ католической вѣрѣ.

— Въ Ватиканѣ съумѣютъ оцѣнить по достоинству эту вашу заслугу. Тамъ и обращеніе въ католицизмъ князя и княгини Гохштейнъ-Биркенштедтель приписываютъ преимущественно вашимъ стараніямъ. Какъ я узналъ отъ патера Урбана, ихъ свѣтлости намѣрены просить ваше преподобіе почтить вашимъ присутствіемъ ожидаемое въ непродолжительномъ времени освященіе выстроенной ими часовни.

— Небо видимо благословляетъ труды мои — скромно замѣтилъ деканъ.

— И это, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣнено по справедливости. При слѣдующемъ назначеніи епископовъ св. отецъ, конечно, не забудетъ г. декана, да и капитулъ, какъ одинъ человѣкъ, пожелаетъ имѣть во главѣ епархіи человѣка, который, независимо отъ своихъ заслугъ и своего рвенія, особенно пріятенъ римской куріи.

При упоминаніи объ этой пріятной перспективѣ, неподвижное въ обыкновенное время лицо декана засвѣтилось радостью и торжествующая улыбка заиграла на его тонкихъ губахъ, невольно обличая опытному наблюдателю его задушевныя желанія и его честолюбивые замыслы. Но уже черезъ секунду бѣлый, высокій лобъ его наморщился, взоръ его сдѣлался суровъ и изъ груди его вырвался сдавленный вздохъ.

— Объ этомъ теперь нечего и думать — сказалъ онъ, задумчиво покачивая головой. — Вы забываете, что правительство никогда не допуститъ моего избранія и ни подъ какими условіями не утвердитъ меня епископомъ, еслибы даже выборъ капитула и палъ на меня, недостойнаго раба Божьяго. Губернаторъ все еще не можетъ простить мнѣ того, что я не согласился признать его попечителемъ нашей католической академіи и что я обратился по этому поводу съ протестомъ къ самому королю. Онъ, безъ сомнѣнія, пуститъ въ ходъ все свое значительное вліяніе, чтобы помѣшать утвержденію меня въ санѣ епископа.

— Но долго ли! — воскликнулъ патеръ съ негодованіемъ — церковь Господня будетъ находиться подъ опекой протестантскаго государства! Мы не должны долѣе терпѣть подобныя вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла.

— И я того же мнѣнія. Но при жизни теперешняго нашего архіепископа на это нечего надѣяться.

— Тѣмъ необходимѣе, мнѣ кажется, становится выборъ въ архіепископы человѣка, который имѣлъ бы настолько мужества, чтобы вступить въ борьбу съ правительствомъ и свергнуть тяготѣющее надъ нашей церковью иго. Въ данномъ случаѣ весь соборный капитулъ поддержитъ г. декана; того же можно ожидать и отъ провинціальнаго духовенства, и отъ мѣстнаго дворянства. Все уже подготовлено въ этомъ смыслѣ и я не сомнѣваюсь въ побѣдѣ.

Снова на губахъ честолюбиваго декана промелькнула улыбка, снова лицо его просвѣтилось: онъ уже видѣлъ себя въ умѣ на архіепископскомъ креслѣ. Но затѣмъ у него появились прежнія сомнѣнія и опасенія, которыхъ онъ не въ состояніи былъ подавить. — Къ сожалѣнію — сказалъ онъ — мы еще очень далеки отъ нашей цѣли и при данныхъ обстоятельствахъ я даже не надѣюсь достигнуть ее. Я по крайней мѣрѣ не считаю этого возможнымъ до тѣхъ поръ, пока правительство, и въ особенности нашъ губернаторъ, будутъ, какъ того слѣдуетъ ожидать, противиться моему назначенію.

— Но неужели нѣтъ средствъ, чтобъ устранить это сопротивленіе?—скромно и тихимъ голосомъ спросилъ патеръ Игнатій.

— Я опасаюсь, что разрывъ окончателенъ, что губернаторъ никогда не проститъ мнѣ прежнихъ моихъ нападокъ на него—отвѣтилъ деканъ съ притворной покорностью.

— На вашемъ мѣстѣ я бы по крайней мѣрѣ сдѣлалъ попытку примириться съ этимъ вліятельнымъ человѣкомъ и расположить его въ свою пользу.

— Это былъ бы напрасный трудъ, такъ какъ губернаторъ отличается твердымъ, упрямымъ характеромъ и не пойдетъ ни на какіе компромиссы.

На тонкихъ губахъ патера скользнула едва замѣтная улыбка, которую однако подмѣтилъ деканъ.—Вы, кажется, сомнѣваетесь—сказалъ онъ задумчиво; но это происходитъ отъ того, что вы не знаете губернатора такъ хорошо, какъ я его знаю.

— Онъ человѣкъ—отвѣтилъ іезуитъ—а всякій человѣкъ имѣетъ свои слабыя, уязвимыя стороны. И у губернатора есть друзья, знакомые, любимцы, имѣющіе на него прямое или косвенное вліяніе. Къ числу такихъ людей, сколько мнѣ извѣстно, принадлежитъ г. Нейдекъ. Если бы ваше преподобіе захотѣли воспользоваться секретомъ, который открылъ вамъ счастливый случай...

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—воскликнулъ деканъ—вы подаете мнѣ отличную мысль, за которую я вамъ очень благодаренъ. Я самъ и не подумалъ объ этомъ. Сейчасъ видно, что вы не даромъ посѣщали іезуитскую коллегію.

Удостоившійся такой похвалы ученикъ іезуитовъ скромно, съ опущенными долу глазами, поклонился своему умному и гордому начальнику, который, самъ того не подозрѣвая, находился совершенно подъ его вліяніемъ, являлся только орудіемъ въ рукахъ своего ловкаго секретаря, въ свою очередь буквально исполнявшаго тайныя приказанія генерала іезуитскаго ордена.

Позади скромнаго патера стояло могущественное „обще-

ство Іисуса", генералъ котораго умно и толково управлялъ изъ Рима дѣятельностью католическаго духовенства на всемъ земномъ шарѣ. Тутъ-то находился центръ тяжести той религіозной реакціи, которая сѣтью раскинулась по всему земному шару, въ видахъ возвращенія католической церкви прежняго ея вліянія. Масса невидимыхъ нитей соединялась въ рукахъ руководителей возстановленнаго ордена, выказывавшихъ въ эту эпоху столь же усиленную, какъ и опасную дѣятельность, и съ замѣчательной энергіей стремившихся возвратить себѣ прежнюю власть и могущество. Опираясь на наступившую около этого же времени политическую реакцію, они ловко воспользовались благопріятнымъ настроеніемъ свѣтской власти, страхомъ передъ только что побѣжденной революціей, потребностью вѣры, сказывавшейся въ потрясенныхъ послѣдними крупными политическими событіями умахъ, отвращеніемъ образованныхъ классовъ къ грубому раціонализму, романтическимъ влеченіемъ ко всякимъ воспоминаніямъ о прошломъ, къ среднимъ вѣкамъ, съ ихъ величественной архитектурой и поэзіей, вообще всѣмъ тогдашнимъ консервативнымъ направленіемъ, для того чтобы создать новое теократическое зданіе, вѣнцомъ котораго должно было быть папство, а главными подпорами — іезуиты. Отъ нихъ и ихъ приверженцевъ исходилъ лозунгъ о необходимости охраненія консервативныхъ интересовъ, сбившій съ толку даже и протестанскія правительства, ко вреду послѣднихъ. Нашлись даровитые, преданные іезуитамъ, писатели, требовавшіе возстановленія папской власти и подчиненія гражданскаго государства церкви.

Посѣянное усердіемъ іезуитовъ сѣмя не замедлило взойти и принести желаемые плоды. Позабытыя или совсѣмъ отмѣненныя пилигримства и процессіи снова возобновились, строились новые монастыри и церкви. Разные мнимые чудотворцы, какъ напримѣръ, извѣстный князь Гозенлоэ и не менѣе извѣстный патеръ Гасснеръ, подъ покровомъ церкви вводили въ заблужденіе толпу, а лжепророки, въ родѣ крестьянина Мортина, окончательно сбивали ее съ толку. Прельстившись величіемъ, могуществомъ и блескомъ католической

церкви, въ ея лоно стали возвращаться не только мечтательные поэты и художники, не только старые и молодые грѣшники, наскучившіе жизнью жуиры и кающіяся Магдалины, но даже высокопоставленные и знаменитые мужи, какъ напримѣръ, тогдашній герцогъ Ангальтъ-Кетена, медіатизированный князь Гохтшейнскій и др.

Всюду іезуиты являлись тайными руководителями и иниціаторами этой религіозной реакціи, выказывая неутомимую дѣятельность въ исповѣдальнѣ, на каѳедрѣ, въ качествѣ духовныхъ руководителей и миссіонеровъ. При французскомъ дворѣ, подъ управленіемъ ханжи-Бурбона, они пользовались такимъ неограниченнымъ вліяніемъ на короля и на всѣхъ окружающихъ его, что въ сущности являлись неограниченными властителями страны, и ничего не дѣлалось безъ ихъ согласія. Не менѣе могущественны они были въ Испаніи, гдѣ мстительный Фердинандъ кровавыми мѣрами подавилъ свободу. Въ Бельгіи они подстрекали католиковъ къ возстанію противъ протестантскаго голландскаго короля. Въ Піемонтѣ, Пармѣ и особенно въ Неаполѣ они также стояли во главѣ полической и религіозной реакціи.

Даже въ Германіи имъ удалось снова стать твердою ногою, хотя протестантская высшая власть и большая образованность народа затрудняли здѣсь их задачу и побуждали ихъ быть осторожнѣе, такъ какъ именно въ Германіи могуществу Рима однажды, а именно въ эпоху реформаціи. уже нанесенъ былъ тяжкій ударъ. Тѣмъ усерднѣе іезуиты хлопотали, хотя и втихомолку, о томъ, чтобы вновь занять утраченную позицію. Поощренные одержанными до сихъ поръ успѣхами, они прежде всего стремились къ тому, чтобы сдѣлать высшее духовенство въ католическихъ провинціяхъ Германіи послушнымъ орудіемъ римской церкви, преданными слугами папы, которые безпрекословно повиновались бы предписаніямъ и распоряженіямъ изъ Рима, совершенно пренебрегая законами своего отечества и обязанностями своими по отношенію къ нему.

Большинство тогдашнихъ германскихъ епископовъ, въ

особенности престарѣлый архіепископъ Кельнскій, графъ Шпигель, все еще противились этимъ требованіямъ и проискамъ іезуитовъ. Но за то значительная часть католическихъ духовныхъ изъ молодыхъ, побуждаемыхъ частью честолюбіемъ, частью другими соображеніями, выказывала склонность дѣйствовать въ духѣ іезуитовъ. Особенное рвеніе обнаруживалъ въ этомъ отношеніи гордый деканъ, считавшій себя обиженнымъ правительствомъ. Онъ поспѣшилъ вступить въ тѣсный союзъ съ іезуитами, надѣясь съ ихъ помощью добиться избранія своего въ архіепископы, въ виду ожидавшейся со дня на день смерти графа Шпигеля. Ради этого онъ готовъ былъ слѣпо повиноваться имъ и вполнѣ подчиниться ихъ руководству, отрекаясь отъ своего собственнаго, болѣе разумнаго взгляда на вещи. Полагаясь на ихъ обѣщанія и на поддержку Рима, онъ не задумался своимъ неумѣстнымъ рвеніемъ нарушить господствовавшій въ той провинціи глубокій религіозный миръ и открыто пойти противъ распоряженій правительства, причемъ онъ однако совершенно неожиданно натолкнулся на сопротивленіе со стороны энергическаго губернатора. Онъ не безъ основанія полагалъ, что правительство не захочетъ утвердить столь пламенно желаемаго и навѣрное ожидаемаго имъ избранія его въ архіепископы. Поэтому онъ особенно хлопоталъ о томъ, чтобъ устранить эти затрудненія, усыпить подозрительность правительства и въ особенности о томъ, чтобы примириться съ вліятельнымъ губернаторомъ, съ которымъ онъ до сихъ поръ былъ на ножахъ, и расположить его въ свою пользу.

Поэтому онъ съ радостью ухватился за данный ему его умнымъ секретаремъ, ученикомъ и орудіемъ іезуитовъ, совѣтъ, хотя и не могъ скрыть отъ себя представлявшихся при этомъ затрудненій.

— Я не думаю—задумчиво сказалъ онъ—чтобы губернаторъ, послѣ всѣхъ бывшихъ непріятныхъ столкновеній, сталъ поддерживать мое избраніе, даже въ томъ случаѣ, еслибы совѣтникъ его дѣйствительно обладалъ такимъ большимъ вліяніемъ и пожелалъ бы употребить его въ мою пользу.

— На первое время—замѣтилъ патеръ—было бы доста-

точно возобновить сношенія съ губернаторомъ и сдѣлать попытку къ сближенію, а въ этомъ намъ, безъ сомнѣнія, г. Нейдекъ можетъ оказать большую помощь. Онъ, понятно, не откажется, если только умѣючи приступить къ дѣлу, принять на себя роль посредника и ослабить предубѣжденія своего начальника. А затѣмъ остальное—уже наше дѣло, и я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что вамъ, при вашей обходительности и любезности, не трудно будетъ добиться желаемаго результата.

— Да, но губернаторъ не такой человѣкъ, который въ состояніи былъ бы удовлетвориться сладкими рѣчами. Онъ слишкомъ уменъ и подозрителенъ, чтобы принять всѣ наши увѣренія за чистую монету. Онъ потребуетъ отъ меня, именемъ правительства, положительныхъ обѣщаній и гарантій, которыхъ я не могу, да и не желаю ему дать.

Патеръ скромно наклонилъ голову, не возражая декану, хотя выраженіе лица его, легкое пожиманіе плечами и слегка ироническій взглядъ слишкомъ ясно показывали, что онъ отнюдь не былъ согласенъ съ мнѣніемъ своего начальника.

— Вы, повидимому, несогласны со мною? Отчего же вы не выскажетесь? спросилъ деканъ.

— Извините,—скромно отвѣтилъ іезуитъ—если я осмѣлюсь дать вашему преосвященству совѣтъ, почерпнутый мною изъ изученія самыхъ первыхъ авторитетовъ и знаменитыхъ казуистовъ. Въ случаѣ, подобномъ настоящему, гдѣ дѣло касается важнѣйшихъ интересовъ церкви, наши знаменитые учителя считаютъ „молчаливую оговорку“ не только дозволительной, но и необходимой.

Деканъ продолжалъ молчать, не прерывая патера. Послѣдній истолковалъ это молчаніе въ смыслѣ знака поощренія и продолжалъ спокойнымъ тономъ, слѣдя въ то же время внимательнымъ взоромъ за впечатлѣніемъ, производимымъ его словами.

— Великій Эскобаръ — говорилъ іезуитъ — пишетъ въ своемъ учебникѣ нравственнаго богословія буквально слѣ-

дующее: „Обѣщаніе тебя ни къ чему не обязываетъ, если ты, давая его, не имѣлъ намѣренія принять на себя дѣйствительное обязательство". Равнымъ образомъ ученый Кастро Палао утверждаетъ, что если существуетъ уважительная причина для того, чтобы скрыть истину, можно, не совѣршая грѣха, воспользоваться двусмысленной клятвой. Если поэтому вопрошающій тебя приглашаетъ тебя сказать ему истинную правду, то можно поклясться съ внутренней оговоркой. Даже и юристы признаютъ, что отъ свидѣтеля не требуется такихъ показаній, которыми установляется его собственная виновность. Можно также отречься отъ даннаго брачнаго обѣщанія, если въ то время, когда оно давалось, тотъ, кто его давалъ, не думалъ серьезно объ исполненіи его. Кредиторъ, требующій уплаты по векселю, имѣетъ право потребовать уплаты всей значущейся на векселѣ суммы, хотя бы онъ уже и получилъ часть ея, если онъ утверждаетъ и клянется, что ему слѣдуетъ получить еще всю сумму. Наоборотъ, должникъ, отъ котораго требуютъ большей суммы, чѣмъ какую онъ въ дѣйствительности долженъ, можетъ отпереться отъ всего своего долга въ томъ случаѣ, если онъ, признавъ часть его, долженъ опасаться, что отъ него потребуютъ вторичной уплаты разъ уже уплаченнаго».

Патеръ остановился, въ ожиданіи, что деканъ станетъ возражать противъ его іезуитской казуистики, но тотъ молчалъ.

— И такъ—продолжалъ іезуитъ съ логической послѣдовательностью—если уже въ самыхъ обыденныхъ явленіяхъ вседневной жизни, по мнѣнію этихъ великихъ и святыхъ мужей, дозволительно скрывать истину и, съ должной оговоркой, давать ни къ чему обязывающія обѣщанія и клятвы, то тѣмъ паче это дозволительно при такомъ важномъ случаѣ, какъ избраніе г. декана въ архіепископы, которое несомнѣнно является дѣломъ богоугоднымъ и послужитъ церкви на благо и пользу. Я поэтому на мѣстѣ вашего преподобія нисколько не задумался бы дать губернатору всякую требуемую имъ гарантію, тѣмъ болѣе, что я убѣжденъ, что какъ святой отецъ, такъ и генералъ іезуитскаго ордена, въ

виду важности обстоятельствъ, охотно заранѣе дадутъ вамъ полное отпущеніе за нѣкоторое отступленіе отъ строгихъ правилъ церкви, сдѣланное въ ея же интересахъ.

— Ну, посмотримъ—отвѣтилъ прелатъ, слегка улыбнувшись — что можно будетъ сдѣлать. Во славу Божію и для блага нашей церкви я готовъ на всякую жертву. Напишите обо всемъ этомъ въ Римъ и отправьте ваше донесеніе еще сегодня, такъ какъ намъ нельзя терять времени.

Максъ Рингъ.

(Продолженіе будетъ).

ЯКОВЪ ФРАНКЪ И ЕГО СЕКТА ХРИСТІАНСТВУЮЩИХЪ *.

II. Франкъ и Франкисты.

Это—глубоко-интересная и замѣчательная личность. Ореолъ таинственности окружалъ эту удивительную, не вполнѣ разгаданную личность до самаго недавняго времени, да и понынѣ поэтическій туманъ, облекавшій ее, не совсѣмъ еще разсѣялся, хотя и значительно разрѣдился. «Еврейскій Каліостро» — какъ весьма мѣтко охарактеризовалъ Грецъ личность Франка — не уступаетъ въ этомъ отношеніи своему прототипу. Мелкій торговецъ Янкелъ Лейбовичъ, энергическій агитаторъ-мистикъ, сдѣлавшійся предметомъ особаго религіознаго культа, предводитель и повелитель многочисленной мистической арміи и, наконецъ, князь и владѣтельный баронъ Офенбахскій фонъ-Франкъ, обладатель великолѣпнаго замка, громадной свиты и отецъ очаровательной дочери, на происхожденіи которой лежитъ глубокая политическая тайна, — наврядъ-ли кто сразу повѣритъ, что все это — метаморфозы одной и той же личности.... Это — одна изъ тѣхъ полузагадочныхъ натуръ, которыя окрыляютъ фантазію поэта, оживляютъ кисть художника и даютъ романисту или драматургу матеріалъ для грандіозной постройки. Нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ, дѣйствительно, и сдѣланы. Августъ Беккеръ дѣлаетъ Франка и его дочь, Еву, героями своего фантастическаго романа «Des Rabbi Vermächtniss» («Завѣщаніе Раввина»). Шенкъ-Ринкъ въ своемъ описаніи «Die

---

* См. «Восходъ» за 1883 г. кн. I—II.

Polen in Offenbach» (Frankfurt, 1866) также окружаетъ личности Франка и его дочери фантастическимъ туманомъ, тѣмъ, что романтики называютъ „nimbus poeticus“, и приписываетъ имъ какіе-то грандіозные міровые замыслы.

Историческое изслѣдованіе, однако, если не совсѣмъ уничтожило, то до минимума разрѣдило, сдѣлало совершенно прозрачнымъ густой туманъ, окружавшій личность Франка. Нѣсколко темными остались только нѣкоторые моменты жизни Франка, въ особенности конецъ его карьеры. Да въ такихъ исторіяхъ, въ мистико-религіозныхъ движеніяхъ, нельзя и требовать совершенной ясности въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, какъ близко ни было къ намъ время появленія подобныхъ героевъ. Передъ подобными личностями самые проницательные современники часто становятся въ тупикъ. Только внимательное, историческое и психологическое, изученіе ихъ дѣйствій можетъ намъ представить нравственный ихъ обликъ въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ чертахъ.

Для историка-прагматика, франкистская агитація, кромѣ важности, которую она имѣетъ сама по себѣ въ исторіи мистическаго сектаторства среди евреевъ, представляетъ еще глубокій интересъ по другой причинѣ. Эта агитація вызвала къ жизни такія характерныя явленія, которыя проливаютъ яркій свѣтъ на цѣлую эпоху въ исторіи польско-русскихъ евреевъ. Два крупныхъ религіозныхъ диспута, масса королевскихъ и церковныхъ декретовъ, сожженіе Талмуда, массовое крещеніе — вотъ замѣчательнѣйшіе эпизоды франкистскаго движенія. Послѣднее, поэтому, является не чѣмъ-то замкнутымъ, изолированнымъ отъ общаго теченія современной еврейской жизни, но есть знаменіе времени, представляющее много важныхъ и любопытныхъ иллюстрацій къ исторіи духовной и соціальной жизни тогдашняго еврейства, — и потому именно и заслуживаетъ самаго внимательнаго изслѣдованія.

I.

Яковъ Лейбовичъ родился въ 1720 году, въ маленькомъ галиційскомъ городѣ Бучачѣ. Отецъ его, рабби Іегуда-Лейбъ, былъ одно время раввиномъ въ Черновицахъ, городкѣ, принад-

лежавшемъ тогда Валахіи, гдѣ Яковъ получилъ первоначальное воспитаніе. Началось воспитаніе ребенка, конечно, по традиціонной системѣ. Отцу хотѣлось непремѣнно сдѣлать изъ своего сына ученаго раввина, но вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что это желаніе невыполнимо. Сынъ, юркій и хитрый мальчишка, и слышать не хотѣлъ о талмудѣ. Онъ обнаружилъ такую невнимательность и неспособность къ хедерной наукѣ, что отецъ вынужденъ былъ прекратить съ нимъ всякія учебныя занятія, когда мальчику минуло 13 лѣтъ. Но мальчикъ очень любилъ читать каббалистическія книги, и собственныя усилія помогли ему ознакомиться съ главными твореніями каббалистической литературы. Предметы, питающіе чувство и воображеніе, Яковъ всегда предпочиталъ предметамъ, дающимъ пищу уму, да еще такую сухую, неудобоваримую пищу, какъ талмудическая казуистика. Но при этомъ мальчикъ не доходилъ до аскетизма: послѣдній былъ совершенно не въ его характерѣ. Наоборотъ, Яковъ любилъ внѣшній блескъ и впослѣдствіи часто разсказывалъ, какъ ему удалось однажды, еще ребенкомъ, ловко обмануть своего отца для полученія новаго платья. Эти черты сохранились во Франкѣ во всю его жизнь, и онѣ то придаютъ всей его дѣятельности особенную окраску, отличающую его отъ всѣхъ его предшественниковъ на поприщѣ религіозныхъ мистификацій... Своимъ незнаніемъ по части раввинской мудрости онъ не только не стѣснялся, но даже вмѣнялъ себѣ это незнаніе въ особую заслугу. „Я—неучъ, *амгаарецъ* (невѣжда)“ — писалъ онъ позже, во время заключенія въ Ченстоховѣ *. „Когда мнѣ велѣли ѣхать въ Польшу, я сказалъ: пусть ѣдетъ р. Иссохеръ или р. Мордхе, ибо они—люди ученые, а я большой *простакъ*“ **. Такія выходки были, впрочемъ, совершенно въ духѣ всей его послѣдующей анти-талмудической агитаціи.

Тринадцати лѣтъ, освободившись изъ подъ школьной опеки и предоставленный самому себѣ, Яковъ Лейбовичъ уѣхалъ въ

---

* *Skimborowicz.* Ziwot, Skon i Nauka Franka, p. 49, № XIV.—*Graetz.* Frank und die Frankisten, p. 9.

** Ibid. p. 45, № VI.

Букарештъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ находился въ услуженіи у одного торговца, польскаго еврея, Мордухая Моргулиса. Потомъ онъ съ своимъ принципаломъ отправился въ Салоники, гдѣ занимался торговлею драгоцѣнными камнями и металлами; часто ѣздилъ онъ по дѣламъ торговли въ Никополь и Смирну. Нѣтъ сомнѣнія, что это пребываніе въ Салоникахъ, въ этомъ гнѣздѣ саббатіанства и самаго дикаго мистицизма, имѣло рѣшительное вліяніе на характеръ и умственный складъ Франка. Здѣсь, въ резиденціи саббатіанцевъ, Франкъ сблизился съ представителями самаго крайняго мистико-мессіянскаго направленія. Въ это время (послѣ 1740 года) Берахій умеръ и династія саббатіанская прекратилась по мужской линіи *; осталась вдова Берахія и дочь, молодая дѣвушка. Саббатіанцы не замедлили посадить ихъ на мессіянскій престолъ, причемъ вдова называлась у нихъ символически „гевира“ или „матрониса“ (госпожа, матрона, по аналогіи съ женскою половиною Бога—*Шехиною*, также называвшеюся „матрониса“), а молодая дѣвушка носила имя „наара кадиша“ (пресвятая дѣва, нареченная Бога). Культъ самаго безумнаго мистическаго мессіянизма исповѣдывался въ средѣ турецкихъ саббатіанцевъ. Франкъ, по характеру предрасположенный ко всему мистическому, въ особенности ко всякой матеріализаціи Божества, не замедлилъ, конечно, сдѣлаться самымъ ревностнымъ послѣдователемъ саббатіанизма. Какъ правовѣрный саббатіанецъ, онъ не задумался принять магометанство, чтобы по внѣшнему, номинальному исповѣданію уподобиться творцу секты; на самомъ же дѣлѣ, онъ продолжалъ оставаться въ душѣ сектантомъ-мессіянистомъ, какъ и всѣ его единомышленники. Отъ этихъ послѣднихъ Франкъ унаслѣдовалъ то полное равнодушіе ко всякой религіозной формѣ, которое впослѣдствіи его отличало и благодаря которому онъ мѣнялъ религіи съ такою же легкостью, съ какою мѣнялъ платье.

По внѣшности Яковъ Франкъ былъ очень некрасивъ, даже безобразенъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ;

* Ср. выше, глава I.

онъ не имѣлъ никакого дара слова, и даже произношеніе у него было неясное, но въ выраженіи его лица было нѣчто строгое, повелительное и внушавшее страхъ. Въ кругу салоникскихъ своихъ собратьевъ онъ старался играть начальническую роль, что ему, конечно, не легко удавалось. Основываясь на весьма распространенной теоріи о „переселеніи душъ" или „сродствѣ" (метампсихоза), Франкъ увѣрялъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ сродство съ душою Саббатая Цеви. Онъ даже пошелъ на могилу пророка Натана, чтобы сообщиться съ нимъ духовно. Въ 1752 году, Франкъ женился въ Никополѣ, на одной очень красивой дѣвушкѣ, по имени Хана. Вѣрный тактикѣ своихъ предшественниковъ на поприщѣ мистификацій, Франкъ старался эксплоатировать для своихъ цѣлей и красоту жены. „Она (жена Франка) — такъ разсказываетъ Эмденъ — была женщина замѣчательной красоты.... и предалась, какъ непотребная, той безбожной шайкѣ (саббатіанцевъ), а также имѣла преболюдѣйныя связи (вѣроятно, уже позже, въ Польшѣ) съ священниками и панами". Отъ Ханы у Франка родились два сына, Іосифъ и Яковъ, а потомъ и одна дочь — Ева.

Но въ Турціи Франку рѣшительно не везло по части мистификаціи; его робкія попытки стяжать себѣ славу чудодѣя и святого вызвали ожесточенное сопротивленіе. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что салоникскіе евреи наняли одного турка, чтобы его убить, но турецкая администрація ему покровительствовала и даже самъ султанъ окружалъ его всякими почестями. Но онъ, будто, слышалъ тайный, внутренній голосъ, который велѣлъ ему идти въ Польшу. Однажды — увѣрялъ онъ—къ нему явился во снѣ самъ Саббатай Цеви и приказалъ идти въ Подолію, обѣщая ему громадный успѣхъ *. Тайнаго голоса онъ, конечно, не слышалъ, но что онъ узналъ о существованіи въ сосѣдней Подоліи тайной и преслѣдуемой саббатіанской секты—это не подлежитъ сомнѣнію. Онъ могъ также узнать о томъ, что секта эта не имѣла никакого предводителя. Удобная почва и моментъ удобный — почему бы не вос-

* *Skimborowicz.* Nauka Franka, p. 46, № VII.

пользоваться?... И въ ноябрѣ 1755 года мы уже застаемъ Якова Франка въ Польшѣ.

Здѣсь кстати замѣтить, что прозвище *Франкъ* (а по нѣкоторымъ *Френкъ*) Яковъ Лейбовичъ получилъ въ Турціи, гдѣ этимъ именемъ называли всякаго выходца изъ Европы. Это общее, родовое прозваніе сдѣлалось впослѣдствіи личной фамиліей надѣлавшаго такъ много шуму агитатора.

Франкъ появился прежде всего въ Подоліи. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Преслѣдуемые подольскіе саббатіанцы искали себѣ пастыря, а Франкъ искалъ паствы, и каждая сторона нашла въ другой искомое. Франкъ разъѣзжалъ по подольскимъ и галиційскимъ городкамъ, служившимъ тогда главными центрами тайныхъ саббатіанцевъ, какъ то: Рогатинъ, Буйскъ, Надворна, Ласкорунъ и др., всюду вербуя многочисленныхъ приверженцевъ. Уже одно его долгое пребываніе въ Салоникахъ внушало польскимъ саббатіанцамъ уваженіе къ нему, какъ къ каббалистическому авторитету. Кромѣ того Франкъ привлекалъ къ себѣ бѣдныхъ щедрою раздачей милостыни, (такъ какъ онъ владѣлъ порядочнымъ состояніемъ, пріобрѣтеннымъ ли въ торговлѣ, или составленнымъ изъ пожертвованій его богатыхъ послѣдователей). Но главная пружина, пущенная имъ въ ходъ, это—чудодѣйствія и каббалистическія толкованія, средства уже испытанныя и вѣрныя въ подобныхъ случаяхъ. Прежде всего онъ открылъ своимъ слушателямъ, что въ немъ воплотилась душа саббатіанскаго мессіи Берахія, (послѣдній же, какъ извѣстно, считался воплощеніемъ одного изъ трехъ лицъ Божества); какъ отпрыскъ Божества, онъ, Франкъ, имѣетъ власть надъ невидимыми силами вселенной и можетъ совершать чудеса, предсказывать будущее и т. п. Онъ и старался увѣрять въ этомъ своихъ слушателей на дѣлѣ, что̀ ему было тѣмъ легче, чѣмъ легковѣрнѣе и предубѣжденнѣе была толпа, его слушавшая. Онъ представлялъ имъ разные фокусы, въ родѣ тѣхъ, какими дебютировалъ многоумный Лейбеле Просницъ (срав. выше, гл. III). Каббалистическими толкованіями и сочетаніями Франкъ пользовался въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Кто знаетъ, какое дѣйствіе производятъ подобныя толкованія въ

устахъ цадиковъ въ настоящее даже время; кто знаетъ, какъ одна ловкая буквенная комбинація, мистически приправленная, способна и по сіе время восхищать вѣрующихъ и внушать имъ непоколебимую вѣру въ самые даже нелѣпые выводы, какіе могутъ быть сдѣланы изъ этой комбинаціи,—тотъ пойметъ, какое поразительное дѣйствіе на умы слушателей должны были имѣть подобные пріемы сто лѣтъ тому назадъ. Для человѣка, мало мальски знакомаго съ современнымъ цадикизмомъ, быстрый успѣхъ Франковой агитаціи нисколько не покажется удивительнымъ, или неестественнымъ.

Яковъ Франкъ примѣнялъ къ себѣ стихъ Писанія: «Какъ хороши шатры твои, о *Яковъ*!» Онъ говаривалъ, что подобно тому, какъ евреи, по выходѣ изъ Египта, блуждали сорокъ лѣтъ въ пустынѣ, пока прибыли въ обѣтованный Ханаанъ, точно такъ же польскіе саббатіанцы должны были сорокъ лѣтъ (съ 1715 года — времени появленія перваго основателя саббатіанской секты въ Польшѣ, Хаима Малаха * — по 1755 годъ, когда явился онъ самъ, Франкъ) блуждать и оставаться безъ предводителя, пока вотъ, въ его лицѣ, не явился для нихъ новый Іисусъ Навинъ.

Подобными толкованіями онъ магически вліялъ на умы темной и предубѣжденной массы. Онъ прослылъ святымъ мужемъ, душа котораго родственна или вполнѣ тождественна съ душою Берахія. Между саббатіанцами давно уже были въ ходу тайныя молитвы, обращаемыя къ Саббатаю Цеви и его мессіанскимъ наслѣдникамъ. Такія молитвы произносились и въ честь Франка, на тайныхъ сходбищахъ его адептовъ. Приведу, для примѣра, въ сокращеніи, одну изъ такихъ молитвъ, очень характерную **. «Да будетъ воля Твоя, Господи! Да осчастливишь насъ ученіемъ твоимъ и привяжешь насъ къ заповѣдямъ твоимъ... Укрѣпи вѣру Твою въ сердцахъ нашихъ, и да будутъ всѣ дѣянія наши направлены согласно *Торѣ*, *вну-*

* Ср. выше, гл. II.

** *Эмденъ*. Сеферъ Шимушъ р. 7: мною заимствовано изъ Греца «Frank u. die Frankisten», Beilage VI, S. XXXIII.

шенной наитіемъ Твоимъ *, только во имя Твое SS **, дабы познать величіе Твое, что Ты — истинный Богъ и властелинъ міра, что Ты *нашъ мессія, который жилъ въ мірѣ плотскомъ, упразднилъ Тору творенія, и взошелъ на мѣсто свое* для искорененія всѣхъ міровъ... *Ты—Богъ, Саббатай Цеви*, въ рукѣ твоей оставляю я дыханіе и душу свою SS»... Сборища, гдѣ произносились эти молитвы, происходили чаще всего въ домѣ Франка.

Адепты его называли себя „зогаристами“, такъ какъ признавали «Зогаръ» за единственную, истинную тору, долженствующую служить практическимъ кодексомъ. Немного позже они выступили въ роли «контраталмудистовъ». Вражда къ талмуду лежала въ основѣ ученія Франка и его приверженцевъ. Между послѣдними былъ очень распространенъ слѣдующій миѳъ, которому всѣ безусловно вѣрили. На томъ основаніи, что авторомъ «Зогара», по общему мнѣнію, былъ р. Симонъ-бенъ-Іохаи, танаитъ 2-го вѣка по Р. Х., пущена въ ходъ басня, что этотъ самый Симонъ во главѣ цѣлой партіи еще тогда, 16 вѣковъ тому назадъ, образовалъ твердую оппозицію противъ талмудистовъ, создававшихъ множество законовъ и извращавшихъ смыслъ Писанія ***... Зогаръ—вотъ, истинное толкованіе св. Писанія, проникающее въ глубокій его смыслъ; талмудъ—толкованіе ложное. Съ этимъ лозунгомъ выступили франкисты на путь агитаціи.

---

* Я такъ перевожу выраженіе תורה דאצילות (Тора, составленная по божественному наитію, по *интуиціи*). Не держись я слога молитвеннаго не допускающаго философскихъ терминовъ, я бы приведенное выраженіе перевелъ «*Тора интуитивная*», что было бы точно и характерно. Подъ этимъ именемъ саббатіанцы подразумѣвали «Зогаръ» или вообще каббалу, въ отличіе отъ תורה דבריאה или Торы (трактующей) о твореніи, торы практической, т. е. Библія и Талмудъ. Интуитивная тора имѣла въ глазахъ саббатіанцевъ какъ въ послѣдствіи—въ глазахъ хасидовъ, неизмѣримое превосходство надъ практической, торою; болѣе того, послѣдняя считалась даже совершенно упраздненною... Въ этомъ смыслѣ крайне характерны слѣдующія строки молитвы. Вообще, въ этой молитвѣ выраженъ совершенно ясно принципъ вочеловѣченія божія.

** Это сокращеніе означаетъ Santo Senor (по испански святой владыка) каковымъ именемъ называли сначала Саббатая Цеву, а потомъ Франка.

*** Все это франкисты сами разъяснили позже въ своихъ «манифестаціяхъ» подававшихся епископамъ. Ср. ниже, гл. IV.

II.

Талмуду и религіозному формализму была объявлена война. Но не одному только талмуду: многіе принципы нравственности подверглись атакѣ франкистовъ.

Это уже — горькіе плоды того возмутительнаго порядка вещей, при которомъ обязанности нравственныя отождествляются съ обязанностями религіозно-обрядовыми. Это — неизбѣжный гибельный результатъ того круга понятій, согласно которому внѣшняя религіозность—все, а нравственность междучеловѣческая—только незначительный къ нему привѣсокъ, который держится лишь до того времени, пока *все* чудовищное и искусственно нагроможденное зданіе не рухнетъ. Пусть поколеблется зданіе—и привѣсокъ первый поплатится, первый отлетитъ...

Такъ было и здѣсь. Религіозный формализмъ, среди польскихъ евреевъ, разросся въ 16 и 17 вѣкахъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что необходимо долженъ былъ заслонять собою все идейное, все нравственное въ религіозной системѣ. Изъ за сложной чудовищной обрядности не было видно этой маленькой этики, принципы которой до нельзя просты и немногочисленны.... Нравственность все болѣе отодвигалась на задній планъ. И вотъ, когда все громадное раввинистское зданіе было потрясено, первой попала подъ ударъ эта маленькая, какъ бы всуе торчащая пристройка — нравственность. Освободившись вдругъ отъ ужасно жмущей и рѣжущей узды, толпа разрушала все безъ разбора, все, чтó лежало на пути. Франкъ зналъ наклонности массы при подобныхъ движеніяхъ и, имѣя въ виду личный успѣхъ и вліяніе, вполнѣ потворствовалъ имъ. Кровосмѣшеніе, прелюбодѣяніе и полная половая распущенность допускались въ кружкахъ франкистовъ. Это былъ тотъ же самый мистико-эротическій культъ, который послѣ смерти Саббатая Цеви господствовалъ въ Салоникахъ (см. выше гл. I), съ тѣмъ только различіемъ, что среди салоникскихъ саббатіанцевъ этотъ культъ явился результатомъ безумнаго мистическаго бреда, результатомъ до нельзя напряженнаго воображенія, между тѣмъ какъ среди франкистовъ это было послѣдствіемъ ожесточенія противъ всего формалистическаго, регулирующаго...

Въ свитѣ Франка были также нѣкоторые раввины и проповѣдники (maggidim), какъ напримѣръ: Іегуда Лейбъ Крыса, раввинъ въ Надворнѣ, и Нахманъ бенъ Самуилъ Леви, раввинъ Буйскій. Самымъ ревностнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ Якова Франка былъ Элиша Шоръ изъ Рогатина, человѣкъ уже пожилой и насчитывавшій въ своей фамиліи множество авторитетнѣйшихъ раввиновъ. По его слѣдамъ пошли его сыновья, впослѣдствіи игравшіе выдающуюся роль въ сектѣ, и дочь, Хая, пользовавшаяся между франкистами славой пророчицы и знавшая наизусть весь Зогаръ.

Нечего говорить, какъ все это переполошило раввиновъ и ортодоксовъ... Собирались, совѣщались и рядили, какъ бы истребить это саббатіанское отродье, какъ бы ихъ выжить или, по крайней мѣрѣ, зажать ротъ, изрыгающій столь безбожную хулу на талмудъ. Удобный случай вскорѣ представился — и ортодоксы не преминули имъ воспользоваться.

Однажды, во время ярмарки въ мѣстечкѣ Ласкорунь, (въ Подоліи), Яковъ Франкъ и двадцать изъ его приверженцевъ собрались въ гостинницѣ, содержавшейся также однимъ франкистомъ. Вѣроятно, въ этомъ домѣ былъ назначенъ сборный пунктъ для важныхъ переговоровъ по дѣламъ секты, а ярмарочное время выбрано, какъ удобный моментъ, для сообщенія между собою представителей различныхъ фракцій по общимъ сектантскимъ дѣламъ. Засѣданіе происходило не только при закрытыхъ, но при совершенно запертыхъ дверяхъ, и, вообще, обставлено было большой таинственностью. Это, конечно, обратило вниманіе ярмарочнаго люда, состоявшаго преимущественно изъ евреевъ. Вокругъ гостинницы собралась масса любопытныхъ. Франкисты никого не впускали и на настойчивые вопросы отвѣчали, что собрались для распѣванія каббалистическихъ гимновъ. Но въ толпѣ, осаждавшей домъ, ходилъ слухъ — не совсѣмъ невѣроятный,—что безбожные сектанты устроили мистическій сеансъ съ эротическими опытами: говорили, что собравшіеся пляшутъ вокругъ одной полунагой женщины и цѣлуютъ ее; что эти таинственныя манипуляціи должны представлять символически актъ совокупленія двухъ лицъ Божества, мужескаго и женскаго (siwug Malka Kadischa im Schchinta)... Благомыслящіе евреи

рѣшили воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы проучить богохульниковъ. Они сейчасъ же донесли полиціи мѣстечка, что одинъ турокъ (т. е. Франкъ, считавшійся турецкимъ подданымъ и, номинально, магометаниномъ), собралъ въ гостинницу много евреевъ, которыхъ обращаетъ въ магометанство и хочетъ выселить въ Турцію и что на сходбищѣ творятся разныя безобразія и т. д. Нагрянула полиція, вломилась въ гостинницу и заарестовала франкистовъ. Впрочемъ, самого Франка на слѣдующій день выпустили изъ заключенія и, какъ иностраннаго подданнаго, выслали за границу; надъ остальными же нарядили строгое слѣдствіе.

Этотъ случай сдѣлался вскорѣ общеизвѣстнымъ. Конечно, и раньше франкисты выкидывали подобныя штуки, что̀ было извѣстно многимъ, но случай въ Ласкорунѣ, какъ по публичности его обстановки — на многолюдной ярмаркѣ, такъ и по серьезному финалу, обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Ужасъ охватилъ благочестивыхъ евреевъ. ,,Надо представить себѣ—говоритъ Грецъ,—что̀ за впечатлѣніе могло произвести такое презрѣніе къ іудаизму на польскихъ евреевъ. Въ Польшѣ, гдѣ ничтожнѣйшіе религіозные обряды соблюдались подъ страхомъ строжайшей кары, гдѣ нарушитель малѣйшаго обычая клеймился какъ безбожный преступникъ — и вдругъ оказывается, что въ этой средѣ, насквозь пропитанной набожностью, нашлось значительное количество людей, съ талмудическимъ образованіемъ, которые бросаютъ перчатку всему раввинскому іудаизму!" Поднялась суматоха невообразимая. Раввины рѣшились прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ: рѣшено произвести самые тщательные розыски сектантовъ и потомъ провозгласить строгій херемъ; отступники призывались къ покаянію. Въ виду важности дѣла, не жалѣли денегъ и на подкупъ разныхъ чиновниковъ, которые обѣщали свое содѣйствіе въ преслѣдованіи сектантовъ. Эти религіозныя и административныя мѣропріятія, видимо, подѣйствовали и многихъ сектантовъ прижали къ стѣнѣ. Наиболѣе пострадавшіе поспѣшили принести повинную. Предъ раввинскимъ собраніемъ, состоявшимся въ это время въ Сатановѣ, предстала масса мужчинъ и женщинъ, принадлежавшихъ къ франкистской сектѣ и

пожелавшихъ ,,покаяться“. Ужасна была исповѣдь этихъ несчастныхъ. Они признались, что не только творили противуталмудическое, но нарушали самые элементарные принципы нравственности и цѣломудрія, что всѣмъ этимъ нарушеніямъ находили объясненія въ ,,Зогарѣ“ и книгахъ луріанской школы. Особенно усердствовали въ дѣлѣ покаянія женщины: онѣ жаловались на невѣрность и распущенность супруговъ, признавались въ вынужденномъ нарушеніи шестой заповѣди, а многія изъ нихъ прямо требовали развода отъ своихъ мужей.

На основаніи всѣхъ этихъ показаній, раввинскій соборъ въ Бродахъ произнесъ при трубныхъ звукахъ и зажженныхъ свѣчахъ, строгій и тяжкій херемъ, надъ всѣми прикосновенными къ дѣлу франкистовъ (20 сивана 1756 г.). Запрещено родниться съ франкистами, ибо дѣти ихъ разсматриваются, какъ незаконнорожденныя; запрещено допускать къ должности раввина или учителя всякаго, кто хоть разъ подвергся подозрѣнію въ франкизмѣ; всякій обязанъ тайныхъ сектантовъ, какъ скоро таковыхъ найдетъ, передавать въ руки раввиновъ. Этотъ херемъ былъ провозглашенъ во многихъ еврейскихъ общинахъ, и окончательно утвержденъ раввинскимъ ,,синодомъ четырехъ странъ“ въ г. Константиновѣ, въ день еврейскаго новаго года (сентябрь 1756). Формула херема была напечатана и разослана повсюду. Въ ней есть одинъ пунктъ очень важный и обращающій на себя особое вниманіе. ,,Никому ранѣе достиженія 30-тилѣтняго возраста не позволяется изучать „Зогаръ“ и всякія другія каббалистическія книги, печатныя или рукописныя; и даже достигшіе означеннаго возраста могутъ взяться за изученіе каббалы лишь въ томъ случаѣ, если они предварительно ,,наполнили чрево свое“ талмудомъ и раввинскими кодексами“.

Это напоминаетъ про другое, аналогичное по формѣ, но далеко не однородное по содержанію, раввинское постановленіе. Пять вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ. Въ 1272 году, во время самаго сильнаго разгара борьбы изъ за философіи Маймонида, раввинскій соборъ въ Монпелье (въ Южной Франціи) постановилъ: что никто не имѣетъ права изучать *философію* до достиженія сорокалѣтняго возраста, и то подъ условіемъ, чтобы

онъ обладалъ обширными талмудическими познаніями. Это постановленіе ознаменовало собою ту эпоху, когда стала наступать реакція свѣтлому философскому направленію еврейско-испанской школы. Юная каббала тогда еще робко и едва замѣтно выступала; «Зогара» еще не было: это было наканунѣ его появленія... Тогда раввины изгнали философію и радушно пріютили каббалу... Прошло пять столѣтій, и раввины узрѣли, какую змѣю они отогрѣли за своей пазухой. Но было уже поздно: змѣя давно уже впустила свой смертельный ядъ въ организмъ народа, который метался въ лихорадочномъ бреду... И вотъ раввины суетятся, постановляютъ относительно каббалы тотъ же самый приговоръ, что нѣкогда постановили относительно философіи. Они изгоняютъ первую... Но рѣшаются ли они *теперь* пріютить послѣднюю, столь жестоко и несправедливо обиженную ими нѣкогда?—Увы! они не *могли* этого сдѣлать: для этого они слишкомъ выродились умственно, даже въ сравненіи съ раввинами конца XIII вѣка... Одинъ якорь спасенія для нихъ остался: „талмудъ и раввинскіе кодексы", которыми слѣдовало „наполнять чрево", какъ противоядіемъ противъ каббалы.

Раввинская контръ-агитація не ограничилась одними религіозными мѣропріятіями. Представители польскаго раввината (Авраамъ изъ Замостья, секретарь „Синода четырехъ странъ" Авраамъ Лиса и др.) завязали дѣятельную переписку съ колоссомъ тогдашняго раввинскаго міра и ярымъ врагомъ мистицизма Яковомъ Эмденомъ, жившимъ въ Альтонѣ *. Послѣдній, только что окончивъ свою долгую и ожесточенную борьбу съ Эйбешицомъ, горячо откликнулся на призывъ польскихъ раввиновъ къ помощи. На предложенный ему раввинами вопросъ: позволительно ли преслѣдовать франкистовъ, онъ отвѣчалъ, что ихъ можно даже казнить смертью... Но Яковъ Эмденъ, уже наученный и даже надломленный долгою борьбою противъ всякаго сектантства, хорошо понималъ, что все это—только палліативы, что источникъ зла заключается въ Зогарѣ и луріянскихъ книгахъ, авторитетъ коихъ признанъ

* Письма эти напечатаны въ «Сеферъ Шимушъ» Эмдена.

даже раввинами-ортодоксами. И вотъ, въ это время, въ умѣ строгаго раввина назрѣваетъ тотъ пл..нъ, коротый онъ 12 лѣтъ спустя развилъ въ знаменитой своей критикѣ каббалы („Mitpachat Seforim", Altona, 1768). Въ своихъ письмахъ онъ уже теперь, конечно съ большою осторожностью, намекаетъ, что на происхожденіе „Зогара" не слѣдуетъ смотрѣть совсѣмъ довѣрчиво, что въ немъ есть части подложныя, не принадлежащія р. Симону-бенъ-Іохаи; книги же луріянской школы всѣ подложныя и написаны саббатіанцами... А вѣдь было время, когда самъ Эмденъ фанатически преслѣдовалъ всякія нареканія на „Зогаръ"; теперь онъ самъ долженъ былъ стать въ рѣзкую оппозицію къ „зогаристамъ". „Вѣра наша въ большой опасности"—такъ оправдываетъ онъ этотъ поворотъ въ своихъ взглядахъ...

И вотъ, польскіе раввины, наученные совѣтами Эмдена, вступаютъ на путь практической борьбы съ франкистами.

III.

Успѣхъ имъ началъ улыбаться. Нашлись нужные люди, которые донесли духовной администраціи подольской, что вотъ среди евреевъ формируется втайнѣ новая секта, проповѣдующая безумныя и вредныя идеи. Это дошло до ушей тогдашняго каменецъ-подольскаго епископа, *Николая Дембовскаго*, ревностнаго стража католической церкви. Владыка ужасно разгнѣвался, что въ его епархіи могли твориться такія безобразія, и готовъ былъ самымъ рѣшительнымъ образомъ расправиться съ сектантами, предавая ихъ инквизиціонному суду.

Но дипломатіи Франка удалось смягчить гнѣвъ епископа и даже обратить этотъ гнѣвъ на милость. Франкъ въ это время жилъ въ пограничномъ городѣ Хотинѣ (Бессарабской губерніи, тогда принадлежавшей Турціи), такъ какъ при ласкорунской катастрофѣ онъ былъ высланъ за рубежъ, — но имѣлъ непрерывныя письменныя сношенія съ своими въ Подоліи. Узнавъ о доносѣ и объ опасности, грозящей сектантамъ со стороны епископа, Франкъ отправилъ имъ письмо, въ которомъ совѣтовалъ имъ, въ видахъ самозащиты, явиться къ епископу и

сообщить ему слѣдующее: 1) что они, франкисты, вѣрятъ въ тройственность Божества, и 2) что они отвергаютъ талмудъ, какъ твореніе, полное заблужденій и богохульства. Это „in hoc vinces", подсказанное Франкомъ, дѣйствительно, было какъ нельзя болѣе практично. Франкъ, однако, не удовольствовался письменнымъ увѣщаніемъ. Опасаясь, что послѣдователи его, пожалуй, и не рѣшатся сдѣлать такое признаніе, такъ рѣзко порвать съ прошлымъ, онъ вскорѣ затѣмъ лично явился въ одинъ польскій городокъ, куда пробрался тайно съ нѣкоторыми приверженцами, и устно повторилъ свое предложеніе, настаивая на всей его важности и своевременности. Онъ даже настаивалъ на томъ, что необходимо, чтобы нѣкоторые сектанты, человѣкъ двадцать по крайней мѣрѣ, сейчасъ же крестились въ католичество, съ цѣлью доказать на дѣлѣ правдивость своихъ увѣреній. Сектанты слушали своего учителя, но поступать по его совѣту не могли рѣшиться. Какими врагами раввинистовъ они ни были, какъ ни искренно вѣрили они въ тройственность Бога, подтверждаемую каббалой, — но такъ вдругъ и совсѣмъ порвать съ іудействомъ — это пока имъ казалось невозможнымъ.

Между тѣмъ евреи пронюхали, что Франкъ очутился опять въ Польшѣ и мутитъ умы Они подстерегли франкистовъ на одномъ собраніи и, нагрянувъ внезапно, заарестовали всѣхъ, съ помощью полиціи, и отправили въ тюрьму. Это, конечно, еще болѣе ожесточило франкистовъ. Въ ихъ сердцахъ возгорѣлась жажда мести къ своимъ преслѣдователямъ, — и предложеніе Франка, по крайней мѣрѣ первые два пункта его, стало имъ теперь казаться довольно подходящимъ. Призванные предъ трибуналъ епископа, они разъяснили ему, что они по духу — почти христіане, что они презираютъ Талмудъ, вѣрятъ въ божественную Троицу, и за эту вѣру свою преслѣдуются своими единовѣрцами. Касательно послѣднихъ они, конечно, не скупились на самыя ужасныя обвиненія, не исключая обвиненія въ употребленіи христіанской крови для пасхальныхъ опрѣсноковъ... Въ это время, кстати, былъ одинъ случай подобнаго обвиненія въ городѣ Ямполѣ, еврейскіе представители котораго держались подъ арестомъ пока дѣло разслѣдовалось.

Дембовскій почуялъ, что здѣсь пахнетъ чѣмъ то въ родѣ обращенія въ лоно церкви, и конечно возрадовался душевно. Онъ распорядился объ освобожденіи всѣхъ франкистовъ изъ заключенія, гдѣ они сидѣли по ласкорунскому дѣлу; разрѣшилъ имъ проживать и свободно промышлять во всей каменецкой епархіи и обѣщалъ имъ свое покровительство. Дембовскій вѣрилъ, что сектантамъ удастся привлечь на свою сторону многихъ евреевъ, и тогда, думалось ему, онъ уже устроитъ разомъ торжественное обращеніе.

Очутившись на свободѣ, франкисты подняли голову и изъ преслѣдуемыхъ обратились въ преслѣдователей. Въ 1757 г. они обратились къ Дембовскому съ прошеніемъ, въ которомъ изъявили желаніе имѣть публичный диспутъ съ раввинами; увѣряя, что имъ такимъ образомъ удастся неопровержимыми данными изъ „Зогара" и другихъ авторитетныхъ книгъ, доказать своимъ противникамъ истинность догмата о Троицѣ, о вочеловѣченіи божіемъ и т. д.—почему и просятъ епископа принять мѣры къ устройству такого диспута. При прошеніи была приложена „исповѣдь", profession de foi, выработанная однимъ изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ Франка, бывшимъ раввиномъ (какъ полагаютъ, Элишею Шоромъ). „Исповѣдь" эта заключала слѣдующіе девять пунктовъ: 1) „Истинный израильтянинъ обязанъ не только любить и почитать Бога, но постоянно вдумываться въ Его внутреннюю сущность и пытаться оную постигнуть; 2) хотя Пятикнижіе и Пророки имѣютъ цѣлью объяснить откровеніе Божіе, но они въ простой какъ бы формѣ заключаютъ столько глубокихъ, сокровенныхъ мыслей, полныхъ тайны, что могутъ быть вполнѣ поняты лишь человѣкомъ одареннымъ свыше и отнюдь не въ буквальномъ смыслѣ; 3) правда, за объясненіе смысла Писанія взялся Талмудъ, но онъ только извратилъ его смыслъ и вездѣ противорѣчитъ св. Писанію. Талмудъ изобрѣлъ массу предразсудковъ, онъ враждебенъ всему христіанскому и даже разрѣшаетъ убивать неевреея. Единственный вѣрный комментарій къ Писанію это—Зогаръ; 4) мы, сектанты, вѣримъ въ единаго Творца вселенной, который управляетъ всѣмъ, великимъ и малымъ, и за всѣми наблюдаетъ; 5) но мы вѣримъ также что Богъ этотъ,

оставаясь единымъ въ сущности, является въ трехъ тождественныхъ и нераздѣльныхъ лицахъ * (parzufim), что̀ и доказывается изъ Пятикнижія и Пророковъ. Напримѣръ, первый стихъ «Бытія»: «Въ началѣ создалъ *Элогимъ* (форма множест. числа по еврейски) небо и землю», Зогаръ объясняетъ такъ: «создали двое и третій, связующій ихъ во едино»... 6) Мы вѣруемъ, что Богъ воплотился въ человѣческій образъ и (одно время?) исполнялъ всѣ отправленія человѣческія: ѣлъ, пилъ, спалъ и тому подобное, но все сіе совершалъ безъ грѣха; 7) Іерусалимъ и храмъ никогда не возобновятся; 8) Мессія не придетъ избавить и возродить Израиля политически, но явится вторично съ цѣлью искупленія грѣховъ человѣческихъ; 9) этотъ Мессія есть самъ Богъ, который сниметъ проклятіе съ Израиля и обратитъ ихъ на путь истины».

Епископъ Дембовскій очень радушно принялъ это предложеніе франкистовъ и обѣщалъ устроить все по ихъ просьбѣ. Прежде всего онъ распорядился о напечатаніи „исповѣди" франкистовъ на польскомъ и еврейскомъ языкахъ и о распространеніи ея. Много экземпляровъ этой брошюры разослалъ онъ разнымъ раввинамъ каменецкой и львовской епархій, (Дембовскій въ это время исправлялъ также должность архіепископа львовскаго). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разослалъ раввинамъ приказъ: выбрать изъ своей среды депутатовъ, которые должны явиться на религіозный диспутъ, имѣющій быть въ Каменцѣ, въ августѣ тоже же 1757 года. Этотъ приказъ разосланъ 20 іюня 1757 г., и раввинамъ предписалось обдумать въ этотъ срокъ пункты, выставленные сектантами, и представить на нихъ, въ случаѣ непризнанія ихъ, свои возраженія. Въ противномъ случаѣ, т. е. если раввины всего этого не исполнятъ, или не явятся къ сроку, онъ, Дембовскій, подвергнетъ ихъ за каждый просроченный день денежному взысканію и прикажетъ сжечь Талмудъ, какъ книгу лживую и вредную, принимая ихъ молчаніе за подтвержденіе обвиненій, выставленныхъ сектантами.

---

* Однако о самомъ главномъ, о названіяхъ и характерѣ этихъ трехъ лицъ Божества, сектанты благоразумно умалчиваютъ.

Ужасъ неописуемый объялъ раввиновъ. Ихъ приглашаютъ на религіозный диспутъ! Ихъ враги-безбожники, слѣдовательно, восторжествовали!... Они бросились туда-сюда, посылали прошенія въ Варшаву, ссылались на свои старыя привиллегіи, обезпечивающія имъ религіозную свободу, истратили не мало денегъ на подкупъ вліятельныхъ чиновниковъ. Ничего не помогло. Авторитетъ львовскаго и каменецкаго архіепископа былъ слишкомъ непоколебимъ въ глазахъ всего духовенства, которое, сверхъ того, само искренне обрадовалось случаю возвратить «заблудшую овцу» etc. Раввины увидѣли себя въ безвыходномъ положеніи. Съ одной стороны, въ ихъ средѣ не было ни одного человѣка, который могъ бы свободно объясняться на польскомъ или на какомъ либо иномъ европейскомъ языкѣ (что, вѣдомо, раввину не подобаетъ), а между франкистами ораторовъ и свѣдущихъ во «внѣшнихъ наукахъ», вѣроятно, очень много. Съ другой стороны, что имъ, на самомъ дѣлѣ, отвѣчать на доводы сектантовъ, ссылающихся на «Зогаръ», — книгу, которую они, раввины, сами признаютъ священной, и отъ каковаго мнѣнія они, какъ рабы авторитета, не могутъ отказаться?... Не мудрено тутъ совсѣмъ растеряться. Главные вожди и законодатели польскаго еврейства, представители всесильнаго «Синода четырехъ странъ» также опустили руки, чувствуя все свое безсиліе, все свое скудоуміе и невѣжество въ дѣлахъ, выходящихъ изъ сферы обрядовой казуистики, въ дѣлахъ, лежащихъ внѣ „четырехъ локтей Галахи"... Они стали строить несбыточные планы: хотѣли аппелировать на распоряженіе Дембовскаго къ самому папѣ, и даже подыскивали въ Амстердамѣ образованнаго испанскаго еврея, знающаго по итальянски, въ качествѣ адвоката. Съ Эмденомъ они то и дѣло совѣщались письменно, разсылали жалобныя письма представителямъ еврейскихъ общинъ въ Римѣ и Амстердамѣ. Предстоящій религіозный диспутъ они называютъ не иначе, какъ «gzeirat ha'sehmad» (роковое предписаніе о насильственномъ крещеніи)...

А вѣдь было время, когда религіозные диспуты, при гораздо болѣе мрачной обстановкѣ, не внушали такого страха раввинамъ, не заставляли ихъ опускать въ отчаяніи руки.

Это было въ безпросвѣтную ночь среднихъ вѣковъ, когда все въ Европѣ было околдовано глубокимъ сномъ... но не спали одни евреи. Одни евреи поддерживали тогда свѣтильникъ науки, и, можетъ быть, они одни были тогда единственные *люди* между отупѣвшими отъ религіознаго дурмана «рабами Господними»... Когда, въ 1263 году, съ обвиненіями противъ евреевъ выступили въ Испаніи апостатъ Павель Христіанъ и Доминиканецъ Пеньяфортъ, — какъ блестяще отстоялъ дѣло евреевъ знаменитый Нахманидъ! Какъ побѣдоносно разбилъ онъ доводы противниковъ, на религіозномъ диспутѣ, въ рѣчи, произнесенной безъ приготовленій, почти экспромптомъ!... Даже позже, когда, благодаря внѣшнимъ преслѣдованіямъ свѣточъ знанія сталъ меркнуть между испанскими евреями, раввины не ретировались трусливо отъ религіозныхъ диспутовъ, хотя отъ исхода диспутовъ иногда зависѣла судьба и честь еврейской націи. На религіозный диспутъ съ евреемъ-апостатомъ и ученымъ Гіеронимо-де-Санто-фе (въ 1412 году, въ Аррагоніи) еврейство выставило такихъ оппонентовъ, какъ теологъ-философъ и раввинъ Іосифъ Альбо, ученый и лингвистъ Донъ Видалъ Ферреръ, Зерахія Саладинъ, переводчикъ арабскихъ философовъ и т. п. Все это были люди, способные говорить и диспутировать на отечественномъ, а нерѣдко и на латинскомъ языкѣ, тогда общеевропейскомъ; люди съ солидными философскими познаніями, знакомые и съ христіанскимъ богословіемъ. Вотъ эти раввины не трусили, не ударяли лицомъ въ грязь, не прятались, даже въ виду пылающаго костра инквизиціи... А теперь?—Теперь на религіозный диспутъ должны предстать раввины, „лучшіе во Израилѣ", которые будутъ стоять нѣмыми истуканами, такъ какъ они никого не понимаютъ, и ихъ жалкій жаргонъ никому непонятенъ. То будутъ странныя, длиннополыя, неуклюжія фигуры съ понурыми головами, съ тѣмъ выраженіемъ уничиженности и загнанности въ лицѣ, которое для однихъ дѣлаетъ людей такого типа посмѣшищемъ, а другихъ, болѣе знакомыхъ съ генеалогіей этого типа, наводить на самыя грустныя, тяжелыя мысли...

Продолжаемъ разсказъ.

Изъ суетни раввиновъ, конечно, ничего не вышло, и въ

концѣ концовъ они поневолѣ послали своихъ депутатовъ въ Каменецъ; а въ добавокъ еще были оштрафованы за нѣсколько просроченныхъ ими дней.—Со стороны франкистовъ или „контраталмудистовъ", какъ ихъ официально называли, явилось слишкомъ тридцать человѣкъ; со стороны же раввинистовъ—всего нѣсколько, четыре или пять. Между первыми выдавались: Лейба Крыса изъ Надворна, Шлiома (бенъ Элиша) Шоръ изъ Рогатина и Нахманъ Бусскiй (самъ Франкъ на диспутѣ блисталъ своимъ отсутствiемъ; онъ въ это время былъ, какъ полагаютъ, внѣ предѣловъ Польши); изъ раввиновъ явились: Мендель Сатановъ, тотъ самый, который раньше вынудилъ у многихъ франкистовъ покаянiе, Лейбъ, раввинъ въ Меджибожѣ, Беръ, раввинъ въ Язловицѣ, и Iося Кременицъ, раввинъ Могилевскiй. На диспутѣ присутствовали Дембовскiй и другiе представители католическаго духовенства. Пренiя происходили въ слѣдующемъ порядкѣ. *

Программа была разослана заранѣе. Тезисы предлагались контраталмудистами, талмудисты возражали или соглашались, что и подписывалось подъ каждымъ пунктомъ каждою изъ сторонъ.

По 1-му пункту. *Контраталмудисты*: „Мы вѣримъ во все, чему Богъ научилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и во что приказалъ вѣрить". — *Талмудисты*: „И мы вѣримъ". Слѣдуютъ по 5 подписей съ каждой стороны.

---

* Грецъ и другiе историки не приводятъ описанiя диспута; первый даже говоритъ: «Was bei der Kamieniecer Disputation vorgefallen... ist nicht bekannt geworden». Мнѣ удалось хоть нѣсколько пополнить этотъ пробѣлъ. Во время разработки матерiаловъ, я случайно наткнулся на одинъ источникъ, теперь почти недоступный, но дошедшiй до меня изъ вторыхъ рукъ. Въ «Волынскихъ Епархiальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1876 г. (Часть неоффицiальная, стр. 148—158) помѣщена статьѣ священника Барановскаго подъ заглавiемъ: «Препирательства волынскихъ и подольскихъ евреевъ—контраталмудистовъ со своими собратiями-талмудистами и грамота короля Августа III, данная первымъ противъ послѣднихъ». Извлечено изъ книги «*Acta* Illustristimi excellentristimi Domini *Nicolai Dembowsky*». Berdyczow, anno 1798".—За невозможностью достать оригиналъ, я пользовался извлеченiемъ, гдѣ переданы нѣкоторыя подробности диспута, приправленныя, впрочемъ, преглупыми, истинно-бурсацскими разсужденiями извлекателя.

По 2-му пункту. *Контраталмудисты*: ,,Моисеевы и пророческія книги подобны богато-убранной невѣстѣ съ закрытымъ лицомъ; кто его не откроетъ, не можетъ увидѣть ея красоты. Эти книги полны премудрости Божіей, тайнъ будущаго, и потому безъ особенной милости свыше умъ человѣческій, съ пользой для себя, не можетъ ихъ постичь".—*Отвѣтъ талмудистовъ:* „Съ этимъ и мы вполнѣ согласны''. * Слѣдуютъ подписи.

По 3-му пункту. *Контраталмудисты*: ,,Ветхій завѣтъ въ разное время толковали раввины, и ихъ толкованія называются Талмудомъ, который заключаетъ въ себѣ басни, выдумки и вещи невѣроятныя и богопротивныя''.—*Отвѣтъ талмудистовъ*: ,,Пусть намъ контраталмудисты это докажутъ''. Etc.

Франкисты приводятъ въ потвержденіе своихъ словъ нѣсколько нелѣпыхъ, но совершенно невинныхъ басенъ изъ Агады, да еще въ извращенномъ видѣ. Раввины, повидимому мало понимая толку въ предложенныхъ имъ вопросахъ, (вѣроятно, они сообщались черезъ переводчиковъ), отвѣчаютъ какъ попало. Но все таки ихъ отвѣты отличаются сравнительно большею толковостью, чѣмъ вопросы контраталмудистовъ. Но вотъ вопросъ о вредности Талмуда переносится на болѣе серьезную почву.

Контраталмудисты: Что талмудическія толкованія богопротивны и вредны, — это доказывается тѣми предписаніями, которыя Талмудъ и «Шулхонъ-Орухъ» дѣлаетъ обязательными относительно *акумовъ* и *нохримъ*, что относится, вообще, ко всему нееврейскому міру. (Слѣдуетъ рядъ избитыхъ мѣстъ изъ Талмуда и Шулхонъ-Оруха, гдѣ говорится о нееврeяхъ въ смыслѣ для нихъ неблагопріятномъ)... Талмудисты на это возражаютъ, что всѣ эти предписанія относятся лишь къ язычникамъ-политеистамъ, но отнюдь не къ христіанамъ, вѣрующимъ въ единобожіе. (Приводятся нѣкоторыя мѣста Талмуда,

---

* Этимъ отвѣтомъ раввины уже подписали свой роковой приговоръ. Разъ допустивъ таинственный смыслъ въ Писаніи, они уже должны были соглашаться съ своими противниками и относительно истинности Зогара и каббалы... Sancta simplicitas!

гдѣ говорится о неевреяхъ въ благопріятномъ смыслѣ, что раввины и относятъ къ христіанамъ).

По 4-му пункту. *Контраталмудисты*: «Мы, на основаніи св. Писанія, вѣримъ, что Богъ—одинъ, безъ начала и конца. Онъ—сотворитель всего видимаго и невидимаго. *Талмудисты* (подписываютъ): «И мы вѣримъ также».

По 5-му пункту. «Но согласно тому же св. Писанію, мы вѣруемъ, что Богъ одинъ, но въ трехъ лицахъ, равныхъ и нераздѣльныхъ». Талмудисты: «Мы уже на этотъ вопросъ отписали въ своемъ отвѣтѣ, который Шимонъ Гершоновичъ подалъ въ 1757 году, 23 марта, и который мы повторили въ іюлѣ, 20 числа *, а потому, не входя въ другія подробности, тѣмъ и кончаемъ.

Затѣмъ слѣдуютъ пренія по пунктамъ 6-му, 7, 8 и 9-му, содержаніе коихъ уже изложено выше (въ «Исповѣди» франкистовъ). По всѣмъ этимъ пунктамъ слѣдуютъ такіе же отвѣты, какъ и по 5-му пункту.

Диспутъ кончился. Какъ и слѣдовало ожидать, раввинисты потерпѣли полнѣйшее пораженіе. Епископъ Дембовскій обнародовалъ, 14 октября 1757 г., слѣдующее распоряженіе: «Такъ какъ контраталмудисты изложили главные пункты своей вѣры и доказали ихъ истинность, то разрѣшается имъ устраивать, гдѣ пожелаютъ, религіозныя пренія со сторонниками Талмуда (съ цѣлью убѣдить сихъ послѣднихъ). Талмудисты уплачиваютъ своимъ противникамъ 5000 злотыхъ убытковъ и проторей и, сверхъ того, даютъ 154 золотыхъ на ремонтъ каменецкаго католическаго собора. Экземпляры Талмуда конфискуются, привозятся въ Каменецъ и публично сожигаются рукой палача».

Исполненіе этого суроваго распоряженія не заставило себя долго ждать. Изо всѣхъ городовъ, принадлежавшихъ къ каме-

* Вотъ здѣсь то и загвоздка. Этотъ «Отвѣтъ раввиновъ» не только не сохранился, но о немъ даже не знаетъ ни Грецъ, ни Скимборовичъ. А между тѣмъ по всѣмъ слѣдующимъ пунктамъ талмудисты ссылаются на этотъ «Отвѣтъ». Это дѣлаетъ нѣсколько темной наиболѣе интересную часть преній. Интересно знать, какъ выпутались въ этомъ отвѣтѣ раввины. Впрочемъ, судя по результатамъ, они не только не выпутались, но еще болѣе запутались.

нецкой и отчасти также львовской епархіямъ, свозились въ резиденцію епископа кипы талмудическихъ экземпляровъ, которые бросались въ громадный ровъ и сжигались. Агенты духовенства, полиціи и сами франкисты розыскивали талмудическіе экземпляры во всѣхъ еврейскихъ домахъ; цѣлые обозы, нагруженные „Талмудомъ" тянулись то и дѣло по дорогѣ въ Каменецъ. Многія книги привязывались къ хвостамъ лошадей и были влекомы до мѣста «казни», поруганія ради нечестивыхъ... Казалось, что воскресли мрачныя времена Пфефферкорна и Пія V... Напрасно евреи толкались къ королю и къ его первому министру Брилю: послѣдніе такъ были поглощены внѣшними политическими усложненіями, (это было въ началѣ «семилѣтней войны»), и все возроставшими внутренними неурядицами въ Польшѣ, что на жалобы евреевъ не обратили даже вниманія. У Бриля хотя былъ одинъ фаворитъ еврей, его постоянный факторъ Барухъ Яванъ, но ходатайства и этого человѣка ни къ чему не повели. Дембовскій дѣйствовалъ безаппеляціонно.

Трудное то было время для польскихъ евреевъ. Не найдя защиты въ земной власти, они обратились къ власти небесной. День, въ который было сожжено болѣе тысячи экземпляровъ Талмуда (канунъ 1-го кислева, 1757), назначенъ былъ днемъ строгаго поста и плача, по поводу „Sereifat ha'tora" (сожженія Торы)... Франкисты же торжествовали побѣду. Такъ какъ отъ многихъ изъ нихъ убѣжали жены, то сектанты пожаловались Дембовскому, что это была интрига раввиновъ, насильственно отнявшихъ у нихъ женъ, изъ опасенія, что послѣднія, вслѣдъ за своими мужьями, „пристанутъ къ христіанамъ". Дембовскій отдалъ приказъ о немедленномъ возвращеніи женъ франкистамъ. Многія женщины, дѣйствительно предубѣжденныя противъ своихъ мужей, считая ихъ уже неевреями, не хотѣли возвратиться, и ихъ насильно приводили въ дома супруговъ. Нѣкоторыя самоотверженныя женщины предпочли возвращенію къ мужьямъ заточеніе въ тюрьму и даже смертную казнь (если вѣрить Эмдену «Шимушъ» р. 4).

С. Дубновъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕЙКѢ.

О, не гляди съ нѣмою укоризной,—
Одну печаль съ тобою мы хранимъ:
Твоя любовь отвергнута отчизной,—
Но вѣдь и я—я ею не любимъ.

—

Какъ сынъ родной, я ей открылъ объятья,
Я жить хотѣлъ всѣмъ сердцемъ для нея,
И были близки мнѣ родные братья
И дороги всѣ пасынки ея.

—

Но холодно на страстные порывы
Отозвалась отчизна наша мать,
И вотъ, какъ ты, убитый, молчаливый,
Я осужденъ мириться и страдать.

—

И безъ любви и материнской ласки,
Забытая, какъ падчерица, ты
Полна тоски, не осушая глазки,
Все ждешь, дитя, что сбудутся мечты.

—

Я жду того-жъ... И общаго такъ много
Намъ послано безсмысленной судьбой,
И одного мы носимъ въ сердцѣ Бога,
Насмѣшливо хулимаго толпой.

—

Такъ не гляди-жъ въ глаза мнѣ съ укоризной!
Одну печаль съ тобою мы хранимъ:
Твоя любовь отвергнута отчизной,
Но вѣдь и я—я ею не любимъ.

Н. Щедровъ.

НОВЫЙ АГАСФЕРЪ.

(Продолженіе) *.

Послѣ бала въ домѣ Тины Фейгельбаумъ, на которомъ Генрихъ, послѣ довольно значительнаго промежутка времени, снова увидѣлъ бароновъ Ауэнгеймовъ и—что̀ было для него важнѣе всего — ихъ старшую дочь, Клемансъ,—онъ, покоряясь неодолимому сердечному влеченію, сталъ бывать въ этомъ домѣ все чаще и чаще. По мѣрѣ учащенія визитовъ, росло и чувство его любви, и теперь онъ рѣшался уже давать себѣ въ немъ отчетъ; по крайней мѣрѣ, въ одну прекрасную ночь мы застаемъ его въ одномъ загородномъ саду въ такомъ романтическомъ настроеніи, что онъ поднимаетъ обѣ руки къ звѣздочкѣ, въ которой ему видится Клемансъ, и восклицаетъ: „Я люблю тебя,—люблю такъ сильно, какъ никогда не считалъ возможнымъ любить. Клемансъ, сойди на землю!.. Полюби и меня хоть немного!“ Но она не немного любила его, а весьма достаточно,—только покамѣсть тщательно скрывала свои чувства. Если онъ смутно догадывался о нихъ, то весьма страшился давать малѣйшій просторъ своимъ надеждамъ,—тѣмъ болѣе, что существовали разныя соображенія общественнаго, религіознаго и т. п. свойствъ, которыя могли служить существеннымъ препятствіемъ къ соединенію этихъ любящихся сердецъ; между ними не малую роль играло соображеніе и о еврействѣ Генриха.

„Эта мысль—(разсказываетъ авторъ, рисуя намъ молодого докто-

---

* См. «Восходъ», кн. I—II.

ра въ вышеупомянутомъ романтическомъ настроеніи)—эта мысль внезапно очутилась передъ его душою, какъ злобный замыселъ врага. Онъ былъ еврей! Если это обстоятельство было дѣйствительно пятномъ, то пятна этого, вѣроятно, ничто не могло изгладить, потому что теперь, по истеченіи столь многихъ лѣтъ, когда въ немъ уже совсѣмъ уничтожилось воспоминаніе о его происхожденіи, — теперь снова охватывало его страшное негодованіе противъ судьбы, не позволившей ему быть такимъ же, какими были милльоны окружавшихъ его людей,—насильно ставившей его въ исключительное положеніе, — его, который не добивался никакого исключительнаго положенія, который хотѣлъ только энергически работать на своемъ посту, среди *своего* народа, народа нѣмецкаго".

Правда, что разговоръ, при которомъ онъ присутствовалъ за нѣсколько дней до того, въ значительной степени успокоилъ эти и тому подобныя сомнѣнія. Разговоръ этотъ зашелъ въ домѣ Ауэнгеймовъ по поводу уже извѣстнаго намъ брака барона Курта фонъ-деръ Эгге съ Эммою Фейгельбаумъ,—брака, какъ и слѣдовало ожидать, оказавшагося весьма плачевнымъ для молодой женщины: Куртъ смотрѣлъ на нее только какъ на средство высасывать деньги изъ ея батюшки—ростовщика Исаака Фейгельбаума, а къ ней относился съ самымъ оскорбительнымъ, циническимъ равнодушіемъ—даже презрѣніемъ.

„— Курту — замѣтила Клемансъ — слѣдовало бы жениться на женщинѣ своего круга,—тогда всего этого несчастія не было бы.

„И когда мать воскликнула: „Клемансъ, я не узнаю тебя!" а Генрихъ тоже съ упрекомъ и волненіемъ посмотрѣлъ на нее, — Клемансъ покачала головой и, слегка покраснѣвъ, сказала:

— Я, конечно, не хочу этимъ сказать, что Курту слѣдовало бы жениться на дворянкѣ, или что вообще различіе сословій виною въ этомъ несчастномъ случаѣ. Моя мысль такая: Курту надо бы взять жену изъ *своего* круга,—а его кругъ, ты вѣдь знаешь, мама, не нашъ, не дворянскій; по моему мнѣнію, онъ легко бы могъ найти между менѣе молодыми, менѣе неопытными, менѣе добрыми и снисходительными изъ

своихъ знакомыхъ дѣвушекъ такую, которой онъ бы понравился и которая въ тоже время знала бы его недостатки. Тогда не случилось бы самого худшаго: бѣдная Эмма не испытала бы разочарованія. Вѣдь въ этомъ бракѣ страдаетъ невинно только Эмма,—не Куртъ. И именно на Эммѣ не слѣдовало бы жениться Курту, потому что онъ не принадлежитъ къ ея кругу.

„Мать улыбнулась.

— Вотъ такъ всегда съ дѣтьми, г. докторъ. Сколько трудилась я развить въ моихъ дѣтяхъ разумный, человѣчный взглядъ! Сколько мнѣ самой, въ послѣдніе годы моей жизни, приходилось учиться и работать, чтобы нагнать потерянное,—понять кроткую гуманность моего отца и сообщить ее его внучкамъ! И вотъ теперь, старшая изъ нихъ является совсѣмъ фанатической аристократкой, которая у каждаго собрата-человѣка спрашиваетъ, какъ высоко его родословное дерево. Меня только удивляетъ, какъ она терпитъ около себя васъ, недворянина....

„Но Клемансъ не желала никакихъ шутокъ на этотъ счетъ и съ живостію отвѣчала:

— Ты не поняла меня, мама, и мнѣ было бы весьма прискорбно, еслибъ и докторъ Вольфъ тоже не понялъ. Я вѣдь и не заикнулась объ аристократіи. Напротивъ—въ томъ случаѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, бѣдная Эмма кажется мнѣ натурою болѣе благородною, чѣмъ нашъ родственникъ. Да, Куртъ ниже Эммы! Я имѣла въ виду тѣ опредѣленные круги, изъ которыхъ не долженъ выходить никто, — то соединеніе самыхъ противоположныхъ другъ другу людей, которое образуется равенствомъ и сходствомъ въ воззрѣніяхъ на честь, долгъ и другія высшія вещи. Я, правда, никогда еще не встрѣчала этого въ жизни; но соединеніе, о которомъ я говорю —то духовное соединеніе, которое вѣроятно имѣютъ въ виду всѣ наши поэты, такъ какъ они заставляютъ дѣйствовать своихъ героевъ и героинь въ этомъ духѣ. И оно, должно быть, дѣйствительно существуетъ, иначе мы не могли бы плакать и смѣяться надъ ихъ произведеніями.“

Чуть, такимъ образомъ, рѣчь шла о „соединеніи духовномъ“,

Генрихъ, повидимому, могъ оставаться совершенно спокойнымъ; — а чрезъ нѣсколько времени новое успокоеніе на этотъ счетъ — хотя при печальныхъ обстоятельствахъ—пришло съ другой стороны.

Старуха Ауэнгеймъ, женщина вообще очень болѣзненная, страдавшая и порокомъ сердца, однажды ночью захворала такъ, что внушила серьезныя опасенія. Послали за Генрихомъ. Здѣсь, въ спальнѣ умирающей, между ею и докторомъ произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Моя смерть—говорила она — не оставитъ особенно большого пробѣла въ свѣтѣ. Она огорчитъ моего отца, но у него остается его Бруно, и притомъ, я не истинная Эгге съ тѣхъ поръ, какъ называюсь Ауэнгеймъ. Мой мужъ... нѣтъ, онъ чувствуетъ еще себя молодымъ, у него хватитъ силы перенести потерю. Бѣдныя мои дѣвочки утѣшатся, какъ и слѣдуетъ дѣтямъ утѣшаться въ смерти родителей. Хотѣлось бы мнѣ только передъ смертью знать, что у нихъ есть въ жизни вѣрная опора и защита—честныхъ, любящихъ мужей.

„Больная слегка покраснѣла.

„Генрихъ тоже съ глубокимъ волненіемъ почувствовалъ значеніе этой минуты. Несомнѣнно—баронесса угадала его любовь и теперь хотѣла говорить съ нимъ о будущности своей дочери.

„Что принесутъ ему слѣдующія слова больной?

„Она, повидимому, надѣялась получить опредѣленный отвѣтъ. Видя же, что Генрихъ съ ожиданіемъ смотритъ на нее, она снова заговорила:

— Особенно для моей милой Клемансъ желала бы я серьезнаго, дѣятельнаго товарища, образованнаго человѣка, котораго она могла бы любить и уважать. Клемансъ хороша, какъ ея отецъ, и при этомъ унаслѣдовала многія достоинства моей матери. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ и у моей Клемансъ сдѣлалась болѣзнь сердца... И зять, работающій на гражданскомъ поприщѣ, былъ бы для меня пріятнѣе аристократа совершенно празднаго.

„Больная закрыла глаза, чтобъ еще болѣе не смущать доктора своими взглядами. Генриху нельзя было ошибаться на счетъ смысла ея

словъ: несомнѣнно, что мать его возлюбленной понимала его, одобряла его любовь, признавала, что и Клемансъ питала къ нему нѣкоторую склонность, хотѣла благословить ихъ союзъ...

„Генрихъ схватилъ руку больной; взволнованнымъ шопотомъ говорилъ онъ ей, что любитъ Клемансъ глубоко, безконечно,—что, будучи простымъ врачемъ, не смѣлъ просить руки внучки аристократовъ Эгге, не будучи увѣренъ въ ея любви. И вдругъ, съ мрачнымъ видомъ, прибавилъ, что, не случись такая минута, онъ никогда бы не заговорилъ, потому что не одинъ только предразсудокъ недворянскаго происхожденія могъ возстановить противъ него ихъ аристократическую семью.

— Вы пугаете меня! сказала баронесса и приподнялась на постели.

— Въ сущности, это обстоятельство не хуже моего бюргерскаго происхожденія, на которое я собственно, сказать правду, вовсе не смотрю, какъ на пятно. Я при этомъ еще и еврей.

„Больная снова опустилась съ улыбкой на подушки.

— А мнѣ ужъ подумалось,—сказала она—что вы совершили какое нибудь преступленіе. Вѣрьте мнѣ, любезный Генрихъ, я христіанка въ евангельскомъ духѣ. Но, чѣмъ ближе я чувствую себя къ небу, тѣмъ менѣе могу допустить, чтобы это небо, точно театръ какой нибудь, имѣло многіе различные входы для различныхъ классовъ общества... А впрочемъ, вы, можетъ быть, и правы; затрудненія, пожалуй, возникнутъ могутъ...“

Разговоръ этотъ остался покамѣсть въ тайнѣ между двумя участниками его, а скоро послѣ того мать умерла. Ауэнгеймъ съ дочерьми уѣхалъ провести первое время траура въ деревнѣ у отца покойной. Нѣсколько дней спустя, Генрихъ получилъ письмо отъ младшей дочери, въ которомъ та, отъ имени Клемансъ, просила его отыскать въ одной изъ берлинскихъ улицъ портнаго Освальда Френкеля, жена котораго прежде служила у нихъ и была любимицей ихъ покойной матери. „Матушка—говорилось въ письмѣ—часто помогала этимъ славнымъ людямъ словомъ и дѣломъ,—и вотъ теперь они будутъ въ недоумѣніи,

отчего никто изъ насъ не навѣщаетъ ихъ. Пожалуйста, побывайте у нихъ и освѣдомьтесь, не нуждаются ли они въ чемъ. Клемансъ заранѣе отъ души благодаритъ васъ и поручаетъ передать вамъ, что эти люди очень своеобразны и не принимаютъ никакого подаянья, такъ что имъ можно быть полезнымъ только при величайшей осторожности".

Само собою разумѣется, что Генрихъ немедленно отправился на исполненіе этого порученія. Оказалось, что портной Френкель жилъ въ еврейскомъ кварталѣ Берлина.

„...Генрихъ жилъ—(разсказываетъ авторъ)—уже столько лѣтъ въ Берлинѣ и до сихъ поръ не зналъ еще этого уголка. Ему казалось, что онъ волшебствомъ перенесенъ къ себѣ на родину, въ старую Прагу, съ ея извилистыми улицами и архитектоническимъ гетто. Черныя стѣны, все ближе и ближе наклонявшіяся другъ къ другу, жалкія, изморенныя лица—все это живо напоминало бы еврейскій кварталъ Праги даже въ томъ случаѣ, если бы на вывѣскахъ трактировъ и мясныхъ лавокъ этой мѣстности не красовались три извѣстныя еврейскія буквы.

„Указывалось и другими еврейскими надписями, что здѣсь тѣсно скучилось еврейское населеніе въ умышленномъ невѣдѣніи космополитическаго образа жизни другихъ частей города.

„Генрихъ остановился передъ однимъ угольнымъ домомъ, съ вывѣски котораго большими буквами приглашалось посѣтить самую питательную и самую дешевую кухню Берлина. Согласно обѣщаніямъ прибитыхъ на стѣнѣ объявленій, тутъ предлагались публикѣ прекрасныя вина и высшаго сорта пиво, а въ извѣстные дни—особенно любимыя кушанья, напримѣръ фрикассе изъ курицы или горошекъ съ капустой; имѣлся также и французскій билльярдъ. Но надъ каждымъ изъ этихъ объявленій помѣщались три еврейскія буквы, ясно и коротко докладывавшія, что всѣ прелести этого дома изготовлялись по всѣмъ правиламъ и предписаніямъ, даннымъ Моисеемъ евреямъ нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ.

„Лице Генриха омрачилось. Снова возстала передъ нимъ фигура вѣчнаго жида, снова смотрѣли на него большіе, усталые, загадочные

глаза. Ужъ не игралъ-ли съ его жизнью какой нибудь таинственный чародѣй, нѣтъ-нѣтъ да и возвращавшій его снова въ этотъ узкій міръ?

„Вдругъ въ домѣ, передъ которымъ онъ стоялъ, послышалась громкая брань, дверь распахнулась настежъ, и съ крутой лѣстницы покатился кубаремъ маленькій человѣчекъ,—покатился такъ стремительно, что при паденіи на мостовую голова его сильно стукнулась о камни.

„Генрихъ поспѣшилъ къ нему, и такъ какъ въ совершенно пустой улицѣ не оказывалось никакой другой помощи, то онъ принялся одинъ подымать раненаго. Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ грязно, но не совсѣмъ по нищенски. На лицѣ никакихъ признаковъ пьянаго состоянія или наклонности къ пьянству. Когда Генрихъ схватилъ его подъ мышки, онъ раскрылъ глаза, потеръ рукою ушибленное на головѣ мѣсто и быстро, хотя пошатываясь, всталъ на ноги. Врачъ вспомнилъ, что гдѣ-то уже встрѣчалъ этого человѣка.

„Онъ продолжалъ оказывать ему помощь и спросилъ о причинѣ такого варварскаго обращенія съ нимъ. Незнакомецъ отвратительно засмѣялся и, опираясь на руку Генриха, сказалъ:

— Это мнѣ опять досталось за мою набожность! Я Самуилъ Шёппсъ, если изволите припомнить, и набожный еврей по старой вѣрѣ. Виноватъ развѣ я, что даже въ кошерныхъ трактирахъ кушанья не готовятся больше по нашимъ законамъ? Сижу я, изволите видѣть, тамъ и кушаю жареную говядину. Виноватъ развѣ я, что рядомъ съ этой жареной говядиной, какъ разъ посреди блюда, положили кусокъ сала? Настоящаго свиного сала, съ позволенья сказать! Ну, я конечно закричалъ благимъ матомъ, воткнулъ вилку въ свиное сало, да и поднялъ! Прибѣжали хозяйка и кельнеръ, который тоже ея сторону держитъ, и вытолкали меня... Могло быть и похуже!

„Ушибленное мѣсто, однако, болѣло, должно быть, очень сильно, потому что Самуилъ Шёппсъ вдругъ закрылъ глаза, какъ будто ему сдѣлалось дурно. На вопросъ Генриха, гдѣ онъ живетъ,—онъ отвѣчалъ слабымъ голосомъ: „Гдѣ же мнѣ жить, достопочтенный госпо-

динъ? Развѣ я могу жить, гдѣ всѣ люди? Развѣ такой, какъ я, можетъ жить въ Берлинѣ, какъ человѣкъ? У кого я живу? У сумасшедшаго портняжки, у г. Освальда Френкеля, религіозныхъ дѣлъ мастера. Буду вамъ по гробъ благодаренъ, коли вы меня туда доставите. Вѣдь вы же докторъ—не станете вымещать на бѣдномъ раненомъ вашей старой досады на него!

„Тутъ Генрихъ вспомнилъ его лицо. Этотъ Самуилъ Шёппсъ явился въ основанное Тиною Фейгельбаумъ Общество для пособія бѣднымъ родильницамъ и получалъ пособіе въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, пока наконецъ Генриху не удалось открыть, что у Самуила не было ни жены, ни дѣтей.

„Генрихъ простилъ ему давнее мошенничество, такъ какъ теперь могъ наконецъ надѣяться, что черезъ посредство этого человѣка отыщетъ protégé прекрасной Клемансъ.

„Самуилъ Шеппсъ былъ еще слишкомъ слабъ или слишкомъ занятъ своими собственными дѣлами, чтобы немедленно отвѣтить на вопросъ доктора, гдѣ живетъ портной.

— Не везетъ мнѣ въ жизни, вотъ и все! — воскликнулъ онъ, и гадкая, робкая улыбка снова пробѣжала по его губамъ.—Почти каждый шабашъ, каждый разъ, какъ я хочу хорошо покушать, со мной случается что нибудь такое, какъ сегодня. Вхожу, велю себѣ подать то или другое, и какъ только сытъ, сейчасъ открываю, что согрѣшили противъ закона. То жаркое съ саломъ, то съ масломъ. Молоко и мясо на одной тарелкѣ! Или я ѣмъ мясо, а подлѣ меня тутъ-же поставленъ сыръ,—а не то ѣмъ сыръ, и приходится рѣзать его такимъ ножемъ, къ которому пристала еще кожица колбасы. Или велю себѣ подать курицу, и вижу, что она зарѣзана не такъ, какъ слѣдуетъ;—или требую барашка, а мнѣ подаютъ кошку;—или хочется мнѣ полакомиться зарѣзаннымъ индюкомъ, а оказывается, что его застрѣлили, и у меня въ зубы попадаютъ дробинки, такъ что чуть зубы не поломаешь... Вотъ и скандалъ!

— Но не можете ли вы не принимать такъ горячо къ сердцу та-

кого отступленія отъ закона, тѣмъ болѣе, что вы въ нихъ нисколько не виноваты? спросилъ Генрихъ, который, при всемъ отвращеніи, внушавшемся ему этимъ человѣкомъ, не могъ подавить въ себѣ сострадания къ нему.

— Ахъ, Господи, законъ не знаетъ пощады,—лукаво замѣтилъ Самуилъ.—И потомъ... во всемъ этомъ есть и своя хорошая сторона. Не знаю, какъ это случается, но мнѣ не приходится никогда платить за ѣду. Или у трактирщика рыльце въ пуху, и тогда онъ проситъ меня молчать, уходить поскорѣе, и не беретъ ни копѣйки. Или у него совѣсть чиста,—ну, тогда онъ выталкиваетъ меня въ шею, какъ сегодня, и въ сердцахъ тоже забываетъ потребовать деньги. Жалко, что въ одинъ и тотъ-же трактиръ нельзя прійти два раза! Злые люди, видите-ли, говорятъ, что я съ собою приношу сало и другія нечистыя вещи, чтобы только не платить.

„И г. Самуилъ снова почесалъ свою вздувшуюся голову. Генрихъ, котораго невольно смѣшилъ разсказъ этого ханжи, повторилъ свой вопросъ на счетъ квартиры портного.

— Ахъ, вы о сумасшедшемъ портномъ? Это, я вамъ скажу, чистая овечка, агнецъ, — это манна въ пустынѣ для вѣрнаго сына Израиля! Мнѣ Богъ послалъ этого портного въ награду за то, что я всю жизнь такъ строго исполнялъ всѣ его законы на счетъ кушанья, какъ будто передъ каждымъ закономъ стоялъ полицейскій надзиратель... Собственно его зовутъ Давидъ Френкель, — по настоящему еврейскому Давидъ; а что онъ себя прозвалъ Освальдомъ, такъ это тоже только одно изъ его сумасшествій. Вообразилъ онъ себѣ, изволите видѣть, что призвалъ его Господь уничтожить на землѣ различіе между евреями и христіанами. Боже мой, какой сумасшедшій! Какъ будто тогда люди не нашли бы другихъ причинъ, чтобы кидать другъ въ друга камнями и гнилыми яблоками! Ну, словомъ, онъ желаетъ основать новую религію, — такую, чтобъ христіане обратились въ еврейство, а евреи — въ христіанство. Кто его разберетъ? Тамъ, гдѣ христіане и евреи сойдутся на пол-дорогѣ, тамъ г. Освальдъ Френкель

хочетъ построить новую церковь. Господи, какая чепуха! До сихъ поръ нашелъ онъ двоихъ, надъ которыми работаетъ по этому дѣлу. Одинъ—его сынъ. Этому три мѣсяца отъ роду и онъ не можетъ сопротивляться. Другой — (и Самуилъ засмѣялся глупо-хитрымъ смѣхомъ) — другой — я! Ахъ, почтеннѣйшій г. докторъ, вѣрьте, дорого мнѣ приходится платить за квартиру и крошечный кормъ, потому что каждый вечеръ, хочешь не хочешь, а выслушивай его дурацкія проповѣди? Право, иной разъ думаешь, что и самъ помѣшался?.. И у такого сумасшедшаго больше денегъ, чѣмъ у меня, который съ утра до ночи исполняетъ законъ божій во всей строгости!

„Генрихъ спросилъ, дѣйствительно ли портной имѣетъ средства, и откуда онъ пріобрѣтаетъ ихъ.

— Онъ работаетъ какъ лошадь и живетъ какъ собака. Какъ тутъ не откладывать гроши на сторону? А потомъ... право, вы себѣ представить не можете, до какой степени этотъ человѣкъ сумасшедшій! Отъ своего отца онъ получилъ въ наслѣдство вонъ тотъ домъ — не Богъ вѣсть какая цѣнная постройка, но все же постройка—и винокуренное заведеніе. Что-жъ онъ сдѣлалъ, какъ вы полагаете? Онъ сказалъ, что всѣ евреи должны быть ремесленники и что онъ положитъ этому начало. И вотъ нашъ Давидъ Френкель продалъ свою винокурню одному, какъ есть христіанину, съ самымъ христіанскимъ именемъ, самъ удалился вонъ въ тотъ свой замокъ и на двадцать шестомъ году началъ учиться;—какъ вы думаете, чему онъ началъ учиться? Портняжному ремеслу! Домовладѣлецъ и винокуръ—за портняжнымъ ремесломъ! Ну, говорю же вамъ, совсѣмъ помѣшанный,—такой помѣшанный, что изъ него одного можно сдѣлать двоихъ!.. Ну, теперь благодарствуйте, почтеннѣйшій г. докторъ, вотъ я и дома!..

„Они очутились передъ крошечнымъ одноэтажнымъ домикомъ, переднія стѣны котораго были, пожалуй, даже больше черны, чѣмъ грязны, больше какъ-то придавлены, чѣмъ наклонены...“

Фигура доморощеннаго философа-портного обрисована авторомъ

довольно юмористично. О его учености можетъ дать понятіе замѣчаніе, сдѣланное имъ по поводу произнесеннаго Самуиломъ слова „кошеръ“.

— Не употребляй — говоритъ онъ — этого за-азіатскаго слова. „Кошеръ“ есть еврейская вокабуляризація и означаетъ ничто иное, какъ „чистый“. Но ты, Фридрихъ, — (Фридрихомъ онъ называлъ Самуила съ точки зрѣнія своихъ реформаторскихъ стремленій) — ты, надѣюсь, не станешь серьезно утверждать, что какое нибудь кушанье, приготовленное руками моей Доретты, можетъ быть нечисто.—(А правовѣрный Самуилъ-Фридрихъ именно это и утверждалъ).—Надо сознаться однако, что еврейскіе законы о ѣдѣ вообще устарѣли. Устарѣли какъ съ точки зрѣнія сравнительной народной психоколо... ну, и такъ далѣе, такъ и съ точки зрѣнія истолкованія библіи; именно Моисей...

Эту рѣчь портной не окончилъ, потому что его перебила жена, имѣвшая объ интеллектуальномъ развитіи своего супруга самое высокое понятіе и находившая въ своей домашней обстановкѣ полнѣйшую отраду.

— Мы оба—говорила она доктору Вольфу—свѣжи и бодры. Я никогда не хвораю. Освальдъ, правда, если онъ и не жалуется, все таки сдѣланъ не изъ дуба. При всемъ своемъ геніи онъ имѣетъ слабый желудокъ. Я, конечно, соглашаюсь, что каждый геній долженъ имѣть слабый желудокъ. И Боже меня упаси желать, чтобъ у тебя было немного меньше генія. Тогда ты вѣдь пересталъ бы быть моимъ Освальдомъ!... Но скажите, г. докторъ, нельзя-ли какъ нибудь сдѣлать, чтобъ мой мужъ по вечерамъ менѣе читалъ, а по ночамъ меньше думалъ о томъ, что прочелъ? Я давно говорю, что все, что̀ написано въ этихъ разныхъ глупыхъ книгахъ, такой человѣкъ, какъ ты, знаетъ уже давно.

— Ты это не совсѣмъ правильно понимаешь, милое дитя, — кротко возразилъ Освальдъ. — Мозгъ и его система точно также требуютъ пищи, какъ тѣло. И заблужденія, находящіяся въ дурныхъ книгахъ, тоже стоятъ того, чтобы ихъ обсуживать. А что я по ночамъ

не сплю и могу въ это время размышлять объ очень высокихъ проблематезіяхъ, такъ это — милость святой натуры, которую я заслужилъ своими честными стремленіями. Вѣдь я живу высшею жизнью въ тѣ ночные часы, когда мои собратья—люди лежатъ какъ бездыханные трупы.

— Да, г. докторъ, это просто изумительно, какъ мой Освальдъ иногда цѣлую ночь на пролетъ все размышляетъ о такихъ вещахъ, которыя мнѣ, глупой, не даютъ никакихъ мыслей. Я ужъ сколько разъ ему говорила, чтобъ онъ въ это время ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ;—все легче. Нѣтъ,—онъ себѣ лежитъ подлѣ меня тихохонько, не шевелится, и хоть-бы похранѣлъ немножко, чтобъ подумали, что онъ спитъ. Но мой Освалъдъ не храпитъ... Да, однако кто такъ проводитъ свои ночи, долженъ по крайней-мѣрѣ работать менѣе днемъ. Такъ нѣтъ-же,—какъ видите, и теперь, онъ съ утра до поздней ночи сидитъ за работой, къ которой совсѣмъ не привыкъ съ молоду. Это вы ему запретите, докторъ... Коли человѣкъ сдѣлался ночнымъ сторожемъ, такъ спи днемъ. Кто не спитъ, у того разстраивается желудокъ. И если человѣкъ ничего не ѣстъ, то ему въ концѣ концевъ мало проку отъ всего его генія. Уговаривать его за столомъ я боюсь, потому что онъ и за обѣдомъ всегда думаетъ что нибудь высокое; но, вѣрьте мнѣ, что съѣдаетъ Освальдъ, то кошка легко унесетъ на кончикѣ своего хвоста,—такая это капелька выходитъ.

— Не вѣрьте моей доброй женѣ, — снова кротко возразилъ Освальдъ, не подымая глазъ отъ своего шитья; — моею маленькою дневною работой я только плачу свою дань человѣчеству, потому что трудомъ своихъ рукъ долженъ человѣкъ, а особенно еврей, заработывать свой хлѣбъ. Чтеніе-же и размышленіе — это мой отдыхъ, мое спокойствіе, моя молитва. А вотъ ей, моей доброй Дореттѣ, вы, г. докторъ, запретите работать не по силамъ, потому что иначе она подвергаетъ опасности не только свое драгоцѣнное здоровье, но и жизненный нервъ нашего сына. Это женщина энергическая, дѣятельная и вполнѣ созданная для того, чтобы убаюкивать на своей груди нашу надежду,

нашу будущность! Но заниматься при этомъ глаженьемъ бѣлья ей не слѣдуетъ. Ибо какъ призваньемъ мужчины было, есть и будетъ—заниматься ремесломъ, чтобъ прокармливать жену и ребенка, точно также вѣчное призваніе женщины—вплетать розы въ нашу добродѣтельную, Богу угодную жизнь...“

Къ этому трогательно-комическому, во всякомъ случаѣ любопытному экземпляру, вѣроятно, срисованному авторомъ въ главныхъ чертахъ съ натуры, мы еще вернемся, а теперь насъ ожидаетъ встрѣча, не менѣе любопытная, съ старыми знакомыми. Читатель не забылъ видѣннаго имъ на балѣ у Тины Фейгельбаумъ „доктора“ Штроппа, замыслившаго тогда, подъ вліяньемъ рѣчей ростовщика Бумке, поголовное истребленіе евреевъ. Вотъ съ нимъ-то и встрѣтился Генрихъ, выйдя отъ портного, такъ какъ Штроппъ жилъ на одной лѣстницѣ съ Френкелемъ, эксплуатируя его по своему обыкновенію и при этомъ еще имѣя любострастные виды на добродѣтельную Доретту. Не смотря на то, что Генрихъ зналъ этого господина весьма мало, даже чуть помнилъ его, тотъ, со своимъ классическимъ нахальствомъ, сейчасъ-же навязался ему въ провожатые, долго не отставалъ и занималъ всяческими разговорами. Между прочимъ, говорилъ онъ и о себѣ.

— Ахъ, — съ грустью восклицалъ онъ, — какъ прискорбно видѣть себя непризнаннымъ!... По временамъ неодолимо охватываетъ меня влеченіе къ великимъ подвигамъ, и въ эти минуты я всегда желаю, чтобы Германія стояла вокругъ меня и могла меня слышать. Будь это, я, можетъ быть одержалъ бы побѣду и увидѣлъ осуществленіе тѣхъ мыслей, которыя покамѣсть таятся въ моей груди, Да, почтеннѣйшій докторъ, я реформаторъ, я чувствую въ себѣ силу радикально преобразовать нѣмецкую жизнь. Духовными очами своими я вижу имя мое написаннымъ въ звѣздахъ, вижу, какъ на площадяхъ воздвигаются колонны, украшенныя моимъ, до того безвѣстнымъ, именемъ... Вы спрашиваете себя, вѣроятно, въ чемъ состоятъ замышляемыя мною новыя реформы? О, вамъ придется еще много слышать обо мнѣ! То, чего не въ силахъ былъ сдѣлать язычникъ Арминій, когда онъ сиялъ

легіоны Вара,—то, чего не вполнѣ достигнулъ Лютеръ, выйдя на бой съ римскимъ антихристомъ—(вѣдь вы, надѣюсь, не католикъ?)—то, чего не понялъ великій Лессингъ, не смотря на то, что онъ выбросилъ изъ Германіи французовъ, — все это суждено совершить мнѣ, скромному доктору Адальберту Штроппу! Что нибудь должно случиться! Наши величайшіе люди, наши способнѣйшіе политики видятъ и понимаютъ, что что-нибудь да должно произойти! Скажу вамъ по секрету, — я еще вчера слышалъ отъ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ головъ нашихъ, что „вверху“ желаютъ, чтобы что-нибудь произошло! Но чему слѣдуетъ произойти? Великая реформа должна разомъ охватить всѣ стороны человѣческаго бытія въ его цѣльности, она не можетъ остановиться на индивидуализированіи человѣческаго я, она обязана непрерывно стремиться къ цѣлостности ограниченной въ своихъ великихъ размѣрахъ національности! Вы, конечно, понимаете меня, докторъ? Молекулярное начало уничтожается, просто на просто уничтожается! Общество должно побѣдить молекулярность. Такимъ образомъ эта реформа должна быть одновременно религіозная, общественная. національная, нравственная, научная и санитарная. Эта реформа должна начать съ ребенка на материнской груди и окончиться только на старцѣ въ могилѣ. Наша реформа должна освободить человѣчество отъ самого себя...“

Всѣ эти разглагольствованія и прогулки кончились тѣмъ, что великій реформаторъ попросилъ у скромнаго доктора въ займы двадцать марокъ, которыя тотъ, конечно, поспѣшилъ вручить ему, чтобы избавиться отъ пріятнаго собесѣдника. А реформаторъ отправился въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ, предварительно повѣдавъ Генриху слѣдующія слова на прощаніе:

— Независимо отъ этихъ денегъ, за мною въ долгу еще послѣднее слово моей великой реформы. Вотъ оно: Вонъ евреевъ изъ областей Германіи! Вонъ отсюда этихъ семитовъ, которые катаются по улицамъ въ комфортныхъ экипажахъ, между тѣмъ какъ мы тутъ-же бѣгаемъ пѣшкомъ,—которые наполняютъ свои карманы золотомъ, между

тѣмъ какъ мы, въ потѣ лица своего, едва въ состояніи зарабатывать сухой на сторонѣ хлѣбъ! Вонъ евреевъ! Надѣюсь, что имѣю въ васъ единомышленника!

Въ ресторанѣ реформаторъ заказалъ себѣ шесть отборныхъ блюдъ, и пребываніе его за этимъ гастрономическимъ наслажденіемъ авторъ описываетъ такъ:

„Такъ хорошо и привольно давно уже не было доктору Штроппу. Обѣдъ, начавшійся стаканомъ Шабли и дюжиной устрицъ, — такой обѣдъ давно уже не потреблялся имъ и ни разу не былъ оплаченъ, какъ сегодня, изъ собственныхъ рукъ. Дойдя до кофе и пыхтя отъ внутренняго довольства, онъ велѣлъ подать еще себѣ къ сигарѣ маленькую бутылку капскаго вина и нашелъ, что именно такъ долженъ онъ будетъ обѣдать каждый день, когда новое общество поставитъ его въ своей главѣ.

„Покамѣсть, виды на это были не особенно утѣшительные. Штроппъ, съ присущею ему цѣпкостью, присвоилъ себѣ идею Бумке, день и ночь зондировалъ настроеніе своихъ знакомыхъ и нашелъ почву не совсѣмъ неблагопріятною. Не доставало только силы и энергіи иниціативы. И онъ, великій реформаторъ, обладавшій этою силой и этой энергіей, — онъ не могъ немедленно устремиться къ своей цѣли, потому что для его необходимыхъ плановъ не было у него денегъ. Вѣдь ему только и нужно было что основать газету, которая имѣла въ виду отмѣнить вѣжливость и налоги, уничтожить пауперизмъ, прогнать евреевъ и превратить Германію въ новую Утопію. Какъ было возможно устроить все это,—онъ самъ еще не зналъ. Но пусть только наберется пол-мильона подписчиковъ и приверженцевъ, — остальное придетъ само собою. Многіе изъ его друзей обѣщали подписаться на газету или сотрудничать въ ней, но ни одинъ не рѣшался пожертвовать хоть тысячу марокъ на великое дѣло...

„Деньги! Деньги!

„Гдѣ взять денегъ на газету? Въ послѣднее время онъ черезчуръ сблизился съ еврейскимъ денежнымъ міромъ, чтобъ другіе могли

такъ быстро отнестись съ довѣріемъ къ его новымъ теоріямъ. Добраго Юліуса Фейгельбаума тоже вѣдь нельзя было употребить для этой цѣли! Хоть Штроппъ покамѣсть и скрывалъ передъ биржевикомъ настоящую цѣль своего предпріятія, но тотъ все-таки чуялъ средневѣковое настроеніе въ столь осторожной программѣ и держалъ свой кошелекъ закрытымъ. А такъ какъ Штроппъ, при всей своей хитрости, по временамъ все-таки проговаривался и употреблялъ выраженія, въ эту пору уже составившіяся и бродившія въ его мозгу сообразно пребывавшимъ тамъ-же планамъ, то люди, до того времени помогавшіе ему, стали все чаще и чаще отвѣчать на различныя просьбы его отказомъ.

Штроппъ закусилъ губы. Если-бы эти богатые биржевики еще сегодня раскрыли свои кошельки и помогли ему пріобрѣсть вліятельное положеніе — получить должность какого нибудь директора банка, либеральнаго депутата или хорошо оплоченнаго редактора,— онъ, можетъ быть,—можетъ быть!—еще сегодня былъ-бы не прочь войти съ ними въ переговоры и отсрочить на время великую войну противъ капитала и Іуды. Но они уже теперь покинули его,—судьба ихъ поэтому рѣшена!

„И каждый разъ какъ докторъ Штроппъ вспоминалъ послѣдній отрицательный отвѣтъ добраго Юліуса, въ сердцѣ его сильнѣе вспыхивала юдофобія, которая такъ нужна была ему для его будущей дѣятельности. Вѣтвь, на которой онъ сидѣлъ, подгнила,—надо было торопиться перебраться на другую, зеленую; а если при этомъ передвиженіи та, гнилая, сломается—тѣмъ лучше!

„Штроппъ чувствовалъ, что его время наступило. Въ общественной жизни готовились великіе перевороты. Народъ, въ большихъ массахъ, высказывалъ открыто и враждебно свое недовольство современными порядками. Въ глубинѣ бездны глухо кипѣло. При этомъ каждому умному человѣку не могло не быть ясно, что правительству невозможно удовлетворить требованіямъ недовольныхъ безъ того, чтобы не подвергнуть опасности все государственное зданіе. Надо было, слѣ-

довательно, бросить этимъ злобнымъ партіямъ кусокъ мяса для того, чтобы заставить ихъ надолго замолчать.

„Въ простой идеѣ Бумке лежало общее спасеніе. Онъ ужъ столько мѣсяцевъ рекомендовалъ ее, восхвалялъ, какъ новое чудодѣйственное средство, такому множеству людей. Не одинъ изъ нихъ, не одинъ высокопоставленный человѣкъ относился къ этой идеѣ сочувственно; но нигдѣ, нигдѣ не встрѣтилъ до сихъ поръ благородный Бумке честной смѣлости—дать паціенту героическое лекарство.

„Штроппъ-же хотѣлъ жить, хотѣлъ быть предметомъ поклоненья, хотѣлъ что нибудь значить!

„Если никто такъ и не придетъ къ нему на помощь,—какъ знать, быть можетъ онъ наконецъ выйдетъ изъ терпѣнія и, въ порывѣ гнѣва, кинется въ другую крайность—броситъ идею Бумке, какъ черезъ чуръ обыденную, пошлую, и станетъ самъ во главѣ тѣхъ недовольныхъ, которые хотѣли поставить все въ мірѣ вверхъ ногами!... И Штроппъ осушалъ рюмочку за рюмочкой!... Онъ бормоталъ свои разсужденія, такъ что остальные посѣтители ресторана съ неудовольствіемъ взглядывали на него.

„Въ самомъ дѣлѣ, жалкая была его участь. Вѣдь собственно говоря, по своему житейскому положенію онъ не особенно отличался отъ того презрѣннѣйшаго изъ людей, того Самуила Шеппса, который, подобно ему, эксплуатировалъ въ свою пользу нелѣпости сумасшедшаго портного.

„Чистенькій союзникъ, этотъ Самуилъ Шеппсъ, нечего сказать! Правовѣрный-жидъ, который не сталъ бы обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ въ этомъ ресторанѣ, продувной негодяй, который видѣлъ его заговоръ, зналъ его конечныя цѣли и, тѣмъ не менѣе, его поддерживалъ!

„Еще за два-три дня до этого, сидѣли они вдвоемъ въ комнатѣ Штроппа, курили скверныя сигары портного, смѣялись надъ добродушнымъ дуракомъ, и тутъ Штроппъ добродушно спросилъ г. Самуила, какая причина побуждаетъ его поддерживать зачинавшееся великое

преслѣдованіе евреевъ и идеи противъ своихъ единовѣрцевъ. И что же отвѣчалъ Самуилъ? Въ эту минуту, нервически ковыряя въ зубахъ перышкомъ, возведя глаза къ потолку ресторана, Штроппъ снова явственно слышалъ каждое слово нищаго бродяги:

„Я хорошій еврей, милый мой докторчикъ! И держись всѣ дѣти Израиля своего стараго Бога, такъ, какъ я держусь Его, не понадобились бы наконецъ египетскія казни для того, чтобы вернуть ихъ къ закону и правильнымъ выдачамъ денегъ. Но вѣдь вы сами знаете, что теперь дѣлается. Живетъ въ Берлинѣ много тысячъ евреевъ, называютъ они себя реформаторами, называютъ нѣмцами, молятся по нѣмецки, торгуютъ по нѣмецки, ѣдятъ и пьютъ по нѣмецки. Чѣмъ это кончится? Тѣмъ кончится, что всѣ они, одинъ за другимъ, отпадутъ отъ старой вѣры и старыхъ обычаевъ и—Господи спаси!—выкрестятся... Ну, да пускай, мнѣ это все равно! Будьте христіанами! Будьте не бѣлые, а черные! Я же—хочу ѣсть—и ѣсть хорошо! Ну, а такъ какъ я не умѣю ни молиться и читать по нѣмецки, ни ѣсть и пить по нѣмецки, то что со мною будетъ? Что будетъ? Съ голоду околѣть придется,—вотъ что будетъ! Уже теперь, въ наши большіе праздники, я не могу приходить, какъ бывало, въ каждый еврейскій домъ и требовать свою долю съѣстнаго. Вездѣ на меня смотрятъ изъ подлобья, потому что я не умѣю говорить, какъ они. Эти реформаты презираютъ насъ, старыхъ, хорошихъ, вѣрныхъ евреевъ! Слыханы ли когда нибудь такія вещи? Когда-же вы, г. Штроппъ, появитесь здѣсь, какъ Божье наказанье, и станете мучить евреевъ за то, что они не евреи, — тогда реформаты одумаются, потому что они, въ концѣ концевъ, все таки евреи, слава Тебѣ, Господи! И вотъ они тогда скажутъ себѣ: „Насъ ругаютъ, за то, что мы евреи? А, коли такъ, мы открыто и какъ слѣдуетъ, будемъ евреями!“ Вѣдь эти образованные, эти богатые —они часто такіе дураки и чудаки! И тѣ, что отъ насъ отпали въ счастьи, опять тѣсно пристанутъ къ намъ, когда имъ самимъ придется плохо,— и врядъ-ли станутъ кидать деньги на разные тамъ городскіе госпитали и всякія другія нѣмецкія штуки! Травите, травите, г. Штроппъ, по-

сильнѣе! Мнѣ отъ этого больно не будетъ! А когда травля пойдетъ уже совсѣмъ, какъ слѣдуетъ, тогда г. коммерціенратъ въ Тиргартенѣ перестанетъ молиться по нѣмецки, онъ начнетъ молиться по еврейски, и не будетъ больше его лакей въ позументахъ выталкивать за дверь бѣдняка, который зовется себѣ просто Самуилъ Шеппсъ!

„Такъ разсуждалъ нахальный Самуилъ, и при воспоминаніи объ этомъ, докторъ Штроппъ снова счелъ необходимымъ опрокинуть въ себя рюмочку, чтобы имѣть возможность хорошенько посмѣяться надъ соображеніями нищаго бродяги. Вѣдь комичная вышла бы, въ самомъ дѣлѣ, исторія, еслибы реформаторъ Штроппъ, со своими великими планами оказался работающимъ только въ интересахъ еврейскаго нищаго А, вздоръ,—все это побочныя обстоятельства, о которыхъ великому человѣку нечего заботиться. Это уже пусть евреи улаживаютъ сами между собой. Германія-же единогласно откликнется на боевой крикъ новаго Арминія: „Вонъ евреевъ!...“

„И Штроппъ волновался все больше и больше, свой боевой крикъ онъ испустилъ даже довольно громко, такъ что остальные посѣтители ресторана опять посмотрѣли на него; но онъ не замѣтилъ этого и продолжалъ свои монологи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова, и на этотъ разъ совсѣмъ явственно, крикнулъ: „вонъ евреевъ!“ при чемъ такъ стукнулъ по столу кулакомъ, что пустая бутылка съ виномъ полетѣла на полъ.

„Оберъ-кельнеръ подлетѣлъ къ посѣтителю и подалъ ему шляпу, палку и счетъ. Было выпито и съѣдено ровно на двадцать марокъ. Штроппъ презрительно кинулъ на столъ золотую монету Генриха и вышелъ, ворчливо осуждая обычай давать на водку, который тоже былъ внесенъ въ Германію еврейскими спекулянтами“.

Генрихъ, послѣ перваго своего посѣщенія, продолжалъ навѣщать портного и лечить его ребенка. Однажды, совершенно неожиданно, засталъ онъ тамъ Клемансъ; — оказалось, что Ауэнгеймы только что вернулись изъ деревни. Здѣсь, благодаря временному отсутствію хозяевъ, между молодыми людьми произошелъ краткій, но краснорѣчи-

вый разговоръ, кончившійся взаимнымъ обѣщаніемъ принадлежать другъ другу. Прежде чѣмъ говорить съ отцемъ своей возлюбленной, Генрихъ счелъ нужнымъ заручиться согласіемъ старика барона фонъ-деръ-Эгге, какъ главы семейства, отъ котораго все зависѣло въ данномъ случаѣ и который, какъ Генриху было извѣстно, имѣлъ на этотъ счетъ интимный разговоръ со своею дочерью, т. е. матерью Клемансъ, незадолго до ея смерти, послѣ извѣстной намъ бесѣды ея съ Генрихомъ. Свиданіе старика-аристократа и молодого врача-еврея состоялось въ квартирѣ этого послѣдняго, такъ какъ баронъ на время пріѣхалъ въ городъ. Противодѣйствія браку старикъ не обнаружилъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ въ своей внучкѣ твердую рѣшимость соединиться съ любимымъ человѣкомъ, — но онъ поставилъ, конечно, первымъ условіемъ, переходъ Германа въ христіанство. Докторъ отвѣчалъ ему на это такими словами:

— Я не желаю, г. баронъ, оставитъ васъ даже въ малѣйшемъ заблужденіи на счетъ моихъ религіозныхъ взглядовъ. Христіаниномъ, по понятіямъ вашихъ правовѣрныхъ священниковъ, я не сдѣлаюсь никогда. Если вы требуете, чтобы я, въ качествѣ члена вашей семьи, лицемѣрно поддерживалъ воззрѣнія, противорѣчащія духу нашей науки и нашихъ великихъ писателей, — то я говорю: нѣтъ, хотя бы этимъ разрушилось счастье всей моей жизни. Если же вы довольствуетесь тѣмъ, что я отстраняю отъ себя всякое общеніе съ ученіемъ обрядоваго еврейства, что я съ радостію называю себя христіаниномъ и принимаю Евангеліе въ духѣ Лессинга и его послѣдователей,—если вы довольствуетесь христіаниномъ по *сердцу*, то я клянусь вамъ, что такой образъ мыслей былъ моимъ уже задолго до того, какъ любовь Клемансъ явилась какъ единственно возможное для меня побудительное средство совершить переходъ и внѣшнимъ образомъ“...

На вопросъ барона, почему-же только эта любовь могла послужить поводомъ къ переходу, когда въ сущности это обращеніе давно состоялось въ душѣ, Генрихъ отвѣчалъ:

— Я говорилъ вамъ не о христіанствѣ (Christenhum), но о хри-

стіанскомъ обществѣ (Christenheit). Христіанство обнимаетъ собою извѣстное число положительныхъ религій, отъ которыхъ отстали наши умственные руководители. Загляните для этого въ вашу библіотеку, или вотъ въ мою: и тутъ и тамъ вы найдете конечно однихъ и тѣхъ-же писателей, которыхъ не слѣдовало бы экзаменовать въ законѣ Божьемъ ни одному изъ нашихъ священниковъ. Напротивъ того, христіанское общество, какъ культурное явленіе, обнимаетъ собою нашъ цивилизованный міръ. Ему принадлежитъ всякій, для кого не прошли безслѣдно столѣтія нашей цивилизаціи,—называется-ли онъ еврей, атеистъ, буддистъ. Христіанскому обществу принадлежитъ и большая часть нашихъ нѣмецкихъ евреевъ;—къ сожалѣнію, не всѣ. Поэтому для насъ не существуетъ никакого повода дѣлать и внѣшнимъ образомъ шагъ, который такъ часто дѣлали люди недостойные и который поэтому получилъ подозрительный характеръ. Но такъ какъ мы живемъ въ такое время и въ такой странѣ, когда и гдѣ съ исповѣданіемъ старой вѣры не сопряжено никакой невыгоды, то желанія невѣсты достаточно для того, чтобы мы охотно избирали форму открытаго перехода. Вѣрьте мнѣ, только съ тѣхъ поръ, какъ перекрещиваніе перестало доставлять матеріальныя выгоды, евреи переходятъ въ христіанство безъ вреда для самихъ себя и для христіанства. Еслибъ снова когда нибудь вернулось то несчастное время, когда, рядомъ со многими другими несправедливостями, было возможно и преслѣдованіе евреевъ,—еслибъ одинъ безумецъ, недавно еще разсказывавшій мнѣ о возрожденіи старой ненависти къ іудейству, могъ найти себѣ послѣдователей, — ни одинъ порядочный и честный еврей не сталъ бы болѣе отдѣляться отъ своихъ соплеменниковъ. Только благодаря рабству, отсутствію гостепріимства со стороны другихъ народовъ, еврейство выдержало ходъ столькихъ тысячелѣтій. И только свобода соединитъ его съ христіанствомъ.

„Старый баронъ покачалъ головой.

— Странно, странно! — сказалъ онъ. — Ваше объясненіе вполнѣ удовлетворило меня,—даже больше чѣмъ я ожидалъ. И однакоже, не могу я не изумляться, что вы, при вашемъ безпристрастномъ отношеніи

къ хорошему и худому, сохранили еще столько благоговѣйнаго уваженія къ старому еврейству. Да, больше, чѣмъ, можетъ быть, вы сами думаете! Какъ можетъ эта религія съ ея, лишеннымъ всякой фантастичности, понятіемъ о Божествѣ, съ холодностью и мертвенностью созданнаго ею быта, съ ея сухими законами, внушать такую сильную привязанность къ себѣ?

— Вы, кажется, обитатель бранденбургскаго марка? — отвѣчалъ Генрихъ.—Ну, вы, стало быть, знаете, чта почва этой мѣстности песчаная и неплодородная, служитъ посмѣшищемъ всѣхъ сосѣднихъ земель, требуетъ двойного труда и не представляетъ ни малѣйшей приманки для большинства живописцевъ. Что-же, развѣ вашъ Эггервицъ вамъ меньше милъ отъ этого? Я не проникнутъ слишкомъ горячею любовью къ еврейству, но когда надъ нимъ издѣваются, тогда по неволѣ пробуждается въ душѣ гнѣвъ и готовъ идти на бой, — какъ вѣдь и ваши земляки не оставятъ свой родной песокъ безъ защиты отъ глупыхъ насмѣшекъ...“

Послушаемъ теперь другой разговоръ, происходившій непосредственно послѣ только что приведеннаго, на туже тему, между тѣмъ-же Генрихомъ и его невѣстой, которая только что узнала, что онъ еврей.

— Скажи мнѣ, Генрихъ,—спрашивала она,—что это они всѣ говорятъ, что ты еврей? Что это значитъ? Я не понимаю. Ты вѣдь такой-же человѣкъ, какъ я, какъ папа, какъ всѣ остальные.

— Я самъ думаю, что такой-же. Но что я еврей — это все таки правда. Изъ этого ты можешь только заключить, что подъ евреемъ ты до сихъ поръ представляла себѣ нѣчто совсѣмъ фальшивое.

— Подъ евреемъ я собственно ничего особеннаго себѣ не представляла. Мнѣ совсѣмъ и въ голову не приходило, что на свѣтѣ можно еще найти живыхъ евреевъ. Мама разъ мнѣ сказала въ шутку, что это —народъ, жившій въ древности. Я себѣ совсѣмъ представить не могу, какъ это у человѣка можетъ быть иная вѣра, чѣмъ у меня и моей покойной мамы. Неужто въ самомъ дѣлѣ, Генрихъ, у тебя была до сихъ поръ другая вѣра?

— Въ главной сущности, да,—осторожно отвѣчалъ Генрихъ. — Если-же ты понимаешь подъ вѣрою все то, чему тебя научили къ твоей конфирмаціи, то, легко можетъ быть, ты найдешь, что я вообще никакой вѣры не имѣю.

— Этого я боялась,—прошептала Клемансъ.—Но ты никогда не долженъ мучить меня ухищреньями твоего ума, никогда не долженъ тревожить *мою* вѣру. Она глубоко таится во мнѣ и наружу выходитъ очень рѣдко... Скажи мнѣ однако — и прости за этотъ вопросъ—если ты такого образа мыслей, то какъ-же ты могъ согласиться на требованіе дѣдушки?

— Видишь-ли, моя дорогая.... ты вѣдь только что сказала, что твоя христіанская вѣра обнаруживается рѣдко? Ты хранишь ее для одной себя и принадлежишь только важнѣйшими, общими для всѣхъ, чувствами всему христіанскому міру. Точно тоже и со мной. Я, подобно тебѣ, причисляю себя съ христіанскому міру, хотя то, что есть у меня общаго съ нимъ, можетъ казаться тебѣ незначительнымъ. Я принесъ тебѣ сегодня кое что — забавный дневникъ, который я велъ ребенкомъ и гдѣ изображалъ мои крохотныя религіозныя сомнѣнія той поры. Въ послѣдствіи, когда на меня нападали мрачныя мысли, я, чтобы освободиться отъ нихъ, читалъ эти ребяческія страницы. Вотъ, возьми тетрадь и послѣ, тайкомъ отъ другихъ, прочитай ее. Я позволяю тебѣ посмѣяться надъ глупымъ мальчикомъ, но изъ этихъ признаній ты все таки увидишь, что мое христіанство досталось мнѣ тяжело... Конечно, мой дневникъ доходитъ только до того времени, когда я почувствовалъ себя вѣрующимъ евангельскимъ христіаниномъ, — христіаниномъ по собственному убѣжденію. Ты знаешь теперь, что я на этомъ пунктѣ не остановился, что въ настоящее время я совсѣмъ безбожникъ. Но въ одномъ ты убѣдишься ясно, когда прочтешь эти забавныя страницы: въ томъ именно что, если я, какъ студентъ и какъ врачъ, мало по малу снова потерялъ всю мою, съ трудомъ добытую себѣ вѣру, за исключеніемъ маленькой, чисто личной, частички, то утратилась въ этомъ случаѣ уже не іудейская, а христіанская вѣра моя.

— Но частичка, говоришь ты, все таки сохранилась у тебя? радостно воскликнула Клемансъ.

— Да, и эта частичка моей религіозности обнимаетъ все благородное, высокое и прекрасное; а съ тѣхъ поръ, Клемансъ, какъ я люблю тебя—она посвящена и тебѣ...“

Во время этого разговора, какъ мы видѣли, Генрихъ передалъ невѣстѣ свой дѣтскій дневникъ. Послѣдуемъ за молодой дѣвушкой въ ея комнату и прочтемъ вмѣстѣ съ нею нѣсколько нужныхъ для насъ страницъ этой дѣйствительно забавной по напускной „міровой скорби“, но и характеристической во многихъ другихъ отношіяхъ, тетради:

„О, горе мнѣ! Правда, мое греческое сочиненіе оказалось лучше всѣхъ другихъ! Правда, я одинъ изъ всего класса правильно проспрягалъ аористъ. Но къ чему мнѣ все земное знаніе, когда душа моя напрасна жаждетъ небесной пищи! О! отвратительнымъ кажется мнѣ этотъ вѣкъ, когда я думаю о той порѣ, въ которую боги еще странствовали по землѣ и сами говорили по гречески.

„... Въ этомъ дневникѣ только для самого себя буду я выплакивать мои гигантскія, мои пирамидальныя скорби...

„... Я, какъ Атлантъ, ношу на своихъ плечахъ скорбь и страданіе всего міра. Но нѣтъ, въ мои годы—мнѣ уже тринадцать лѣтъ—непозволительны уже никакія преувеличенія! Скорбь и страданіе всего міра я не ношу, но душевное спасеніе цѣлаго семейства дѣйствительно лежитъ на моихъ плечахъ. Мой отецъ... ахъ... онъ мой отецъ—и я молчу!.. Но религіи ни малѣйшаго слѣда. Онъ давалъ мнѣ рости въ грязномъ болотѣ матеріализма. Онъ училъ меня собирать бабочекъ, засушивать цвѣты и классифицироватъ минералы,—но ни разу не показалъ онъ мнѣ пути къ вѣчному. Такимъ образомъ этотъ путь я проложилъ себѣ самъ и буду идти имъ до тѣхъ поръ, пока на моемъ черепѣ засеребрятся сѣдые волосы...

„... Нашъ домашній докторъ тоже матеріалистъ. Онъ утверждаетъ, что моя чувствительность—какъ выражается этотъ жалкій циникъ,—слѣдствіе недавно перенесенной тяжкой болѣзни. Но я, я лучше знаю,

въ чемъ дѣло. Сомнѣніе — вотъ тотъ коршунъ, который клюетъ меня! О!...

„Мнѣ не было еще десяти лѣтъ, на многое смотрѣлъ я совсѣмъ дѣтскими глазами. Въ это время поступилъ я въ гимназію и на вступительныхъ экзаменахъ долженъ былъ отвѣчать и изъ закона Божія. Когда я по этому случаю узналъ, что я еврей и долженъ учиться закону еврейскому, извѣстіе это оставило меня совершенно равнодушнымъ. Но увы! въ теченіе нѣсколькихъ недѣль раввинъ ввелъ меня въ самую глубину дебрей еврейства; я съ ужасомъ узналъ, что Господь далъ намъ множество строгихъ повелѣній и запретовъ, которые мы должны были исполнять, если не хотѣли сдѣлаться грѣшниками. Тутъ-то и началось. Я признавалъ своимъ долгомъ быть набожнымъ ради отца и матери. Но такъ какъ мнѣ не хотѣлось подвергаться насмѣшкамъ, то повелѣнія Господа я исполнялъ тайкомъ. То была набожная ложь, о Создатель!

„Каждую субботу я украдкой пробирался въ синагогу и пѣлъ въ общемъ хорѣ всѣ пѣсни, хотя и не понималъ по еврейски.

„Въ календарѣ я съ точностью справился, когда долженъ былъ прійтись еврейскій праздникъ. Во всѣ большіе праздники я добывалъ себѣ чистое бѣлье. Наканунѣ такихъ дней сколько разъ я выливалъ на себя чернила! Такимъ образомъ я добывалъ себѣ розги и чистую рубашку. Въ постные дни я подвергалъ себя умышленному голоданію, притворяясь, что у меня испорченъ желудокъ и что я ничего ѣсть не могу. О, да, часто я голодаю ради будущаго душевнаго спасенія моихъ родителей! Но я зналъ, что этимъ готовилъ отцу и матери вѣчное блаженство!

„Болѣе значительныя затрудненія доставляла мнѣ ежедневная ѣда. Мой отецъ былъ строгъ на этотъ счетъ и требовалъ — достойный Нерона деспотизмъ! — чтобы я ѣлъ рѣшительно все, подававшееся на столъ. Но въ качествѣ тайнаго еврея, каковымъ я былъ, мнѣ невозможно было исполнить это требованіе. Я не прикасался къ ветчинѣ и даже къ зайцу, хотя заяцъ—млекопитающее очень вкусное и, по мнѣнію уче-

ныхъ, очень здоровое. Много брани пришлось мнѣ вынести изъ-за этого! Но я вышелъ твердымъ изъ испытанія!...

„Такимъ путемъ узналъ я мою религію. Тайно обратилъ меня готовившій къ вступительному экзамену раввинъ въ набожнаго еврея и тайно возсылалъ я къ Іеговѣ несказанно горячія молитвы. О, Господи, Господи, совершалъ ли я грѣхъ противъ Тебя? Прости молодому человѣку съ недостаточнымъ образованіемъ его безуміе!

„... Вчера я записалъ для моихъ дѣтей и внуковъ, какимъ образомъ, посредствомъ поздняго обученія, я дошелъ до познанія еврейской вѣры. Сегодня разскажу о моемъ первомъ разочарованіи. Въ низшемъ классѣ гимназіи я оставался еще набожнымъ евреемъ. Мало по малу стало меня тревожить, что между пятьюдесятью учениками я долженъ былъ оставаться единственнымъ существомъ съ чувствующимъ сердцемъ Въ тѣ часы, когда христіанамъ преподавался Законъ Божій, мнѣ приходилось стоять въ корридорѣ и оставаться въ невѣдѣніи на счетъ того, что говорилось въ классѣ. И патеръ Гуфенрихтеръ давалъ мнѣ дурное понятіе о всѣхъ христіанахъ: ему доставляло удовольствіе заставлять меня зимою, даже послѣ звонка, дожидаться на холодныхъ камняхъ. Но съ теченіемъ времени я становился все любопытнѣе, и когда мнѣ удалось найти между своими сотоварищами истиннаго друга, Пилада, я попросилъ у него разъясненій на счетъ катихизиса. Презрѣнный осмѣялъ меня. О, люди, люди, лицемѣрный родъ! Тѣмъ не менѣе онъ далъ мнѣ эту книгу, и я прочелъ ее. Въ страшное негодованіе и отчаяніе пришелъ я оттого, что узналъ все это слишкомъ поздно. Здѣсь вычиталъ я, что евреи уже двѣ тысячи лѣтъ прокляты, что они преступно отвергнули отъ себя искупленіе и что я, ученикъ четвертаго класса, Генрихъ Вольфъ, благодаря старой винѣ предковъ, тоже лишился права на участіе въ царствѣ Божіемъ. О, горе мнѣ!

„Но кто поможетъ мнѣ въ этихъ мукахъ? Кто скажетъ мнѣ—одинаково-ли божественнаго происхожденія съ старымъ завѣтомъ новый завѣтъ? Кто разсѣетъ сомнѣніе? Увы! Двѣ души живутъ въ моей груди! Я начинаю небрежно относиться къ еврейской религіи...

„....Я сегодня бесѣдовалъ съ моимъ нѣмецкимъ учителемъ. Онъ былъ очень привѣтливъ, распрашивалъ обо всемъ, распрашивалъ, какія книги я читаю. Я назвалъ и тутъ-же сознался, что читаю также религіозныя книжки моихъ сотоварищей-христіанъ. Услышавъ это, мой учитель сдѣлался еще привѣтливѣе и далъ мнѣ карточку. На ней было напечатано: „Конференціи въ капеллѣ Адалберта“. Вотъ туда-то онъ велѣлъ мнѣ ходить, сказавъ, что боговдохновенный проповѣдникъ тамъ разрѣшитъ мнѣ всѣ мои вопросы.

„Я былъ тамъ. Патеръ Мюнхштремъ—величайшій человѣкъ нашего столѣтія! Стыдитесь, жалкіе фарисеи, кидающіе камень въ того, кто іезуитъ. Если всѣ іезуиты говорятъ такъ, какъ патеръ Мюнхштремъ, я кидаюсь къ его ногамъ и молю его о милости быть принятымъ въ Societas Jesu. Какъ плакалъ этотъ благородный человѣкъ, когда говорилъ о невѣрующихъ евреяхъ! О, я отдалъ бы кровь моего сердца, еслибъ могъ утишить эти слезы!

„Я снова былъ тамъ. Патеръ Мюнхштремъ говорилъ сегодня объ истинѣ. Истина живетъ въ немъ. Я побѣжденъ! Даже во снѣ преслѣдуетъ меня этотъ мощный, громовый голосъ, раздающійся подъ сводами Адалбертовой часовни, какъ звуки органа въ церкви піаристовъ. О, эти звуки! Какъ могъ я до сихъ поръ принадлежать религіи, не имѣющей органа! Органъ есть языкъ ангеловъ.

„Уже четыре недѣли не раскрывалъ я моего дневника. Все колебался довѣрить ему тайну. Но сегодня сдѣлаю это. Сегодня записываю: недѣлю тому назадъ я сдѣлался христіаниномъ-католикомъ. Уже четыре недѣли я каждое воскресенье слушаю обѣдню. Я бѣгаю для этого въ самыя отдаленныя церкви, чтобы меня никто не видѣлъ...

„Сегодня я опять былъ у патера Мюнхштрема. Онъ изображалъ мученическія страданія св. Непомука. Не могу больше писать. Я задыхаюсь. Чувствую, какъ будто вода рѣки Молдавы дошла мнѣ до шеи. О, благородный человѣкъ! О, св. Непомукъ, молись обо мнѣ, бѣдномъ грѣшникѣ!...“

И такъ далѣе, въ такомъ же родѣ. Выдержки эти не нуждаются

въ комментаріяхъ. Мы и не будемъ ихъ дѣлать, а обратимся къ продолженію романа.

Счастью, которое явилось Генриху въ видѣ любви со стороны его дорогой Клемансъ, суждено было па первыхъ же порахъ встрѣтить чувствительную преграду. Старикъ-дѣдъ, не смотря на свое согласіе на этотъ бракъ, все таки смотрѣлъ на него не то, чтобы враждебно, а не совсѣмъ пріязненно; соображенія сословнаго и религіознаго свойства все таки шевелились въ душѣ стараго аристократа,—и онъ потребовалъ, чтобы молодые люди разстались на годъ: если и послѣ этого любовь ихъ будетъ также сильна, если и послѣ этого срока Клемансъ останется вѣрна своему рѣшенію,—ну, тогда съ Богомъ, пусть бракъ состоится. А до тѣхъ поръ—испытаніе необходимо. Барона, можетъ быть даже помимо его сознательнаго желанія, можетъ быть невольно, тѣшила мысль, что испытаніе не будетъ выдержано тою или другой стороной.

Но молодые люди слишкомъ любили другъ друга, и привязанность ихъ была слишкомъ серьезна для того, чтобы они ни на минуту не задумались принять испытаніе: Генрихъ давно уже, еще не зная Клемансъ, составилъ планъ — совершить путешествіе по отдаленнымъ и разнообразнымъ странамъ, для увеличенія запаса своихъ свѣдѣній, для пополненія живыми источниками того, что ему давала сухая книга. Теперь случай представлялся; путешествіе именно такого рода могло сдѣлать разлуку болѣе сносною.

И Генрихъ уѣхалъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГАМАНЪ.

(Баллада).

(Посвящается Д. Т.).

Midrasch-Rabo, Esther, cap. IX.

I.

Въ блестящемъ чертогѣ, за пышнымъ столомъ
Пируетъ съ друзьями Гаманъ...
Бокалы кипятъ искрометнымъ виномъ,
Душистыя яства дымятся кругомъ;
Со звуками цитры тимпанъ
Сливаетъ гремучіе звуки свои,
И бубны, имъ вторя, звучатъ,—
То жемчугомъ крупнымъ забрызжутъ они,
То струйкой рѣчной зазвенятъ...
И въ зыбкихъ гирляндахъ цвѣтущихъ растеній
Клубятся струи ароматныхъ куреній.

Безпеченъ и веселъ пирующихъ видъ,
Но грустенъ Гаманъ... Передъ нимъ
Бокалъ золотой недопитымъ стоитъ...
И съ грустью друзьямъ онъ своимъ говоритъ,
Тревожною мыслью томимъ:

„Друзья мои! Счастливъ мой въ жизни удѣлъ,
Доволенъ я долей своей:
Все, чѣмъ обладать я донынѣ хотѣлъ,
Все это во власти моей —
Я жаждалъ богатства, — и кто-же со мною
Посмѣетъ теперь состязаться казною?!..

„Я роскоши жаждалъ — достигъ — и ужъ ей
Не вѣдаю нынѣ границъ:
Нѣтъ въ цѣлой Мидіи палаты моей
Пышнѣе, нѣтъ коней моихъ удалѣй,
Блестящѣй моихъ колесницъ;
Десятки рабовъ ловятъ каждый мой взглядъ —
Покорны желаньямъ моимъ,
Всю сладость, всю глубь утонченныхъ отрадъ
Извѣдалъ я сердцемъ своимъ, —
Весь трепетъ восторга, все счастье земное
Со всѣмъ обаяньемъ, со всей полнотою.

„Я славы хотѣлъ — и я славой богатъ:
Мнѣ сто двадцать семь областей
Мидіи широкой хвалою гремятъ,
И всюду бесѣды и пѣсни звучатъ,
Исполнены славы моей.
Въ совѣтѣ-ли царскомъ, межъ гордыхъ вельможъ,
На шумныхъ-ли царскихъ пирахъ —
Мнѣ честь и почетъ отовсюду... И что-жъ?! —
Когда предо мною во прахъ

Склоняется все,—этотъ жалкій, позорный
Іудей-Мордахай—головой непокорной

„И съ вызовомъ дерзкимъ во взорѣ—меня
Встрѣчаетъ у царскихъ хоромъ...
„Склонись!“—закричалъ я ему...—„Для тебя,
Отвѣтилъ онъ гордо, склониться моя
Спина не съумѣетъ...“ Я въ немъ
Невольно опаснаго чую врага...
Мнѣ мнится—надъ счастьемъ моимъ
Незримая чья-то нависла рука...
Я всѣхъ покорилъ, только съ нимъ
Я чувствую, мнѣ не подъ силу бороться...
Онъ врагъ мнѣ—и врагъ этотъ скоро проснется...“

„—Такъ вотъ что томитъ и печалитъ тебя,
Отвѣтилъ одинъ изъ гостей:
Сказать откровенно—не мало меня
Дивитъ непонятная робость твоя:
Сродни-ль она силѣ твоей?—
Той силѣ, что легкимъ движеньемъ руки
Врага-бъ уничтожить могла!
Той силѣ, что горы сдвигала съ пути,
Лѣса разметала и жгла
И къ счастью дорогу тебѣ проложила!..
Ужели ничтожна теперь эта сила?...

„Съ тѣхъ поръ, какъ властитель Мидіи, казнивъ
Царицу строптивую, вдругъ

Почуялъ къ невиннымъ игрушкамъ порывъ—
Утраченной юности бурный приливъ,
И сталъ онъ лечить свой недугъ
На дѣвственныхъ ложахъ Мидійскихъ юницъ,
Въ объятіяхъ женъ молодыхъ,—
Съ тѣхъ поръ царь Мидіи—лишь ты, вѣдь, и ницъ
Предъ силой желаній твоихъ
Все падаетъ... Что-же предъ волей твоею
Ничтожная, слабая воля іудея?...

„Вели—и пусть вырубятъ дубъ вѣковой,
Покрѣпче завяжутъ петлю,
И завтра, когда ты обычной стезей,
Покинувъ на часъ свой чертогъ золотой,
Пойдешь поклониться царю,
Воспользуйся часомъ, въ который—согрѣтъ
Душистымъ, кипучимъ виномъ,—
Онъ преображеннымъ увидитъ весь свѣтъ
Въ граненномъ бокалѣ своемъ—
Проси... и твой дубъ онъ едва-ль—полусонный—
Не приметъ за дѣву въ одеждѣ зеленой....“

Довольны совѣтомъ друзья и жена,
Доволенъ имъ также Гаманъ ..
И вновь круговая амфора полна,
И блещетъ лучистая пѣна вина,
И снова гремучій тимпанъ
Съ веселою лютней раскаты свои

Сливаетъ, и бубны гремятъ—
То жемчугомъ крупнымъ забрызжутъ они,
То дробью слегка зазвенятъ.
И синія струйки душистыхъ куреній
Ползутъ по гирляндамъ цвѣтущихъ растеній...

II.

Пиръ конченъ, и гости чредой разошлись,
И снова—объятый тоской—
Печаленъ Гаманъ,—думы вновь поднялись
И къ сердцу холодной волной полились....
Исполненный злобы нѣмой,
Онъ ждетъ въ нетерпѣньи, покуда кругомъ
Въ столицѣ все крѣпко уснетъ,
Тогда со слугами своими тайкомъ
Онъ въ дальнюю рощу пойдетъ
И... „завтра—онъ мыслитъ:—презрѣнный бродяга!
Узнаешъ ты силу потомка Агага!..“

* * *

...Подъ луннымъ сіяніемъ лѣсъ великанъ—
Объятый дремотой—стоялъ,
Когда изъ за сѣтки роскошныхъ ліанъ
Вдали показался съ рабами Гаманъ...
И съ неба въ тотъ мигъ зазвучалъ
Таинственно-властный, торжественный гласъ,
Какъ гулъ отдаленныхъ морей:
„Деревья!—вѣщалъ онъ—какое изъ васъ

Послужитъ для мести моей?...
Могила, что грѣшникъ безгрѣшному роетъ.
Его самаго пусть на-вѣки сокроетъ!..."

Лѣсъ вздрогнулъ... Проснулись объятыя сномъ
Деревья... Кипучей волной
Гроза набѣжала... Въ безмолвьи ночномъ
Послышались стоны глухіе кругомъ...
Но скоро сквозь грохотъ и вой
Раздались отдѣльные звуки... слова...
И внятною рѣчью людской
Кругомъ зазвучала нѣмая листва —
Исполнена силы живой.....

. . . .
. . . .

Акація.

„...Въ тихія ночи, когда подъ дыханіемъ
Свѣжей, душистой, цвѣтущей весны
Спитъ наша роща—облита сіяніемъ
Блѣдно-сребристой луны—

Вижу Аравіи степи горючія...
Вижу равнины сыпучихъ песковъ...
Темныхъ оазисовъ дебри дремучія...
Слышу тамъ стукъ топоровъ...

Валятся съ трескомъ деревья тяжелыя...
Пилы ихъ рѣжутъ, терзаетъ ихъ стругъ...

Живо спорится работа веселая
Силою тысячи рукъ...

Быстро съ акаціи вѣтви срываютъ...
Стволъ разсѣкаетъ на части топоръ...
Доски—къ доскамъ... и ростетъ—выростаетъ
Чудный завѣтный шатеръ...

Внемля изъ тучи святому глаголу,
Пѣсню свободы Израиль поетъ,—
Съ теплой молитвой склоняется долу,
Съ вѣрой горячей встаетъ...

Господи! Избрана волей твоею—
Въ жертву тогда я себя принесла....
О повели-же, чтобъ нынѣ злодѣю
Я висѣлицей была!...“

Миртъ, Верба и Райская Яблонь.

„Мы мирно росли на брегахъ Іордана,
Межъ кедровъ родного Ливана...
Но разъ къ намъ сіонскія дѣвы пришли,
Сорвали по вѣткѣ и взяли съ собою
И съ пѣснями, шумной, веселой толпою
Изъ рощи ушли...
Намъ жаль было нашихъ вѣтвей,
Какъ жаль матерямъ ихъ погибшихъ дѣтей...
Но скоро дошла къ намъ отрадная вѣсть,
Что вѣточки наши въ нежданную честь

Въ почетъ безпримѣрный попали:
Былъ праздникъ... Толпой переполненъ былъ храмъ...
Струился душистый кругомъ ѳиміамъ...
Въ дыму его люстры сверкали,
Бросая снопы золотистыхъ лучей
На фрески, колонны и лица людей...
Вдали коганиды стояли,
Толпой окруживъ алтари,
И, благословляя народъ, подымали
Въ рукахъ наши вѣтки они....
О, Господи! Избраны волей Твоею
Мы были тогда изъ всей рощи родной,—
Возьми-же теперь насъ на гибель злодѣю...
Возьми насъ, Владыко Святой! .."

Кедры.

„Украшены дивной рѣзьбою,
Обвиты гирляндой цвѣтовъ золотыхъ,
У входа во храмъ мы стояли толпою..."

Кипарисъ.

„Я дерево далъ для воротъ храмовыхъ..."

Масличное дерево.

„Меня для Давира назначилъ Ты, Боже!.."

Кедры.

„Насъ—тоже... Насъ—тоже!..."

Хоръ деревьевъ.

„Праведенъ Судъ Твой,
Владыко вселенной!...
Всѣ мы готовы
Служить!...“

У просѣки лѣса увядшій, сухой
Недвижимо тополь стоялъ,
Чуть слышно шурша пожелтѣвшей листвой.
Паукъ его вѣтви сухія сѣдой,
Дрожащею сѣткой заткалъ.
Язвительныхъ терній вкругъ старыхъ корней
Обильно кусты разрослись...
И отблескъ зари, и сіянье лучей,
И синяя звѣздная высь—
Все это напрасно ласкало, будило,
Напрасно о жизни ему говорило...

Но въ эту минуту проснулся и онъ...
Торжественный голосъ небесъ
Согналъ его долгій, томительный сонъ,—
И отзвукъ, протяжный, глубокій, какъ стонъ,
Потрясъ взволновавшійся лѣсъ...
Все тише и тише гроза... Все слабѣй
И бури неистовый ревъ,
Мѣрнѣй трепетанье и ропотъ вѣтвей
Метавшихся съ шумомъ деревъ
И все притаилось кругомъ—словно дремлетъ—
И голосу мертваго тополя внемлетъ....

Тополь.

„Была пора—мой гордый станъ
Побѣги дѣвственныхъ ліанъ
Живой гирляндой обвивали;
Орелъ съ орлицею своей
Въ густой тѣни моихъ вѣтвей
Гнѣздо надежное свивали.

„Гроза ревѣла надо мной...
Кругомъ въ лѣсу и стонъ, и вой...
Но не ломался стволъ мой твердый;
Подъ бурей смѣло я стоялъ
И смѣло, громко посылалъ
Я бурѣ дикой вызовъ гордый...

„Пришла пора—и близъ корней
Моихъ завелся рой червей;
Крапива жгучею листвою
Кругомъ обильно разрослась
И жгла мой стволъ, и поднялась
Къ вѣтвямъ моимъ, язвя порою

„Листочки нѣжные мои...
Съ тѣхъ поръ... Еще минули дни...
И я завялъ... Кругомъ крапива
И терній иглистыхъ зубцы—
Челамъ страдальческимъ вѣнцы,
Отравой вскормленная нива....

„И я уснулъ... И видѣлъ я..
Усталый путникъ, возведя
Съ мольбой горячей къ небу очи,
Едва плетется по пути,
Покрытомъ терніемъ... Ни зги
Не видно въ мракѣ темной ночи...

„Кругомъ гроза гудитъ, реветъ...
Грохочетъ громъ... А онъ идетъ...
Идетъ... Въ кровавыхъ язвахъ ноги...
Изъ подъ терноваго вѣнца
Струится кровь... И нѣтъ конца,
И нѣтъ границъ его дорогѣ...

„Гроза и тьма... А тамъ вдали
Горятъ веселые огни,
Кипитъ, какъ море, праздникъ шумный...
Своихъ губительныхъ затѣй
Побѣду празднуетъ злодѣй
Въ разгарѣ оргіи безумной....

„Я вижу... Но лишь часъ пройдетъ,
„И смерть на-вѣки обоймётъ
Меня—и я усну глубоко...
И вѣтеръ бурною порой
Сорветъ листокъ послѣдній мой
И унесетъ его далеко...

„Господь! Внемли мольбѣ моей:
Пусть нынѣ, волею Твоей,

Злодѣя смерть соединится
Съ моею!..."

И—могучъ, какъ громъ—
Съ небесъ, въ безмолвіи ночномъ,
Раздался голосъ: „Да свершится!"...

С. Фругъ

Пуримъ
1883

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

(Къ статьѣ «Саббатай Цеви и псевдомиссіанизмъ». «Восходъ», 1882, № VII—IX).

Къ числу вещей, оставшихся до сихъ поръ неразъясненными въ исторіи агитаціи, возбужденной лжемессіей Саббатаемъ Цеви, принадлежитъ одинъ очень интересный, существенный вопросъ: каково было дѣйствіе этой мессіянской агитаціи среди евреевъ Польши и Западной Россіи? Приняли ли послѣдніе участіе въ безумномъ увлеченіи, охватившемъ тогда все еврейство? Мы знаемъ всѣ подробности движенія, вызваннаго Саббатаемъ среди турецкихъ, западноевропейскихъ и даже сѣвероафриканскихъ евреевъ, но намъ почти ничего неизвѣстно о томъ, какъ отозвалось это движеніе въ Польшѣ, Литвѣ и Украинѣ, гдѣ уже тогда (въ половинѣ XVII в.) находился центръ всего ортодоксальнаго еврейства. Собственно, *послѣдствія* саббатіанской агитаціи для польскихъ евреевъ намъ очень хорошо извѣстны, такъ какъ ни для какой части еврейства послѣдствія эти не были столь роковыми, какъ для евреевъ польскихъ и русскихъ; но вопросъ въ томъ, какую роль игралъ Саббатай Цеви въ Польшѣ *при жизни своей?* Объ этомъ мы знаемъ очень мало, не имѣя объ этомъ предметѣ никакихъ источниковъ.

Я, поэтому, искренне радъ, имѣя возможность въ настоящую минуту подѣлиться съ читателями „Восхода" однимъ документомъ, который проливаетъ хоть нѣкоторый свѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Документъ этотъ заимствованъ нами изъ такъ называемыхъ „Записокъ игумена Ореста", лѣтописца города Могилева на Днѣпрѣ. „Записки" эти, заключающія въ себѣ хронологическое описаніе всѣхъ историческихъ событій,

касающихся Могилева, съ древнѣйшихъ временъ, составляютъ, собственно, компиляцію изъ старинной лѣтописи князя Трубецкого и другихъ; составлены же онѣ игуменомъ Орестомъ въ началѣ настоящаго столѣтія. Часть „Записокъ" напечатана въ Приложеніи ко второму тому „Археологическаго сборника документовъ относящихся къ исторіи сѣверозападной Руси" (Вильна, 1867 г., стр. Приложенія XXIV),—откуда мы эти свѣдѣнія и заимствуемъ. До сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, документъ этотъ не обратилъ на себя ничьего вниманія.

Вотъ весь этотъ отрывокъ.

„1670 года... Въ сіе время нѣкто еврей Сапсай Гершановичъ *, называя себя мессіяшемъ жидовскимъ, ѣздилъ со множествомъ народа еврейскаго по городамъ; и когда подъѣзжалъ подъ какой городъ, повелѣвалъ трубить въ трубы, тогда отъ страха многіе города ему поддались; евреи столь увѣрили оному обманщику Сапсаю, что съ женами и дѣтьми своими *постили и въ зимнее время въ рѣкахъ купались*. Оный обманщикъ началъ называть себя мессіяшемъ въ 1667 году и продолжалъ свои обманы черезъ четыре года, потомъ въ 1670 году былъ пойманъ въ Константинополѣ въ церкви (?) и приведенъ къ турецкому султану, по повелѣнію коего былъ окованъ желѣзами и, по содраніи съ него живаго кожи, повѣшенъ на висѣлицѣ, и, такимъ образомъ, обманщикъ оный Сапсай погибъ. Въ то же время, *по дѣйству ли того обманщика Сапсая, былъ страхъ въ Польшѣ и Литвѣ, по разнымъ городамъ, и въ Могилевѣ*, неизвѣстно кѣмъ, было писано краскою на костелахъ и церквахъ высоко, на нѣсколько саженей вверхъ по стѣнамъ... и никто онаго письма не могъ читать; тогда овцы были стрижены невидимой рукой, и нѣкоторымъ людямъ были стрижены бороды, и особливо тѣмъ, кои страха того не боялись".

Вы, конечно, вольны не вѣрить ни въ содраніе кожи съ Саббатая Цеви, ни въ пакостныя дѣянія „невидимой руки" и другіе аксесуары, созданные наивнымъ иноческимъ воображеніемъ, но въ общемъ событія вѣрно переданы. Да это и неважно. Для насъ важны тѣ нѣсколько строчекъ, которыя лѣ-

---

* Въ отчествѣ ошибка, вмѣсто «Мордуховичъ».

тописецъ посвятилъ Литвѣ и Польшѣ и, главное, Могилеву. Мы узнали что въ этомъ городѣ были страхи великіе, „по дѣйству того обманщика Сапсая", что и на стѣнахъ костеловъ, можетъ быть, были прилѣплены евреями воззванія, — во всякомъ случаѣ, что кой какое движеніе, по поводу мессіянства Саббатая, было замѣтно. Если же мессіянское эхо отозвалось въ далекой сѣверозападной Россіи, то не трудно заключить, что въ пунктахъ, болѣе близкихъ къ Турціи, въ Польшѣ, Украинѣ и югозападной Руси, движеніе въ пользу Саббатая Цеви было гораздо сильнѣе среди евреевъ. Это глухое движеніе, происходившее среди польско-русскихъ евреевъ при жизни Саббатая (когда евреи находились еще подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ казацкой рѣзни), безсомнѣнно, подготовило почву для той безумной мистической агитаціи, которая, спустя короткое время послѣ смерти лжемессіи, поднялась въ Польшѣ и произвела цѣлую революцію въ духовномъ быту русскихъ евреевъ.

С. Д.

СОДЕРЖАНІЕ

I—II КН. „ВОСХОДА" ЗА 1883 ГОДЪ.

осторожнаго обращенія съ огнемъ». — Погромы весенніе и высшее торжество «народной политики» по отношенію къ евреямъ.—Впечатлѣніе, произведенное погромами въ Европѣ и Россіи.—Нѣкоторый упадокъ народнаго духа послѣ его «высшаго подъема» и удовлетвореніе народныхъ политиковъ.—Высочайшее повелѣніе, указъ Сената и временныя правила 3-го мая. — Отставка графа Игнатьева и назначеніе графа Толстого. — Пожары вмѣсто погромовъ. — Отголоски послѣднихъ.—Водвореніе тишины и порядка.—Итоги бурнаго времени. — Вновь открытый 5-й пунктъ «временныхъ правилъ». — Распоряженіе военнаго министра о евреяхъ-врачахъ. — Вліяніе новыхъ мѣръ на бытъ и положеніе евреевъ.—Мелкія преслѣдованія и притѣсненія. — Крестьянскіе приговоры. — Консолидація еврейскаго горя. **М. О.**—XVI. БЫЛОЕ. I. Маріамна. **Г. И. Богрова** (въ особомъ приложеніи).—XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ДВИЖЕНІЕ ВЪ ПОЛЬЗУ РЕЛИГІОЗНЫХЪ РЕФОРМЪ

СРЕДИ АНГЛІЙСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ *.

Письма изъ Лондона.

Недовольство м-ра Монтефіоре современной партіей реформы очень не по вкусу пришлось «J. Chr.», проводящему взгляды и цѣли этой партіи. Одного этого было бы уже достаточно, чтобы возбудить нѣкоторую раздражительность и даже придирчивость въ лагерѣ реформистовъ противъ радикальнаго Монтефіоре. Однако главный пунктъ, создавшій пропасть между первыми и послѣдними, непремѣнно составляетъ другой конецъ волшебнаго жезла, который рекомендуется обоего рода знахарями, какъ панацея для исцѣленія еврейскаго организма отъ всѣхъ его вѣковыхъ болѣзней и для вѣчнаго спасенія его. Въ то время какъ партія, представителемъ которой служитъ «J. Chr.», видитъ все спасеніе въ объединеніи евреевъ, какъ членовъ націи, въ національной независимости ихъ, въ работѣ, которой альфу и омегу представляетъ ничто иное, какъ водвореніе евреевъ въ Палестинѣ, партія, съ м-ромъ Монтефіоре во главѣ, видитъ избавленіе евреевъ отъ всѣхъ историческихъ и неисторическихъ мученій въ прямо противоположномъ средствѣ — *денаціонализаціи и самихъ евреевъ и ихъ религіи*, и только этимъ путемъ она надѣется на осуществленіе возложенной на евреевъ миссіи. Желательно было бы, чтобы м-ръ Монтефіоре высказывался полнѣе и менѣе воздерживался отъ выраженія своихъ собственныхъ воззрѣній, которыя, полагаемъ, оказались бы еще гораздо радикальнѣе.

---

* См. „Восходъ“, кн. I—II.

«J. Chr.» съ естественной радостью отмѣчая то явленіе, что еврейская молодежь, получившая высшее образованіе, придерживается болѣе свободныхъ взглядовъ, чѣмъ, напримѣръ еврейскіе клерикалы (хорошо сравненіе!), воспитанные «въ атмосферѣ низшей культуры», и полагая, что такое явленіе радостно встрѣтится даже ортодоксами (sic!), тутъ же однако признаетъ, что мы „наканунѣ великаго разрыва"... Затѣмъ, привѣтствуя еще съ большей радостью участіе въ такомъ вопросѣ м-ра К. Монтефіоре, которому суждено „формировать мозги будущаго поколѣнія", установлять въ немъ—въ этомъ поколѣніи—основы новаго міровоззрѣнія, «J. Chr.» почему то утверждаетъ, что вопреки всѣмъ стараніямъ этого реформатора лишить іудаизмъ характера національности, онъ все-таки не успѣетъ въ этомъ, и его идеалъ будущей жизни носитъ явную печать трибализма. Таково общее мнѣніе «J. Chr.» и, слѣдовательно, партіи его приверженцевъ о трудѣ г. Монтефіоре. Въ частности, слѣдующія мѣста изъ критики этого органа представляютъ нѣкоторый интересъ:... «Новый іудаизмъ м-ра Монтефіоре представляетъ опасность слишкомъ холоднаго раціонализма", совершенно игнорирующаго другую духовную половину человѣческой натуры, т. е. чувство. Каковы бы ни были абстрактныя понятія о *denzut*, равновѣсіе между разумомъ и чувствомъ должно существовать. Уничтоженіе этой связи имѣетъ своимъ результатомъ паденія религіи. Правда, ради обрядовой стороны религіи часто забываютъ причины этихъ обрядовъ и этимъ наносятъ ущербъ *возвышеннымъ истинамъ* религіи, но раціональный деизмъ, считая церемоніи уже предметомъ крайне тривіальнаго свойства, наноситъ не меньшій ущербъ престижу религіи. А Монтефіорскій іудаизмъ настолько лишенъ отличительныхъ элементовъ настоящаго іудаизма, что какъ ни благородна его вѣра и какъ ни универсальны его доктрины, въ немъ нѣтъ того животворящаго звѣна, которое одно способно соединить практику съ теоріей. Это новое ученіе есть въ итогѣ, исключая нѣкоторыя «изящныя извлеченія изъ іудаизма», которыя сохраняются какъ годный матеріалъ для философскаго деизма, ничто иное, какъ узелъ отрицаній всего еврейскаго. Что же дается евреямъ въ замѣнъ—спрашиваетъ „J. Chr." — въ замѣнъ отнятаго у нихъ? Имъ предлагается «mélange confus» изъ остатковъ раз-

рушеннаго іудаизма, христіанства, браманизма, магометанства и пр. Но м-ръ Монтефіоре желаетъ сдѣлать іудаизмъ удобопереваримымъ и для желудковъ другихъ вѣрованій. Если-жъ такъ, то спрашивается,—согласятся ли другіе народы принять остатки іудаизма въ родѣ еврейскихъ праздниковъ, предписываемыхъ пятикнижіемъ и признанныхъ нео-іудаизмомъ обязательными при переходѣ ихъ въ этотъ нео-іудаизмъ? Если-жъ они не согласятся, то вся идея о денаціонализаціи, объ обезличеніи іудаизма непремѣнно останется мечтою, сновидѣніемъ. Считая въ силу всѣхъ этихъ соображеній тенденціи и идею м-ра Монтефіоре неприктичными и называя его статью запоздалымъ плодомъ раціонализма прошлаго вѣка, — запоздалымъ, потому что раціонализмъ этотъ уступилъ теперь, въ нашъ вѣкъ, мѣсто націонализму (такъ полагаетъ, впрочемъ «J. Chr.» мы лично того мнѣнія, что если раціонализмъ уступилъ мѣсто чему-либо другому, то это другое ничто иное, какъ космополитизмъ) — и разсматривая его поэтому какъ анахронизмъ, критика заключаетъ, что если трудъ г. Монтефіоре возъимѣетъ вліяніе, то это поведетъ лишь къ тому, чтобы нѣкоторые молодые люди прильнули къ деистической партіи м-ра Ч. Войси и такимъ образомъ увеличили станъ безпочвенныхъ космополитовъ или универсалистовъ, религіозный идеалъ которыхъ врядъ-ли осуществимъ хотя бы въ далекомъ будущемъ. Но если религіозный космополитизмъ имѣетъ будущность и Монтефіореной реформаціи іудаизма или *универсализаціи* его суждено навербовать адептовъ и реализоваться, то такую пародію еврейской религіи можно назвать чѣмъ угодно, только не іудаизмомъ. «J. Chr.» дѣлая это замѣчаніе, забываетъ, повидимому, слова Шекспира: «Whast is in a name?» и игнорируетъ обыденную міровую практику — жертвовать именемъ для сохраненія или пріобрѣтенія сути. Такое возраженіе поэтому уже вовсе несостоятельно.

Чтобы не быть однако несправедливымъ, необходимо привести нѣкоторые, такъ сказать, основные аргументы, изложенные «J. Chr.» въ защиту своихъ взглядовъ. Въ особой статьѣ объ «историческомъ чувствѣ» (The historie Sense), помѣщенной въ этомъ органѣ, дѣльно доказывается, что евреи составляютъ націю въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ другихъ. При

встрѣчѣ съ евреемъ всякій смотритъ на него прежде всего, какъ на еврея, а потомъ уже какъ на личность. Не то съ членами другихъ религій или націй; тутъ не все соединяется въ одномъ словѣ, потому что религія и національность не такъ тѣсно связаны, какъ у евреевъ, гдѣ религія, хорошо ли это или дурно, можетъ называться *«апофеозомъ шовинизма»*. Каковъ бы ни былъ результатъ этого явленія, все равно составляетъ ли оно анахронизмъ, религіозную аномалію или необходимость, но оно—общепризнанный фактъ. Наконецъ если желать болѣе новыхъ свидѣтельствъ о томъ, что евреи составляютъ не религіозную секту, а націю, то стоитъ припомнить опредѣленіе Дж. Ст. Милля. По мнѣнію знаменитаго экономиста: «часть человѣчества можетъ считаться націей, если части ея связаны между собою такими общими симпатіями, какихъ нѣтъ у нихъ съ другими». А что это вполнѣ примѣнимо къ евреямъ—это неоспоримо, ибо „существуетъ столько же сообщительности по отношенію къ духу между евреями одной стороны и другой, какъ между евреемъ и его согражданиномъ". Теченіе идей XIX ст. отнюдь не благопріятствовало стремленію стереть эту характеристичную черту евреевъ. Духъ національнзма—Volksgeist, напротивъ того, сильно укрѣпился, особливо со времени Фихте. Этотъ философъ, возобновивъ національнзмъ, первый воздвигнулъ самую сильную плотину противъ животворныхъ волнъ великой французской революціи, которая, еслибы ей данъ былъ свободный ходъ, имѣла бы своимъ результатомъ „полную эмансипацію евреевъ" и полное отсутствіе „еврейскаго вопроса". Но при все болѣе и болѣе усиливавшемся „національномъ духѣ" въ Европѣ явились естественно и евреи въ качествѣ историковъ своего народа (Цунцъ Гретцъ, etc.); явились затѣмъ ученые, признавшіе и оправдавшіе этотъ еврейскій національнзмъ (Лацарусъ, Штейнталь etc.). Такимъ образомъ философъ Фихте, не безъ основанія заслужившій имя «отца антисемитизма», вызвалъ реакцію противъ «мендельсоновской эры раціонализма и реформы». Теперь же вся бѣда въ томъ, восклицаетъ «J. Chr.» въ заключеніе, что нынѣшніе реформаторы іудаизма нисколько не принимаютъ въ соображеніе народный духъ евреевъ, а потому ихъ проекты непрактичны!

IV.

Даже тѣ, которые, быть можетъ, въ глубинѣ души ощущаютъ тоже, что и м-ръ Монтефіоре, и которые внутренно имѣютъ тѣ же смѣлыя надежды, что и онъ, а именно, что когда нибудь «настанетъ же день, когда *тысячелѣтняя мечта* іудаизма исполнится», когда «еврейское ученіе станетъ ученіемъ универсальнымъ, а еврейская вѣра — вѣрой всего человѣчества, и когда *расовый іудаизмъ*, исчезнувъ со всѣмъ своимъ многотысячелѣтнимъ сепаратизмомъ, уступитъ мѣсто неограниченному космополитизму, обнимающему все человѣчество, религіи, имѣющей въ виду счастье всего человѣчества» — даже люди такихъ воззрѣній, во главѣ которыхъ стоитъ „Jewish World", (откуда мы и взяли эту цитату) не менѣе рѣзко относится къ статьѣ г. Монтефіоре. И вотъ на какомъ основаніи: ихъ прежде всего пугаетъ слишкомъ открытый радикализмъ автора, а затѣмъ людямъ этого закала желательно оставаться пассивными, тогда какъ м-ръ Монтефіоре требуетъ весьма активнаго вмѣшательства въ дѣло осуществленія возложенной, по общему ихъ мнѣнію, на евреевъ миссіи. Помимо всего этого, человѣческой натурѣ вообще свойственна неохота, практически разстаться съ тѣмъ, съ чѣмъ она давно уже порѣшила теоретически. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ критика „J. W." крѣпко прихрамываетъ. Опровергать программу какого-либо общественнаго или религіознаго дѣятеля — въ сущности и реформа религіозная имѣетъ въ концѣ концовъ лишь чисто соціальное значеніе — по тому лишь соображенію, что крайне желательное осуществленіе его цѣли потребуетъ вѣковъ, мы находимъ въ высшей степени смѣшнымъ. Намъ кажется, что тѣ, которымъ достиженіе цѣли — превращеніе религіи евреевъ въ религію всего человѣчества—дѣйствительно желательно, не могутъ не привѣтствовать всякаго, выступающаго со средствами для ускоренія этого процесса. Между тѣмъ „J. W.", сопротивляясь реформѣ іудаизма въ томъ видѣ, въ какомъ это предлагается «J. Chr.» потому, именно, что такого рода реформы имѣли бы лишь послѣдствіемъ «закрѣпленіе за іудаизмомъ исключительно національнаго свойства на мѣсто желательнаго ему универсализма» и нисколько не будучи слѣпъ къ достоинствамъ труда г. Монтефіоре, назы-

вая его статью «возвышающей іудаизмъ», находитъ однако нужнымъ, осуждать этотъ трудъ отъ начала до конца. Правда, этотъ органъ опирается при этомъ на соображенія, что «іудаизмъ не есть чисто духовное ученіе, а позитивная система, *великая система жизни;* что законы его состоятъ въ большей гармоніи съ законами природы, чѣмъ всѣ другія религіозныя ученія, ибо иначе еврейская раса не развила бы въ себѣ жизненную способность, въ большей степени, чѣмъ другія и т. п. Но всѣ такія и имъ подобныя соображенія не въ состояніе спасти «J. W. отъ видимаго коренного противорѣчія, въ какое этотъ органъ впалъ очевидно съ отчаянія что м-ръ Монтефіоре, хотя и упрекаетъ партію умѣренныхъ реформаторовъ, все же отдаетъ ей предпочтеніе не только предъ ортодоксами, но и предъ „пассивистами", представителемъ которыхъ является „J. W." Это противорѣчіе тѣмъ сильнѣе выступаетъ теперь наружу, что главная основа критики, съ какой этотъ органъ недавно встрѣтилъ программу „J. Chr." о реформахъ, построена была на началахъ антинаціональныхъ, слѣд. совершенно въ Монтефіорскомъ духѣ. Даже въ этой статьѣ „J. W." не можетъ не выразить своей радости по поводу того, что іудаизмъ со дня на день становится все болѣе и болѣе общечеловѣческимъ и приближается къ возвышенному идеалу пророка Исаіи,—и заключаетъ даже замѣчаніемъ, что не взирая на то, что „міръ уже кричитъ противъ медленной но непреодолимой іудаизаціи всего его окружащаго... настанетъ однако день, когда универсальный іудаизмъ будетъ съ благодарностью смотрѣть на своего предшественника (расовой іудаизмъ), переносившаго въ теченіе многихъ тысячелѣтій тяжелую замкнутось для пользы человѣчества".

Намъ гораздо болѣе основательнымъ кажется возраженіе нѣкоего м-ра Г. Беренда, стоящаго повидимому на почвѣ «J. W.» и стремящагося, стало быть, къ очищенію іудаизма отъ всего мѣстнаго и временнаго путемъ медленнаго и мирнаго прогресса. М-ръ Берендъ прямо находитъ программу м-ра Монтефіоре не своевременной и это потому главнымъ образомъ, что, выставляя крайнія требованія, она только заостритъ разладъ между партіями ортодоксальныхъ и реформированыхъ евреевъ Англіи и вызоветъ, пожалуй, насильственное сопротивленіе прогрессу со стороны первыхъ въ пользу послѣднихъ. Открыто выраженныя требова-

нія г. Монтефіоре, которыя, по мнѣнію этого критика, рано или поздно сами по себѣ будутъ удовлетворены, какъ непремѣнныя послѣдствія прогресса вообще, въ данное время лишь откроютъ глазамъ ортодоксовъ опасность, какою имъ угрожаетъ тактика *laisser faire*, и они, ортодоксы изъ пассивнаго «глядѣнія сквозь пальцы» перейдутъ въ активную защиту своихъ вѣрованій и такимъ образомъ созданъ будетъ только новый тормазъ естественному развитію іудаизма. Г. Берендъ находитъ даже лишней ту часть труда м-ра Монтефіоре, гдѣ послѣдній старается доказать отсутствіе въ современномъ іудаизмѣ «трибализма». Онъ путемъ исторіи доказываетъ, что іудаизмъ, постепенно развивающійся, сообразно обстановкѣ, изъ низшихъ въ высшія формы, ничего такого въ себѣ теперь не заключаетъ, что «Іегова давно былъ признанъ *не только Богомъ Израиля, но Богомъ всего человѣчества*», что теперь «въ іудаизмѣ ничего мистическаго нѣтъ», что всѣ принципы его, заключаясь въ любви, равенствѣ и истинѣ, равно обязательны для всѣхъ. На этомъ основаніи программа м-ра Монтефіоре, охарактеризованная этимъ критикомъ нелестнымъ эпитетомъ «сенсаціонная», рекомендуется на сдачу въ архивъ на забвеніе. Такого рода разсужденія, конечно, вовсе не по нутру активнымъ реформаторамъ, особливо тѣмъ изъ нихъ, которые, ясно сознавая фактъ, что въ сущности евреи въ настоящее время приспособляютъ свою религію къ личнымъ вкусамъ и индивидуально распоряжаются ею по своему благоусмотрѣнію,—боятся вторженія атеизма въ очагъ Израиля и видятъ все спасеніе въ разумныхъ, т. е. заблаговременно предпринятыхъ умѣренныхъ реформахъ. Интересно при всемъ этомъ, что другой критикъ, м-ръ О. Дж. Симонъ, руководствуясь почти тѣми соображеніями, что и м-ръ Г. Берендъ, приходитъ однако къ совершенно противоположному выводу, а именно къ необходимости преобразованія іудаизма по шаблону м-ра Монтефіоре. Онъ доказываетъ, что это тѣмъ легче, что современный іудаизмъ, не заключая въ себѣ ничего специфически племенного, одинаково легко примѣнимъ къ любому народу. Онъ идетъ даже дальше самого г. Монтефіоре и смѣло утверждаетъ, что «религія Израиля не только вполнѣ нынѣ соотвѣтствуетъ человѣческой натурѣ, но что чѣмъ натура человѣка болѣе облагорожена культурой, тѣмъ болѣе она

способна принять эту религію». Г. Симонъ не затрудняется даже признать самомнѣніе евреевъ, будто они составляютъ «избранный народъ», нисколько не заслуживающимъ порицанія, какъ нѣчто предосудительное, а просто видитъ въ этомъ отношеніи евреевъ къ другимъ народамъ отношеніе „учителей къ ученикамъ“. Можно было бы назвать это самохвальствомъ, если бы намъ неизвѣстно было, что въ Англіи есть не мало христіанъ, которые не только сами такого мнѣнія, но на которыхъ прямо таки и падаетъ отвѣтственность за эту самоувѣренность со стороны евреевъ, такъ какъ первые нерѣдко вызываютъ это въ послѣднихъ. Слѣдующій примѣръ ясно убѣдитъ въ этомъ читателей. Въ числѣ критиковъ за и противъ м-ра Монтефіоре есть много христіанъ, съ сущностью критики которыхъ мы познакомимся ниже. Тутъ приведемъ мнѣніе м-ра Ч. Войси. Этотъ христіанскій пастырь не только старается убѣдить евреевъ и не-евреевъ, что на евреевъ возложена миссія — распространять истинную религію въ человѣчествѣ, миссія, которая завершится лишь тогда, когда ихъ религія сдѣлается достояніемъ всѣхъ, но онъ, называя себя «преданнымъ поклонникомъ и борцомъ славной вѣры іудаизма», считаетъ даже «всякаго такого еврея, который не вполнѣ признаетъ *высшій разумъ* въ обращеніяхъ Бога съ семьей Авраама вплоть до этого момента, недостойнымъ своего происхожденія». Въ другомъ мѣстѣ м-ръ Войси, говоря о религіи и наукѣ, выражается о іудаизмѣ, какъ о религіи, состоящей въ полной гармоніи съ наукой, и заключаетъ, что «какъ бы ни были непріязнены отношенія приверженцевъ другихъ вѣрованій къ знанію, іудаизмъ не имѣетъ ни малѣйшей причины опасаться науки или сопротивляться ея безстрашнымъ изслѣдованіямъ». Удивительно ли послѣ этого, что вслѣдъ затѣмъ являются евреи въ качествѣ ярыхъ націоналистовъ, открыто заявляющихъ свое нежеланіе смѣшаться съ своими сосѣдями, которыхъ сами христіане не прочь считать варварами. Въ то время какъ всѣ другіе критики, говоря за или противъ реформъ, имѣли въ виду лишь религію, критики этого рода смотрятъ на религію *только какъ на средство сохранить расу*. Вотъ что говоритъ одинъ изъ этихъ строго національныхъ критиковъ о трудѣ м-ра Монтефіоре и религіозныхъ реформахъ вообще:... «Евреи имѣли ве-

ликое прошлое, имъ предстоитъ, быть можетъ, еще болѣе великое будущее, но этого не достигнуть имъ путемъ сліянія съ *грибными расами*, которые считаютъ свой родъ только вѣками. Не *религіей*, а *расой* своей мы должны гордиться; первая служила только средствомъ для второй, сохраняя ея чистоту среди другихъ націй. Всякая реформа въ религіи повела бы за собою лишь ослабленіе расовыхъ преимуществъ... а мы не желаемъ этого, и не желаемъ поэтому даже улучшенія іудаизма, ибо это открыло бы доступъ въ нашу среду и другимъ, чего мы опять таки желать не должны»... Не затрудняясь затѣмъ признаться, что въ сущности любая религія представляется уму здравомыслящаго человѣка лишь сборомъ миѳовъ и легендъ, что евреи поэтому въ религіозномъ отношеніи ничего бы не теряли, еслибы даже весь іудаизмъ перевернуть къ верху дномъ, еслибы все выбросить за бортъ, онъ однако—противъ мельчайшаго послабленія, и все это—«не религіи; а расы ради». Попытавшись послѣ этого доказать, что *раціональная религія* есть ни болѣе, ни менѣе, какъ *contradictio in adjecto*, т. е. чистѣйшій абсурдъ и что всѣ аргументы въ пользу приведенія іудаизма въ гармонію съ духомъ времени суть мыльные пузыри, не выдерживающіе критики, сказки, противныя дѣйствительности,—онъ силится убѣдить евреевъ, что имъ угрожаетъ опасность не отъ насмѣшекъ и непріязни со стороны окружающихъ, а отъ дружбы и толерантности, и совѣтуетъ имъ остерегаться реформъ, такъ какъ онѣ создаютъ толерантность и дружбу и слѣдовательно приведутъ къ уничтоженію еврейской расы. «Зачѣмъ намъ перестать быть тѣмъ, чѣмъ мы всегда были. т. е. особеннымъ народомъ?» — спрашиваетъ въ заключеніе V. O. X., анонимный авторъ этой, въ высшей степени оригинальной, критики. По нашему, отвѣта на такой странный и столько же наивный вопросъ легко добиться отъ каждаго ребенка. Но въ Англіи—свобода прессы и слова, и всякій воленъ говорить и писать, что душѣ его угодно, а благодаря этому, опасность, заразиться чудачествомъ очень не велика, и смѣемъ думать, что не велико число приверженцевъ этого рода взглядовъ.

Есть еще цѣлый рядъ критиковъ съ болѣе или менѣе своеобразными взглядами на данный вопросъ. Но нѣтъ рѣшительно никакой возможности хотя бы лишь поверхностно коснуться ихъ.

Полагая впрочемъ не лишнимъ отмѣтить мнѣніе м-ра Самуила Монтегю, такъ какъ послѣднія событія въ Россіи, вызвавъ эту личность на горячее участіе въ дѣлѣ облегченія жалкой судьбы пострадавшихъ, сдѣлали это имя нѣсколько популярнымъ въ Россіи. Къ тому-же м-ръ Монтегю опирается въ своей критикѣ именно на личное знакомство свое съ состояніемъ восточныхъ, т. е. русско-польскихъ евреевъ. Онъ осуждаетъ программу м-ра Монтефіоре—стараясь повидимому не затрагивать общаго вопроса о реформахъ—на томъ основаніи, что западные евреи, служа примѣромъ для восточныхъ, должны избѣгать всего того, что могло бы поколебать послѣднихъ въ ихъ взглядахъ и отношеніяхъ къ просвѣщенію. Не то чтобы онъ чувствовалъ опасеніе за судьбу іудаизма отъ попытокъ къ реформамъ; наоборотъ, онъ глубоко увѣренъ, что ни время, ни мѣсто не въ силахъ оторвать евреевъ отъ религіи ихъ предковъ, все равно, касаются ли ея предписанія *библійскаго* или *раввинскаго* кодекса; но онъ опасается дурнаго вліяніе идей м-ра Монтефіоре, вліянія, которое можетъ имѣть послѣдствіемъ окончательный разладъ между евреями востока и запада, развивъ въ восточныхъ евреяхъ ложное понятіе о состояніи западныхъ—будто послѣдніе далеко отступились отъ вѣры своихъ отцовъ. Во избѣжаніе же такого недоразумѣнія, необходимо, по его мнѣнію, открыто показать, что мнѣнія м-ра Мотефіоре «діаметрально противоположны тѣмъ, какихъ придерживаются почти всѣ, безъ исключенія, евреи, даже на западѣ». Въ противномъ случаѣ среди евреевъ востока легко можетъ подняться реакція противъ современнаго образованія ихъ дѣтей, такъ какъ молчаніе со стороны еврейской публики въ Англіи можетъ казаться имъ знакомъ согласія съ программой радикальныхъ реформаторовъ, и евреи востока, какъ и ортодоксальное большинство евреевъ Запада легко могутъ смотрѣть на такой радикализмъ, какъ на плодъ просвѣщенія.

Думаемъ, что свазаннаго вполнѣ достаточно, чтобы хорошо ознакомить русскихъ читателей съ состояніемъ, характеромъ и направленіемъ вопроса о религіозныхъ реформахъ въ Англіи. Они могли замѣтить отношенія къ этому вопросу всѣхъ лагерей, исключая тѣхъ, кого это ближе всего касается, а именно ортодоксовъ ъ духовенствомъ во главѣ. Эта консервативная партія по сіе

время, не смотря на то, что полемика длится уже слишкомъ шесть мѣсяцевъ, продолжаетъ хранить самое упорное молчаніе. Это тѣмъ болѣе странно, что христіане очень заинтересованы въ этомъ движеніи. Появилось очень много статей со стороны христіанъ по этому поводу. Въ слѣдующей статьѣ мы дадимъ общій отчетъ о наиболѣе характеристичныхъ изъ нихъ, а также коснемся и нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ евреями по этому вопросу. Быть можетъ, къ тому времени и сами ортодоксы заговорятъ; это тѣмъ вѣроятнѣе, что умѣренные реформаторы настоятельно требуютъ отъ духовенства, высказаться разъ навсегда въ томъ или другомъ духѣ.

Г.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Гретцъ. Исторія евреевъ. Томъ пятый: отъ времени заключенія Талмуда (500) до эпохи расцвѣта еврейско-испанской культуры (1027). Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія, съ прибавленіями. Изданіе «Общества распространенія образованія между евреями въ Россіи». Спб. 1883.

Русско-еврейская историческая литература обогатилась на-дняхъ однимъ важнымъ, фундаментальнымъ произведеніемъ. Изданнымъ теперь переводомъ 5-го тома «Исторіи евреевъ» Гретца положено начало переводу на русскій языкъ самаго капитальнаго, безспорно, труда по еврейской исторіи. Давно уже сознана необходимость и важность ознакомленія русско-еврейской публики съ трудомъ Гретца, давно ужъ и приступлено къ русскому переводу, но все какъ-то шло черепашьимъ шагомъ. Западно-европейскіе евреи опередили насъ въ этомъ отношеніи: на французскомъ и англійскомъ языкахъ уже существуютъ сокращенные переводы Гретца, равно какъ множество отдѣльныхъ этюдовъ и монографій, заимствованныхъ изъ его „Исторіи"; одинъ томъ (3-й) былъ переведенъ и на древне-еврейскій языкъ. Но если русскій переводъ и заставилъ себя слишкомъ долго ждать, зато онъ намъ преподнесъ такой прекрасный сюрпризъ, который можетъ вполнѣ вознаградить насъ за наше долготерпѣніе. Мы говоримъ о критическихъ «замѣчаніяхъ», которыми снабдилъ русскій переводъ д-ръ А. Гаркави. Эти «замѣчанія», имѣя преимущественно спеціальное, библіографическое значеніе, нерѣдко имѣютъ и существенную историческую важность и, въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно составляютъ — какъ выражается редакція перевода — «пополненіе и исправленіе труда проф. Гретца на основаніи послѣднихъ

научныхъ изслѣдованій и новооткрытыхъ источниковъ». Переводъ сдѣланъ крайне тщательно, какъ относительно точной передачи текста, такъ и относительно литературности языка.

Можно, конечно, спорить относительно основательности мотива, побудившаго редакцію перевода начать изданіе труда Гретца съ середины — съ 5-го тома. «Имѣя въ виду, что первые четыре тома сочиненія Гретца обнимаютъ исторію библейскаго и талмудическаго періодовъ, которая единовѣрцамъ нашего отечества *болѣе или менѣе знакома по первоначальнымъ источникамъ*, редакція рѣшилась начать изданіе съ V тома» (предисловіе, III). Можно возразить на это, что исторія евреевъ и іудаизма въ библейскій и талмудическій періоды, если и извѣстна евреямъ, то извѣстна чисто-догматически, традиціонно; между тѣмъ, какъ раціональное изслѣдованіе именно этихъ періодовъ можетъ имѣть громадную теоретическую и практическую важность. Между догматическимъ и практическимъ знаніемъ библіи и талмуда лежитъ такая же—если не бóльшая—пропасть, какъ между такими же родами знанія въ Евангеліи или въ отцахъ церкви. Въ критическихъ изслѣдованіяхъ Фейербаха, Давида Штрауса и Ренана правовѣрный христіанинъ наврядъ ли узнаетъ тѣ факты и образы, которые ему такъ хорошо знакомы еще со школьной скамьи; точно также ортодоксальному еврею сначала трудно будетъ распознать столь знакомые ему библію и талмудъ въ изслѣдованіяхъ Сальвадора, Гаве или даже такихъ умѣренныхъ критиковъ, какъ Вейсъ (Dor we'dorschow) и Гретцъ... Да и помимо этого, для обыкновеннаго читателя, знакомаго съ двумя упомянутыми періодами лишь «по первоначальнымъ источникамъ», будетъ довольно трудно оріентироваться въ сабурейской и гаонейской эпохахъ (о которыхъ трактуетъ 5-й томъ), *исторически и критически* разсматриваемыхъ. Но при всѣхъ этихъ вѣскихъ возраженіяхъ, которыя можно противопоставить доводамъ редакціи, нельзя, однако не признать, что трудность и медленность такого сложнаго дѣла, какъ русское изданіе труда Гретца, могли внушить издателямъ законное желаніе — поспѣшить ознакомленіемъ публики съ тѣми частями еврейской исторіи, которыя ей *вовсе* неизвѣстны, откладывая пока ознакомленіе ея съ тѣми историче-

скими періодами, которые ей сколько нибудь извѣстны, хотя и въ первобытномъ, ненаучномъ видѣ.

Пятый томъ „Исторіи евреевъ“ Гретца обнимаетъ наиболѣе обширный и, въ то же время, наименѣе изслѣдованный періодъ еврейской исторіи. Сабурейская и гаонейская эпохи, продолжавшіяся слишкомъ пять столѣтій (отъ 500 до 1027 г.), являются въ глазахъ обыкновеннаго наблюдателя какъ бы безразличными, неважными факторами въ исторической жизни евреевъ. Обыкновенно, при обзорѣ еврейской исторіи, перескакиваютъ отъ заключенія талмуда прямо къ еврейско-испанской культурѣ, игнорируя тотъ обширный полутысячелѣтній періодъ, который, съ одной стороны, заключаетъ исторію окончательнаго утвержденія и кодификаціи талмуда, а съ другой — исторію возникновенія новаго философскаго направленія. Безъ внимательнаго изслѣдованія этой эпохи, развитіе и утвержденіе талмуда являются какъ бы безъ логическаго конца, и многое въ послѣдующемъ безпримѣрномъ вліяніи этого кодекса остается необъяснимымъ; новое же философское направленіе испанской школы является безъ начала, словно deus ex machina. Въ виду этого, прагматическій обзоръ этой эпохи, въ связи съ предшествующей талмудической и послѣдующей „философской“ эпохой, группировка главнѣйшихъ событій, надлежащее ихъ освященіе, надлежащій синтезъ, — все это можетъ оказаться не лишнимъ для правильнаго уразумѣнія духа того переходнаго времени, повѣствованіе о которомъ заключается въ разбираемомъ томѣ Гретца. Такому обзору или синтезу мы и посвящаемъ настоящую «лѣтопись», и не можемъ поэтому ручаться читателямъ, что на этотъ разъ не выйдемъ изъ границъ простой рецензіи, хотя, съ другой стороны, предѣлы рецензіи будутъ имѣться нами въ виду и заставятъ насъ быть болѣе краткими, чѣмъ это можно при подобномъ обзорѣ.

Всякій, кто слѣдилъ за развитіемъ талмуда со времени его возникновенія до «заключенія» или, правильнѣе, до письменнаго его изложенія, (ибо, строго говоря, талмудъ никогда не былъ заключенъ, и прибавленія къ нему дѣлались до самаго послѣдняго времени), — всякій такой наблюдатель непремѣнно задастся вопросомъ: что именно поддерживало вліяніе этого громаднаго кодекса на іудаизмъ и на судьбу еврейства, въ теченіе длиннаго

ряда вѣковъ? Начало «устному ученію» положено еще задолго до разрушенія Іерусалима Титомъ: это понятно. Боязнь эллинизма и торжество національнаго духа при Маккавеяхъ заставили еврейскій синедріонъ провозгласить девизъ: „ограждайте Тору"! Послѣ паденія іудейскаго царства девизъ этотъ пріобрѣлъ еще большій raison d'etre: надо было сплотить разрозненныя части распавшагося *политическаго* организма путемъ *религіозной* регламентаціи. Танаиты и взялись — по ихъ же собственному выраженію, — «громоздить на каждый сучекъ Писанія цѣлыя горы Галахи», причемъ сами вѣрили и народъ убѣждали, что все то, что они, танаиты, выводятъ изъ Моисеева закона, есть именно то традиціонное ученіе, которое Богъ передалъ на Синаѣ Моисею, а этотъ послѣдній—послѣдующимъ поколѣніямъ. Танаиты, если не всѣ, то многіе изъ нихъ, были еще проникнуты національной тенденціей. Ихъ же преемники, по части религіознаго законодательства, амораиты, не ограничились простою ролью „толкователей" закона, но также законодательствовали и очень усердно, изъ любви къ искусству, къ казуистикѣ, къ умственной гимнастикѣ. Вотъ «заключается» талмудъ: Равина и р. Аши излагаютъ его письменно, дабы потомство не утратило ничего изъ этой обширной, sui generis, энциклопедіи. Это было около 500 года по Р. Х. Талмудъ уже сталъ не предметомъ теоретическаго изученія, но и обязательнымъ кодексомъ, corpus juris для всего еврейства. Начинается эпоха сабуреевъ и гаоновъ, этихъ исполнительныхъ агентовъ талмудическихъ предписаній, введшихъ эти предписанія въ жизнь. Вотъ здѣсь-то и задастъ себѣ внимательный наблюдатель вопросъ, который мы формулировали выше. Что заставило, съ одной стороны, массу принять талмудическій кодексъ, какъ практически-обязательный, а съ другой—законодателей — продолжать свою работу и примѣнять талмудическія постановленія къ жизни? Вы скажете: масса вѣрила въ „синайское" происхожденіе всего, что ей навязывали талмудисты; послѣдніе же неутомимо творили законы въ интересахъ національнаго объединенія. Но на первое вамъ могутъ сказать, что, вѣдь, одной *вѣры* массы въ традиціонность «устнаго ученія» еще недостаточно, чтобы сдѣлать выводы этого «ученія» обязательными въ практической жизни; и если новый кодексъ не соотвѣтствовалъ бы условіямъ жизни, то,

будь онъ хоть семи пядей во лбу, онъ не продержался бы и пришелъ бы въ столкновеніе съ требованіями дѣйствительной жизни. На второе, относительно принципа, которыми руководились при своей работѣ законодатели, можно возразить, что принципомъ національнаго объединенія евреевъ посредствомъ установленія однообразныхъ бытовыхъ формъ были проникнуты лишь первые творцы талмуда, и то далеко не всѣ; большинство же талмудическихъ авторитетовъ, какъ явствуетъ изъ всего ими созданнаго или прямо сказаннаго, не руководились вовсе этой національной тенденціей, а дѣйствовали лишь отчасти по инерціи, отчасти же, а можетъ быть и главнымъ образомъ.... Но здѣсь-то и вопросъ: по чему они дѣйствовали? Какія данныя дѣйствительной жизни поощряли ихъ въ ихъ плодовитой законодательной, а впослѣдствіи и *исполнительной* работѣ?

Изслѣдованіе той забытой эпохи, которую историки называютъ «сабурейской и гаонитской» и о которыхъ 99 сотыхъ изъ всѣхъ, кому вѣдать о семъ надлежитъ, имѣютъ самыя смутныя представленія, — изслѣдованіе этой эпохи даетъ на только-что заданный вопросъ слѣдующій отвѣтъ:

Полная внутренняя автономія, а нерѣдко и совершенная политическая независимость, которою пользовались евреи подъ персидскимъ и въ особенности подъ арабскимъ владычествомъ, санкціонировали и поддерживали религіозно-законодательную дѣятельность, начатую при другихъ условіяхъ и по другимъ соображеніямъ.

До 415 года существовалъ еще *палестинскій патріархатъ*, и, несмотря на періодическія притѣсненія со стороны Рима и потомъ Византіи, внутренняя автономія всегда существовала, а по временамъ была и внѣшняя, политическая автономія. Въ школахъ Ябны, Уши, Тиверіады и Сепфориса кипѣла законодательная работа; но уже довольно рано вавилонскія талмудическія академіи, въ Пумбадитѣ, Сурѣ, Нагардеѣ, стали задавать тонъ палестинскимъ своимъ соперницамъ. Это случилось просто потому, что въ то время, какъ въ Палестинѣ разработка талмуда имѣла практическое значеніе, и выработанныя постановленія примѣнялись къ жизни самоуправляющейся при патріархатѣ еврейской общины, — вавилонскія академіи въ первое время вращались

въ сферѣ теоретической, (такъ какъ общинное самоуправленіе здѣсь явилось позже) — и никакіе практическіе предѣлы не удерживали ихъ законодательной прыти. Когда же, по уничтоженіи палестинскаго патріархата Ѳеодосіемъ II (415 г.), центръ національной и духовной жизни еврейства былъ перенесенъ изъ Палестины въ Вавилонію, къ послѣдней перешли и всѣ регаліи ея славной предшественницы. Въ 6-мъ и 7-мъ вѣкахъ, мы видимъ здѣсь ту же оживленную законодательную работу, какую мы раньше видѣли въ Палестинѣ, только сфера дѣятельности уже обширнѣе. Два учрежденія направляли дѣятельность автономной общины: *экзилархатъ* и *гаонатъ*. Функціи экзиларха (решъ-галута) были еще сравнительно ограничены: онъ служилъ посредникомъ между халифами и еврейскими общинами, взимая дань для государственной казны, — словомъ, экзилархъ былъ представителемъ внѣшне-политической, фискальной власти. Традиціонно, конечно, экзилархъ считался главнымъ представителемъ еврейства и жилъ съ княжескою пышностью; отъ него даже зависѣло утвержденіе гаоновъ въ ихъ должности; но вліяніе его было почти только номинальное. Главнымъ образомъ задавали тонъ еврейской жизни два гаона: сурскій и пумбадитскій. «Они излагали Талмудъ, примѣняя его къ жизни, издавали новые законы и постановленія, заботились объ ихъ исполненіи и подвергали наказаніямъ ихъ нарушителей» (стр. 115). Въ судебномъ дѣлѣ, гаоны были представителями власти законодательной, экзилархъ же игралъ роль исполнительной власти. Гаоны сурскій и пумбадитскій назначались на должность экзилархомъ, но съ согласія академическаго совѣта. Они имѣли подъ собою цѣлую административную іерархію, и подъ ихъ вѣдѣніемъ находилась, кромѣ другихъ учрежденій, коллегія изъ 100 членовъ; эта коллегія распадалась на двѣ корпораціи: одна въ 70 членовъ представляла собой *великій*, а другая въ 30 человѣкъ — *малый синедріонъ*. Эти «синедріоны» состояли подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ семи представителей «общаго собранія» (rosche kalla). Отсылая читателей къ обширному описанію этихъ учрежденій у Гретца (глава V), мы, въ подтвержденіе вышеприведеннаго тезиса, приводимъ изъ этого описанія нѣсколько характерныхъ строкъ: «Эта своеобразно организованная и іерархическая коллегія обѣ-

ихъ академій мало по малу теряла характеръ *ученой корпораціи*, превратившись въ парламентъ съ характеромъ совѣщательнымъ и законодательнымъ. Два раза въ году, въ мартѣ и сентябрѣ, коллегія собиралась въ общія засѣданія (kalla)... На этихъ собраніяхъ, члены хотя и занимались и *теоретическимъ* разъясненіемъ и толкованіемъ предварительно заданнаго трактата изъ Талмуда, но главная дѣятельность собранія была посвящена *практическимъ* цѣлямъ. Новые законы подвергались обсужденію и утвержденію, также обсуживали и *отвѣчали на поступавшіе за истекшее полугодіе изъ другихъ общинъ запросы»* (118). Академическое *изученіе* талмуда уступило мѣсто законодательной практикѣ и оффиціальному дѣлопроизводству. Гражданскій кодексъ талмуда изучался не менѣе ревностно, чѣмъ ритуальный, такъ какъ первый руководилъ судопроизводствомъ. „Чѣмъ болѣе сурская и пумбадитская академіи превращались въ правильныя синодическія собранія, тѣмъ болѣе практическая дѣятельность стала у нихъ преобладать надъ теоретическою. Мало по малу главнымъ занятіемъ въ этихъ засѣданіяхъ стали отвѣты на поступавшіе изъ-за границы многочисленные запросы изъ области религіи, нравственности и гражданскаго права. Каждый день предлагался рядъ вопросовъ, которые подвергались обсужденію и разъясненію, причемъ каждый членъ коллегіи имѣлъ право участвовать въ дебатахъ. Въ заключеніе предсѣдатель резюмировалъ различныя воззрѣнія и постановлялъ окончательныя рѣшенія, которыя записывались секретаремъ. Предъ закрытіемъ сессіи всѣ составлявшіяся рѣшенія прочитывались вновь, подписывались главою академіи отъ имени всей коллегіи... и препровождались черезъ нарочныхъ къ заинтересованнымъ общинамъ"... „Евреи всего земного шара, до которыхъ доходили смутные слухи о власти эксиларха, усмотрѣли въ этой власти возстановленіе скипетра Давида, на гаоновъ же обѣихъ академій они смотрѣли, какъ на живыхъ носителей и двигателей талмудическихъ преданій. Съ распространеніемъ господства халифовъ... число приверженцевъ іудейско-вавилонскихъ представителей росло. Каждое завоеваніе мохамеданскихъ полководцевъ расширяло предѣлы власти эксиларха и гаоновъ"... (Ibid, passim).

Полагая, что выставленный выше тезисъ уже достаточно до-

казанъ, переходимъ къ дальнѣйшему обзору внутренней жизни евреевъ въ эпохи сабуреевъ и гаоновъ.

Развивая въ предыдущихъ строкахъ ходъ кодификаціонной дѣятельности талмудистовъ, мы прошли мимо одной категоріи этихъ дѣятелей: мимо *сабуреевъ*. Эпоха сабуреевъ продолжается приблизительно полтора столѣтія (500—650) и посредствуетъ между амораитской и гаонейской эпохами. Въ этой роли посредниковъ, сабуреи, съ одной стороны, продолжали недоконченное еще послѣдними амораитами дѣло письменнаго изложенія и редактированія вавилонской гемары (р. Гиза и р. Симуни, ок. 550 г.), а съ другой—занимались уже и примѣненіемъ талмудическихъ постановленій на практикѣ. „Они привели въ порядокъ цѣлый рядъ религіозныхъ и юридическихъ вопросовъ въ сферѣ религіозныхъ обрядовъ, гражданскаго и брачнаго права, которые оставались неразъясненными.... За эту сторону своей дѣятельности, за *установленіе судебной и религіозной практики* по взвѣшиваніи доводовъ за и противъ, послѣ-аморейскіе учители и получили названіе *сабуреевъ* (Sebara, обсужденіе, мнѣніе)». Роль сабуреевъ, такимъ образомъ, была смѣшанная, и дѣятельность ихъ, вслѣдствіе этого, не отличается такою яркостью, какъ дѣятельность ихъ преемниковъ—гаоновъ. Послѣдніе явились настоящими эпигонами практическаго талмудизма; имъ мы обязаны тѣмъ, что талмудъ былъ введенъ въ жизнь, какъ обязательный кодексъ. Всѣ творенія гаоновъ носятъ обыкновенно названіе „Teschubot ha'gaonim“, т. е. отвѣтныя рѣшенія гаоновъ, которыя разсылались къ духовнымъ представителямъ еврейскихъ общинъ въ качествѣ административныхъ разъясненій и предписаній отъ центральнаго законодательнаго собранія, предсѣдателями коего были гаоны сурскій и пумбадитскій.

Теперь является другой вопросъ: принятъ ли авторитетъ талмуда безъ всякаго сопротивленія со стороны всѣхъ евреевъ? Неужели этотъ сложный и крайне обременительный кодексъ никого не обременялъ, нигдѣ не вызвалъ оппозиціи? Развѣ вездѣ смотрѣли на вавилонскій гаонотъ, какъ на безапелляціонную религіозно-законодательную власть? Если на родинѣ талмуда въ Вавилоніи, развитіе его было вызвано въ извѣстной степени условіями жизни, то, вѣдь, въ другихъ странахъ онъ могъ ока-

заться экзотическимъ растеніемъ, которое не всегда удается привить. Кто знакомъ съ исторіей караимства, тотъ, конечно, знаетъ, что безъ протеста противъ авторитета талмуда не обошлось. Ананъ-бенъ-Давидъ, еврейскій экзилархъ, лишенный власти, и ученый талмудистъ, впервые выразилъ свой протестъ въ 762 году, и затѣмъ сдѣлался родоначальникомъ караимской секты. Но и до Анана раздавались уже антиталмудическіе протесты. Выразителями ихъ, въ началѣ 8-го вѣка, явились два «лжемессіи», Серене и Абу-Иса.

Протестъ раздался впервые среди той части аравійскихъ и сирійскихъ евреевъ, которая еще сохранила черты древняго, гордаго и воинственнаго іудейства, какъ напримѣръ, независимыя племена Бену-Надиръ и Хайбариты. „Это были сыны пустыни, люди меча, воины и рыцари, которые съ дѣтства привыкли къ вольной жизни и свободному развитію своихъ силъ и сохранили дружескія отношенія къ своимъ прежнимъ арабскимъ союзникамъ, среди которыхъ они снова поселились послѣ завоеванія Персіи и Сиріи. Правда, іудаизмъ и имъ былъ дорогъ, за него они пожертвовали свободой, имуществомъ, отечествомъ и славой, (независимое еврейское племя въ Хайбарѣ и Ятрибѣ, не желая принять ислама, было послѣ героической борьбы лишено своего отечества и независимости, въ 628 г.), устоявъ противъ всѣхъ усилій Мохамеда обратить ихъ въ исламъ. *Но между іудаизмомъ, который они исповѣдывали въ Аравіи и іудаизмомъ талмуда и обязательныхъ постановленій академіи лежала глубокая пропасть*. По талмудическимъ предписаніямъ, имъ слѣдовало отказаться отъ веселаго сообщества съ прежними товарищами и *не принимать участія въ ихъ пиршествахъ*, которыя арабы, не смотря на запрещеніе Корана *, очень любили; однимъ словомъ,

---

* Запрещеніе это вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что и евреи упорно воздерживались отъ нееврейской пищи. Нелѣпые законы о пищѣ, установленные талмудистами, всегда возбуждали ненависть къ евреямъ даже со стороны тѣхъ, которые далеко не были враждебно къ нимъ расположены. Напримѣръ, въ V и въ началѣ VI столѣтія евреямъ во Франкскомъ государствѣ жилось совершенно спокойно; галльскіе евреи отличались воинственнымъ духомъ и «жили съ населеніемъ страны въ полнѣйшемъ согласіи, такъ что случались даже браки между христіанами и евреями. Даже христіанскія духовныя лица съ удовольствіемъ

они чувствовали себя стѣсненными талмудомъ». Существовалъ еще одинъ мотивъ, расположившій аравійскихъ евреевъ противъ талмуда. Живя среди рьяныхъ приверженцевъ ислама, аравійскіе евреи часто бывали вынуждены вступать со своими сосѣдями въ религіозные споры относительно значенія и смысла библіи, причемъ имъ приходилось, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, оріентироваться въ библіи. „При такихъ обстоятельствахъ,—справедливо замѣчаетъ Гретцъ—имъ вѣроятно стало ясно, что многое, выдаваемое талмудомъ и академіями за предписанія религіи, вовсе не встрѣчается въ библіи". Все это способствовало развитію между ними антиталмудической агитаціи, героями которой были упомянутые уже Серене (около 720 г.) и Обадія Абу-Иса (около 750 г.). Исторія этой агитаціи, какъ ни кратка и бѣдна она фактами, очень характерна въ своихъ главныхъ мотивахъ, и повѣствованіе объ этомъ Гретца (с. 146—150) составляетъ удобную канву для общихъ выводовъ.

Но если Серене и Абу-Иса оказались, по извѣстнымъ причинамъ, эфемерными героями, то не такая участь постигла другого антиталмудическаго агитатора, Анана-бенъ-Давида, создавшаго караимство. Ананъ проложилъ на нивѣ еврейской исторіи свою глубокую борозду, которую болѣе одинадцати вѣковъ не могли стереть. Творцу караимства, въ этомъ отношеніи, благопріятствовали какъ внѣшнія условія, т. е. состояніе талмудическаго направленія въ то время (въ срединѣ VIII вѣка), такъ и собственное его, Анана, положеніе въ обществѣ.

Гаонатъ въ это время достигъ высшей степени своего процвѣтанія. То обстоятельство, что гаонамъ удалось потомъ отстранить законнаго наслѣдника экзилархата, Анана-бенъ-Давида, отъ экзиларшей власти, уже свидѣтельствуетъ о вліяніи гаоната. Законодательный механизмъ дѣйствовалъ необыкновенно усиленно.

гостили у евреевъ и въ свою очередь принимали ихъ у себя. Высшее духовенство было, однако, недовольно тѣмъ, что евреи на христіанскихъ пирахъ воздерживались отъ нѣкоторыхъ яствъ, которыя имъ запрещались ихъ религіею. Поэтому Ваннскій соборъ воспретилъ духовнымъ лицамъ принимать участіе въ еврейскихъ пирахъ, «*ибо непристойно, чтобы въ то время, какъ христіане ѣдятъ у евреевъ, послѣдніе пренебрегаютъ пищею христіанъ, изъ чего многіе могутъ заключить, что духовные стоятъ ниже евреевъ*» (Гретцъ, 45).

Правда, гаоны ничего новаго не прибавили къ талмуду. но примѣненіемъ къ практической жизни безчисленныхъ его постановленій, родившихся въ умахъ досужихъ теоретиковъ, они уже дѣлали его, такъ сказать, осязательнымъ. „Горы галахи", которыя талмудъ нагромоздилъ на каждый „сучокъ Писанія", вѣроятно, заставили себя почувствовать многимъ изъ тѣхъ, на чьи плечи эти „горы" давили всей своей тяжестью. Нечего говорить, что и „сучки Писанія", отъ такой необычайной конструкціи, поломались и исковеркались до нельзя.... Это послѣднее обстоятельство не могло не быть замѣчено людьми, сколько нибудь способными критически относиться къ дѣлу. Но что особенно поражало въ дѣятельности гаоновъ, это то обстоятельство, что въ этой дѣятельности отсутствовала всякая руководящая идея, всякая общая тенденція. Прежде проникнутая извѣстнымъ національнымъ принципомъ, законодательная работа теперь стала чѣмъ то машинальнымъ, такъ какъ ради послѣдовательности гаоны дѣлали практически обязательными такія древнія талмудическія постановленія, которыя противорѣчили условіямъ жизни и составляли ненужный ни съ какой точки зрѣнія, и обременительный балластъ. Безжизненность и безпринципность—если можно такъ выразиться — гаонейской дѣятельности обусловливались еще отсутствіемъ оппозиціи, этой «соли исторіи, предохраняющей отъ гніенія»,—какъ выражается Гретцъ. „Христіанство времени Павла и послѣ-апостольской эпохи, справедливо замѣчаетъ Гретцъ, представляло собой такую оппозицію (дѣятельности первыхъ талмудистовъ), и такъ какъ оно отмѣнило регулирующій *законъ* и устранило *познаніе*, замѣнивъ ихъ *вѣрою*, то это породило въ развитіи іудейства непоколебимую привязанность къ закону и тщательную разработку религіознаго законодательства до мельчайшихъ подробностей. *Талмудъ былъ продуктомъ этого оппозиціоннаго движенія;* онъ сталъ единственнымъ господствующимъ авторитетомъ въ іудействѣ и *вытѣснилъ библію изъ народнаго сознанія*" (стр. 155—56).

Здѣсь мы вынуждены сдѣлать краткое отступленіе. По поводу только-что приведенныхъ словъ Гретца, что талмудъ «вытѣснилъ библію изъ народнаго сознанія" авторъ „замѣчаній редакціи" говоритъ: „Здѣсь опять одно изъ рѣзкихъ и одностороннихъ

сужденій автора. Талмудисты, которые занимались разборомъ каждаго слова, каждой буквы библейскаго текста, которые сдѣлали обязательнымъ изученіе библіи отъ пяти-лѣтняго до десятилѣтняго возраста (Аботъ, V, 23) для мальчиковъ и еженедѣльное чтеніе Пятикнижія и гафторотъ изъ кн. пророковъ, равно какъ ежедневное чтеніе многихъ главъ изъ агіографовъ, преимущественно псалмовъ,—для взрослыхъ....—во всякомъ случаѣ весьма много содѣйствовали сохраненію библіи, а не вытѣсненію ея (Зам. Ред., стр. 480—481).

На это замѣчаніе можно возразить, что если рѣчь идетъ объ отношеніяхъ талмуда къ библіи, то ссылаясь на упомянутое изрѣченіе въ Аботѣ, автору «замѣчанія» слѣдовало бы не упустить изъ виду и такія недвусмысленныя изреченія какъ: «העוסקים במקרא מדה ואינה מדה. במשנה מדה» etc. (Баба-Меціа 33 в., см. Раши ad locum), «הזהר בדברי סופרים יותר מדברי חודה» (Эйрубинъ, 21); «דברי סיפרים חביבין מדברי תורה» (Іерушалми, Берахотъ, гл. I) и мн. др. Что же касается синагогальныхъ чтеній пятикнижія и псалмовъ, то это ничуть не доказываетъ, что библія сознательно изучалась или даже просто понималась: тѣ же самыя чтенія существуютъ и нынѣ, и наврядъ ли одинъ изъ ста „читающихъ" понимаетъ простой смыслъ библейскихъ словъ; о сознательномъ же изученіи нечего и говорить. Всѣмъ извѣстно, что такое изученіе, въ недавнемъ прошломъ, нерѣдко преслѣдовалось ортодоксальными евреями, да и понынѣ еще въ извѣстныхъ кругахъ считается предосудительнымъ. Толкованіе же талмудистами «каждаго слова, каждой буквы библейскаго текста» именно и исковеркало все здравое, все возвышенно-поэтическое и философское въ библіи, именно и превратило послѣднюю въ безсмысленный наборъ словъ, изъ которыхъ выводились самыя прихотливыя комбинаціи... Талмудисты для своихъ цѣлей отняли у библіи *душу*, чтобы надъ ея безжизненнымъ трупомъ свободно производить всякія операціи. Оживленіе этого трупа было для нихъ въ высшей степени невыгодно: трупъ тогда ускользнулъ бы изъ-подъ рукъ операторовъ и уличилъ бы ихъ... Да, нѣтъ сомнѣнія: „талмудъ вытѣснилъ библію изъ народнаго *сознанія*»!..

Тогда явился Ананъ и произвелъ свой знаменательный переворотъ. Конечно, переворотъ не коснулся всего еврейства, а

только незначительной его части; но то обстоятельство, что революція въ религіозномъ быту евреевъ произведена и что она *навсегда* отдѣлила отъ талмудическаго еврейства одну его часть, уже само по себѣ указываетъ, что движеніе, вызванное Ананомъ, уже въ своемъ зародышѣ имѣло задатки столь продолжительнаго существованія. Оно указываетъ, что антиталмудизмъ — идея не мертворожденная, но одухотворенная, способная жить и развиваться...

На послѣднемъ словѣ насъ могутъ прервать и возразить, что караимство не только не развивалось, но попало въ какой то узкій заколдованный кругъ и послѣдователей своихъ обрекло на вѣчный застой. Къ несчастью, это дѣйствительно такъ и случилось, да и мы не думали утверждать противоположнаго, говоря, что идея антиталмудизма, болѣе обширно понятая, *способна развиваться*, такъ же, какъ эта самая идея, узко понятая, фактически заявила свою способность *жить*. Караимство, какъ попытка положительная, организаторская, рѣшительно не удалась и не дала тѣхъ результатовъ, какіе можно было отъ нея ожидать, какъ отъ идеи; но отрицательное значеніе оно имѣетъ громадное. Протестъ, выраженный караимствомъ, до сихъ поръ еще не имѣетъ *достойныхъ* протестантовъ, до сихъ поръ еще ждетъ своего Лютера. Караимство не удалось, потому что ни пропагандисты его, ни послѣдователи не обладали тѣми данными, которыя обезпечили бы за ихъ стремленіями постоянный прогрессъ. Ихъ протестъ былъ стихійный, рѣзкій, безповоротный. Талмудисты прибавляли къ Писанію множество законовъ и выводили это изъ мудреныхъ комбинацій словъ и буквъ; караимы совершенно буквально толковали всякое выраженіе, до того рабски-буквально, что не останавливались ни предъ какими несообразностями. Свой протестъ противъ измѣненія талмудистами *смысла* Писанія, противъ ихъ противорѣчій библейскимъ заповѣдямъ, караимы выразили въ прямо противоположномъ: въ рабскомъ поклоненіи *слову*. Всѣмъ извѣстны смѣшныя крайности караимства. Но кто дерзнетъ сказать, что талмудизмъ былъ *послѣдовательнѣе* караимства?.. Сколько нибудь раціональная, философско-религіозная подкладка, — вотъ чего не доставало караимству, вотъ что обрекло его на вѣчное идейное безплодіе, на застой...

Спустя два столѣтія народилось направленіе, которое влило свѣжіе соки въ изсохшій еврейскій интеллектъ, которое заставило этотъ интеллектъ произвести самые пышные цвѣты. Родоначальникомъ этого направленія былъ гаонъ *Саадія Аль-Фаюми* (892—942).

Этотъ свѣтлый, геніальный умъ задался поистинѣ грандіозной работой: примирить религію, а именно іудаизмъ, съ разумомъ; офилософствовать первый и дать теологическую окраску послѣднему. Какъ ни трудна (а по нѣкоторымъ—и вовсе невозможна) такая задача, однако Саадія, если и не рѣшилъ ее окончательно, то развернулъ на этомъ новомъ поприщѣ все богатство своего ума, и одна даже *попытка* его рѣшить эту задачу навсегда останется образцовой въ своемъ родѣ. Онъ первый поставилъ отверженное его предшественниками „мышленіе" рядомъ съ „вѣрой". Увѣщевая своихъ соплеменниковъ укрѣплять и очищать религію посредствомъ мышленія, Саадія говоритъ: «Еслибы кто нибудь замѣтилъ мнѣ: какъ же намъ подняться до истинной вѣры путемъ философскаго мышленія, когда многіе считаютъ именно это ересью и невѣріемъ,—то я бы возразилъ: это дѣлаютъ лишь люди тупоумные, въ родѣ тѣхъ, которые вѣрятъ, что стоитъ только отправиться въ Индію, чтобы тамъ разбогатѣть, или что лунное затмѣніе происходитъ отъ того, что драконъ проглатываетъ дискъ луны" и т. п. Если отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ и смотрѣть *объективно*, мы найдемъ въ религіозно-философской системѣ Саадіи поразительную логическую конструкцію, до которой не доработался ни одинъ изъ христіанскихъ современниковъ Саадіи. Какъ искусно и остроумно разрѣшаетъ онъ, напримѣръ, слѣдующій щекотливый вопросъ: «Иной, пожалуй, спроситъ—говоритъ Саадія во введеніи къ своей „Emunot we'Deot":—если философскія разсужденія приводятъ къ тому же самому заключенію, какъ и откровеніе, (что̀ постоянно твердитъ Саадія), то вѣдь послѣднее совершенно излишне, такъ какъ человѣческій разумъ и безъ вмѣшательства Бога дошелъ бы до истины?.. На это я могъ бы возразить, что откровеніе было необходимо потому, что человѣчество безъ него должно было бы совершить слишкомъ длинный путь, пока оно дошло бы до истины путемъ собствен-

наго мышленія. Наконецъ, тысячи случайностей и сомнѣній могли бы помѣшать этому. Поэтому Господь избавилъ насъ отъ всѣхъ этихъ затрудненій и послалъ намъ своихъ вѣстниковъ, которые сообщили намъ о Немъ и убѣдили насъ въ этомъ посредствомъ чудесъ».

Не вдаемся здѣсь въ изложеніе или критику обширной религіозно-философской системы Саадіи, изложенной довольно обстоятельно у Гретца (10-я глава) *. Соотвѣственно нашей ограниченной задачѣ, мы должны указать только на историческое вліяніе Саадіевой философіи и на характеръ этого вліянія. Но исторія «культурной эпохи» испанскихъ евреевъ настолько извѣстна въ общихъ чертахъ, что подробныя указанія дѣлаются излишними. Всѣмъ извѣстно, что Саадія былъ родоначальникомъ той блестящей философской школы, послѣднимъ могиканомъ и колоссомъ который былъ Маймонидъ въ XII вѣкѣ. Родившись на вавилонской почвѣ, въ удушливой атмосферѣ религіозной казуистики, философія, почти тотчасъ послѣ смерти своего пріемнаго отца—Саадіи, переселилась на болѣе благородную почву — въ Испанію, гдѣ философское направленіе уже достигло значительной степени развитія у тогдашнихъ культуртрегеровъ — арабовъ. Государственный мужъ и ученый Хасдай-ибнъ Шапрутъ (915—970) здѣсь первый пріютилъ ее, философію іудаизма. При Хасдаѣ началось серьезное грамматико-логическое изслѣдованіе библіи, посредствомъ первыхъ грамматиковъ-Дунаша и Менахема-бенъ-Серука. Стала развиваться и поэзія, прежде въ скромной формѣ синагогальныхъ гимновъ, а потомъ и въ блестящихъ твореніяхъ Гебироля, Галеви, Ибнъ-Эзры и другихъ. По мѣрѣ того, какъ въ Испаніи, а вскорѣ и во Франціи, развивалось религіозно-философское направленіе, вавилонскій гаонатъ все болѣе приходилъ въ упадокъ, все болѣе терялъ свое прежнее величіе законодательнаго корпуса для всего еврейства, и наконецъ совсѣмъ сошелъ со сцены. Экзилархатъ былъ упраздненъ въ концѣ X вѣка; гаонатъ же продержался еще полтора вѣка и испустилъ духъ въ 1039 году. Но въ это

---

* Въ прошломъ году появился новый трактатъ о системѣ Саадіи, д-ра *Гутмана*: Die Religionsphilosophie des Saadia». Göttingen, 1882».

время талмудъ уже имѣлъ свои школы во многихъ городахъ Испаніи, Франціи и Германіи. Центръ умственной жизни евреевъ, ихъ духовная гегемонія окончательно перенесены изъ Вавилона въ Европу, главнымъ образомъ въ Испанію, гдѣ талмудъ, философія, поэзія и наука, въ теченіе трехъ вѣковъ (X—XIII) мирно развивались бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, пока варварство и фанатизмъ не прервали этого мирнаго развитія. Объ этой свѣтлой трехвѣковой эпохѣ повѣствуетъ слѣдующій, шестой томъ, „Исторіи Евреевъ" Гретца.

Въ нашемъ обзорѣ мы останавливались почти исключительно на главнѣйшихъ моментахъ въ *духовной* жизни евреевъ, игнорируя условія ихъ соціально-политической жизни въ разныхъ государствахъ. Но это мы сдѣлали потому, во-первыхъ, что политическая жизнь евреевъ въ разбираемую эпоху (500—1027) такъ измѣнчива и многообразна, что не поддается никакому синтезу (что мы исключительно и имѣли въ виду). Кромѣ того, европейскія еврейскія общины были еще въ эту эпоху въ состояніи, такъ сказать, эмбріологическомъ и не представляли еще изъ себя ничего опредѣленнаго; вліяніе же соціальной автономіи у восточныхъ евреевъ на развитіе іудаизма у насъ выяснено. Наконецъ, рекомендуемъ читателю внимательное прочтеніе вышедшаго тома Гретца, гдѣ онъ найдетъ живое, подчасъ художественное и конкретное описаніе всего того, чего остовъ и синтетическая абстракція представлены въ настоящей нашей „Лѣтописи".

Въ заключеніе нѣсколько словъ по поводу „замѣчаній редакціи", составленныхъ д-ромъ А. Я. Гаркави. Какъ мы уже сказали, въ общемъ эти „замѣчанія" имѣютъ преимущественно характеръ научно-библіографическій, и въ этомъ отношеніи они нерѣдко такъ важны и существенны, что самъ авторъ «Исторіи Евреевъ», если бы вновь издалъ 5-й томъ, могъ бы ими воспользоваться для введенія въ эту часть своего труда многихъ поправокъ и дополненій; (кстати, «замѣчанія» г. Гаркави печатаются одновременно и на французскомъ языкѣ, въ журналѣ «Revue des Etudes Juives»). Нерѣдко ученый авторъ «замѣчаній» обнаруживаетъ у Гретца неточности или пропуски. Но часто такія мелкія неточ-

ности происходятъ у великаго историка не отъ недостатка эрудиціи въ сферѣ источниковъ, которыми онъ только могъ пользоваться, а потому, что Гретцъ, какъ историкъ-прагматикъ и систематизаторъ, бываетъ вынужденъ иногда игнорировать кой-какія второстепенныя подробности для правильной группировки, для блестящаго философскаго обобщенія. Имѣя дѣло съ громаднымъ количествомъ крупныхъ и мелкихъ историческихъ фактовъ, Гретцу приходится, для того чтобы вдохнуть «душу живую» въ эту безпорядочную массу, нивеллировать, подводить подъ извѣстный уровень весь этотъ строительный матеріалъ; приходится этотъ матеріалъ обстругать, обтачивать, чтобы придавать ему художественную, или даже просто, историческую форму. При такой крупной работѣ, естественно, должно летѣть много щепокъ, должно пропадать много стружекъ; много такихъ напрасно пропадающихъ стружекъ поднято и сохранено въ „замѣчаніяхъ". Такимъ образомъ, философско-художественная отдѣлка соединяется, въ русскомъ изданіи Гретца, съ строгой научною точностью. Во многихъ мѣстахъ, „замѣчанія редакціи" составляютъ даже необходимый *историческій* коррективъ къ труду Гретца, представляя то фактическое дополненіе, (такъ какъ авторъ замѣчаній имѣлъ возможность пользоваться многими источниками, которые Гретцу были недоступны, какъ напр. рукописи Императ. Публ. Библіотеки), то исправленіе на основаніи новѣйшихъ данныхъ (что чаще всего находимъ относительно извѣстныхъ коллекцій Фирковича, которыми Гретцъ пользовался, не подозрѣвая объ ихъ неточностяхъ, а нерѣдко и подложности); бываютъ, наконецъ, хронологическія исправленія немалой важности, и т. п. Принципіальнаго же обсужденія мнѣній Гретца редакція перевода не касается почти, о чемъ и предупредила въ предисловіи, обѣщая, по изданіи перевода всѣхъ томовъ Гретца, посвятить этому обсужденію особый прибавочный томъ, или два тома. Въ тѣхъ же немногихъ пунктахъ въ замѣчаніяхъ редакціи, гдѣ и встрѣчаются краткія принципіальныя обсужденія, послѣднія вызываются исключительно стремленіемъ смягчить „рѣзкости и односторонности" нѣкоторыхъ общихъ сужденій Гретца. Такія мѣста имѣютъ характеръ консервативно-апологетическій, во обузданіе слишкомъ либеральныхъ,

по мнѣнію редакціи, тенденцій Гретца. Одинъ обращикъ этихъ отношеній автора „замѣчаній“ къ автору „Исторіи“ представленъ нами выше. Здѣсь повторяемъ, что относительно излишней „смѣлости“ или рѣзкости въ отзывахъ Гретца о крупныхъ движеніяхъ въ исторической жизни евреевъ, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ автора замѣчаній. Никакой излишней смѣлости мы не видимъ у Гретца, въ сужденіяхъ котораго наоборотъ находимъ, наряду съ трезвой, безпристрастной критикой, значительную дозу піэтизма, не позволяющаго историку впадать въ слишкомъ рѣзкій тонъ относительно извѣстнаго рода историческихъ событій.

Мы имѣемъ возможность привѣтствовать еще одно очень полезное изданіе „Общества распространенія просвѣщенія между евреями“. Мы говоримъ о вышедшихъ въ концѣ прошлаго года первыхъ двухъ томахъ „Русско-еврейскаго Архива“, заключающихъ много важныхъ, большей частью неизданныхъ, документовъ по исторіи литовскихъ евреевъ *. Документы эти собраны г. Бершадскимъ и извлечены изъ актовыхъ книгъ Метрики Литовской, виленскаго и кіевскаго центральныхъ архивовъ. Два вышедшихъ тома заключаютъ въ себѣ 662 документа, проливающихъ яркій свѣтъ на одну изъ наименѣе изслѣдованныхъ эпохъ въ исторіи польско-литовскихъ евреевъ. Почти всѣ документы относятся къ концу XV и большей части XVI вѣка (отъ 1486 по 1569 г.) и, главнымъ образомъ, даютъ богатый матеріалъ для исторіи *экономической* жизни литовскихъ евреевъ. Имя почтеннаго собирателя не безъизвѣстно читателямъ «Еврейской Библіотеки» и «Восхода», гдѣ были помѣщены нѣкоторыя историческія изслѣдованія его по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ.

Въ слѣдующихъ выпускахъ „Русско-еврейскаго Архива“ предполагается, по словамъ редакціи, помѣстить, кромѣ дальнѣйшихъ документовъ изъ собранія С. А. Бершадскаго, матеріалы по исторіи русскихъ евреевъ, почерпнутые изъ русскихъ лѣтописей, изъ общинныхъ книгъ (пинкосимъ) разныхъ городовъ и т. п.

* «Русско-Еврейскій Архивъ». Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи.—*Томы 1 и 2*: Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ (1388—1569). Собралъ и издалъ *С. А. Бершадскій*. Изданіе «Общ. распр. просв. м. евр. въ Россіи». Спб. 1882.

Г. Бершадскій разсматриваетъ собранные имъ документы въ особомъ трудѣ, подъ заглавіемъ „Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ временъ Витовта до Люблинской уніи *. Будемъ надѣяться, что изданіе этого полезнаго труда не заставитъ себя долго ждать.

С. Д.

* Отрывокъ изъ этого «Изслѣдованія» напечатанъ въ №№ 7 по 12 «Восхода» за прошлый годъ.

ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ *.

„Захватило васъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ“...

Некрасовъ.

Наука «труднаго» времени. — Евреи—географическій терминъ и терминъ «ограниченій».—Рознь и разладъ, вмѣсто сплоченности и солидарности. — Оживленіе народнаго чувства. — Крайности.—Увлеченіе молодежи. — Постъ и молитва.—Эмиграція.—Съѣздъ.—Петербургъ-ли центръ русскаго еврейства?—Программа съѣзда и ея цѣлесообразность.—Послѣдствія.—Сѣрыя будни. — И вновь «еврейской вопросъ»,

Трудное время, пережитое и переживаемое русскими евреями, очень богато полезными и поучительными для нихъ уроками. Правда, наука обошлась и обходится евреямъ весьма и весьма дорого; ибо плата за «ученіе» взималась съ учениковъ жизнью, здоровьемъ и честью, послѣднимъ достаткомъ и надеждами на болѣе отрадное будущее,—вообще всѣмъ, что такъ дорого и необходимо для человѣческаго существованія, сколько нибудь сноснаго. Но говорятъ вѣдь, что корень всякой науки горекъ, — стало быть корень еврейской „науки“ въ Россіи только горше другихъ, многимъ горше. Самымъ же крупнымъ, если не самымъ „сладкимъ плодомъ“ слѣдуетъ безспорно признать то невольно вынесенное и неотразимое убѣжденіе, что русскіе евреи представляются далеко не цѣльнымъ и единымъ, полнымъ жизненныхъ соковъ тѣломъ, юношескимъ свѣжимъ и мощнымъ, на которомъ быстро заживаютъ глубокія раны и легко восполняются всякія

* См. „Восходъ“, за 1883 г. кн. I—II.

траты. Нѣтъ,—это скорѣе лишь слабое соединеніе людей, почти только внѣшнее и искусственное, навязанное силою обстоятельствъ, и поддерживаемое извнѣ общими несчастіями. Если до послѣдняго времени люди непосвященные и поверхностные, или явно злоумышленные, могли еще говорить о замкнутости евреевъ, о кагальной сплоченности и солидарности и т. п., — то, кажется, послѣднія событія должны были открыть глаза всѣмъ добросовѣстнымъ, но несвѣдущимъ людямъ, и зажать ротъ клеветникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это ни будетъ странно услышать непривычному, — но ни одна изъ народностей, обитающихъ въ обширныхъ предѣлахъ русскаго государства, не отличается такою рознью своихъ сочленовъ, такимъ разладомъ въ своихъ стремленіяхъ, образѣ жизни и положеніи. Меттернихъ когда то назвалъ Италію «только географическимъ терминомъ»; подобнымъ же образомъ, но съ бóльшимъ правомъ, можно сказать, что «еврейскій народъ» это во первыхъ, лишь географическій терминъ, и объемлетъ лицъ, живущихъ только въ опредѣленной части Россіи, которое обведено со всѣхъ сторонъ чертою, строго охраняемою по всѣмъ правиламъ карантина, во вторыхъ — это еще терминъ юридически-полицейскій и означаетъ совокупность людей, стѣсненныхъ на каждомъ шагу въ своей жизни и дѣятельности особыми и многочисленными изъятіями изъ обще-гражданскихъ законовъ и уставовъ, да еще вдобавокъ слабо и неохотно защищаемыхъ противъ насилій и вымогательствъ всякаго рода. Такъ называемый еврейскій народъ состоитъ изъ нѣсколькихъ народовъ, главнымъ образомъ изъ двухъ: одного народа *богатаго*, другого — *бѣднаго*, или изъ *сытыхъ* и *голодныхъ*. Конечно, разница между сытыми и голодными существуетъ у всѣхъ народовъ, но едва ли не рѣзче всего она выступаетъ именно въ средѣ русскихъ евреевъ, такъ какъ кромѣ естественнаго, такъ сказать, различія между обоими сословіями, здѣсь еще существуютъ искусственныя, созданныя закономъ и своеобразными условіями жизни. Классъ сытыхъ пользуется цѣлымъ рядомъ такихъ правъ по мѣсту жительства, по занятію всякаго рода трудомъ, производительнымъ и непроизводительнымъ, по обученію дѣтей и т. д.,—какихъ лишенъ классъ голодныхъ. А сытый голодному никогда и нигдѣ не былъ товарищемъ, — тѣмъ менѣе у насъ. Кромѣ этого, расколъ въ еврей-

ской средѣ обусловливается еще раздѣленіемъ на вѣрующихъ и невѣрующихъ, на слѣпыхъ фанатиковъ и старовѣровъ,—и огульныхъ отрицателей и отщепенцевъ съ другой стороны: на лицъ, непоколебимо увѣренныхъ въ томъ, что евреи дѣйствительно единственный любимый и избранный Богомъ народъ, которому предстоитъ еще великая и блестящая будущность, по пришествіи Мессіи-освободителя,—и такихъ, которые употребляютъ всѣ усилія, чтобъ забыть и заставить другихъ забыть ихъ еврейское происхожденіе, это несмываемое пятно, эту печать проклятія, издревле тяготѣющую на потомкахъ Авраама. У народа, лишеннаго политической жизни, религіозные вопросы, и самые мелочные, получаютъ громаднѣйшее, неподобающее имъ по существу, значеніе; съ этими вопросами, повидимому столь безразличными, тѣсно сплетается и сливается все, что дорого народу въ прошломъ,—все, что сулитъ ему будущее... И кто не знаетъ, съ какою страстностью спорятъ еврейскія секты, съ какимъ ожесточеніемъ ведутъ братоубійственную войну „просвѣщенные" съ „непросвѣщенными", старое поколѣніе съ новымъ,—съ какимъ презрѣніемъ относятся южно-русскіе евреи къ западнымъ и сѣверозападнымъ, и какою непріязнью платятъ имъ послѣдніе. Вотъ почему въ еврейскихъ общинахъ господствуетъ теперь полный безпорядокъ, рознь и взаимное недовольство разныхъ сословій, какъ это бросается въ глаза всякому, сколько нибудь наблюдательному человѣку, и это началось вмѣстѣ съ первыми мѣрами русскаго правительства къ постепенному, но неравномѣрному улучшенію быта евреевъ...

Эта раздробленность, безпомощность и безсиліе еврейской общины какъ нельзя болѣе выступили въ послѣднее „трудное время". Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, гдѣ грозному и таинственному кагалу и показать всю свою могучую силу, какъ не въ такіе годы общенародныхъ бѣдствій, когда необходимо единеніе и дѣйствіе сообща, безусловно необходимо столковаться и, по возможности, дать дружный отпоръ нахлынувшимъ со всѣхъ сторонъ врагамъ. Между тѣмъ мы видимъ совершенно противное. Евреи были сначала застигнуты врасплохъ; первые удары посыпались на ихъ головы неожиданно, и окончательно смутили ихъ. Растерявшись, они еще до сихъ поръ не собрались съ мыслями и си-

лами, и царствуетъ въ предѣлахъ „черты“ полнѣйшее „шатаніе умовъ“, — какъ выразился нѣкогда генералъ Гурко о состояніи Россіи... Каждый дѣйствовалъ или бездѣйствовалъ на свой счетъ, не вѣдая и не заботясь о другомъ. Спасайся кто можетъ, и какъ можетъ — вотъ что раздавалось по всему лагерю погромленныхъ, гдѣ отступленіе, если можно такъ выразиться, было самое безпорядочное. Съ это время мы видимъ въ юго-западномъ краѣ, подъ вліяніемъ претерпѣнныхъ невзгодъ, значительное усиленіе религіознаго настроенія народа, вѣры въ таинственное и чудесное, вообще суевѣрія; а разные *святые* стали еще чаще прежняго объѣзжать свои владѣнія, еще пуще обирать бѣдный, но чающій утѣшенія и помощи въ горѣ, народъ,—хотя бы это утѣшеніе было признаннымъ и обманчивымъ. Въ то же время, даже въ средѣ учащейся молодежи, во всѣхъ русскихъ столицахъ, проявились почти исчезнувшее было сознаніе своей связи съ народомъ, любовь къ нему, вмѣстѣ съ горячимъ желаніемъ сдѣлать что нибудь для облегченія его участи.

Но конечно, какъ все, что дѣлаетъ молодежь, и это еврейское народное движеніе носило характеръ юношескаго увлеченія,—можетъ быть, искренняго, беззавѣтнаго, безкорыстнаго, — но односторонняго, порою черезчуръ самоувѣреннаго, требовательнаго и неумолимаго въ своихъ выводахъ. Въ еврейскій народъ стали „ходить“ многіе изъ тѣхъ, которые еще недавно ходили или собирались „ходить въ русскій народъ“, и въ новую дѣятельность свою они внесли тѣ же пріемы и—скажемъ не обинуясь — тѣ же предубѣжденія и преувеличенія. Кто имѣлъ случай познакомиться съ кружками еврейско-народническими, которые во множествѣ возникали въ 81 и 82 г., и съ программами ихъ, тотъ долженъ былъ замѣтить сразу поразительное сходство между воззрѣніями кружковцевъ на еврейскій народъ и на свои задачи съ одной стороны, и ученіями русскихъ народниковъ извѣстной школы — съ другой. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ программъ мы открываемъ лишь легкую и соотвѣтственную обстоятельствамъ передѣлку мнѣній Достоевскаго и др. о томъ, что мы, т. е. образованныя сословія, окончательно *изолгались*, потеряли почву изъ подъ ногъ, что для «оздоровленія корней» общества необходимо обратиться только къ *народу* простому, необразованному, т. е. неиспорчен-

пому нашимъ лже-образованіемъ и развратной жизнью, народу, въ которомъ одномъ еще живо сохранились и чистая нравственность, и истинная житейская мудрость; что намъ поэтому слѣдуетъ прежде всего отречься вполнѣ чистосердечно и очиститься отъ нашего чванства и мудрствованія, уничтожить „средостѣніе", образовавшееся вѣками между нами и народомъ, окунуться въ волны его жизни, гдѣ мы освѣжимся и возродимся. И т. д. все въ этомъ духѣ. Какъ это ни покажется страннымъ съ перваго взгляда, но мысли Достоевскаго и Аксакова нашли усердныхъ истолкователей и примѣнителей въ средѣ ненавистнаго и тому и другому народа — еврейскаго. Вотъ почему и наше народничество страдало излишнею привязанностью ко *всему* простонародному, безразборчивымъ, а потому нерѣдко чрезмѣрнымъ поклоненіемъ старинѣ и т. п. крайностями. Вчерашніе нигилисты, въ религіи какъ и политикѣ, торжественно обязывались исполнять всѣ обряды, соблюдаемые старыми евреями, молиться и посѣщать молельни и синагоги, не передѣлывать своихъ именъ на русскій или европейскій ладъ, говорить непремѣнно на жаргонѣ и т. д. Ревностно принялись кружки за изученіе и распространеніе древне-еврейскаго языка и письменности и за устройство библіотекъ и читаленъ еврейскихъ книгъ. Но главныя усилія увлеченныхъ дѣятелей были направлены на осуществленіе такой мечты нашихъ предковъ, которая еще очень недавно казалась столь безцѣльной, неосуществимой и даже нисколько не желательной: именно возстановленіе самостоятельнаго іудейскаго царства, притомъ непремѣнно въ Палестинѣ, святой землѣ древнихъ евреевъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе своеобразно сложившихся обстоятельствъ, наша молодежь неожиданно восприняла весьма многое изъ того, что еще въ весьма недалекомъ прошломъ рѣшительно отвергала, какъ старый и негодный хламъ...

Подъ вліяніемъ этого усилившагося религіознаго настроенія, и тяжелаго, гнетущаго чувства своего безсилія и безпомощности противъ страшной, надвигающейся со всѣхъ сторонъ тучи съ грозою,—евреи вдругъ обратились къ Тому, Кого они издревле считаютъ своимъ заступникомъ, и Кто, какъ они вѣруютъ, столько уже разъ спасалъ ихъ въ минуты крайности. Безъ всякаго сговора, точно по таинственному велѣнію, во всей чертѣ осѣдло-

сти, въ одной общинѣ за другой стали назначать посты, часто трехдневные, съ молитвами. Въ теченіе второй половины января и всего февраля, во всей странѣ іудейской, въ этой области погромовъ и ограниченій, раздавался громкій стонъ и плачъ уже пострадавшихъ и предвкушавшихъ страданія; молились и плакали старъ и младъ, мужчины и женщины, старовѣры и невѣрующіе, простой народъ и учащееся юношество. Это было несомнѣнно искреннимъ общенароднымъ плачемъ; всѣ предчувствовали какое-то большое и близкое, едва ли отвратимое бѣдствіе, готовое опять обрушиться на голову несчастныхъ евреевъ. Эти мрачныя предчувствія, какъ извѣстно, не обманули молившихся.

День 1-го марта особенно выдавался въ этомъ отношеніи: искреннія и горячія мольбы возносились къ небесамъ за упокой души того державнаго царя русской земли, кто первый и такъ много сдѣлалъ для улучшенія быта подданныхъ евреевъ, для уравненія ихъ въ правахъ и обязанностяхъ со всѣми остальными гражданами....

Конечно, мы здѣсь не можемъ войти въ разборъ и оцѣнку того, насколько обращеніе къ Богу, постъ и молитва дѣйствительно помогли или могли помочь евреямъ,—если не считать временнаго облегченія наболѣвшей и утомленной души...

Горячо молилась и Балта, еще въ началѣ марта—а между тѣмъ она вскорѣ послѣ этого была превращена въ груду развалинъ. Не лучше ли бы было, еслибъ балтскіе евреи, составляющіе почти ³/₄ населенія этого проклятаго Богомъ города, прибѣгли къ собственной физической силѣ, для защиты своей жизни и чести? Ни съ нравственной, ни съ юридической, ни даже съ полицейской точки зрѣнія нельзя было бы ихъ осудить за *такое* употребленіе грубой силы,—а было ли бы хуже тогда, какъ увѣряли нѣкіе трусливые совѣтники, это еще вопросъ...

Одновременно съ указаннымъ выше подъемомъ національно-религіознаго духа, стало выступать явленіе совершенно противоположное. То тамъ, то здѣсь начали проповѣдывать о необходимости преобразованій въ жизни евреевъ, внѣшней и внутренней. Нѣкоторые проповѣдывали чуть-ли не повальное крещеніе, смѣшанные браки и т. п. средства къ конечному слiянію съ коренными погромщиками. Эта проповѣдь, разумѣется, была единичной, и не повела

ни къ чему серьезному. Продолжали тоже свою дѣятельность, впрочемъ безуспѣшную, двѣ новыя секты, образовавшіяся еще въ 1881 г.,—именно „Библейское братство" и „Новый Израиль": также отвергающія *всю* обрядовую часть еврейской религіи вмѣстѣ со многими догматами, наконецъ преобразовательныя стремленія обуяли и одну изъ самыхъ большихъ русско-еврейскихъ общинъ, именно варшавскую, гдѣ также много говорилось о праздновaніи воскресенія вмѣсто субботы, объ упраздненіи многихъ молитвъ, о введеніи богослуженія на польскомъ языкѣ, объ обязательномъ ношеніи европейскаго платья, и т. д. Раввины и пастыри варшавскіе, какъ напр. д-ръ Цылковъ, доказывали своимъ «пасомымъ», что евреи— не народность самостоятельная, а должны слиться съ окружающими народами, вполнѣ и безслѣдно войти въ общую массу народонаселенія. Въ то время, при производившейся переписи населенія Варшавы, большинство евреевъ записали себя «поляками». Вообще, варшавскіе евреи, зажиточная и образованная часть, не смотря на недавній урокъ, всѣми силами старались и стараются: одни ополячиться, другіе—обрусѣть...

Въ нѣкоторыхъ варшавскихъ еврейскихъ газетахъ появилось приглашеніе евреямъ перемѣнить свои еврейско-нѣмецкія фамиліи на польскія, что будто-бы повліяетъ весьма благотворно на положеніе евреевъ и отношенія къ нимъ «общества». Мы не коснемся здѣсь *по существу* вопроса о томъ, можетъ ли или будетъ ли еврейскій вопросъ рѣшенъ окончательно именно путемъ простого отреченія отъ *всего своего*; не станемъ также разсуждать о томъ, возможно ли и какъ легко такое всенародное отреченіе для нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ, и, наконецъ, насколько это дѣйствительно исторически разумно, полезно или необходимо. Безспорно, реформы и преобразованія неизбѣжны въ іудействѣ, послѣ двухъ тысячъ лѣтъ такой сложной, поучительной и столь измѣнившейся теперь жизни. Реформы имѣютъ въ средѣ евреевъ горячихъ, серьезныхъ и разумныхъ защитниковъ. Но нужно же понять разъ навсегда, что народъ, столь горячо преданный своей древней религіи и такъ дорожащій своей, дѣйствительно славной въ глазахъ всего міра стариной, можетъ принять какія нибудь реформы только изъ рукъ такихъ лицъ, которыя внушатъ ему полное довѣріе по своимъ умственнымъ и нравственнымъ достоин-

странамъ, по своей любви и преданности дѣлу религіи и народности, и которые, кромѣ того, будутъ имъ уполномочены на это дѣло—обновленія іудейства... Такъ смотрятъ на это и заграничные евреи, которые въ послѣднее время тоже начали все болѣе заниматься вопросомъ о реформахъ,—особенно англійскіе евреи.

Таковы были два разныхъ теченія въ еврейской жизни, направлявшіяся къ одной и той же цѣли. Какимъ путемъ скорѣе достигнута будетъ цѣль?—это, разумѣется, рѣшитъ только будущее. Мы отмѣчаемъ только этотъ разбродъ и несогласіе въ средѣ еврейской общины, которыя особенно усилились подъ вліяніемъ событій смутнаго времени. Припоминаешь слова лѣтописца о времени послѣ смерти Іисуса Навина: «въ то время не было князя во Израилѣ, и всякій дѣлалъ то, что ему угодно было».

Самою серьезною и важною изъ попытокъ самопомощи, сдѣланныхъ русскими евреями, была безъ сомнѣнія *эмиграція*. Что можетъ быть естественнѣе и разумнѣе, какъ выселяться или бѣжать безъ оглядки изъ той страны, гдѣ имущество, честь и самая жизнь подвергаются частымъ нападеніямъ грубой черни, — гдѣ противъ этой постоянной опасности не только не принимаются, кѣмъ слѣдуетъ, никакія мѣры, но, напротивъ, грабители находятъ себѣ поддержку, по крайней мѣрѣ косвенную, въ правительственныхъ преслѣдованіяхъ тѣхъ же самыхъ, такъ сказать «*пассивныхъ* гражданъ»; — гдѣ, наконецъ, населеніе страшно обѣднѣло вслѣдствіе скученности, ограниченій своей дѣятельности, недавняго разоренія и общаго застоя въ дѣлахъ. Въ наше время, во всѣхъ государствахъ Европы выселеніе сдѣлалось обычнымъ средствомъ, къ которому прибѣгаютъ люди, не находящіе дома полнаго приложенія своему труду и честолюбію, также тѣ, которые недовольны отечественными порядками. Выселяются даже изъ Германіи, этой «страны милліардовъ», во всякомъ случаѣ страны вполнѣ благоустроенной и далеко не бѣдной, — и выселяются въ довольно большомъ числѣ, что-то около ста или полутораста тысячъ человѣкъ ежегодно. Нѣмецкіе эмигранты покидаютъ *дѣйствительное* отечество, сильное, свободное и цвѣтущее, заботливо пекущееся о всѣхъ своихъ сынахъ и гражданахъ; они покидаютъ родную среду, насиженныя мѣста, широкія гражданскія и политическія права. Еще гораздо значительнѣе высе-

леніе изъ Ирландіи, откуда, начиная съ сороковыхъ годовъ, выселилось отъ *3-хъ до 4-хъ милліоновъ* человѣкъ, благодаря обѣднѣнію края; и ирландцы не задумывались бросать свою родину, на которой жили цѣлыя тысячелѣтія, орошая своимъ трудовымъ потомъ и кровью,—родину, которая для нихъ столь священна! И нѣмецкіе эмигранты, и ирландскіе, преимущественно направляются въ Америку, гдѣ всегда найдется дѣло желающему и умѣющему трудиться, и устроившись тамъ отлично, всячески помогаютъ оставшимся дома собратьямъ тоже выбраться изъ тьмы бѣдности и униженія.

Чтожъ,—неужели русскимъ евреямъ выказывать больше привязанности къ своему оффиціальному отечеству, чѣмъ нѣмцамъ—къ своему дѣйствительному?

Неужели русскимъ евреямъ, не смотря на всѣ невзгоды и лишенія, даже на оффиціальныя указанія на западную границу—все таки упорно оставаться въ предѣлахъ черты, лишь для того, чтобъ нѣкоторымъ образомъ съ опасностью жизни правильно, безъ недочета, отбывать воинскую повинность и пополнять кадры россійской арміи? Или, можетъ быть, евреямъ въ сѣверо и юго-западномъ краяхъ живется привольнѣе и лучше, чѣмъ нѣмцамъ въ Германіи? Едва ли кто изъ сколько нибудь добросовѣстныхъ и знающихъ людей рѣшится отвѣтить: «да» на поставленные вопросы. Необходимость выселенія доказывается уже тѣмъ, что не смотря на изумительную, часто крайне вредную, прикрѣпленность евреевъ къ своему гнѣзду и общинѣ, въ послѣднія 15—20 лѣтъ существуетъ въ западномъ краѣ замѣтное стремленіе къ эмиграціи, которая въ голодный годъ, лѣтъ 12 тому назадъ, приняла даже значительные размѣры. Въ самое же послѣднее время, съ начала погромовъ, стремленіе къ выселенію сдѣлалось такимъ внушительнымъ явленіемъ, надъ которымъ слѣдовало бы серьезно призадуматься и друзьямъ своего народа, и государственнымъ людямъ Россіи. Смѣло можно сказать, что никогда еще у русскихъ евреевъ не было такого сильнаго и всенароднаго движенія, какъ движеніе эмиграціонное. У всѣхъ насъ еще живо въ памяти, какъ во всей обширной странѣ еврейской осѣдлости, въ мѣстечкахъ западнаго края, какъ и въ большихъ торговыхъ городахъ юга, бѣдное и угрожаемое еврейское населе-

ніе было охвачено неудержимымъ желаніемъ спастись хоть бѣгствомъ, вырваться изъ этой „юдоли плача", обнесенной китайской стѣной и полуоткрытой только въ одну сторону... Исчезъ страхъ предъ неизвѣстнымъ и отдаленнымъ, забыты благоговѣйныя чувства, приковывающія евреевъ, особенно евреекъ, къ могиламъ предковъ, родителей и дѣтей.... Чувство самосохраненія громко заговорило, и его голосъ заглушалъ голоса всѣхъ болѣе возвышенныхъ, но менѣе жизненныхъ чувствъ...

Вездѣ говорили, спорили, совѣщались о выселеніи и о способахъ лучше устроить его; одно за другимъ устраивались собранія, образовывались кружки, собирались понемногу деньги, записывались, выбирались и готовились къ отъѣзду будущіе переселенцы. Тутъ были не только молодые люди, необремененные семействомъ и чувствовавшіе въ себѣ силу выбиться собственнымъ трудомъ изъ мрака нищеты и забвенія, — но и люди въ лѣтахъ, многосемейные, рѣшившіеся твердо трудиться до конца дней своихъ для прокормленія семьи; — тутъ были не только тѣ, которые не находили въ своемъ отечествѣ занятій и средствъ къ жизни, или лишившіеся таковыхъ во время погромовъ и пожаровъ,— но и люди состоятельные, обезпеченные, тяготившіеся несноснымъ положеніемъ, — не пострадавшіе еще, но не хотѣвшіе пребывать подъ вѣчнымъ страхомъ. Была тутъ и увлекающаяся молодежь, пристегнувшая къ дѣлу эмиграціи разныя свои юношескія мечты, какъ возстановленіе царства іудейскаго въ Палестинѣ, или учрежденіе еврейскаго республиканскаго штата въ Америкѣ, а то и коммунистической общины на необитаемомъ еще островѣ...

Что же, однако, помѣшало переселенческому движенію достигнуть большихъ успѣховъ?

Прежде всего, многихъ удерживало отъ участія въ этомъ дѣлѣ уже то, что бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Игнатьевъ, очень ужъ желалъ этой эмиграціи и особенно ей покровительствовалъ. Это казалось евреямъ крайне подозрительнымъ. Но затѣмъ тутъ и сказались всѣ коренные недуги, отъ которыхъ страдаетъ еврейская народность. Если было много условій, благопріятныхъ для устройства разумнаго переселенія и необходимаго «разрѣженія черты», то не было только одного: *единства*, народнаго единства,—и это *одно* рѣшило все. Вездѣ образовались

двѣ партіи: за эмиграцію стояли нуждавшіеся въ ней, а противъ эмиграціи — тѣ, которымъ пришлось бы дѣлать значительныя денежныя пожертвованія,—однимъ словомъ, еврейство явно распалось на *богатыхъ* и *бѣдныхъ*, между которыми оказалось весьма мало общаго, и большая разница въ судьбѣ и стремленіяхъ.

Нельзя сказать, чтобы наши богачи уже особенно приняли къ сердцу судьбу своихъ меньшихъ собратьевъ по вѣрѣ и происхожденію. Эта же меньшая братія несетъ на себѣ почти всю тяжесть общинныхъ расходовъ, такъ какъ почти только она уплачиваетъ весь коробочный сборъ. Она же главнымъ образомъ и страдаетъ за прегрѣшеніе своей высшей братіи. А когда настали погромы и пожары, то они обрушились главнѣйшимъ образомъ именно на бѣднѣйшее населеніе, которое и защищали гораздо слабѣе, и разорить куда легче, чѣмъ богатыхъ. Вотъ эту-то несправедливость судьбы, столь неравномѣрно распредѣляющей свои блага и свои несчастія, слѣдовало бы загладить *своею справедливостью* — нашимъ богачамъ, еслибъ въ нихъ было побольше чувства справедливости и яснаго пониманія своего долга и важности исторической минуты, переживаемой русскими евреями...

Переселенческое движеніе было, по тѣмъ и другимъ причинамъ, предоставлено самому себѣ, да еще щедрости заграничныхъ евреевъ, совершенно незнакомыхъ съ нашими нуждами и условіями. Ему даже старались противодѣйствовать. Вѣроятно, тутъ были какія нибудь политическія и патріотическія, экономическія, историческія и всякія другія точки зрѣнія; — но многіе, очень многіе и въ особенности тѣ, которые больше всего страдаютъ отъ смутъ и безработицы, были очень недовольны бездѣйствіемъ и противодѣйствіемъ старшей братіи. Въ это время во главѣ еврейскихъ общинъ, какъ бы столицею русскаго еврейства—по праву-ли, это вопросъ—самъ собою сталъ Петербургъ. Здѣсь живутъ богатѣйшіе русскіе евреи; здѣсь находится министерство внутреннихъ дѣлъ и комитетъ по еврейскимъ дѣламъ. Здѣсь наконецъ происходилъ, годомъ раньше, первый еврейскій съѣздъ... Но если столица должна рѣшать общенародные вопросы, а стало быть должна понимать ихъ, — то мѣсто еврейской столицы едва ли въ Петербургѣ, а непремѣнно гдѣ нибудь въ чертѣ осѣдлости, со всѣми ея милыми свойствами. Рѣшители судебъ своего народа не

изъ газетныхъ статей и не изъ докладныхъ записокъ услужливыхъ секретарей, такъ сказать vom Hören-sagen, а изъ самой жизни, по горькому опыту и близкому наблюденію, должны знать, что такое эти многочисленныя и разнообразныя ограниченія въ правахъ, эти такъ называемые безпорядки, и т. п. любопытные вопросы, которые можно изучить лишь на мѣстѣ. Только тогда возможно пониманіе нуждъ народа и искреннее сочувствіе его страданіямъ... Вотъ всего этого и недоставало Петербургу, когда онъ взялся руководить провинціею.

Въ то время, эмиграціонное движеніе было въ полномъ ходу и, въ случаѣ ожидавшихся погромовъ, грозило принять страшные размѣры. Настало время, когда уже нельзя было ограничиться однимъ молчаніемъ, а необходимо было какъ нибудь опредѣленно высказаться, что нибудь сдѣлать... Это было тогда, когда уже вполнѣ выяснилось, что по крайней мѣрѣ въ ближайшее время нельзя ожидать никакой помощи и никакихъ благопріятныхъ мѣръ со стороны правительства,— когда графъ Игнатьевъ, въ извѣстномъ заявленіи отъ 16 января, рѣшительно высказался противъ всякаго расширенія черты, а предсѣдатель коммиссіи по еврейскому вопросу, г. Готовцевъ, далъ явно понять о крайне непріятномъ для евреевъ направленіи трудовъ коммиссіи... Провинція стала роптать и громко жаловаться на бездѣйствіе Петербурга, и столичные евреи наконецъ прибѣгли къ *съѣзду*. Мысль, разумѣется, сама по себѣ весьма похвальная, — но, но...

Изъ *нѣкоторыхъ* городовъ были вызваны *нѣкоторыя* лица, внушавшія довѣріе учредителямъ съѣзда, кажется даже, что далеко не изъ всѣхъ, даже крупныхъ общинъ были вызваны «представители» члены съѣзда не были правильно избранные еврейскимъ населеніемъ и *посланные* въ Петербургъ, а большею частью вызванные или приглашенные изъ Петербурга. Одна петербургская община «послала» около *половины* членовъ съѣзда! Послѣдняя особенность напоминаетъ практику русскихъ соборовъ при царяхъ въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ, — когда жившіе въ Москвѣ бояре приглашались *всѣ*, а изъ провинціи выбирались по одному или по два человѣка отъ города... Конечно, никому не возбраняется пріѣзжать куда угодно, хоть въ Петербургъ, и совѣщаться съ

кѣмъ и о чемъ угодно, даже о еврейскихъ дѣлахъ, но это еще не будутъ «представители еврейскихъ общинъ», какъ не могутъ считаться представителями русскаго народа тѣ „свѣдущіе“ по питейному и др. вопросамъ люди, которые вызывались въ Петербургъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ при гр. Игнатьевѣ...

Какъ бы то ни было однако, съѣздъ состоялся въ началѣ апрѣля. Провинціалы нашли готовую уже программу, принятую большинствомъ изъ нихъ не безъ нѣкотораго ропота и предлагавшую прежде всего: *изслѣдованіе причинъ эмиграціи*, затѣмъ гадательство на тему о томъ, что *было бы*, еслибъ эмиграціонное движеніе было оставлено безъ всякой поддержки и содѣйствія, далѣе, уже не шагъ впередъ, а цѣлый прыжокъ: какими мѣрами со стороны правительства или евреевъ движеніе это можетъ быть ослаблено... Слѣдуетъ еще вопросъ, отчего это обвиняютъ евреевъ въ существованіи тайнаго кагала? И наконецъ обращается вниманіе съѣзда на *прусскій* законъ объ отвѣтственности общинъ за вредъ и убытки, причиненные буйствующею толпою... Такова была петербургская программа.

Несомнѣнно также, что эта программа не вполнѣ отвѣчала настроенію, потребностямъ и ожиданіямъ еврейской провинціи. Поэтому неудивительно, что члены съѣзда то и дѣло уклонялись отъ программы. Предлагались или рекомендовались правительству разныя мѣры противъ погромовъ, заявлялось о небходимости скорѣйшаго уравненія евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ, въ особенности о необходимости уничтожить черту, ограничивающую еврейскую осѣдлость, и т. п. хорошія вещи. Какъ будто правительство не знало о готовности и желаніи евреевъ получить права, перейти черту, или избавиться отъ погромовъ! Какъ будто дѣло только и стало, что за просьбою или, совѣтомъ евреевъ. Вообще. всякаго рода *ходатайства* въ *то* время были совершенно лишни, какъ это понимали и нѣкоторые члены съѣзда... На одномъ изъ первыхъ засѣданій съѣзда г. С. С. Поляковъ сообщилъ и взялся защищать остроумное и лестное предложеніе графа Игнатьева о заселеніи евреями Ташкента и Геокъ-Тепе, для развитія тамъ торговли и промышлености и для противодѣйствія англійскому вліянію на востокѣ... Право, съ какой стороны ни посмотришь, слова графа Игнатьева не болѣе какъ

милая шутка,—а между тѣмъ нашлись люди, которые даже ухватились и за пустыни Геокъ-Тепе. Впрочемъ, предложеніе это было отвергнуто съѣздомъ съ должнымъ негодованіемъ. Съѣздъ благополучно кончилъ свои занятія, и найдя, что эмиграція *не соотвѣтствуетъ достоинству русскаго государства*, (забота по меньшей мѣрѣ неумѣстная для представителей погромленныхъ евреевъ, ни во что цѣнившихъ свое собственное достоинство), и историческимъ правамъ евреевъ, совершенно отвергаетъ мысль о переселеніи. Съѣздъ далѣе указываетъ на гражданскую равноправность евреевъ, какъ на единственный исходъ изъ тяжелаго и неестественнаго положенія, — что̀ само по себѣ, разумѣется, вѣрно, но совершенно напрасно и безцѣльно было еще разъ заявлять объ этомъ особенно въ то время, когда у народныхъ политиковъ было уже вполнѣ готовое и безповоротное рѣшеніе еврейскаго вопроса, хотя временное, какъ это всѣ знали и понимали. Если же евреямъ разрѣшили поговорить по своему дѣлу, то это конечно было лишь новое примѣненіе той широкой системы *мороченія* всѣхъ сословій, которая такъ полно развита у «народныхъ политиковъ»...

3-й пунктъ доводитъ до свѣдѣнія правительства о бездѣйствіи властей во время погромовъ,—опять-таки, при наличныхъ условіяхъ, напрасный трудъ; и наконецъ, пунктъ 4-й ходатайствуетъ предъ правительствомъ объ изысканіи средствъ къ вознагражденію еврейскаго населенія, пострадавшаго отъ погромовъ въ слѣдствіе недостаточной полицейской охраны... Послѣднее желаніе само по себѣ справедливое и разумное, но, конечно, никто изъ членовъ съѣзда не могъ сколько-нибудь серьезно надѣяться на его осуществленіе, особенно при гр. Игнатьевѣ. Съ тогдашнимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, наканунѣ временныхъ правилъ 3-го мая, нечего было съѣзду входить въ какіе бы то ни было переговоры, требовать или просить чего нибудь, указывать и совѣтовать и т. д. — потому что все это было безусловно безполезно.

Вообще, не *внѣшней политикой*, а внутренними дѣлами должны были заняться гг. представители еврейскихъ общинъ: урегулированіемъ переселенія, во всякомъ случаѣ существовавшаго, оказаніемъ необходимой помощи тѣмъ, кому переселеніе могло бы быть дѣйствительно полезно, равно какъ тѣмъ, которые по-

страдали отъ погромовъ и должны были оставаться дома,—а стало быть широкимъ сборомъ пожертвованій и правильнымъ распредѣленіемъ ихъ. Этого и требовали многіе еврейскіе «свѣдущіе люди» и члены съѣзда; но *съѣздъ* отказался отъ всего этого, а потому *ничего* не успѣлъ сдѣлать для еврейскаго населенія и прошелъ безслѣдно...

Постановленія съѣзда, будучи чисто отрицательнаго свойства, не могли ни удовлетворить, ни успокоить сколько нибудь еврейскую провинцію, ни принести ей какую нибудь пользу. Они даже вызвали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неудовольствіе противъ тѣхъ, которымъ, правильно или неправильно, приписывалось противодѣйствіе переселенческому движенію. Это было въ самый разгаръ весеннихъ безпорядковъ и административныхъ притѣсненій и въ ожиданіи новыхъ мѣръ графа Игнатьева, извѣстныхъ подъ именемъ временныхъ правилъ 3 мая. Въ это роковое время, когда, казалось, само небо опустилось надъ евреями, чтобъ задавить ихъ, и адъ открылъ свою широкую пасть, готовую поглотить тѣхъ, кому нѣтъ правды на землѣ, въ это время еврейское населеніе осталось столь же безпомощнымъ *изнутри*, какъ и извнѣ, вполнѣ разъединеннымъ и безсильнымъ на какое нибудь добро самому себѣ. И вотъ отдѣльныя лица *бѣжали*, — это уже дѣйствительно было не правильное переселеніе, а бѣгство, — направляясь обыкновенно въ Броды, а прошедши предварительно это чистилище голодомъ и всевозможными лишеніями и униженіями, тѣ, которые признавались мѣстнымъ комитетомъ годными къ переселенію и заслуживающими помощи, препровождались къ другимъ европейскимъ комитетамъ вспомоществованія евреямъ-бѣглецамъ, и послѣ новыхъ долгихъ мытарствъ попадали наконецъ въ Америку. Въ Палестину попадало гораздо меньшее число переселенцевъ, и только тѣ, которые отправлялись на свой счетъ или своими кружками, такъ какъ европейскіе комитеты отправляли только въ Америку. Сколько при этихъ передвиженіяхъ бѣдные скитальцы, «les juifs errants», перенесли горя, непріятностей и оскорбленій,—про это вѣдаютъ только они сами, да развѣ еще Богъ. Извѣстно, что заграничные евреи вообще относятся презрительно къ русскимъ евреямъ, совершенно также, какъ относятся къ русскимъ вообще—европейцы, и по тѣмъ же причинамъ. А *бѣдный*

русскій еврей, побитый и опозоренный дома, просящій о помощи, конечно не могъ разсчитывать на особенно братское отношеніе со стороны вѣнскихъ, парижскихъ и нью-іоркскихъ братьевъ-богачей филантроповъ. Впрочемъ, не будемъ черезчуръ строги къ дѣйствіямъ европейскихъ евреевъ. Все-таки, *все*, что было сдѣлано въ пользу бѣглецовъ, было сдѣлано ими при содѣйствіи благороднѣйшихъ и человѣколюбивыхъ людей всѣхъ народовъ. Но, во первыхъ, разборъ и сортировка эмигрантовъ гдѣ нибудь въ Бродахъ или другомъ мѣстѣ — дѣло дѣйствительно довольно трудное и щекотливое; гораздо удобнѣе было бы это дѣлать на мѣстѣ, напр. въ Балтѣ, Елисаветградѣ или Кіевѣ, еслибъ русскіе евреи взяли на себя этотъ трудъ... Во вторыхъ, сами русскіе евреи, притомъ наиболѣе извѣстные и вліятельные изъ нихъ, были противъ эмиграціи, и всячески *отговаривали* заграничныхъ евреевъ отъ содѣйствія переселенцамъ. А главное—это то, что стремленіе къ переселенію приняло одно время такіе серьезные размѣры, что сдѣлалось уже не подъ силу существующимъ благотворительнымъ обществамъ; это уже вопросъ *государственный*, для рѣшенія котораго недоставало лишь одного: государственныхъ людей, которые бы, безъ предвзятыхъ мыслей и намѣреній, вполнѣ добросовѣстно и разумно взялись за него... Если прибавить еще, что изъ Америки доходили неотрадныя вѣсти о первыхъ неудачахъ дѣла колонизаціи, о неправильныхъ или неразумныхъ дѣйствіяхъ комитетовъ вспомоществованія и т. п., если вспомнить, что въ средѣ самихъ русскихъ евреевъ господствовалъ разладъ и споръ по поводу того, куда направлять переселенцамъ свои стопы—въ Америку или Палестину, при чемъ за послѣднюю ратовали и крайніе ортодоксы, и возмечтавшіе о новой республикѣ юноши—и многое другое, что препятствовало эмиграціи, — то неудивительно, что она не удалась, вообще. Тѣмъ не менѣе, около 15 тысячъ человѣкъ было отправлено въ Америку, нѣсколько тысячъ возвращено въ Россію и 2 — 3 тысячи разселено по разнымъ государствамъ Европы, — все это при помощи европейскихъ еврейскихъ общинъ. Въ Палестинѣ также образовались нѣкоторыя поселенія русскихъ евреевъ, но больше эмигрируютъ въ св. землю румынскіе евреи.

По разнымъ причинамъ, здѣсь не можетъ быть разсказана

подробно исторія эмиграціи; для этого еще не настало время, и нѣтъ еще полныхъ матеріаловъ для безпристрастнаго и правильнаго отношенія къ этому вопросу, еще такъ недавно слишкомъ волновавшему насъ... Точно также нельзя еще окончательно судить объ участи новыхъ еврейскихъ колоній въ Америкѣ и Палестинѣ: онѣ еще только устраиваются. Но по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, особенно изъ Америки, видно несомнѣнно, что желающіе и умѣющіе работать найдутъ въ новомъ отечествѣ болѣе свободное и благодарное поприще, чѣмъ въ Россіи при нынѣшнихъ условіяхъ.

Кромѣ этой, сравнительно весьма небольшой кучки спасшихся бѣгствомъ, огромнѣйшее большинство еврейскаго населенія осталось, разумѣется, въ «чертѣ постоянной осѣдлости», чтобъ испить чашу народныхъ и правительственныхъ гоненій до дна... Въ іюнѣ эмиграція была формально запрещена новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Толстымъ, и облегчено возвращеніе въ Россію желающимъ. Во всей странѣ русско-еврейской наступили *будни*,—унылые и мрачные, когда вся жизненная сила, вся, такъ сказать, цѣпкость евреевъ, остроуміе и ловкость потребовались на то, чтобъ сколько нибудь приспособиться къ новымъ, измѣнившимся и ухудшившимся условіямъ жизни,—на то, чтобъ расхлебать кашу, которую заварили народные политики. Это мелкая, кропотливая работа, какая всегда выпадаетъ на долю пострадавшихъ послѣ какого-либо несчастія,—пожара, наводненія, или нападенія шайки грабителей... Тутъ идетъ счетъ понесеннымъ потерямъ, собираніе того, что́ уцѣлѣло, новыя заботы о насущномъ хлѣбѣ для разоренной семьи... Далѣе, весьма значительная часть евреевъ должна была заняться *внутреннимъ*, если можно такъ выразиться, примѣненіемъ къ себѣ и приведеніемъ въ исполненіе временныхъ правилъ 3-го мая, съ обнародованнымъ потомъ чрезъ министра финансовъ 5-мъ пунктомъ... Надо было пріискать новыя занятія, новые источники къ жизни, — или же обойти законъ... Предъ этой нетерпящею никакого отлагательства задачею отступили на задній планъ всѣ остальные еврейскіе вопросы: общиннаго устройста и управленія, народнаго образованія, духовно-религіозные и т. д. Общинныя дѣла пришли въ еще большій безпорядокъ и запустѣніе, чѣмъ были раньше. Народъ замѣтно

обѣднѣлъ повсемѣстно, вслѣдствіе общаго застоя въ дѣлахъ и новыхъ ограниченій; отношенія къ такъ называемому коренному, т. е. христіанскому населенію, на долго ухудшились. О «сліяніи» или даже сближеніи, которое было бы такъ полезно для обоихъ народовъ—перестали пока и думать. Такимъ образомъ, еврейская жизнь, въ общемъ и въ частностяхъ, ухудшилась во всѣхъ отношеніяхъ; и все, чтó такъ затрудняло всегда дѣйствительное и окончательное рѣшеніе еврейскаго вопроса, — какъ-то: огромная масса бѣдныхъ, неспособныхъ ни къ какому производительному труду, или ненаходящихъ его, отчужденность отъ остальнаго населенія, излишняя привязанность къ странѣ и т. д. — все это теперь существуетъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, благодаря прожитымъ нами двумъ роковымъ годамъ, подъ управленіемъ народныхъ политиковъ. Однимъ словомъ,—мы стоимъ теперь предъ болѣе чѣмъ когда либо труднымъ, сложнымъ и запутаннымъ, до боли мучительнымъ *еврейскимъ вопросомъ*!...

М. О.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Апрѣль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1883.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РАББИ-АМНОНЪ.

Синагогальное преданіе *.

(Посвящается моей матери).

(Продолженіе).

III.

Ужъ трижды предъ ясной, румяной зарей
Бѣжали дрожащей, пугливой толпой
И таяли тѣни ночныя;
Ужъ трижды въ сіяньи лазурнаго дня,
Блѣднѣла и гасла на небѣ заря...
Минули три дня роковые,

—

Три дня и три ночи чредою ушли,
Ушли безвозвратно... Ужасные дни,
Мучительно—страшныя ночи
Провелъ истомленный, безсильный старикъ,—
Не ѣлъ и не пилъ онъ, и сномъ ни на мигъ
Его не смыкалися очи...

—

* См. „Восходъ", кн. I—II.

Ужасна была та борьба... Чередой
Ползутъ изъ-за горъ отдаленныхъ толпой
Угрюмыя тучи, и воетъ
Неистово вѣтеръ, и буря реветъ,
И черными крыльями волны сѣчетъ,
И бездны кипучія роетъ....

—

И молніи блещутъ... Все гуще, тѣснѣй
Смыкаются тучи, и мгла все чернѣй....
Смѣлѣе, о кормчій! Смѣлѣе!...
Но вырвало парусъ изъ рукъ удалыхъ....
Онъ ловитъ его.... Но стихій роковыхъ
Могучая воля сильнѣе....

—

Онъ долго тѣмъ парусомъ утлый свой челнъ
Водилъ средь клокочущихъ, бѣшеныхъ волнъ
И смѣлой, отважной рукою
Рулемъ управлялъ онъ... Когда-жъ, наконецъ,
Завѣтную пристань усталый пловецъ
Увидѣлъ вблизи предъ собою,—

—

Ужели теперь, въ часъ послѣдней борьбы,
Падетъ онъ покорно предъ волей судьбы,
Упорной, слѣпой, безотвѣтной?!...
Смѣлѣе, о кормчій!... Смѣлѣе впередъ,
Чрезъ цѣпь испытаній, сквозь бездну невзгодъ,
Съ торжественной пѣснью побѣдной!...

—

И онъ побѣдилъ!...

* * *

День урочный насталъ;
Курфирстъ до полудня отвѣта все ждалъ
И шлетъ онъ со строгимъ приказомъ,
Чтобъ въ замокъ тотъ-часъ рабби-Амнонъ пришелъ,
Но въ третій ужъ разъ возвратился посолъ
Отъ старца съ упорнымъ отказомъ...

—

И грозно воскликнулъ тогда властелинъ:
„Какъ видно, въ упорствѣ со мною, одинъ
Старикъ состязаться желаетъ!....
Кто смѣетъ противиться волѣ моей?
На площадь безумца! На площадь скорѣй!
Тамъ силу мою онъ узнаетъ!....“

* * *

...Вся площадь покрыта народомъ... Блестятъ
Уборы коней и доспѣхи солдатъ,
Облиты лучами златыми;
Въ коронѣ курфирстъ; рядомъ молча стоитъ
Въ святомъ облаченьи церковный синклитъ....
И старецъ предсталъ передъ ними.

—

Волнистыя кудри сребристымъ вѣнцомъ
Объемлютъ чело его... Мрачнымъ огнемъ
Тревожные взоры сверкаютъ...
Безмолвно стоитъ онъ, поникнувъ главой,

Лишь бровь шевелится, да трепетъ порой
По сжатымъ губамъ пробѣгаетъ...

—

Зловѣщъ и ужасенъ былъ герцога взоръ,—
Въ немъ мести горѣлъ роковой приговоръ,
И страшное грозное слово
Змѣей шевелилось въ груди у него,
И мигомъ изъ устъ поблѣднѣвшихъ его
Ужъ вырваться было готово....

—

Но молвилъ онъ, бурный свой гнѣвъ затая:
„Привѣтъ тебѣ, старецъ!.. Привѣтъ отъ меня
Пріими ты подъ небомъ открытымъ:
Ты въ замокъ прійти отказался, и я,
Не помня, какъ видишь, обидъ для себя,
Самъ, съ цѣлымъ священнымъ синклитомъ

—

„И воиновъ славныхъ блестящей толпой—
Явился сюда на свиданье съ тобой....
Скажи-жъ....." И не кончилъ. Вздрогнули
Могучія плечи, и страшнымъ огнемъ,
Какъ часто бывало въ пылу боевомъ,
Свирѣпыя очи сверкнули,

—

И въ жадномъ движеньи—быстра и легка,
Змѣею къ бедру проскользнула рука
И мигомъ за мечь ухватилась...
Раздался въ толпѣ чей-то сдержанный крикъ....

Но тихо вдругъ голову поднялъ старикъ.
Могучая сила свѣтилась

—

Во взорѣ его, и безстрашенъ и гордъ,
Онъ выпрямилъ станъ свой, и—звученъ и твердъ—
Изъ устъ его голосъ раздался...
Онъ молвилъ: „Внемли, государь! Въ этотъ часъ
Съ далекаго неба взираетъ на насъ
Тотъ Богъ, чьей рукой направлялся

—

„Донынѣ мой шагъ... Не шелковой травой
Покрытъ былъ мой путь... Не звѣздой золотой,
Не алой зарей засвѣтилась
Мнѣ доля моя... Сиротой родилась,
Съ сумой по житейской дорогѣ плелась
И лишь подаяньемъ кормилась...

—

„Однимъ я на свѣтѣ богатствомъ владѣлъ
И имъ лишь до гроба владѣть я хотѣлъ
И въ гробъ унести за собою:
То—сладостный міръ непорочной души,
То—жизнь, какъ ручей въ безпросвѣтной глуши,
Текущая тихой струею...

—

„Ничтоженъ ручей предъ широкой рѣкой,
Играющей, плещущей звонкой волной,
Предъ горнымъ потокомъ, что съ воемъ
И ревомъ, клокоча, катится со скалъ....

Но я вѣдь ручьемъ лишь остаться желалъ,—
Я счастливъ былъ свѣтлымъ покоемъ

—

„И миромъ души безмятежной своей...
О, герцогъ! зачѣмъ-же ты отнялъ у ней
Послѣднюю жизни отраду?...
Зачѣмъ ты у нищаго отнялъ суму?...
И что-же взамѣнъ ея дашь ты ему,
Какую назначишь награду?

—

„Богатство-ли замковъ, палатъ и дворцовъ,
Чтó прячутся въ зелени пышныхъ садовъ,
Живой, изумрудной каймою
Объемлющихъ скаты прирейнскихъ холмовъ?...
Могущество-ль власти, мильоны-ль рабовъ,
Подъ властною взросшихъ рукою?...

—

„Нѣтъ, нѣтъ!... Ни богатства, ни власти.... Отдай,
Отдай мнѣ покой мой, отдай мнѣ мой рай,
Блаженство души безмятежной!....
Три дня... О, то были три вѣка!.. Когда-бъ
Ты зналъ, какъ страдалъ я!... О герцогъ, я—рабъ,
Я—нищій.... Рукою небрежной

—

„Играешь ты жизнью ничтожной моей....
Я далъ обѣщанье!... Ты властью своей
Исторгнулъ его!... Я нарушу
Невольное слово... Въ ужасный я мигъ

Промолвилъ его... О, отрѣжь мой языкъ,
Оставь лишь нетронутой душу!...

—

„Она не моя! Я не властенъ надъ ней,
И нѣтъ для нея ни темницъ, ни цѣпей,
Какъ птичка свободная въ полѣ
Не знаетъ предѣловъ... И—вѣры полна—
Иному внимаетъ глаголу она,
Покорна иной она волѣ!...“

—

Вскипѣлъ властелинъ, задрожалъ, поблѣднѣлъ
И, точно подстрѣленный звѣрь, заревѣлъ:
„Довольно, безумецъ лукавый!....
Тебѣ-ли судить?... Мнѣ не нуженъ языкъ,
Нужны твои ноги, преступный старикъ...
И правъ будетъ судъ мой кровавый:

—

„Нужны мнѣ тѣ ноги, что въ замокъ ко мнѣ
Тебя привести отказались... Онѣ
Нужны мнѣ... Я твердо и смѣло
Рѣшилъ!...“
И махнулъ палачу онъ рукой,—
И скоро предъ замершей въ страхѣ толпой
Свершилось кровавое дѣло....

—

Помостъ и палачъ... Дико-блещущій взоръ...
Рука поднялась... Глухо стукнулъ топоръ...

Кровь брызнула... стонъ . . . .

. . . .

И хоромъ запѣли: „Во имя Отца
И Сына, и Духа Святого...."

. . . .

IV.

. . . .

„...Не плачьте, не плачьте родные мои!
Слезами участья, слезами любви
Не смыть вамъ позорныя пятна
Съ моей истомленной, преступной души.
Въ крови мое тѣло, и совѣсть въ крови—
Погибъ я, погибъ безвозвратно!...

—

„Развалиной страшной лежатъ предо мной
Былыя надежды, и скорбный, нѣмой,
Надъ ней чей-то образъ витаетъ...
То ангелъ покоя и мира паритъ,
Съ безумной тоскою мнѣ въ очи глядитъ,
Въ отчаяньи руки ломаетъ....

—

„Ахъ, поздно ужъ, поздно!... Минуты пройдутъ—
Закроются очи, на вѣки замрутъ
Уста для молитвъ и проклятій...
Внемлите-жъ тому, что въ предсмертный свой часъ,

Покуда сознанія лучъ не погасъ,
Я вамъ заповѣдаю, братья!...

—

„Двѣнадцать вѣковъ подъ кипучей грозой,
Истерзаны долгой, тяжелой борьбой,
Измучены вѣчной тревогой,
Съ убогой котомкой на старыхъ плечахъ
И посохомъ въ слабыхъ, усталыхъ рукахъ,
Идемъ мы завѣтной дорогой...

—

„Не съ острымъ мечемъ, не въ кольчугѣ стальной
Мы къ лютымъ врагамъ выходили на бой,
Трубами дружины скликая,
Нѣтъ, въ сѣчахъ кипучихъ, въ огнѣ боевомъ,
Намъ божіе слово служило мечемъ,
Кольчугою—правда святая.

—

„Мы много въ бою потеряли бойцовъ;
Слѣды нашихъ ногъ—милліоны гробовъ,
Гдѣ спятъ наши бѣдные братья...
Ихъ много погибло—и старцевъ сѣдыхъ,
И юношей, къ жизни, въ порывахъ святыхъ,
Съ мольбой простиравшихъ объятья.

—

„И много погибнетъ еще впереди
Съ мольбой на устахъ и тоскою въ груди...
Но часъ искупленья настанетъ!...
Изъ мрачныхъ гробницъ, изъ забытыхъ могилъ

Подымутся—новыхъ исполнены силъ—
Господніи рати,—и грянетъ

—

„Послѣдняя битва!... О, братья мои!
Храните-жъ святые доспѣхи свои,
Острѣе мечи наточите....
И пусть я умру съ твердой вѣрой въ груди,
Что вы остаетесь на вѣрномъ пути
И путь тотъ съ успѣхомъ свершите!....

—

„Теперь-же... Но часъ мой урочный ужъ бьетъ...
Отъ слезъ и молитвъ, отъ надеждъ и заботъ
Пора собираться въ дорогу,—
Въ дорогу съ послѣдней мольбой на устахъ...
Не здѣсь.... а въ священныхъ Господнихъ стѣнахъ....
Несите-жъ меня въ синагогу...."

С. **Фругъ**.

(*Окончаніе будетъ*)

ІУДАИЗМЪ КАКЪ РАСА И КАКЪ РЕЛИГІЯ.

Рѣчь, читанная въ кружкѣ „Saint-Simon“ 27 января 1883 года. *

Милостивые государи!

Вашъ благосклонный пріемъ трогаетъ меня болѣе, чѣмъ я могу это выразить. Торжественность этой трибуны нѣсколько смущаетъ меня. Я согласился говорить сегодня вечеромъ передъ вами съ условіемъ, чтобы наша бесѣда была простымъ обмѣномъ мыслей, безъ всякихъ ораторскихъ красотъ. Эти приготовленія къ стенографіи пугаютъ меня: я хотѣлъ только нѣкоторымъ образомъ думать вслухъ о предметахъ, къ которымъ мои изысканія относились чаще всего въ послѣднее время. Я прошу вашего снисхожденія къ изложенію, которое должно было быть, какъ думалъ я, простою бесѣдою и которое, благодаря вашей готовности принять въ немъ участіе, превращается въ конференцію. Предметъ говоритъ самъ за себя и поддержитъ меня.

Я желалъ бы обмѣняться съ вами нѣкоторыми мыслями касательно различія, которое слѣдуетъ дѣлать, по моему мнѣнію, между вопросомъ религіознымъ и вопросомъ этнографическимъ, когда рѣчь идетъ о іудаизмѣ. Что іудаизмъ есть религія—и великая религія, ясно какъ день. Но обыкновенно заходятъ дальше; разсматриваютъ іудаизмъ какъ расу. Говорятъ: «іудейская раса». Полагаютъ, словомъ, что іудейскій народъ, первоначально создавшій эту религію, хранилъ ее всегда исключительно для себя. Ясно видно, что христіанство въ извѣстную

---

* Просимъ читателя не забывать, что авторъ офиціально принадлежитъ къ христіанскому исповѣданію. *Ред.*

эпоху выдѣлилось изъ іудейства, но тѣмъ не менѣе охотно допускаютъ мысль, что этотъ маленькій народъ-творецъ всегда оставался тѣмъ же народомъ и что еврей по религіи долженъ быть непремѣнно еврей и по крови. До какой степени это справедливо? Насколько этотъ взглядъ долженъ быть измѣненъ? Это мы и разсмотримъ. Но прежде позвольте мнѣ поставить этотъ вопросъ ясно посредствомъ сравненія.

Есть въ Бомбеѣ малоизвѣстная религія парсовъ, древняя религія персовъ. Относительно этой религіи вопросъ вполнѣ ясенъ. Парсизмъ, съ самаго своего возникновенія, религія національная и охраняемая расою, повидимому, болѣе или менѣе однородною (homogène). Я не думаю, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, когда-либо существовало обращеніе въ парсизмъ. Вотъ случай, гдѣ понятіе о религіи совпадаетъ съ понятіемъ о расѣ.

Возьмемъ, наоборотъ, протестантизмъ въ странѣ наименьшаго его распространенія, во Франціи. Здѣсь случай совершенно обратный, не носящій этнографическаго характера. Почему данный человѣкъ протестантъ? Потому что предки его были протестанты. А почему предки стали протестантами? Потому что умственное и нравственное настроеніе ихъ въ 16-мъ вѣкѣ было таково, что̀ привело ихъ къ принятію реформированнаго христіанства. Этнографія здѣсь ни причемъ, и напрасно стали бы утверждать, что расовыя причины побудили ихъ сдѣлаться протестантами. Это была бы ужъ слишкомъ большая натяжка, или, по крайней мѣрѣ, соображенія другаго порядка, чѣмъ тѣ, которыя насъ теперь занимаютъ.

Въ парсизмѣ же, напротивъ, несомнѣнно есть этнографическій характеръ, потому что—повторяю—въ той маленькой религіозной общинѣ, замкнутой въ Бомбеѣ, духъ прозелитизма очень слабо развитъ.

А каково положеніе іудаизма? Представляетъ ли онъ нѣчто аналогичное съ протестантизмомъ или, можетъ быть, это религія, этнографическая, подобно парсизму? Вотъ вопросъ, о которомъ я хотѣлъ бы вмѣстѣ съ вами подумать сегодня.

Есть коренной принципъ, милостивые государи, на которомъ я долго не буду останавливаться, такъ какъ говорю предъ людьми, находящимися на высотѣ современной науки; принципъ, о кото-

ромъ здѣсь рѣчь, есть азбука науки религій: это — различіе между религіями національными, или мѣстными, и религіями всемірными.

Есть три всемірныя религіи: вопервыхъ, буддизмъ, или, лучше сказать, гиндуизмъ, ибо намъ теперь ясно, что до буддистской пропаганды существовала пропаганда гиндусская. Древніе памятники Индо-Китая не буддійскаго происхожденія; они принадлежатъ браманистамъ: буддизмъ появился тамъ гораздо позже. Но только въ формѣ буддизма — мы это признаемъ — религія гиндусовъ была завоевательной. Вторая изъ всемірныхъ религій—христіанство, третья—исламизмъ. Вотъ три великія религіи, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего этнографическаго: всѣ расы имѣютъ христіанъ, мусульманъ и буддистовъ. Мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, приблизительно, время появленія въ мірѣ каждой изъ этихъ трехъ религій. Буддизмъ восходитъ за четыре или пятьсотъ лѣтъ до Р. Х.; періодъ великихъ завоеваній его наступаетъ позже. Что же касается христіанства и исламизма, то нѣтъ никакого сомнѣнія относительно эпохи ихъ возникновенія.

Но кромѣ этихъ всемірныхъ религій, существовали еще тысячи мѣстныхъ и національныхъ религій. Аѳины имѣли свою религію, Спарта — свою; всѣ народы древности и всѣ отдѣльныя мѣстности древняго міра имѣли собственныя свои религіи. Это одна изъ идей, наиглубже коренящихся въ древности. Во второмъ и третьемъ столѣтіяхъ нашей эры Цельзій и противники христіанства утверждали постоянно, что каждая страна имѣетъ своихъ боговъ, которые покровительствуютъ ей и принимаютъ участіе въ ея судьбахъ.

Эта идея древности весьма наивно выражена во второй книгѣ Царей, гдѣ говорится о нуѳеянахъ, уведенныхъ въ Самарію ассиріянами. По дорогѣ постигаютъ ихъ несчастія: на нихъ нападаютъ львы, въ которыхъ они видятъ эмиссаровъ мѣстнаго бога, недовольнаго тѣмъ, что ему не служатъ привычнымъ для него образомъ. Они посылаютъ ассирійскому правительству просьбу приблизительно слѣдующаго содержанія: «Мѣстный богъ гнѣвается на насъ за то, что мы не служимъ ему такъ, какъ ему это желательно. Пришлите намъ жрецовъ,

которые научили бы насъ. какъ удовлетворить его.» Вотъ идея совершенно противоположная, конечно, идеѣ христіанства и буддизма: богъ въ этомъ случаѣ исключительно мѣстный и національный.

Всѣ національныя религіи погибли. Человѣчество все болѣе и болѣе стало ощущать потребность въ религіи всемірной объясняющей человѣку его общія обязанности и стремящейся открыть человѣчеству тайну его судебъ. Программа національныхъ религій была болѣе ограниченная: патріотизмъ, усиленный тою идею, что каждая страна имѣетъ своего генія, который бодрствуетъ надъ нею и которому должно служить извѣстнымъ образомъ. Эта узкая теологія совершенно исчезла. Она исчезла предъ идеею христіанства, буддизма и исламизма. Это былъ громадный шагъ впередъ. Въ исторіи цивилизованныхъ націй я вижу только два примѣра сохранившихся до настоящаго времени національныхъ религій: во первыхъ, парсизмъ, (нужно еще прибавить, что для своихъ послѣдователей парсизмъ представляется во многихъ отношеніяхъ всемірною религіею), и іудаизмъ, который, съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ быть разсматриваемъ какъ религія одной страны, страны Израиля, или Іудеи, сохраненная потомками обитателей этой страны.

И такъ, повторяю, вопросъ этотъ требуетъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія. Не подлежитъ абсолютно никакому сомнѣнію, что израильская религія, іудаизмъ, была первоначально національности религіей. Это религія «бени-Израэль», которая въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ существенномъ ничѣмъ не отличалась отъ религій сосѣднихъ народовъ, напр. Моавитянъ. Іаве, богъ израильтянъ, покровительствуетъ Израилю, какъ богъ моавитянъ покровительствуетъ Моаву. Мы теперь, благодаря открытію надписи царя Меcха (Méscha), хранящейся въ Луврѣ, прекрасно знаемъ, въ чемъ проявлялось религіозное чувство моавитянъ. Въ этой надписи царь IX вѣка до Р. Х. даетъ намъ, нѣкоторымъ образомъ, свою религіозную исповѣдь. Я увѣренъ, что воззрѣнія Давида были почти тѣ же. Существуетъ тѣсная связь между Меcха и его богомъ Хамосомъ. Хамосъ входитъ во всѣ обстоятельства жизни царя, даетъ ему приказанія, совѣты. Всѣ

побѣды одерживаетъ Хамосъ. Царь приноситъ ему отборныя жертвы и повергаетъ къ стопамъ его священные сосуды побѣжденныхъ боговъ. Онъ вознаграждаетъ бога пропорціонально полученной услугѣ; это религія займа-платежа. Несомнѣнно, что и религія Израиля долгое время была религіею эгоистичной, своекорыстной, религія бога частнаго, Іаве.

Что было причиною тому, что этотъ культъ Іаве сталъ общею религіею цивилизованнаго міра? Это достигнуто пророками около восьмого вѣка до Р. Х. Вотъ истинная слава Израиля. У насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы у сосѣднихъ народовъ, болѣе или менѣе родственныхъ израильтянамъ, напр., у финикіянъ, существовали пророки. Были у нихъ, конечно, свои «наби», съ которыми совѣтовались, если теряли осла или желали открыть какую нибудь тайну. То были чародѣи. Совсѣмъ другое дѣло «наби» израильскіе: это были основатели чистой религіи. Эти люди—самый выдающійся изъ нихъ Исаія — появляются въ восьмомъ вѣкѣ до Р. Х. Это отнюдь не жрецы. Они провозглашаютъ, что „жертвы безполезны: онѣ не доставляютъ богу никакого удовольствія; какъ можете вы быть такого низкаго мнѣнія о божествѣ, чтобы не понимать, что ему противенъ непріятный запахъ сожигаемаго жира? будьте справедливы; служите Богу съ чистыми руками,—вотъ какого служенія онъ требуетъ отъ васъ“. Не думаю, чтобы во время царя Месха или царя Давида вдавались въ такія разсужденія. Въ ихъ время религія была ничто иное, какъ взаимный обмѣнъ услугами и почестями между богомъ и его служителемъ. Пророки, напротивъ, возвѣщаютъ, что тотъ истинный служитель божій, кто дѣлаетъ добро. Религія становится, такимъ образомъ, чѣмъ-то всемірнымъ; она проникается идеею справедливости, и израильскіе пророки представляютъ собою поэтому самыхъ экзальтированныхъ трибуновъ изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ, трибуновъ тѣмъ болѣе строгихъ, что ихъ не утѣшаетъ будущая жизнь, а потому справедливость должна царить здѣсь, на землѣ.

Это единственное въ мірѣ явленіе чистой религіи. Вы видите, что въ подобной религіи, дѣйствительно нѣтъ ничего національнаго. Народъ, служащій, Богу создавшему небо и землю,

Богу любящему добро и наказывающему зло (послѣднее было довольно трудно доказать безъ идеи о загробной жизни, — но всякъ выходилъ изъ затрудненія какъ могъ), народъ, создающій такую религію, видитъ въ своемъ божествѣ не національнаго бога, а бога человѣческой совѣсти вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Великіе творцы эти послѣдовательны въ своей доктринѣ и въ своей послѣдовательности они непремѣнно дошли бы до уничтоженія жертвоприношеній и храма. Непремѣнно дошли бы — что я? они и дошли до этого; основатели христіанства суть послѣдніе представители пророческаго духа. И христіанство провозглашаетъ, что жертвоприношенія совершенно устарѣли и не должны существовать по духу религіи.

Что касается храма, то основателя христіанства упрекали въ томъ, что онъ проповѣдывалъ противъ него. Дѣйствительно ли онъ это дѣлалъ?—Мы этого никогда не узнаемъ. Подоспѣвшій случай, такъ сказать, разсѣкъ вопросъ: римляне разрушили храмъ. Это разрушеніе было безмѣрнымъ счастіемъ, ибо сомнительно, удалось ли бы еще христіанству освободиться вполнѣ отъ храма, если бы храмъ продолжалъ существовать.

Повторяю, первымъ основателемъ христіанства былъ Исаія, около 725 лѣтъ до Р. Х. Введя въ израильскій міръ понятія о религіи, нравственности и идеѣ справедливости и отведя на второй планъ жертвоприношенія, Исаія опередилъ Іисуса Христа на семь столѣтій. Съ идеей чистой религіи связывается у пророковъ понятіе о чемъ-то въ родѣ золотого вѣка, который имъ ужъ видится въ будущемъ. Основная идея Израиля есть возвѣщеніе блестящей будущности всему человѣчеству, когда справедливость будетъ царствовать на землѣ, когда исчезнутъ грубые идолопоклонническіе культы низшаго разбора. Это выражено въ подлинныхъ частяхъ книги Исаіи. Вы знаете, что произведенія этого пророка подлежатъ строгому анализу: послѣднюю часть книги, приписываемую ему, относятъ къ эпохѣ послѣ плѣненія. Но тѣ главы, которыя я имѣю въ виду, 11, 19, 23, 32 безспорно принадлежатъ самому Исаіи, а въ этихъ именно главахъ всего болѣе настаивается на необходимости обращенія язычниковъ Египта, Тира и Ассиріи.

И такъ идолопоклонство исчезнетъ съ земли, благодаря народу

іудейскому; народъ іудейскій будетъ чѣмъ-то въ родѣ знамени, которое явится народамъ востока и вокругъ котораго они соединятся. Слѣдовательно, мессіанскій или сивиллическій идеалъ сложился еще до вавилонскаго плѣненія. Израиль мечтаетъ о будущности полной счастья для всего человѣчества, о совершенномъ царствѣ, столицею котораго будетъ Іерусалимъ, куда стекутся всѣ народы для поклоненія Превѣчному. Ясно, что это не національная религія. Безспорно, во всемъ этомъ проглядываетъ отчасти національная гордость; но гдѣ же то историческое произведеніе, которое не грѣшило бы этимъ? Идея, какъ видите, прежде всего всемірная, а отсюда къ пропагандѣ, къ проповѣди одинъ шагъ. Люди въ то время не такъ легко отдавались проповѣди, какъ это было позже, во время христіанскаго апостольства. Только съ римскою имперіею стали возможны посланія св. Павла, сношенія церквей между собою. Но тѣмъ не менѣе, идея всемірной религіи зародилась вполнѣ въ нѣдрахъ древняго Израиля. Еще энергичнѣе проявляется эта идея въ сочиненіяхъ періода плѣненія. Столѣтіе, послѣдовавшее за разрушеніемъ Іерусалима, было для іудейскаго генія эпохою чудеснѣйшаго расцвѣта. Припомните прекрасныя главы, помѣщенныя въ концѣ книги Исаіи: «Встань, возсіяй, Іерусалимъ, ибо сіяніе божіе подымается надъ тобою»; припомните еще образъ Захаріи: «Настанетъ день, когда по 10 человѣкъ каждаго языка ухватятся за полы платья іудея и скажутъ ему: веди насъ въ Іерусалимъ, — только тамъ приносятся настоящія жертвы, единственныя, которыя принимаетъ Превѣчный». Свѣтъ, такимъ образомъ, произойдетъ отъ народа іудейскаго и наполнитъ весь міръ. Въ подобной идеѣ нѣтъ ничего этнографическаго; она въ высшей степени универсальна, и очевидно, что народъ, превозглашающій ее, призванъ къ роли, далеко превосходящей предѣлы узкаго національизма. Что же такое повліяло на эту расу въ долгій періодъ между господствомъ персовъ (около 530 лѣтъ до Р. Х.) до Александра? Это намъ неизвѣстно. Происходили ли за этотъ періодъ въ Израилѣ частыя этническія смѣшенія? Утверждать это было бы слишкомъ смѣло; но, съ другой стороны, трудно не допустить такой возможности. Въ эпоху полной дезорганизаціи дол-

женъ былъ произойти не одинъ проломъ въ стѣнѣ, окружавшей Израиля. Я усматриваю одинъ только фактъ, говорящій не въ пользу этого предположенія. Это глубокое отвращеніе, обнаруживаемое пророками Неемією и Ездрою, къ смѣшаннымъ бракамъ, — это у нихъ idée fixe. Весьма вѣроятно, что въ толпахъ іудеевъ, возвращавшихся съ востока, было больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ; это обстоятельство могло привести къ бракамъ эмигрантовъ съ женщинами сосѣднихъ племенъ. Съ религіозной точки зрѣнія подобные браки недозволены, но именно это строгое запрещеніе дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ существованіе этихъ браковъ въ весьма широкихъ размѣрахъ.

Не меньшее значеніе имѣетъ разсказъ о царствѣ самарійскомъ, которое послѣ разрушенія его ассиріянами, было населено, по преданію, иностранцами. Здѣсь кроется, по всей вѣроятности, нѣкоторое преувеличеніе. Страна, по разсказамъ книгъ Царей, превратилась въ пустыню, что весьма невѣроятно. Не подлежитъ, однакожъ, никакому сомнѣнію, что поселенцы, приведенные ассиріянами, внесли въ израильскую массу чуждые ей элементы.

Разсмотримъ эпохи греческую и римскую, періодъ полнѣйшаго развитія іудейскаго прозелитизма. Это также одинъ изъ моментовъ, когда этнографія іудейскаго народа, заключенная дотолѣ въ самыхъ тѣсныхъ рамкахъ, окончательно расширяется и принимаетъ массу чуждыхъ элементовъ. Я говорю предъ собраніемъ, которое настолько знакомо съ вопросомъ, что мнѣ не приходится останавливаться на подробностяхъ. Всѣмъ извѣстно, какъ дѣятельна была іудейская пропаганда въ греческую эпоху въ Антіохіи и въ Александріи.

Что касается Александріи, то я желалъ бы обратить ваше вниманіе на одно мѣсто изъ Іосифа, которое всегда казалось мнѣ любопытнымъ. Въ VII книгѣ «Іудейскихъ Войнъ», (глава III, § 3) Іосифъ, говоря о чрезвычайномъ благоденствіи іудейства въ Антіохіи, замѣчаетъ (я буквально перевожу его слова):

«Обративши значительное число эллиновъ въ свою вѣру, они приняли ихъ въ свою общину».

Здѣсь, слѣдовательно, рѣчь идетъ не только о людяхъ, ведущихъ іудейскій образъ жизни, какъ это было позже въ

Римѣ, о прозелитахъ необрѣзанныхъ, — нѣтъ, это эллины, обратившіеся въ большомъ числѣ въ іудейство и принадлежащіе къ синагогѣ. Это и не полуіудеи, какими были іудействующіе изъ дома Флавіевъ, но люди, становящіеся вполнѣ іудеями и принимающіе капитальный актъ, который всецѣло вводитъ ихъ въ іудейство, — актъ обрѣзанія.

Въ Александріи дѣло происходило совсѣмъ иначе. Конечно, іудейская церковь въ Александріи рекрутировалась въ весьма большомъ числѣ изъ населенія египетско-эллинскаго; еврейскій языкъ былъ тамъ скоро забытъ. Въ Александріи создается громадное количество книгъ для пропаганды, опередившей христіанство,—всѣ эти сивиллины книги, эти ложно-классическіе авторы, предназначенныя для проповѣди монотеизма. Хотѣли во что бы то ни стало обратить язычниковъ. Въ своей ревности пропагандисты нашли удобнымъ приписать древнимъ писателямъ, пользовавшимся авторитетомъ, произведенія, наставляющія къ добру. Такъ возникли псевдо-Фокилидъ, псевдо-Гераклитъ, долженствовавшіе проповѣдывать смягченный іудаизмъ, сведенный къ чему-то въ родѣ натуральной религіи.

Фактъ этой необыкновенной пропаганды іудаизма отъ 150 г. до Р. Х. до второго вѣка нашей эры неоспоримъ. Но, скажете вы, кто доказываетъ слишкомъ многое, не доказываетъ ничего. Для іудейства результатъ этого прозелитизма былъ болѣе религіозный, чѣмъ этнографическій. Люди, такимъ образомъ обращенные, очень рѣдко подвергались обрѣзанію. То, что называлось въ Римѣ „vitam judaicam agere“ было простое празднованіе субботы и признаніе іудейской морали. Люди, „боящіеся Бога“, metuentes, σεβόμενοι, judaei improfessi, не остались іудеями; для нихъ іудейство было лишь переходною ступенью къ христіанству.

Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе изъ этихъ эллиновъ, усвоившихъ еврейскій образъ жизни безъ обрѣзанія, въ послѣдствіи перешли въ христіанство; они послужили первоначальною почвою христіанству. Но вѣрно, однакоже, и то, что большая часть изъ нихъ обратилась въ настоящихъ іудеевъ.

Мы видѣли доказательство тому въ приведенномъ нами мѣстѣ изъ Іосифа. Я могъ бы привести еще много фактовъ, на-

іпримѣръ, тотъ фактъ, что женщины Дамаска, по словамъ Іосифа, очутились въ одно время всѣ еврейками. Сирія была театромъ безмѣрной пропаганды. Ученый собратъ мой Жозефъ Деренбургъ установилъ это вполнѣ. У насъ есть прямыя доказательства тому касательно Пальмиры, Итуріи и Горана. Весьма распространена исторія Елены, королевы Адіабена, обратившейся въ іудейство со всѣмъ своимъ семействомъ. Весьма вѣроятно, что большая часть населенія послѣдовала примѣру династіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ не о простыхъ ὀσσεβεῖς, о людяхъ, „расположенныхъ къ іудеямъ", но объ іудеяхъ въ полномъ смыслѣ слова, іудеяхъ обрѣзанныхъ. Если бы кто и отрицалъ значеніе обращенія въ іудаизмъ въ римскихъ и греческихъ странахъ, то онъ никакъ бы не могъ это сдѣлать относительно востока и въ особенности Сиріи. Въ Пальмирѣ, напримѣръ, надписи носятъ явно іудейскій характеръ.

Династіи Асмонеевъ и Иродовъ способствовали много тому великому факту, который увлекъ въ іудейство массу сирійскихъ элементовъ. Асмонеи были завоевателями; силою они возстановили почти всю древнюю область Израиля. А въ этой области было много жителей, оставившихъ іудейство, было тамъ много и язычниковъ. Они были покорены Іоанномъ Гирканомъ, Александромъ Іаннеемъ и принуждены совершить обрѣзаніе. Здѣсь имѣло мѣсто довольно насильственное *compelle intrare*. При Иродахъ обращеніе происходило по другимъ мотивамъ. Семейство Иродовъ было очень богато, и выгодные браки служили приманкою для перехода въ іудейство мелкихъ князей востока, Эмиза, Киликіи, Комагена. Число обращеній здѣсь было весьма значительное, такъ что весьма трудно опредѣлить, въ какой степени Сирія была фактически оіудаивирована.

Позвольте мнѣ прочесть вамъ по этому поводу одно мѣсто изъ Іосифа въ его трактатѣ «*Противъ Апіона*», II, 39:

„Отсюда желаніе, охватившее множество людей принимать нашъ культъ, такъ что нѣтъ ни одного греческаго или варварскаго города, гдѣ бы не признавались суббота, посты, свѣтильники, различія въ пищѣ, соблюдаемыя нами. Они также стараются подражать намъ въ нашемъ согласіи, благотворительности, трудолюбіи (το φιλεργὸν ἐν ταῖς τέχναις), въ нашемъ му-

жествѣ переносить все во имя закона. Ибо удивительнѣе всего то, что, не заключая въ себѣ никакихъ соблазняющихъ удовольствій, законъ собственною силою совершилъ это чудо; и, подобно тому какъ Богъ проникаетъ вселенную, законъ проникъ всѣхъ людей. Того, кто сомнѣвается въ правдивости словъ моихъ, я приглашаю бросить взглядъ на свое отечество, на свое семейство".

Обратите вниманіе на это выраженіе: φιλεργὸν ἐν ταῖς τέχναις, „любовь, съ которою мы относимся къ ремесламъ". И дѣйствительно, евреи и христіане занимались мелкими ремеслами. То были хорошіе ремесленники. Здѣсь заключается одна изъ тайнъ великой соціальной революціи христіанства. Это было возстановленіе свободнаго труда.

Въ приведенныхъ словахъ есть нѣкоторое преувеличеніе; Іосифъ нѣсколько подверженъ этому недостатку. Но общій фактъ, отмѣченный имъ, имѣетъ свою справедливую сторону.

А вотъ и мѣсто изъ Діона Кассія, писавшаго около 225 г. Это былъ государственный человѣкъ, сенаторъ, который зналъ свое время. Онъ говоритъ объ одной изъ войнъ противъ Іудеи:

«... Страна эта, говоритъ онъ (книга XXXVII, глава 17), называется Іудеею, а ея жители — Іудеями. Я не знаю происхожденія этого второго названія; оно прилагается и къ другимъ людямъ, принявшимъ учрежденія этого народа, хотя бы они были другой расы (Καίπερ ἀλλοεθνεῖς ὄντες). Среди римлянъ много людей этого рода, и всѣ мѣры, употребляемыя къ тому, чтобы остановить распространеніе ихъ, послужили только къ ихъ размноженію, такъ что ничего болѣе не оставалось, какъ разрѣшить имъ жить по своимъ законамъ».

Это мѣсто ясно. Діонъ Кассій знаетъ, что существуютъ Іудеи по происхожденію, продолжатели древней традиціи, но что рядомъ съ нимъ есть іудеи, хотя и не по крови, но которые, однакоже, во всемъ, что касается религіозныхъ воззрѣній, сходны съ іудеями.

Безспорно, множество людей, принявшихъ монотеизмъ, оставались въ томъ видѣ деизма, полное выраженіе котораго мы находимъ въ сивиллическихъ книгахъ или въ псевдо-Фокилидѣ, любопытной маленькой книжкѣ, представляющей нѣчто въ родѣ

трактата о нравственности и написанной для язычниковъ; что-то въ родѣ христіанскаго изданія ея мы имѣемъ въ постановленіяхъ такъ называемаго іерусалимскаго собора. Смягченный іудаизмъ этотъ, созданный для употребленія язычниковъ, уничтожалъ великое препятствіе къ обращенію — обрѣзаніе. Благодаря христіанской проповѣди, онъ имѣлъ чрезвычайный успѣхъ. Но съ другой стороны, должно безусловно признать, что громадное число обращенныхъ подвергалось обрѣзанію и дѣлалось іудеями при всѣхъ условіяхъ, которыя предписываются предполагаемымъ потомкамъ Авраама.

Позвольте мнѣ прочесть вамъ мѣсто изъ Ювенала (Сат. XIV, стихи 95 и сл.), каждое слово котораго заслуживаетъ особеннаго вниманія:

Quidam sortiti metuentem sabbata patrem
Nil praeter nubes et cœli numen adorant,
Nec distare putant humána carne suillam,
Qua pater abstinuit, mox et praeputia ponunt;
Romanas autem soliti contemnere leges
Iudaicum ediscunt et servant ac metuunt jus,
Tradidit arcano quodcumque volumine Moses:
Non monstrare vias eadem nisi sacra colenti,
Quaesitum ad fontem solos deducere verpos.
Sed pater in caúsa est cui septima quaeque fuit lux
Ignava et partem vitae non attigit ullum. *

Такимъ образомъ дѣло начинается съ отца, который просто „боится Бога“ и ограничивается празднованіемъ субботы, но сынъ этого «metuens» дѣлается іудеемъ-фанатикомъ, презирающимъ все римское.

---

* Иные, рожденные отцемъ, чтущимъ субботу,
Покланяются лишь облакамъ и силѣ неба;
Не различаютъ мяса человѣческаго отъ свинины,
Которой отецъ не ѣстъ, рано совершаютъ обрѣзаніе.—
Привыкши презирать законы римлянъ,
Они наизусть учатъ законы Іудейскіе, ихъ держатся, ихъ уважаютъ:
Какъ училъ ихъ Моисей въ сокровенныхъ книгахъ,
Никому иному пути къ нимъ не указываютъ, кромѣ чтущихъ этотъ законъ
Только обрѣзанныхъ ведутъ къ завѣтному источнику.
Но виновенъ отецъ, который въ седьмой день
Лѣнивъ былъ и не принимался ни за какое дѣло.

То, что прибавляетъ Ювеналъ, есть, по всей вѣроятности клевета. Не думаю, чтобы въ эту эпоху было много іудеевъ, доходившихъ въ своемъ фанатизмѣ до того, чтобы не указать дороги человѣку, не принадлежавшему къ ихъ религіи. Впрочемъ, это не важно. Нѣтъ безупречной исторіи. Исторія іудейскаго народа одна изъ прекраснѣйшихъ, и я не жалѣю, что посвятилъ ей свою жизнь. Но я далекъ отъ того, чтобы утверждать, что эта исторія совершенно безъ пятенъ: тогда бы она была исторіею, выходящею за предѣлы человѣчества. Если бы у меня была еще вторая жизнь, я посвятилъ бы ее исторіи Греціи, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще прекраснѣе іудейской; это, нѣкоторымъ образомъ, двѣ исторіи-владычицы міра. Но если бы я писалъ исторію греческихъ народовъ, чудеснѣйшую изъ всѣхъ, я бы не упустилъ изъ виду и ея дурныхъ сторонъ. Можно восхищаться Греціею, не считая себя обязаннымъ восхищаться Клеономъ и печальными страницами въ анналахъ афинской демагогіи. Также точно, находя, что народъ іудейскій былъ, можетъ быть, самымъ необыкновеннымъ явленіемъ исторіи, нельзя въ то же время не находить, что въ его долгой жизни, какъ народа, были факты, достойные сожалѣнія.

Примемъ поэтому свидѣтельство Ювенала за чистую монету; но прослѣдимъ его разсужденіе. Зло, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что римское общество ударяется въ іудейство. Почему являются люди, отказывающіеся отъ римской традиціи, чтобы принять іудейскую? Виноваты въ этомъ тѣ, которые приняли въ началѣ іудейскіе обряды, не подвергаясь обрѣзанію. Отцы стали соблюдать субботу, были просто metuentes, людьми, «боящимися Бога». Сыновья подвергаются обрѣзанію и становятся ярыми іудеями.

Вы видите, что великая пропаганда, происходившая со времени Александра до третьяго вѣка нашей эры, велась (это не подлежитъ сомнѣнію) въ ущербъ христіанству, но также и въ ущербъ іудейству въ тѣсномъ смыслѣ, смягчая строгіе обряды древне-израильской религіи. Да, въ извѣстную эпоху міръ, пресыщенный древними національными религіями, перешелъ отъ язычества къ монотеизму. Это обращеніе произошло, глав-

нымъ образомъ, посредствомъ христіанства, но также посредствомъ іудейства. Я привелъ вамъ нѣсколько текстовъ, могъ бы и еще привесть. Transgressi in morem eorum, говоритъ Тацитъ, idem usurpant (Исторія V, 5). Рѣчь здѣсь идетъ объ обрѣзаніи. По Тациту, переходившіе въ іудейство подвергались обрѣзанію. Были, слѣдовательно, среди обращенныхъ люди, ведшіе іудейскій образъ жизни, не подвергаясь обрѣзанію, и другіе, настоящіе іудеи.

Важное различіе устанавливается закономъ Антонина Благочестиваго и коментируется Модестиномъ. Антонинъ разрѣшаетъ іудеямъ обрѣзать своихъ сыновей, *но только своихъ сыновей*. Повторяю, когда власть вынуждена запретить обычай, то это значитъ, что обычай этотъ распространенъ и принялъ широкіе размѣры.

Я думаю, милостивые государи, что этихъ фактовъ достаточно, чтобы установить, что въ эпохи греческую и римскую происходило множество прямыхъ обращеній въ іудейство. А изъ этого слѣдуетъ, что съ той поры слово іудаизмъ не имѣетъ уже большого этнографическаго значенія. Іудейство, согласно предсказаніямъ пророковъ, стало чѣмъ-то всемірнымъ. Всякій принимаетъ его. Движеніе, удалившее въ первые вѣка нашей эры людей, воодушевленныхъ тонкимъ религіознымъ чувствомъ, отъ язычества, породило массу обращеній. Въ значительно большемъ количествѣ, конечно, переходили въ христіанство, но очень много и въ іудейство. Изъ подобныхъ обращеній, должно быть, произошла большая часть іудеевъ Галліи и Италіи, напримѣръ; и синагога осталась рядомъ съ церковью, представляя собою меньшинство диссидентовъ.

Правда, послѣ этого наступаетъ великая талмудическая реакція, послѣдовавшая послѣ войны Баръ-Козиба. Въ исторіи почти всегда такъ бываетъ. Когда въ мірѣ проходитъ великій и широкій потокъ идей, тѣ, которые вызвали этотъ потокъ, первые дѣлаются его жертвами. Тогда они начинаютъ каяться въ томъ, что сдѣлали, и изъ крайне либеральныхъ, каки-ми они были, становятся удивительными реакціонерами. (*Смѣхъ*).

Талмудъ—реакція. Іудаизмъ чувствуетъ, что зашелъ слиш-

комъ далеко, что онъ смѣшается, разрѣшится въ христіанствѣ. Тогда онъ замыкается. Съ этого момента прозелитизмъ исчезаетъ. Прозелиты разсматриваются какъ бичъ, какъ „проказа Израиля". Но *до* этого, повторяю, двери были широко растворены.

Закрылъ ли ихъ совершенно и самый талмудизмъ? Нѣтъ, конечно; прозелитизмъ, осужденный учеными, продолжалъ практиковаться набожными мірянами, болѣе вѣрными древнему духу, чѣмъ пуританскіе охранители закона. Но съ этого момента должно установить различіе. Ортодоксальные іудеи, строгіе хранители закона, тѣсно сплочиваются и, такъ какъ строгое исполненіе закона возможно только въ тѣсно замкнутой религіозной общинѣ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій систематически удаляются отъ остального міра; но кромѣ этихъ строгихъ талмудистовъ, существуютъ также іудеи съ болѣе широкими воззрѣніями.

Я не знаю въ этомъ отношеніи ничего болѣе любопытнаго, чѣмъ проповѣди св. Іоанна Златоуста противъ іудеевъ. Суть разсужденія въ этихъ проповѣдяхъ не имѣетъ большого интереса. Но ораторъ, бывшій тогда іереемъ въ Антіохіи, какъ будто одержимъ idée fixe: запрещать своимъ вѣрнымъ ходить въ синагогу для присяги, для празднованія пасхи. Очевидно, что различіе между обѣими сектами въ этомъ большомъ городѣ Антіохіи въ ту эпоху еще не ясно опредѣлилось.

Григорій Турскій оставилъ намъ неоцѣнимыя свѣдѣнія объ іудаизмѣ въ Галліи. Было много іудеевъ въ Парижѣ, Орлеанѣ и Клермонѣ. Григорій Турскій борется съ ними, какъ съ еретиками. У него не возникаетъ сомнѣнія, чтобъ это были люди другой расы. Вы скажете, что простому уму Григорія Турскаго недоступны были соображенія этнографическія. Это вѣрно. Но откуда же взялись эти іудеи въ Орлеанѣ и Парижѣ? Возможно ли допустить, что это потомки восточныхъ, пришедшихъ въ извѣстную эпоху изъ Палестины и образовавшихъ въ нѣкоторыхъ городахъ колоніи? Не думаю. Были, конечно, іудейскіе эмигранты въ Галліи, пришедшіе вверхъ по Ронѣ и Сонѣ и послужившіе, нѣкоторымъ образомъ, закваской; но было тамъ также не мало людей, обратившихся въ іудейство и не имѣв-

шихъ ни одного предка въ Палестинѣ. И когда подумаешь, что іудейскія общины Германіи и Англіи вышли изъ Франціи, то жалѣешь, что нѣтъ бо́льшаго числа данныхъ о происхожденіи іудеевъ въ нашей странѣ. Мы, вѣроятно, увидѣли бы, что іудей временъ Гунтрана и Хильперика былъ большею частью никто иной, какъ галлъ, исповѣдующій израильскую религію.

Но оставимъ въ сторонѣ эти темные факты. У насъ имѣются гораздо болѣе ясные; во первыхъ, обращеніе Аравіи и Абиссиніи, не отрицаемое никѣмъ. Іудаизмъ совершилъ въ Аравіи, до Магомета, обширныя завоеванія; множество арабовъ примкнуло къ нему. Немногаго недоставало, чтобы Аравія сдѣлалась іудейскою. Въ извѣстную эпоху своей жизни, Магометъ былъ іудеемъ и, можно сказать, что онъ никогда не переставалъ имъ быть въ извѣстной степени. Фалахи, или абиссинскіе іудеи, суть африканцы, говорящіе на африканскомъ языкѣ и читающіе библію, написанную на африканскомъ нарѣчіи.

Но есть еще болѣе важное историческое событіе, болѣе близкое къ намъ по времени, имѣвшее, повидимому, весьма серьезныя послѣдствія. Это—обращеніе хозаръ, о которомъ у насъ имѣются точныя свѣдѣнія. Хозарское царство, занимавшее почти всю южную Россію, приняло іудейство во времена Карла Великаго. Въ связи съ этимъ фактомъ стоятъ караимы южной Россіи и тѣ древнееврейскія надписи въ Крыму, на которыхъ съ 8 вѣка находятъ имена татарскія и турецкія, какъ напр., имя Тохтамышъ. Развѣ іудей палестинскаго происхожденія сталъ бы называться Тохтамышемъ, вмѣсто того, чтобы называться Авраамомъ, Леви, Яковомъ? Нѣтъ, очевидно. Тохтамышъ этотъ—татаринъ, обращенный ногай или сынъ обращеннаго.

Обращеніе хозарскаго царства имѣетъ большое значеніе въ вопросѣ о происхожденіи іудеевъ, обитающихъ въ странахъ придунайскихъ и въ южной Россіи. Въ этихъ странахъ находятся большія массы іудейскаго населенія, не имѣющаго, вѣроятно, ничего или почти ничего этнографически-іудейскаго. Одно обстоятельство должно было внесть въ нѣдра іудейства множество людей не-іудейскаго происхожденія: я говорю о раб-

ствѣ и обычаѣ держать прислугу. Мы видимъ, что главная забота епископовъ и соборовъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ, и особенно въ славянскихъ, направлена на то, чтобы воспретить евреямъ держать христіанскую прислугу. Обычай держать христіанскихъ слугъ благопріятствовалъ распространенію іудейства, и рабы евреевъ болѣе или менѣе переходили въ іудейство.

И такъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что іудейство въ началѣ представляло традицію отдѣльнаго племени; несомнѣнно также, что въ образованіе нынѣшняго іудейскаго народа вошла часть примитивной палестинской крови. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я убѣжденъ, во всей нынѣ существующей іудейской расѣ есть значительная примѣсь несемитической крови,— такъ что раса, считающаяся идеаломъ чистаго *этноса* и сохранившаяся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій благодаря запрещенію смѣшанныхъ браковъ, сильно проникнута примѣсью чужой крови, какъ и всѣ другія расы. Другими словами: въ началѣ іудаизмѣ былъ религіею національною, въ наши дни онъ снова сталъ замкнутою религіею; но въ промежуточное время, въ продолженіе длиннаго ряда столѣтій, іудаизмъ былъ открытъ. Очень значительное число народовъ не-израильскаго происхожденія перешли въ іудейство, и значеніе этого слова въ смыслѣ этнографіи сдѣлалось весьма сомнительнымъ.

Мнѣ укажутъ на такъ называемый іудейскій типъ. Можно бы многое сказать по этому поводу. Мое мнѣніе таково, что нѣтъ іудейскаго типа, но что есть іудейскіе типы. Завѣдуя въ теченіе десяти лѣтъ отдѣломъ древнееврейскихъ манускриптовъ при національной библіотекѣ, я сдѣлалъ въ этомъ отношеніи достаточно наблюденій. Израильскіе ученые со всего свѣта обращались ко мнѣ за справками въ нашей драгоцѣнной коллекціи. Я сейчасъ узнавалъ своихъ кліентовъ и отгадывалъ въ концѣ залы того, кто долженъ былъ подойти къ моему бюро. И что же? Результатъ моихъ наблюденій таковъ, что нѣтъ одного іудейскаго типа, но что ихъ нѣсколько и что они никоимъ образомъ не могутъ быть приведены къ одному. Какимъ образомъ раздѣлилась раса на извѣстное число типовъ? Отвѣ-

томъ на это могутъ служить вышеупомянутая замкнутость, гетто, отсутствіе смѣшанныхъ браковъ.

Этнографія—наука весьма темная, ибо въ ней невозможны опыты, а вѣрно только то, что можно потвердить опытомъ. То, что я сейчасъ скажу, не будетъ доказательствомъ, а лишь объясненіемъ моей мысли. Я думаю, что если бы взять случайно нѣсколько тысячъ людей, хотя бы тѣхъ, напр., которые гуляютъ въ настоящее время взадъ и впередъ по Сенъ-Жерменскому бульвару, переселить ихъ на пустынный островъ и предоставить имъ свободу размножаться, — то, по истеченіи извѣстнаго времени типы были бы сведены, скучены, такъ сказать, концентрированы въ извѣстное число типовъ, побѣдителей остальныхъ, которые продолжали бы упорно существовать и никоимъ образомъ не могли бы быть приведены къ одному.

Ссылаются еще въ пользу этническаго единства іудеевъ на сходство въ ихъ нравахъ и обычаяхъ. Если вы возьмете людей какой угодно расы и принудите ихъ къ жизни гетто, то получите тѣ же результаты. Есть, если можно такъ выразиться, психологія религіознаго меньшинства, и эта психологія независима отъ расы. Положеніе протестантовъ въ странѣ, гдѣ они, какъ во Франціи, представляютъ меньшинство, имѣетъ много аналогичнаго съ положеніемъ іудеевъ, потому что протестанты въ теченіе долгаго времени были вынуждены жить замкнуто, и имъ, какъ и евреямъ, было многое запрещено. Обнаруживается сходство, не кроющееся въ расѣ, но представляющее результатъ извѣстной аналогіи въ положеніи.

Привычки жизни концентрированной, стѣсненной, полной запретовъ, нѣкоторымъ образомъ замкнутой, бываютъ вездѣ одинаковыми независимо отъ расы. Клеветы, распространенныя въ мало просвѣщенныхъ частяхъ населенія, объ евреяхъ и протестантахъ—однѣ и тѣ же. Занятія, къ которымъ вынуждены обращаться исключенные изъ общей жизни люди, тѣ же. Какъ у іудеевъ, и у протестантовъ нѣтъ ни народа, ни крестьянъ; имъ помѣшали имѣть и то, и другое *. Что касается сход-

* Изслѣдованіе о французскихъ евреяхъ въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ,

ства умственнаго въ средѣ извѣстной секты, то оно достаточно объясняется сходнымъ воспитаніемъ, чтеніемъ и одинаковыми религіозными обрядами.

Въ Сиріи можно наблюдать явленіе, потверждающее мой тезисъ. Въ 12 лье къ сѣверу отъ Дамаска находятся села, гдѣ говорятъ еще на древнесирійскомъ нарѣчіи, которое почти всюду исчезло и которое можно встрѣтить только тамъ да на большомъ разстояніи отъ сѣвера, со стороны Вана и Урміа. Населеніе этихъ деревень—мусульманское и сходное въ нравахъ со всѣми мусульманами. Но нѣтъ въ свѣтѣ ничего болѣе противуположнаго, какъ христіане и мусульмане въ Сиріи: христіанинъ—самое робкое созданіе, мусульманинъ привыкъ къ оружію и господству. Съ перваго взгляда можно подумать, что здѣсь весьма характерное этнографическое различіе. По поводу волненій, происходившихъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Бейрутѣ, мой другъ д-ръ С. писалъ мнѣ, что слуга его, входя къ нему, сказалъ: «Если бы здѣсь нашлось мусульманское дитя, вооруженное саблею, оно могло бы убить тысячу христіанъ!» Деревни эти вокругъ Дамаска имѣютъ живой интересъ. Если существуютъ въ мірѣ настоящіе сирійцы, то это именно здѣсь, гдѣ говорятъ еще на древнемъ сирійскомъ языкѣ; но они мусульмане и походятъ своими привычками и нравами на остальныхъ мусульманъ. Различіе же, существующее между ними и сирійцами-христіанами, происходитъ отъ продолжительнаго различія въ образѣ жизни и соціальномъ положеніи въ теченіе вѣковъ и не имѣетъ ничего этнографическаго.

Точно также у евреевъ особая физіономія и привычки жизни суть скорѣе результатъ соціальныхъ лишеній, тяготѣвшихъ надъ ними въ теченіе вѣковъ, чѣмъ расовое явленіе.

Будемъ же довольны, милостивые государи, что вопросы эти, столь интересные въ отношеніяхъ этнографическомъ и историческомъ, не имѣютъ во Франціи практической важности. Мы надлежащимъ образомъ разрѣшили политическія за-

---

вошедшее въ XXVII томъ Histoire littéraire de la France, доказываетъ, что до ордонансовъ Филиппа Красиваго французскіе евреи занимались тѣми же ремеслами и профессіями, что и прочіе французы.

трудненія, связанныя съ этимъ вопросомъ. Когда дѣло идетъ о національности, мы отводимъ вопросу о расѣ второстепенное мѣсто, и хорошо дѣлаемъ. Этнографическій характеръ, важный въ началѣ исторіи, теряетъ свое значеніе по мѣрѣ развитія цивилизаціи. Когда національное собраніе въ 1791 г. декретировало эманципацію евреевъ, оно очень мало заботилось о расѣ. Собраніе полагало, что судить людей слѣдуетъ по ихъ нравственному и умственному достоинству, а не по крови, текущей въ ихъ жилахъ. Слава Франціи состоитъ въ томъ, что она разсматриваетъ подобные вопросы съ чисто человѣческой стороны. Задача XIX вѣка—уничтожить всякія гетто, и я не хвалю тѣхъ, которые кое-гдѣ стараются ихъ вновь воздвигнуть.

Еврейская раса оказала міру величайшія услуги. Вошедши въ составъ различныхъ націй, въ гармоніи съ различными національными союзами, она будетъ продолжать въ будущемъ дѣлать то, что дѣлала въ прошломъ. Совмѣстно трудясь со всѣми либеральными силами Европы, она будетъ содѣйствовать въ высокой степени соціальному прогрессу человѣчества. (*Продолжительные аплодисменты*).

Эрнестъ Ренанъ

ПРІѢЗДЪ ЦАДИКА.

(Отрывокъ).

Употребляя послѣднія усилія, исхудалая, съ сильно впалыми боками, съ пораненнымъ хребтомъ, пѣгая лошадка Занвеля-горщечника подняла, наконецъ, сильно скрипѣвшую тележку на небольшое возвышеніе передъ корчмою ребъ-Акивы и остановилась къ великой своей радости и также къ немалой отрадѣ восьми душъ пассажировъ, которыхъ она везла: ибо, надо таки правду сказать, эти, возсѣдавшіе на телѣжкѣ пассажиры были не менѣе достойны состраданія, чѣмъ несчастная втащившая ихъ кляченка. И надо было обладать геніальностью Занвеля, чтобы умѣстить на этой телѣжкѣ восемь душъ, кромѣ своей собственной особы. Преоригинальный человѣкъ былъ этотъ Занвель! Когда его, бывало, спрашивали, для чего онъ набираетъ такъ много пассажировъ, онъ постоянно отвѣчалъ: „Чтобы лошадкѣ было легче".

— „Какъ!" недоумѣвалъ вопрошающій. И если сей послѣдній имѣлъ несчастіе принадлежать къ числу пассажировъ Занвеля, то онъ такъ и оставался при своемъ недоумѣніи: если же то было постороннее лицо, то Занвель, лукаво улыбаясь, давалъ слѣдующее объясненіе:

— Во первыхъ, если пассажировъ будетъ много, то имъ до того будетъ скверно сидѣть, что добрая половина ихъ предпочтетъ идти пѣшкомъ, чѣмъ остаться безъ боковъ. Во-вторыхъ, я вѣдь отлично знаю, что подъ гору моя лошадка не только никого тащить не будетъ, но ее самое придется тащить. Поэтому, чѣмъ больше пассажировъ, тѣмъ больше у нея будетъ помощниковъ. Ну, понимаете вы теперь Занвеля голову?

А между тѣмъ развозить пассажировъ вовсе не было спеціальностью Занвеля, и его скромная телѣжка имѣла первоначальнс своимъ назначеніемъ—вмѣщать въ себѣ горшки, которые Занвель развозилъ на продажу по всѣмъ ярмаркамъ. Только впослѣдствіи онъ рѣшилъ, что нечего лошадкѣ „пустовать", какъ онъ выражался, и съ ярмарокъ возить пустую телѣжку. И вотъ, когда онъ освобождался отъ своего глинянаго товара, то нагружалъ ее живымъ. Не смотря на все это, Занвель очень любилъ свою пѣгую лошадку и не иначе ее называлъ, какъ отцемъ своей семьи. „Не я отецъ, а моя „шкапа" *, говорилъ онъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы онъ къ ней примѣнялъ заповѣдь о почитаніи отца во всей строгости; и кормилъ онъ ее только объѣдками сѣна и соломы, которые подбиралъ на площадяхъ, послѣ того какъ ярмарка разъѣзжалась. Лупилъ онъ ее тоже не по сыновнему, хотя это случалось только въ крайнихъ случаяхъ. Какъ примѣръ любви Занвеля къ своей лошадкѣ,—любви, зародившейся въ немъ даже еще прежде чѣмъ онъ узналъ свою кляченку, въ его резиденціи, Голодриговкѣ, разсказывали слѣдующее: Когда Занвель, въ день своего бракосочетанія со всѣмъ извѣстной въ городкѣ карличкой Бабебустой **, очутился, наконецъ, съ ней наединѣ послѣ шумной свадьбы, на которой игралъ оркестръ Годи слѣпого, въ которомъ, кромѣ него самого, игравшаго первую скрипку, еще участвовалъ Янкель барабанщикъ съ своимъ огромнымъ барабаномъ,—когда послѣ всего этого Занвель, наконецъ, очутился съ глазу на глазъ съ своей будущей сожительницей, онъ, вмѣсто того, чтобы кинуться ей въ объятія, повелъ слѣдующую бесѣду:

— Хайкель, теперь давай приданое.

Хайкель стала рыться за пазухой и вытащила оттуда узелокъ, гдѣ тщательно увязано было все ея достояніе, состоявшее изъ пятнадцати рублей (ассигнаціями).

— Хорошо, сказалъ Занвель, — у меня тоже есть двѣнад-

* Старая кобыла.

** Ее такъ называли потому, что свою хозяйку, вмѣсто: балебуста, она называла: бабебуста (она говорила въ носъ).

цать. На эти деньги я куплю себѣ лошадку и телѣжку и буду развозить горшки, ибо быть мешуресомъ у сварливой Соси Москвитеръ я больше не могу и не хочу.

— А куда будешь ѣздить? спросила сожительница.

— Въ Махнестріевку, Обедивку, Шепетивку, Фляскидриговку...

— Ой, чтобъ ты мнѣ былъ здоровъ, прервала Занвеля Хайкель:—ты поѣдешь въ Фляскидриговку, бери и меня съ собой, тамъ живетъ моя тетка Кройна.

— Ты хочешь замучить лошадку! воскликнулъ Занвель, и въ знакъ своей супружеской власти отпустилъ бѣдной Хайкель полновѣсную пощечину, отъ которой она повалилась и полетѣла подъ кровать. Мѣстные шутники говорили, что она будто тамъ всю ночь провела, поклявшись скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ имѣть дѣло съ такимъ разбойникомъ, который, словно „гой", бьетъ свою жену; что, въ виду узкаго пространства подъ кроватью, Занвель былъ принужденъ вытащить ее оттуда кочергою и т. д. Какъ бы то ни было, но этимъ актомъ Занвель закрѣпилъ за собою славу, если не нѣжнаго супруга, за то нѣжнаго и заботливаго хозяина своей «шкапы».

Вотъ этотъ-то Занвель и подвезъ къ корчмѣ сказанныхъ восемь душъ пассажировъ, въ которыхъ онъ на этотъ разъ сильно обманулся, ибо всѣ оказались отчаянными лѣнивцами и предпочитали лежать какъ селедки въ телѣжкѣ, ударяясь другъ о друга спинами и головами, чѣмъ идти пѣшкомъ въ такой знойный день, ибо дѣло было въ началѣ мѣсяца тамуза (въ іюлѣ).

Пассажиры эти состояли изъ длиннаго, сухопараго Хаима-Гройнима, котораго развѣ младенецъ въ пеленкахъ не зналъ. Это былъ человѣкъ очень высокаго роста, съ маленькой черной бородкой и длинными, завитыми въ видѣ спирали, пейсами, которые ниспадали до плечъ и болтались въ разныя стороны, словно флюгера, съ длинной тонкой шеей и большими сѣрыми бычачьими глазами. Одежда его состояла изъ ситцеваго халата, давно потерявшаго свой первоначальный цвѣтъ и сильно разодраннаго во многихъ мѣстахъ, такъ что въ немъ было больше дыръ, чѣмъ матеріи. Подъ халатомъ длинный талесъ-

кутенъ, цицесь котораго достигали колѣнъ, затѣмъ пара «тохтойнимъ» (кальсоны) и совершенно раскрытая спереди рубаха, которая давала возможность видѣть его впалую грудь. Ноги были украшены очень грязными чулками, которые оставляли совершенно голыми его пятки, и сбитыми туфлями. Этотъ Хаимъ-Гройнимъ слылъ отчаяннымъ сорви-головой и весельчакомъ. всю свою жизнь онъ проводилъ у разныхъ цадиковъ, а домой пріѣзжалъ только за тѣмъ, чтобы заложить какую-нибудь вещь жены и переѣхать къ новому цадику. У цадиковъ же его хорошо принимали потому, что никто лучше Гройнима не пѣлъ за «шалешъ-сидесъ» и мелаве-малку и никто не могъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ танцовать «хусида», и вообще въ способности веселить гостей. Говорили, что даже самъ «савралеръ» (цадикъ изъ Савраля) бывало, улыбается, когда Гройнимъ выкинетъ какое либо колѣнце.

Что касается остальныхъ пассажировъ, то это все были совсѣмъ еще молодые люди, недавно женившіеся и находившіеся подъ сильнымъ вліяніемъ Гройнима, на котораго смотрѣли съ благоговѣніемъ.

Какъ только телѣжка остановилась передъ корчмою, гдѣ въ это время царствовала мертвая тишина и не было видно ни какого признака жизни, Хаимъ-Гройнимъ первый соскочилъ и обратился къ своимъ юнымъ питомцамъ съ слѣдующими словами:

— Киндеръ (дѣти), если хотите, чтобъ ребъ-Акива намъ поставилъ на столъ полъ-ведра меду, то молчите и предоставьте мнѣ самому все говорить.—Всѣ выразили согласіе. Въ это время дверь корчмы отворилась, и на порогѣ ея показался рендаръ ребъ-Акива, одѣтый въ домашнее неглиже, т. е. въ однихъ подштанникахъ. Увидѣвъ пріѣзжихъ, онъ поспѣшилъ предварительно умыть руки, а затѣмъ уже протянулъ ихъ всѣмъ, привѣтствуя гостей словами: «шулемъ-алейхомъ».

— Куда ѣдутъ евреи? спросилъ ребъ-Акива, получивъ отвѣтъ на привѣтствіе.

— Бе, куда ѣдемъ, въ Голодриговку! отвѣтилъ Хаимъ-Гройнимъ.

— А зачѣмъ?

— Бе, зачѣмъ! отвѣтилъ тотъ-же Хаимъ-Гройнимъ. — Э, ѣдемъ.

— Да что мы тутъ разговариваемъ! прибавилъ ребъ-Акива;—зайдемте въ корчму, а то вѣдь на дворѣ сильная жара.

Всѣ, исключая Занвеля, который въ это время клочкомъ сѣна вытиралъ мыльный потъ со своей бѣдной клячи, послѣдовали за рендаремъ и вошли въ корчму, гдѣ ихъ обдало пріятной прохладой. Это была большая, очевь низкая комната, съ землянымъ поломъ съ множествомъ выбоинъ, съ сильно выпуклымъ потолкомъ, подпертымъ во многихъ мѣстахъ, съ двумя маленькими оконцами, въ четыре стекла каждое; стеколъ собственно не было, и ихъ замѣняли или бумага, или дощечки.

За деревянной рѣшеткой находилась такъ называемая «стойка», гдѣ хранились водка, нѣсколько сушенныхъ соленыхъ рыбокъ и залежавшаяся связка бубликовъ, которая вся была покрыта множествомъ точекъ, что́ указывало на частое пребываніе на нихъ нѣсколькихъ поколѣній мухъ, исполнявшихъ тамъ всѣ свои функціи. Большой, деревянный, неподвижно уставленный столъ, длинныя, широкія лавки, занимавшія почти всѣ стѣны—вотъ вся обстановка корчмы.

Всѣ усѣлись вокругъ стола и нѣсколько секундъ молчали, наслаждаясь прохладой.

— Вотъ бы выпить что нибудь! произнесъ Хаимъ-Гройнимъ, почесывая голову засаленной ермолкой.

— Могу вытащить для васъ свѣжей воды изъ колодца, предложилъ ребъ-Акива.

— Гмъ! воды, прошепталъ Гройнимъ.—Нѣтъ, вѣсть, которую я имѣю для васъ, стоитъ больше, чѣмъ ведро воды.

— Для меня вѣсть,—и вы до сихъ поръ молчите! воскликнулъ нетерпѣливо ребъ Акива.

— Да, вѣсть, да такая, что стоитъ хорошихъ молочныхъ варенниковъ и полъ ведра меда, отвѣтилъ Гройнимъ. При этомъ онъ взглянулъ на своихъ спутниковъ, желая видѣть, какое впечатлѣніе на нихъ произведутъ названныя соблазнительныя вещи. Всѣ осклабились и одобрительно и подобострастно взглянули на ловкаго, по ихъ мнѣнію, дипломата.

— Ни одинъ еврей никогда не выходитъ изъ моей корчмы

голоднымъ, отвѣтилъ обиженно ребъ-Акива,—и вамъ нѣтъ надобности столько говорить, чтобы моя жена Эстеръ или моя дочь Миріамъ сварила для васъ что нибудь. Что же касается меду, то онъ продается для всѣхъ.

— Но вѣсть, вѣсть какая! продолжалъ Гройнимъ, ничуть не обижаясь и не унывая.—За такую вѣсть всякій еврей отдалъ бы половину своей ойлемъ габу *, и только у васъ я прошу такъ мало.

— Хорошо, сказалъ ребъ Акива, если у васъ пол-ведра меда значитъ больше чѣмъ «мицва **», то я даже спорить не стану.

— Что вы, ребъ Акива, развѣ я не еврей, чтобы не желать себѣ мицвы! Но вы знаете, что намъ талмудъ говоритъ: „Гаойсекъ бемицву путеръ минъ гамицву †». А я теперь айсекъ бемицву, ибо... Да принесите на столъ медъ, и намъ будетъ веселѣе разговаривать, а то у меня совершенно высохло въ горлѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ на столѣ появился медъ въ деревянномъ ведрѣ, гдѣ плавало нѣсколько стакановъ. Всѣ предварительно умыли руки. Гройнимъ первый всунулъ свои длинные, тощіе пальцы въ ведро и зачерпнулъ стаканъ меду. Прежде чѣмъ выпить, онъ тихо произнесъ молитву, закативъ глаза къ небу. Глотнувъ немного, онъ произнесъ: «лехаимъ, †† ребъ Акива, лехаймъ, ойлемъ», и только послѣ этого выпилъ все.

— Ну, сказалъ онъ,—теперь зовите вашу жену.

Ребъ Акива кликнулъ Эстеръ, которая немедленно появилась съ чулкомъ въ рукахъ.

— Васъ ждетъ необыкновенное счастье, сказалъ торжественно ребъ-Гройнимъ,—счастье, которое рѣдко выпадаетъ на долю еврея. У васъ проѣздомъ остановится и будетъ ночевать, —кто бы вы думали?

---

* Вѣчное блаженство на томъ свѣтѣ.

** Доброе, богоугодное дѣло.

† Занятый однимъ добрымъ дѣломъ свободенъ отъ другихъ добрыхъ дѣлъ.

†† На здоровье.

— Нашъ панъ Вуйволовъ! воскликнулъ вошедшій въ ту минуту мешуресъ Екель.

— Да будетъ онъ тысячу разъ «капурой» * за того, о комъ я думаю, сказалъ Гройнимъ.

— Мой дядя Шулемъ-Гецель? воскликнула Эстеръ.

— Тысячу разъ легавдилъ **, опять сказалъ Гройнимъ.

— Какъ легавдилъ! обиженно и удивленно сказала Эстеръ.— Развѣ мой дядя не еврей?

— Въ сравненіи съ тѣмъ, о комъ я думаю, мы всѣ не евреи.

— Такъ это, должно быть, Илія пророкъ, сказалъ снова мешуресъ Екель.

— Это никто иной, сказалъ Гройнимъ, вставши—это никто иной, какъ самъ, какъ самъ ребъ Шепселе!

— Ребъ Шепселе! воскликнули въ одинъ голосъ ребъ Акива и его жена, до того пораженные, словно передъ ними разверзлась земля, чтобы немедленно извергнуть изъ себя названнаго великаго цадика.

— А что, стоитъ пол-ведра меду! спросилъ Гройнимъ, весь сіяя при видѣ произведеннаго имъ эффекта.

— Ну, за такую мицву я бы и десять бочекъ меду не взялъ, отвѣтилъ съ укоромъ рендарь.

— Но я уже вамъ сказалъ, что я «ойсекъ бешицву». Это я теперь ѣду со всей этой компаніей въ Голодриговку, куда завтра долженъ пріѣхать цадикъ. Тамъ онъ проведетъ субботу, а въ воскресенье направится къ намъ въ Фляскодриговку, куда мы будемъ его сопровождать.

Между тѣмъ дочь рендаря разложила огонь, и вскорѣ на столъ были поданы такъ жадно алкаемые Гройнимомъ вареники, которые голодными хасидами были уничтожены въ одно мгновеніе ока.

Такъ какъ телѣжка Занвеля не была подготовлена къ тому, чтобы непрерывно таскать всѣхъ хасидовъ, а лошадка еще меньше, то нѣтъ ничего удивительнаго, что обѣ онѣ сильно

---

* Жертвой.

** Разница, пропасть между лицами, о которыхъ идетъ рѣчь.

пострадали. Что касается телѣжки, то Занвель рѣшилъ твердо никакихъ поправокъ въ ней не дѣлать.

— Какъ же ты поѣдешь, Занвель? спрашивалъ у него Екель.—Вѣдь у тебя на второй верстѣ задняя ось совершенно разлетится, а переднія колеса и версты не выдержать?

— Что же? Новую телѣгу дѣлать мнѣ для этихъ дармоѣдовъ?

— Но вѣдь они по дорогѣ могутъ себѣ шею сломать?

— Я этого и хочу. Поломается телѣжка, они по неволѣ будутъ идти пѣшкомъ. Ничего, пускай покачаются немного по землѣ. Вотъ будетъ потѣха, какъ они всѣ въ кучѣ будутъ лежать другъ на другѣ и барахтаться, стискивая свои ноги. Будутъ они знать, какъ мучить бѣдную шкапу. Посмотри, какъ ее затерло хомутомъ. И еще накормили и напоили этихъ жеребцовъ! Лучше бы моей шкапкѣ дали немного овса, была бы гораздо больше мицва, чѣмъ кормить этихъ лѣнивыхъ „флясковъ".

Занвель, можетъ быть, еще продолжалъ бы свою тираду противъ ненавистныхъ ему хасидовъ, но въ это время жена рендаря поднесла ему миску съ варенниками.

— Чтобы вы таки долго жили, Эстеръ—поблагодарилъ ее Занвель.—Вотъ бы еще сжалились надъ моей шкапой: она бы за васъ Богу молилась,—вѣдь она отецъ моихъ дѣтей.

Эстеръ улыбнулась и велѣла Екелю дать немного сѣна и овса для лошади.

Только когда уже вечерѣло, телѣжка Занвеля снова заскрипѣла и увезла Гройнима съ его компаніей.

Эстеръ, послѣ извѣстія о пріѣздѣ цадика, не спала по ночамъ, все придумывая, какимъ наилучшимъ образомъ встрѣтить и принять великаго мужа.

«Штатшъ» самъ ребъ Шепселе, этотъ великій между великими, у котораго другіе евреи по нѣсколько дней и даже мѣсяцевъ стоятъ въ передней, пока онъ ихъ удостоитъ пріема,— и вдругъ этотъ мужъ самъ своей особой будетъ ночевать въ ея корчмѣ, будетъ сидѣть на томъ стулѣ, на которомъ она ежедневно сидитъ! Быть не можетъ! У Эстеръ голова кружилась. Ахъ, отчего тутъ нѣтъ нѣсколькихъ сосѣдокъ! пожалѣла

она въ первый разъ въ жизни. Она бы хоть имъ изложила волненія своей души, она съ ними посовѣтовалась бы, какой ужинъ готовить, молочный или мясной!» Цѣлая недѣля прошла въ волненіяхъ и приготовленіяхъ къ пріему великаго мужа, посѣщеніе котораго, какъ твердо вѣрилъ ребъ Акива и его жена, привлечетъ благословеніе Божіе на всю семью. Особенно послѣдняя только и думала о томъ, какъ цадикъ благословитъ ея дорогаго Бенъ-іухида, ея безцѣннаго Бенъ-Ціона. И тогда она уже можетъ быть совершенно спокойна на счетъ его будущности. Наконецъ наступилъ желанный день.

Это было въ среду, въ семь часовъ вечера.

Къ корчмѣ подкатила роскошная коляска, запряженная четверкой прекрасныхъ вороныхъ коней. За коляской послѣдовало еще нѣсколько будъ, запряженныхъ дохлыми клячами, которыя, тѣмъ не менѣе, возили по десяти и пятнадцати обожателей цадика каждая. Изъ коляски, поддерживаемый двумя „габами", вышелъ самъ ребъ Шепселе, человѣкъ лѣтъ тридцати, поразительной красоты, одѣтый хотя въ длинный капотъ, но въ высшей степени богато и щеголевато. Ребъ Акива поспѣшилъ на встрѣчу великому мужу, подалъ ему почтительно правую руку и торжественно привѣтствовалъ: «Миръ съ вами, миръ съ вами, ребе», на что ребе величаво отвѣтилъ: «Съ вами миръ, ребъ Акива, да будетъ съ вами благословеніе Божіе».

Бѣдная Эстеръ, которая, какъ женщина, не могла подать руки святому мужу, стояла издали и проливала слезы блаженства и умиленія.

Медленно, словно священнодѣйствуя, вошелъ цадикъ въ покои рендаря, а за нимъ поспѣшила громадная толпа разнокалиберныхъ, всевозможныхъ возрастовъ, хасидовъ, большею частью сухопарыхъ съ длиными шеями и большими выдающимися «кнопами» *. Понятно, что между ними находился знакомый уже читателю Хаимъ-Гройнимъ.

— «Рабоссай»—сказалъ цадикъ, посидѣвъ нѣсколько минутъ въ покояхъ рендаря, убранныхъ, какъ только ихъ уби-

* Адамово яблоко.

рали на Пасху.—«Раббоссай! въ подражаніе нашему патріарху Исааку, выйдемъ въ поле совершить молитву „минхе".

Всѣ были въ восторгѣ отъ этой оригинальной мысли великаго мужа, а Эстеръ получила новый поводъ лить слезы и воскликнуть: «какой это великій, святой цадикъ, да предстанетъ его праведность передъ Богомъ за моего сына»! Только мысль о томъ, что она не услышитъ „кедишу" въ присутствіи ребъ Шепселе, повергла ее въ отчаяніе. Это послѣднее обстоятельство не преминулъ замѣтить ребъ Акива, который посовѣтывалъ ей передать на нѣсколько минутъ хлопоты по ужину одной Миріамъ, а самой пойти въ поле, гдѣ стать, конечно, поодаль.

Вся группа съ ребе впереди, который шелъ рядомъ съ ребъ Акивой, направилась къ опушкѣ лѣса.

Нечего и говорить, какъ залилась Эстеръ, увидя своего мужа, шедшаго рядомъ со святымъ мужемъ. У самаго лѣса, возвышавшагося ровной стѣной, всѣ остановились. Осмотрѣвъ предварительно мѣстность, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли тамъ какихъ либо нечистотъ, приступили къ молитвѣ. Ребе же, привыкшій всегда къ уединенной молитвѣ, удалился подъ высокую, вѣтвистую липу. Прекрасную картину представляла эта, молящаяся съ тихимъ благоговѣніемъ группа, вся обращенная къ востоку. Прекрасенъ былъ и ребе, стоявшій неподвижно подъ липой, освѣщенной послѣдними лучами заходящаго солнца. «Ахъ, еслибъ этотъ человѣкъ былъ искрененъ»! подумалъ Екусіэль, пораженный величіемъ картины, которую вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ наблюдалъ издали.

— Посмотрите на ребе, шептали другъ другу хасиды, увидѣвъ цадика, залитаго золотистымъ свѣтомъ:—на немъ почіетъ «шхина», да «шхина» * на немъ почіетъ».

По окончаніи молитвы „минху", ребъ Акива подошелъ къ ребе. «Если вы, ребе, еще не благословили новаго мѣсяца, то я предложилъ бы и молитву «мааривъ» тутъ совершить, послѣ чего мы можемъ и новый мѣсяцъ благословить».

Подумавъ немного, ребе, который былъ большой любитель природы, далъ свое согласіе.

* Величіе божье.

Между тѣмъ величавый лѣсъ совсѣмъ уже проглотилъ чудное свѣтило и отъ этого не только не сдѣлался свѣтлѣе, а напротивъ, принялъ угрюмый и мрачный видъ. Горизонтъ разукрасился чуднымъ переливомъ цвѣтовъ.

Воздухъ наполнился звуками птицъ, которыя спѣшили на покой. Вотъ пронесся величаво аистъ, держа добычу въ своемъ длинномъ, красномъ клювѣ; вотъ онъ спустился на крышу корчмы, гдѣ устроилъ свое гнѣздо, и громко защелкалъ, словно трещетка сторожа. Все затихло, словно застыло кругомъ, ни одного звука, ни одного движенія.

Неподвижно стоитъ высокая, колосистая рожь, словно море, окованное льдомъ; двѣ акаціи у корчмы тоже уныло опустили головы и затаили дыханіе, точно прислушиваясь къ таинственнымъ звукамъ природы.

Аипсъ стоитъ важный, погруженный въ глубокую тихую думу, стоитъ и не шелохнется ни единымъ листкомъ. Вотъ уже зажглась звѣздочка, а вотъ и другая. На горизонтѣ появилась темная туча. Становится все темнѣе. Предметы начинаютъ сливаться въ одну темную массу. Тихо, торжественно тихо кругомъ. По временамъ изъ лѣса раздается свистъ птички и сейчасъ замолкаетъ, послышится отдаленный лай собаки или стукъ гдѣ-то далеко проѣзжающей телѣги, и снова все успокоится. Вотъ на горизонтѣ, словно испарившись, исчезла туча, и показался серебряный рожокъ луны, разливая мягкій нѣжный свѣтъ.

Все вдругъ приняло какой-то волшебный обаятельный видъ, все словно погрузилось въ прозрачныя лазурныя волны. У опушки лѣса растянулись по землѣ длинныя неясныя тѣни деревьевъ, словно сказочные богатыри.

Прогулявшись съ полчаса по лѣсу, по предложенію цадика, приступили къ молитвѣ мааривъ, во время которой святой мужъ опять удалился подъ липу. При лунномъ свѣтѣ, мягкомъ, серебристомъ, группа молящихся была еще очаровательнѣе и до того поразила воображеніе Бенъ-Ціона и его учителя, что они стояли, какъ околдованные, и не могли произнесть ни одного слова молитвы, почему имъ пришлось потомъ молиться вторично.

По окончаніи молитвы, которая у цадика длилась на цѣлый часъ больше, чѣмъ у прочихъ, чему очень обрадовалась Эстеръ, боявшаяся запоздать съ ужиномъ, приступили къ благословленію мѣсяца и затѣмъ всѣ направились въ корчму, гдѣ все уже было готово къ столу. Всякій посторонній человѣкъ, не знавшій о пріѣздѣ великаго ребъ Шепселе, взглянувъ въ комнаты рендаря, непремѣнно подумалъ бы, что тамъ все приготовлено къ свадьбѣ или къ пасхальному вечеру, до того все блистало чистотой и поражало праздничнымъ видомъ. Такъ какъ столовъ не хватило, то прибѣгли къ бочкамъ. служившимъ подставами, а на нихъ наложили длиннѣйшія доски. Для ребъ Шепселе же былъ приготовленъ отдѣльный столъ, куда, впрочемъ, онъ удостоилъ пригласить хозяина и еще двухъ хасидовъ, къ которымъ пребывалъ очень благосклоненъ. Нечего говорить, какая работа, какія хлопоты выпали на долю Эстеръ, Миріамъ, мешуреса Екеля и даже ребъ Акивы. Бѣдный Екель въ этотъ день два раза ѣздилъ верхомъ въ городъ, отчего еле держался на ногахъ. Впрочемъ, во второй разъ онъ поѣхалъ по собственной винѣ. Его послали въ городъ къ «шойхату» рѣзать птицъ, между прочимъ и одну „губатую курицу", съ которой хозяйкѣ очень не хотѣлось разстаться, и потому она долго не рѣшалась принести въ жертву цадику эту прекрасную курицу, выводившую ежегодно большое множество цыплятъ. Но, конечно, рѣшеніе состоялось въ пользу не „губатой курицы", а ребъ Шепселе. Надо замѣтить, что объ этомъ рѣшеніи Екель не зналъ; поэтому когда онъ, вынимая у «шойхата» изъ мѣшка курицъ, увидѣлъ между ними «губатую», привязанность къ которой Эстеръ была ему отлично извѣстна, то онъ немедленно поскакалъ обратно въ корчму.

— Губатую тоже? спросилъ онъ, не слѣзая съ коня, у случившейся на порогѣ Эстеръ, словно онъ вышелъ зачѣмъ-то на нѣсколько секундъ и потомъ опять возвратился. Привези Екель остальныхъ курицъ зарѣзанными, обошлись бы уже безъ „губатой", но такъ какъ Екель этого не сдѣлалъ, то, получивъ отъ изумленной Эстеръ утвердительный отвѣтъ, онъ немедленно

пустился обратно въ городъ къ шойхату, куда было больше 18 верстъ. Бѣдный Екель!

Но вотъ приступили, наконецъ, къ ужину, конечно послѣ предварительнаго омовенія рукъ. Ребъ Шепселе самъ ѣлъ очень мало, но за то его поклонники обнаружили совершенно волчій аппетитъ, истребляя съ неимовѣрною быстротой все, чтó подавалось. Въ промежуткахъ между блюдами шли горячіе споры о различныхъ мѣстахъ изъ талмуда, при чемъ приводились остроумныя толкованія различныхъ знаменитостей. Разсказывались также чудеса великихъ цадиковъ, повторяли ихъ изреченія, „добрыя слова".

Ребъ Шепселе въ эти бесѣды не вмѣшивался, словно не слышалъ ихъ, и почти все время сидѣлъ, погруженный въ глубокую думу, вознеся глаза горѣ. Но наконецъ и цадикъ какъ-то воодушевился и обратился къ ребъ Акивѣ: «Мнѣ много разсказывалъ о вашемъ сынѣ голодриговскій раввинъ—сказалъ онъ, и я бы хотѣлъ его видѣть.»

Ребъ Акива весь засіялъ; онъ немедленно побѣжалъ подѣлиться своей радостью съ Эстеръ и, чрезъ нѣсколько секундъ, возвратился съ Бенъ-Ціономъ, который смѣло подошелъ къ цадику и подалъ ему „шулемъ-алейхемъ".

— Алехемъ-шулемъ, отвѣтилъ ребъ Шепселе, протянувъ въ свою очередь правую руку Бенъ-Ціону. — Садись, дитя, тутъ около меня.

Эстеръ въ это время стояла у открытой двери и наблюдала за всѣмъ происходившимъ. Можно себѣ представить, какимъ блаженствомъ переполнилось ея сердце при видѣ такого благоволенія великаго цадика къ ея дорогому дѣтищу. Между тѣмъ ребъ Шепселе разговорился съ Бенъ-Ціономъ.

Чѣмъ больше говорилъ онъ съ нимъ, тѣмъ болѣе его поражали умъ, находчивость въ отвѣтахъ и необыкновенныя знанія юноши.

— Кто его учитель? спросилъ ребъ Шепселе у ребъ Акивы.

— Замѣчательный молодой человѣкъ, Екусіэль, отвѣтилъ ребъ Акива.

— Екусіэль? переспросилъ одинъ изъ любимцевъ цадика:— должно быть не еврей, а литвакъ.

— Онъ дѣйствительно литвакъ, отвѣтилъ смущенно ребъ Акива, — но дай Богъ всѣмъ дѣтямъ Израиля быть такими, какъ этотъ истинно богобоязненный молодой человѣкъ.

Ребъ Шепсэле, казалось, очень былъ недоволенъ похвалой Екусіэлю и особенно тѣмъ, что ребъ Акива пожелалъ всѣмъ евреямъ быть таковыми.

— А гдѣ же вашъ богобоязненный молодой учитель? спросилъ колко одинъ изъ приближенныхъ цадика.

Ребъ Акива окинулъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ и тутъ только замѣтилъ, что между ними нѣтъ Екусіэля. Это обстоятельство до того его смутило, что онъ сильно измѣнился въ лицѣ.

— Должно быть, вышелъ на секунду, отвѣтилъ онъ, растерявшись.

— Нѣтъ, крикнулъ на всю комнату грубымъ басомъ Екель, сидѣвшій тутъ же:—Екусіэля тутъ вовсе не было; какъ только всѣ возвратились послѣ молитвы, онъ сейчасъ ушелъ къ лѣсу.

Если бы потолокъ вдругъ обрушился на всѣхъ гостей, ребъ Акива не былъ бы такъ пораженъ, какъ этой выходкой глупаго Екеля. Онъ поблѣднѣлъ и привскочилъ, какъ ужаленный, но, чтобы не выдать себя окончательно, сказалъ:

— Ты постоянно только глупости выкидываешь; Екусіэль дѣйствительно страдаетъ головной болью, и ему, вѣроятно, невозможно сидѣть въ душной комнатѣ; Но я сейчасъ пошлю за нимъ. Впрочемъ, я лучше самъ пойду.

При этихъ словахъ онъ быстро вышелъ изъ комнаты, кликнулъ Миріамъ и обратился къ ней съ вопросомъ:—гдѣ Екусіэль?

— А я же почему знаю? отвѣтила смущенно Миріамъ.

Обратившись съ тѣмъ же вопросомъ къ Эстеръ и получивъ такой же отрицательный отвѣтъ, ребъ Акива вышелъ и направился къ полю—не увидитъ ли тамъ Екусіэля. Всегда добрый и мягкій, онъ на этотъ разъ былъ разъяренъ до послѣдней возможности.

„Какъ!—думалъ онъ въ ужасномъ негодованіи,—имѣть такой случай — сидѣть за однимъ столомъ съ великимъ ребъ

Шепселе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ—и вдругъ уйти! Да полно, еврей ли онъ! Нѣтъ, нѣтъ! Самый худшій еврей не сдѣлаетъ этого; даже служащій въ откупѣ Смаркманъ, который, говорятъ, платокъ носитъ въ субботу, и тотъ, когда пріѣзжаетъ какой нибудь цадикъ въ Голодриговку, отправляется къ нему немедленно, даже «пидьенъ» даетъ ему. А этотъ, каковъ! Сказано—литвакъ! Да, только литвакъ способенъ на такое богохульство. Не даромъ у насъ существуетъ такая масса рязсказовъ объ отступничествѣ литваковъ! Но что подумаетъ обо мнѣ «ойлемъ», что подумаетъ обо мнѣ ребъ Шепселе, когда увидитъ, что я держу въ домѣ такого апикойреса!" Мучимый и волнуемый этими мыслями, ребъ Акива и не замѣтилъ, какъ онъ очутился въ лѣсу, и, только наткнувшись на пень, онъ оглянулся.

Чудная свѣжесть пахнула ему въ лице, и эта ласка природы немного утишила его волненіе. Онъ остановился на нѣсколько мгновеній. Таинственное мрачное, величіе лѣса, куда еле пробивались слабые лучи опустившагося рожка луны, тихій шопотъ листьевъ, наполнили сердце ребъ Акивы какимъ то неиспытаннымъ еще чувствомъ, и долго бы простоялъ онъ въ этомъ волшебномъ царствѣ, если бы не вспомнилъ вдругъ, что дома оставилъ гостей. Быстро пустился онъ обратно и вдругъ наткнулся на Екусіэля, который подошелъ къ нему и, нѣжно взявъ его за руку, сказалъ:

— Помня изреченіе нашихъ великихъ мудрецовъ—не успокаивать ближняго въ минуту его гнѣва, я не стану теперь ничего говорить въ свое оправданіе. Но я васъ умоляю вспомнить еще другое изреченіе нашихъ мудрецовъ: «не суди ближняго, пока самъ не будешь на его мѣстѣ». Завтра же мы подробно потолкуемъ обо всемъ, и я надѣюсь, что между нами сохранятся тѣ же добрыя отношенія, нарушеніе которыхъ всѣхъ насъ повергло бы въ большое горе.

Ребъ Акива теперь больше, чѣмъ всегда, сознавалъ справедливость послѣднихъ словъ. Смотря на благородныя черты Екусіэля, слушая его спокойную, умную рѣчь, звучавшую сыновней нѣжностью, онъ отлично чувствовалъ, какъ тѣсно и

неразрывно связанъ онъ съ этимъ, столь дорогимъ ему человѣкомъ.

— Хорошо, сказалъ онъ уже совершенно обезоруженный:— я согласенъ ждать до завтра и не осуждать васъ. Только теперь пойдемте со мной туда.

— Ради Бога, ребъ Акива, не просите меня объ этомъ. Вѣдь тяжело и даже невозможно было бы вамъ согласиться уйти изъ дому нарочно, когда ребъ Шепселе пріѣхалъ. Мнѣ точно также тяжело и невозможно остаться. Почему—надѣюсь, завтра вы поймете.

Видя, что ему не убѣдить Екусіэля, бѣдный ребъ Акива направился домой въ крайне непріятномъ состояніи и ломая голову, какое бы приличное объясненіе отсутствія Екусіэля представить гостямъ. Екусіэль зналъ отлично, въ какое тяжелое, непріятное положеніе ставилъ онъ ребъ Акиву своимъ отсутствіемъ, и много онъ боролся съ самимъ собою, прежде, чѣмъ рѣшиться причинить такія крупныя непріятности дорогимъ ему людямъ. Какъ однако ему одолѣть свою глубокую ненависть къ этимъ сильно такъ волнующимъ его честную, прямую душу, шарлатанамъ-цадикамъ! Ему ли пожать подлую воровскую руку, которая съ такой беззастѣнчивостью протягивается за подаяніемъ къ горькому бѣдняку! Ему ли пожелать мира человѣку, который такъ святотатственно поддерживаетъ идолопоклонство, поклоненіе человѣка человѣку! Какъ, эти лжецы, эти безстыдные лицемѣры боготворятся тѣмъ самимъ народомъ, который даже Моисея, этотъ міровой колоссъ, на которомъ зиждется вся нравственность всѣхъ народовъ, не обоготворилъ! Этотъ творецъ духовнаго и нравственнаго міра людей, которыхъ онъ извлекъ изъ животнаго состоянія, вдохнувши въ нихъ духъ божества, говорилъ о себѣ скромно, что онъ рабъ Божій, и не требовалъ для себя ничего, кромѣ повиновенія волѣ Господа, во благо повинующагося же,—а эти злобные обскуранты, старающіеся ради своихъ низкихъ цѣлей, ради своихъ узкихъ, личныхъ интересовъ, разрушить трудъ великаго Моисея и снова обратить людей въ животныхъ,—эти выдаютъ себя такъ нагло за святыхъ! И имъ вѣрятъ! О народъ мой, народъ мой, что стало съ тобой, когда-то истиннымъ

носителемъ Божества! «Управляющіе тобою отступники и товарищи ворамъ; всѣ они любятъ подачки и гоняются за мздою, а за сироту и вдову не заступаются они. Твои руководители сбиваютъ тебя съ пути. Награбленное у бѣдняковъ хранится въ вашихъ домахъ. Отчего вы топчете мой народъ! Отчего вы обижаете бѣдняка»! О, гдѣ ты великій пророкъ Іешаіогу! Отчего ты не уличишь этихъ грабителей твоего несчастнаго, обманутаго народа!

Эти чувства до того волновали, до того терзали благородное любящее сердце Екусіэля, что онъ каждый разъ останавливался въ изнеможеніи и протягивалъ руки къ небу, словно прося помощи и защиты для своихъ бѣдныхъ, заблуждающихся братьевъ. Долго ходилъ онъ по лѣсу въ сильномъ волненіи, обуреваемый цѣлымъ роемъ разнородныхъ чувствъ и мыслей. Иногда ему приходило въ голову побѣжать въ корчму и въ присутствіи всѣхъ уличить лжесвятаго.

Но мысль о томъ, что такая выходка съ его стороны повредитъ только ребъ Акивѣ, фанатиковъ же, такъ твердо вѣрующихъ въ святость цадика, не убѣдитъ, а только разъяритъ, останавливала его порывы. Наконецъ, измученный нравственно и физически, онъ возвратился въ корчму, но въ комнату не вошелъ, а легъ во дворѣ на сѣнѣ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Между тѣмъ ребъ Акива, разставшись съ Екусіэлемъ, нетвердыми шагами пошелъ къ гостямъ и нерѣшительно пробормоталъ имъ, что у учителя Бенъ-Ціона дѣйствительно разболѣлась голова, почему онъ и не можетъ явиться. Къ счастью, гости, подъ вліяніемъ выпитаго вина, совершенно забыли о литвакѣ и распѣвали веселые „негилымъ“, прищелкивая пальцами, а нѣкоторые даже пустились въ пляску. Ребъ Шепселе же опять погрузился въ глубокое молчаніе и предался духовному созерцанію. Только очень поздно, когда на востокѣ начало уже блѣднѣть, когда въ воздухѣ уже подуло свѣжимъ, предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ, встревожившимъ весь лѣсъ, который, словно въ испугѣ, повелъ безпокойную бесѣду, только тогда гости разбрелись и расположились спать гдѣ попало, въ шинкѣ, на завалинкѣ, вокругъ будъ и въ самыхъ будахъ.

Ребъ Шепселе конечно отвели хозяйскую спальню, а сами хозяева тоже расположились, гдѣ попало. Прежде чѣмъ уйти спать, ребъ Шепселе пожелалъ попрощаться съ Бенъ-Ціономъ, благословилъ его и даже поцѣловалъ.

— Берегите этотъ драгоцѣнный сосудъ, сказалъ онъ, обращаясь къ ребъ Акивѣ: — берегите его, чтобъ въ него не попала какая нибудь капля скверного вина.

Все это цадикъ произнесъ съ зажмуренными глазами, протяжнымъ, гробовымъ голосомъ.

На другое утро ребъ Шепселе уѣхалъ, получивъ за визитъ восемнадцать рублей ассигнаціями и оставивъ бѣдной Эстеръ и Миріамъ на цѣлый день работы, такъ какъ надо было все привести въ порядокъ послѣ ужаснаго нашествія. Понятно, Эстеръ не только не роптала, но считала себя счастливѣйшей изъ дочерей Сіона.

Въ тотъ же день между ребъ Акивой и Екусіэлемъ произошла бесѣда, длившаяся очень долго. Смущенно встрѣтили другъ друга ребъ Акива и Екусіэль; разнообразныя и совершенно противуположныя чувства волновали ихъ обоихъ, до того противуположныя, что только сильная, почти отеческая любовь ребъ Акивы къ Екусіэлю спасла ихъ отъ окончательнаго разрыва.

Нѣсколько минутъ стояли они молча другъ противъ друга, и никто изъ нихъ не осмѣливался взглянуть другому прямо въ лице.

Еще болѣе очарованный ребъ Шепселе послѣ выказаннаго имъ благоволенія къ его сыну, приведенный въ сильное замѣшательство послѣдними словами его, ребъ Акива испытывалъ тяжкую внутреннюю борьбу.

Екусіэль же, въ первый разъ увидѣвшій воочію цадика и результаты его хищническихъ набѣговъ, почувствовалъ еще бо́льшую ненависть къ этимъ высасывателямъ народной крови, о которыхъ прежде онъ зналъ только по наслышкѣ. Наконецъ Екусіэль сказалъ: „Пойдемте въ лѣсъ, тутъ неудобно говорить“. Медленно, словно осужденные, направились они въ лѣсъ и все время шли молча, не произнеся ни единаго слова. Оба были крайне взволнованы и смущены. Въ первый разъ

приходилось имъ встрѣтиться враждебно, въ первый разъ между ними пробѣжала тѣнь. Оба находились въ какомъ-то мучительномъ ожиданіи чего-то крайне тяжелаго для нихъ обоихъ. Наконецъ они дошли до того мѣста, гдѣ лѣсъ прорѣзывался небольшой рѣчкой. Тутъ усѣлись они подъ тѣнью большой вѣтвистой липы, на прогнившемъ стволѣ повалившейся вербы.

На этотъ разъ Екусіэлъ не замѣтилъ обаянія лѣса, который постоянно наполнялъ его душу такимъ сладкимъ миромъ.

Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Что это мы дѣлаемъ ребъ Акива? Вѣдь ни я, ни вы не совершили ничего дурнаго, а между тѣмъ мы сидимъ другъ противъ друга, словно тяжкіе преступники.

— Ой, что вы говорите, что вы говорите! Мы не преступники! Вы осмѣлились оскорбить величайшаго цадика и считаете себя невиновнымъ! А я, а я! Я держу для своего единственнаго сына, котораго мнѣ Богъ сохранилъ, благодаря молитвамъ цадиковъ, для своего единственнаго сокровища,—я держу учителя, который, который...

Ребъ Акива затруднялся въ словѣ, онъ не рѣшался еще рѣзко выразиться о Екусіэлѣ, прежде чѣмъ выслушалъ его.

— Который не вѣритъ въ цадиковъ, подсказалъ ему послѣдній.

— Какъ, вы ни въ какихъ цадиковъ не вѣрите! А я уже было началъ успокоивать себя тѣмъ, что вы имѣете своего цадика.

— Нѣтъ, я никакихъ не имѣю и ни въ какихъ не вѣрю.

— И вы послѣ этого считаете себя евреемъ! И вы обучаете моего сына! Боже, Боже! до какого несчастья я дошелъ!

— Укажите мнѣ, пожалуйста, хоть одно мѣсто въ библіи или талмудѣ, гдѣ бы еврею вмѣнялось бы въ обязанность вѣрить въ цадиковъ! Я же вамъ могу указать въ библіи множество мѣстъ, изъ которыхъ прямо можно вывести, что всѣ ваши цадики заслуживаютъ чтобы ихъ безжалостно побили каменьями...

При этихъ словахъ ребъ Акива вскочилъ на ноги и, дрожа всѣмъ тѣломъ, воскликнулъ:

— Одумайтесь, Бога ради, что вы говорите! Или это „клыпа“ * въ васъ говоритъ! Что съ вами, что съ вами! Вы богохульникъ!

— Ахъ, ребъ Акива, куда дѣлся вашъ обыкновенный умъ? Зачѣмъ вы столько разъ читаете Библію, когда рѣшительно забываете, что тамъ говорится! Я же отлично знаю, что говорю, и не во мнѣ говоритъ клипа, а въ вашихъ цадикахъ.

Ребъ Акива ухватился обѣими руками за голову.

Екусіэль продолжалъ:

— Укажите мнѣ, въ чемъ заслуга цадиковъ, что они совершаютъ такого великаго, чтобы заслуживать слѣпое благоговѣніе всѣхъ евреевъ, чтобы къ нимъ относились, какъ къ святымъ, покажите мнѣ все это, и тогда я сознаюсь, что я ошибся, что я виноватъ.

— Какъ! воскликнулъ ребъ Акива, съ проблескомъ надежды на то, что еще можно возстановить вѣру Екусіэля въ цадиковъ.—Какъ, вы ничего не слыхали о великихъ чудесахъ цадиковъ? Вѣдь о нихъ весь міръ говоритъ, о нихъ знаетъ ребенокъ въ колыбели. Кто же этого не знаетъ? Хотите, я вамъ тысячу необыкновенныхъ вещей разскажу объ одномъ ребъ Шепселе. Развѣ не ему мы обязаны нашимъ сокровищемъ Бенъ-Ціономъ? Сколько бездѣтныхъ женщинъ родили послѣ того, какъ посѣтили ребъ Шепселе; сколько купцевъ разбогатѣли, послѣ того какъ послали ему на «пидіонъ»? Кто не знаетъ знаменитой исторіи съ дочерью богатаго ребъ Цудика Пиника? Вѣдь это видѣли всѣ, всѣ, какъ ребъ Цудикъ Пиникъ, блѣдный какъ смерть, ворвался къ ребъ Шепселе съ раздирающимъ крикомъ, отъ котораго всѣ помертвѣли. «Ребе, воскликнулъ онъ съ блуждающими глазами, словно съумасшедшій, — ребе, вы должны спасти мою единственную дочь“. При этомъ онъ замертво упалъ у ногъ ребъ Шепселе. Тогда цадикъ воскликнулъ: «Ойлемъ! что хочетъ отъ меня этотъ человѣкъ. Я еще ночью былъ извѣщенъ черезъ ангела о томъ, что дочь ребъ-Цудика будетъ сегодня отозвана на небо. Я сильно сталъ сопротивляться этому и много работалъ тамъ,

---

* Злой духъ.

«на верху»; но ситру—ахру* очень сильна и особенно неумолимъ архангелъ Артахшашту. Но я еще попробую. И ребе удалился въ отдѣльную комнату. И не успѣлъ онъ запереть за собою дверь, какъ прибѣжала жена ребъ Цудика съ крикомъ: „Мозель-Товъ тебѣ, Цудикъ, наша дочь благополучно родила мальчика!“ Цудикъ, котораго считали мертвымъ, вдругъ вскочилъ, кинулся къ женѣ, и оба до того разрыдались, что вся толпа, наполнявшая тогда комнату ребе, больше чѣмъ въ триста человѣкъ, зарыдала вмѣстѣ съ ними, словно во время молитвы «Инсону-Токефъ»... Ну что вы на это скажете? Мало вамъ этого! Вѣдь весь свѣтъ тогда объ этомъ разсказывалъ.

— А что получилъ за это ребъ Шепселе? съ горькой улыбкой спросилъ глубоко потрясенный разсказомъ Екусіэлъ.

— Хай разъ хай** рублей, отвѣтилъ ребъ Акива.

— Это за то, что онъ заперъ за собою дверь? Немного дорого—съ возможной воздержанностью сказалъ сильно возмущенный Екусіэль.—Ахъ, ребъ Акива, ребъ Акива, и такіе-то разсказы заставляютъ васъ благоговѣть передъ этими обманщиками! Если Господь хочетъ наказать кого-либо, то онъ его лишаетъ прежде всего разума. Вѣдь и ребенокъ можетъ видѣть въ этой исторіи всю наглость этихъ кровопійцъ, а вы, всегда умный, всегда разсудительный ребъ Акива, даете себя обмануть такимъ вздоромъ, который, напротивъ, долженъ былъ бы вамъ раскрыть глаза. Ахъ, какъ это тяжело и грустно! Великія истины и законы Моисея, пламенныя, дышащія любовью рѣчи пророковъ забываются, а низкая, невѣжественная болтовня невѣжественныхъ грабителей увлекаетъ милліоны. И послѣ этого вы меня спрашиваете, еврей-ли я! Ахъ, я нестолько дерзокъ, чтобы утверждать о себѣ, что я вполнѣ еврей; но что вы и всѣ вѣрующіе въ цадиковъ не евреи, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. Да, идопоклонники вы, самые скверные идолопоклонники, ибо не солнцу и звѣздамъ покланяе-

* Дьявольское навожденіе.

** Восемнадцать разъ восемнадцать. Слово «хай» по древне-еврейски обозначаетъ жизнь.

тесь вы, а человѣку, да еще самому низкому. Да, ребъ Акива, надо совершенно забыть Бога и Его законы, данные намъ чрезъ нашего великаго учителя Моисея, чтобы поддерживать этихъ грабителей, этихъ развратителей еврейскаго народа! И вѣдь вы все еще вполнѣ убѣждены, что, служа этимъ совратителямъ народа, вы служите Богу. Ахъ, до чего у васъ искажены понятія о томъ, чего по истинѣ требуетъ Господь, какъ далеки вы отъ пониманія Господа! Вспомните, что сказалъ великій пророкъ Іеремiогу: «Только тотъ можетъ хвалиться своей мудростью и тѣмъ, что онъ познал Меня, кто познал во Мнѣ Бога милосердія, Бога, творящаго правосудіе и милость на землѣ; ибо это все, чего желаю Я, говоритъ Господь». Подумайте объ этомъ, ребъ Акива, подите домой и прочтите внимательно пятую книгу библіи, прочтите пророковъ Іешаіогу и Іеремiогу, вдумайтесь въ каждое слово, и вы, можетъ быть, пробудитесь и увидите свои заблужденія, увидите, что вы обратились въ совершенныхъ язычниковъ. Подумайте только о томъ, что вы боготворите человѣка, всегда окруженнаго цѣлой ордой тунеядцевъ и безсовѣстныхъ лежебоковъ, которые не только оставляютъ своихъ женъ и дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію, но еще отнимаютъ у нихъ послѣднее; что тысячи бѣдняковъ валяются въ ихъ переднихъ по мѣсяцамъ, прежде чѣмъ добьются доступа, чтобы имѣть возможность вручить цадику „записку“ съ приложеніемъ послѣдней своей кровной копѣйки. Неужто ваше доброе, сострадательное сердце не возмущается такимъ низкимъ обираніемъ горькихъ бѣдняковъ?

Екусіэль остановился и поднялъ глаза. Тутъ онъ только замѣтилъ, что онъ совершенно одинъ. Оглянувшись кругомъ, онъ увидѣлъ ребъ Акиву, быстро шагавшаго по направленію къ корчмѣ. Тяжело, страшно тяжело стало на душѣ Екусіэля. Какое то отчаяніе овладѣло имъ, отчаяніе, какое почти всегда испытываютъ искренніе, глубоко любящія сердца. И въ сильномъ лихорадочномъ волненіи, мучимый мрачными мыслями, онъ быстро зашагалъ и удалился въ самую чащу лѣса, чтобы повѣдать свое горе таинственнымъ силамъ природы, чтобы въ мрачномъ ея величіи найти успокоеніе своей скорбящей душѣ.

Въ сильномъ волненіи возвратился домой и ребъ Акива, послѣ бесѣды съ Екусіэлемъ. «Боже, Боже! говорилъ онъ про себя, расхаживая быстрыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ и сильно размахивая руками;—онъ не только не вѣритъ въ цадиковъ, но даже считаетъ ихъ... нѣтъ, не хочу даже мысленно повторить это богогульство. Онъ апикойресъ, апикойресъ! Да, да, Боже, кого это я имѣю учителемъ для моего единственнаго Бенъ-Ціона! Неужто Богъ мнѣ это проститъ?

— Но, думалъ опять ребъ Акива,—вѣдь онъ такой богобоязненный, такой строгій въ исполненіи мельчайшихъ подробностей нашей религіи. Я никогда не видѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ утромъ одинъ шагъ, не умывши предварительно ногтей. А какъ онъ молится, съ какимъ пламенемъ, съ какой искренностью, съ какою сладкою мелодіей! вѣдь Шемойна-эсру у него продолжается добрый часъ. И какой онъ почтительный, какой тихій, скромный; и какъ онъ любитъ свой народъ!

И этотъ «тахшидъ» * это «шелковое дитя» впало въ «тьму». Да, да, иначе не можетъ быть «Гвалтъ, гвалтъ! что дѣлать, что дѣлать? Эстеръ». Эстеръ, кликнулъ онъ вдругъ.

Вбѣжала Эстеръ, и. увидѣвъ мужа ужасно встревоженнымъ; начала ломать руки.

— Боже мой, что съ тобой, что случилось? Посмотри на себя, вѣдь на тебѣ лица нѣтъ!

— Что случилось, что случилось? бормоталъ ребъ Акива, еще быстрѣе зашагавъ по комнатѣ:—что случилось! Да что съ тобою говорить!—баба ты, больше ничего.

— Говори, ради Бога, не пугай меня! умоляла Эстеръ мужа.

— Ну, такъ вотъ тебѣ: нашъ Екусіэль—а-пи-кой-ресъ!

Эстеръ отскочила, словно предъ нею разверзнулась земля, чтобы проглотить ее со всей семьей.

— Откуда ты это взялъ, Акива, Богъ съ тобой! обратилась она къ мужу, залившись слезами.

— Онъ не вѣритъ въ ребъ Шепселе! опять съ разстановкою воскликнулъ ребъ Акива.

— Такъ что же такое?—отвѣтила Эстеръ.—Вѣдь нашъ род-

* Сокровище.

ной дядя Шулемъ-Гецель, тоже не вѣритъ въ ребъ Шепселе и говоритъ, что его цадикъ, ребъ Нухимъ-Мехле изъ Мохнестріевки гораздо выше ребъ Шепселе, что даже старыя туфли его цадика больше стóятъ, чѣмъ весь ребъ Шепселе со всѣми его поклонниками. А между тѣмъ, дядя очень богобоязненный еврей.

— Но Екусіэль ни въ какихъ цадиковъ не вѣритъ! воскликнулъ ребъ Акива, раздраженный длинной тирадой жены.

— Что же, — отвѣтила спокойно Эстеръ,—вѣдь почти всѣ хасиды вѣрятъ въ одного только своего, а всѣхъ другихъ не признаютъ. А Екусіэль и этого одного не признаетъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, подумалъ ребъ Акива,—хоть и баба но она права. Но вслухъ прибавилъ по обыкновенію:—э, ты все таки женщина,—но съ такой улыбкой, что Эстеръ ясно увидѣла, что мужъ принялъ во вниманіе ея доводъ.

Да не заподозритъ читатель, избави Богъ, нашу Эстеръ въ вольнодумствѣ и въ одобреніи невѣрующихъ въ цадиковъ. Она только своимъ чуткимъ, любящимъ сердцемъ поняла, какой ужасный разрывъ можетъ произойти между семьей и Екусіэлемъ, разстаться съ которымъ для нея было тоже самое, что оторвать родное дитя отъ сердца. Какъ ни тяжела была для нея мысль о вольнодумствѣ Екусіэля, но женское благородное сердце скорѣе готово было мириться съ этимъ послѣднимъ, чѣмъ даже подумать о возможности нарушенія добрыхъ отношеній съ совершенно сроднившимся съ ея семьей, дорогимъ человѣкомъ.

Ребъ Акива тоже обрадовался такому рѣшенію дѣла со стороны его жены, хотя нельзя сказать, чтобъ оно его убѣдило.

Тотъ же самый доводъ со стороны Екусіэля не удостоился бы даже вниманія ребъ Акивы; но исходя отъ его набожной, глубоко вѣрующей и обожающей цадиковъ жены онъ обрадовалъ Акиву, но все таки скорѣе какъ предлогъ для примиренія. И могъ ли онъ не помириться съ Екусіэлемъ, когда зналъ очень хорошо, что разлука съ этимъ послѣднимъ могла бы быть роковой для Бенъ-Ціона, такъ крѣпко, всей силой своей чистой дѣтской души любившаго своего учителя. Уже одна мысль объ этомъ заставила его содрогнуться. И вотъ

эта любовь къ своему единственному сыну, да и къ самому Екусіэлю заставила ребъ-Акиву одолѣть свой ужасъ къ невѣрующему литваку, и постепенно доброе согласіе снова между ними возстановилось. Этому особенно много способствовалъ мягкій, обаятельный характеръ Екусіэля. Этотъ послѣдній отлично понималъ, что ярый фанатизмъ можно одолѣть не грубой насмѣшкой, не нахальными дѣйствіями наперекоръ, которыя еще пуще раздражаютъ, а мягкостью и любовью. Надо показать имъ, рѣшилъ онъ, что можно быть хорошимъ человѣкомъ и хорошимъ евреемъ, не раздѣляя ихъ предразсудковъ. И когда заблуждающійся начнетъ уважать человѣка съ инымъ образомъ мыслей, онъ кончитъ тѣмъ, что станетъ уважать и этотъ образъ мыслей, а потомъ, быть можетъ, и раздѣлять его.

Такъ думалъ и дѣйствовалъ Екусіэль, руководствовавшійся во всемъ своимъ чистымъ благороднымъ сердцемъ, своей горячо любящей душою. Опорою во всемъ ему служила вѣчно живая, вѣчно неисчерпаемая, вѣчно юная книга книгъ—библія.

Бенъ-Ами.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ РЕАКЦІИ.

Романъ.

Часть вторая. *

VII.

Г-жа фонъ-Утенговенъ поспѣшила добросовѣстно воспользоваться данными ей соборнымъ деканомъ совѣтами и указаніями и исполнить, по мѣрѣ силъ и возможности, возложенное имъ на нее порученіе, причемъ болѣзненное состояніе ея дочери пришлось ей какъ нельзя болѣе кстати. Преслѣдуемая мрачными мыслями о смерти, столь разсудительная и энергичная въ обыкновенное время, Ульрика вполнѣ подчинилась вліянію заботившейся о спасеніи души ея матери. Чѣмъ болѣе приближалось время разрѣшенія отъ бремени Ульрики, чѣмъ неудовлетворительнѣе было ея здоровье, тѣмъ ревностнѣе становились старанія г-жи Утенговенъ, тѣмъ чаще она упоминала въ бесѣдахъ своихъ имя декана, добротой, любезностью и умомъ котораго она не могла нахвалиться. Не касаясь главнаго вопроса—воспитанія въ католической религіи родившихся отъ смѣшаннаго брака дѣтей—она съумѣла заронить въ душѣ своей дочери сомнѣнія и недоумѣнія, отъ которыхъ она ожидала самыхъ благотворныхъ результатовъ.

Хотя Гавріилъ и не имѣлъ понятія объ этихъ секретныхъ нашептываніяхъ, отъ него однако не могло скрыться подавленное состояніе духа его жены; но онъ приписывалъ это болѣзненному состоянію Ульрики и не придавалъ тому

---

* См. «Восходъ» кн. III.

большого значенія. Къ тому же онъ все это время былъ особенно много занятъ на службѣ и ему некогда было обращать особое вниманіе на то, что происходило у него въ домѣ. Онъ ограничился тѣмъ, что поговорилъ объ этомъ съ домашнимъ докторомъ, который вполнѣ успокоилъ его насчетъ Ульрики и посовѣтовалъ только избѣгать всякихъ волненій для нея. Поэтому онъ и не противорѣчилъ ей, когда она однажды, незадолго до родовъ, изъявила желаніе получить св. причастіе изъ рукъ декана, хотя его и непріятно поразилъ выборъ именно этого духовнаго лица, находившагося въ открытомъ разрывѣ съ губернаторомъ.

— Я откровенно сознаюсь тебѣ—сказалъ онъ—что для меня выборъ всякаго другаго духовника, вмѣсто этого гордаго интригана, былъ бы пріятнѣе.

— Вы несправедливы относительно декана — замѣтила г-жа фонъ-Утенговенъ.—Если бы вы знали его поближе, вы бы отказались отъ вашего предубѣжденія. Это просто святой человѣкъ.

— Противъ этого я не спорю—возразилъ Гавріилъ—но я человѣкъ служащій, и поэтому мнѣ кажется не совсѣмъ удобнымъ входить въ болѣе близкія отношенія къ человѣку, который выказалъ такую нетерпимость и выказываетъ систематическую враждебность правительству.

— А я слышала отъ него самого—отвѣтила г-жа Утенговенъ—что онъ искренне сожалѣетъ о своемъ образѣ дѣйствій и охотно протянулъ бы руку для примиренія. Вы можете сказать это г. губернатору. Я ручаюсь за истину его словъ и за его примирительное настроеніе.

— Я очень радъ тому и не премину при случаѣ сообщить г. губернатору эту пріятную для него новость, такъ какъ онъ особенно дорожитъ сохраненіемъ религіознаго мира.

— Къ тому же—присовокупила Ульрика—деканъ намъ родня, знаетъ меня съ дѣтства и съ дѣтства считается другомъ нашего дома.

При такихъ обстоятельствахъ Гавріилъ не имѣлъ болѣе никакихъ основаній противиться долѣе желаніямъ своей жены и тещи, тѣмъ болѣе, что онъ былъ врагъ всякой религіоз-

ной нетерпимости и не желалъ лишать жену свою, въ эту тяжелую для нея минуту, столь необходимаго для нея, по ея складу ума и воспитанію, религіознаго утѣшенія.

На слѣдующее же утро деканъ, по приглашенію г-жи Утенговенъ, явился въ квартиру Гавріила, такъ какъ болѣзненное состояніе Ульрики не дозволяло ей посѣщать церковь. Его любезное и полное такта обхожденіе вполнѣ подтвердило слова г-жи Утенговенъ и даже нѣсколько предубѣжденный противъ него Гавріилъ нашелъ, что онъ судилъ его слишкомъ строго.

На Ульрику посѣщеніе это произвело благотворное дѣйствіе; дѣти были въ восхищеніи отъ дяди-декана, который подарилъ имъ такія красивыя картинки. Все семейство было благодарно ему за его посѣщеніе и Гавріилъ совершенно искренне пригласилъ его повторить его какъ можно скорѣе, такъ какъ отъ него не могло скрыться благотворное вліяніе этого визита на Ульрику.

Чѣмъ чаще онъ сталъ видѣть декана и говорить съ нимъ, тѣмъ болѣе ему казалось, что до сихъ поръ онъ былъ совершенно неосновательно предубѣжденъ противъ него. Послѣдній такъ просто и непринужденно отзывался о прежнихъ своихъ столкновеніяхъ съ губернаторомъ и такъ искренне выражалъ сожалѣніе свое по поводу ихъ, что Гавріилъ не могъ долѣе сомнѣваться въ искренности достопочтеннаго прелата. При каждой новой бесѣдѣ умный прелатъ поражалъ удивленнаго Гавріила своими примирительными взглядами, своею снисходительностью и терпимостью въ дѣлахъ вѣры. Его слова такъ и дышали гуманностью и человѣколюбіемъ, искреннимъ желаніемъ сохранить миръ между различными религіозными партіями и избѣжать раздоровъ. Къ тому же это былъ человѣкъ свѣтски-образованный, привыкшій вращаться въ лучшемъ обществѣ. Ни мало не поступаясь своимъ достоинствомъ, онъ умѣлъ весело и пріятно шутить съ дамами, перекидываться остротами съ мужчинами. Поэтому ему не трудно было въ самое короткое время пріобрѣсти всеобщее расположеніе.

Гавріилъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ,

чтобы поговорить съ губернаторомъ о соборномъ деканѣ и чтобы замолвить въ пользу послѣдняго нѣсколько добрыхъ словъ, на которыя опытный администраторъ отвѣтилъ однакоже недовѣрчивымъ покачиваніемъ головы.

— Берегитесь, мой любезный, этой хитрой лисицы—сказалъ онъ.—Какъ хотите, а я не могу вѣрить ему.

— Ваше превосходительство безъ сомнѣнія измѣнили бы свое мнѣніе о немъ, ближе познакомившись съ нимъ. Увѣряю васъ, что онъ сознаетъ свою неправоту и искренне желаетъ примиренія.

— Тутъ что-нибудь да не ладно—повторялъ осторожный и подозрительный губернаторъ.—Впрочемъ, я буду отъ души радъ, если г. деканъ дѣйствительно желаетъ мира. Я уважаю его, какъ весьма умнаго человѣка, но я не положу ему пальца въ ротъ.

— Мнѣ положительно кажется, что вы несправедливы къ нему. Онъ прежде увлекался, вслѣдствіе избытка рвенія, но теперь отъ души сожалѣетъ о бывшихъ столкновеніяхъ. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ совершенно измѣнилъ свои прежніе взгляды, такъ какъ въ разговорахъ со мной онъ выказывалъ лишь величайшую терпимость къ иновѣрцамъ.

— Ну, чтожъ—замѣтилъ губернаторъ—посмотримъ, какъ онъ будетъ держать себя впредь. Одно дѣло — пообѣщать, другое — исполнить. Я не пойду въ ловушку. Впрочемъ, я нисколько не прочь примириться съ нимъ, если онъ дастъ мнѣ вѣскія доказательства своей благонадежности. Для правительства можетъ быть только пріятно, если такое высокопоставленное духовное лицо, какъ деканъ, подастъ хорошій примѣръ своей паствѣ. Можете сказать ему это отъ моего имени.

Гавріилъ поспѣшилъ исполнить это порученіе и деканъ воспользовался примирительнымъ настроеніемъ губернатора для возстановленія полнаго согласія между враждовавшими доселѣ сторонами. Деканъ сталъ отнынѣ заниматься исключительно исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, не вмѣшиваясь въ религіозныя распри. Благодаря своему умному, полному такта образу дѣйствій, ему удалось мало по малу

пріобрѣсти довѣріе президента и усыпить прежнюю его подозрительность. Кромѣ того онъ всталъ во главѣ разныхъ благотворительныхъ учрежденій, чѣмъ пріобрѣлъ большую популярность какъ среди мѣстныхъ властей, такъ и среди населенія. Дѣйствительно можно было думать, что онъ навсегда отказался отъ всѣхъ своихъ честолюбивыхъ плановъ и даже самые отъявленные противники его, и въ томъ числѣ прежде всего справедливый губернаторъ, не могли нахвалиться его примѣрнымъ образомъ жизни, его миролюбивымъ настроеніемъ и его широкою благотворительностью, оказываемою безъ различія исповѣданій.

Тѣмъ временемъ Ульрика разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Роды были тяжелые, и врачи одно время опасались даже за ея жизнь. Больная сама сознавала серьезность своего положенія и пожелала пріобщиться св. таинъ, противъ чего Гавріилъ не возражалъ. Въ назначенный часъ въ квартиру ихъ явился деканъ со святыми дарами. Во время церемоніи Гавріилъ удалился въ свою комнату, а деканъ пробылъ довольно продолжительное время съ глазу на глазъ съ больной.

Въ первый разъ со времени своего бракосочетанія Гавріилъ почувствовалъ различіе вѣроисповѣданій, раздѣлявшее его отъ его жены. Именно въ этотъ святой и торжественный моментъ онъ долженъ былъ оставаться вдали отъ нея, онъ не могъ и не смѣлъ соединять свои молитвы съ ея молитвами, онъ чувствовалъ отсутствіе всякаго религіознаго общенія съ своей женою. Несмотря на благопріятное мнѣніе, которое онъ имѣлъ объ деканѣ, онъ не могъ удержаться отъ невольнаго чувства страха, когда вспоминалъ о власти, которая дана католическому духовенству надъ умами ихъ паствы. Для него невыносима была мысль, что посторонній человѣкъ узнаетъ самые сокровенные помыслы и чувства, которые его жена, быть можетъ, не повѣритъ даже и ему, что она раскроетъ передъ третьимъ лицомъ его и свою внутреннюю жизнь, и къ тому же еще въ такой часъ, когда близость смерти должна была сдѣлать ее вдвое чувствительнѣй къ вліянію священника, говорившаго именемъ Бога.

Тамъ, за закрытой дверью, сидитъ духовникъ, одинъ, безъ свидѣтелей, подлѣ слабой, больной женщины, выслушиваетъ послѣднія признанія смущенной души, сокровеннѣйшія семейныя тайны, и узнаетъ изъ блѣдныхъ устъ объ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависитъ доброе имя, честь, счастіе заинтересованныхъ лицъ. Одно слово, произнесенное всесильнымъ духовникомъ, можетъ рѣшить судьбу цѣлаго семейства. Въ его рукахъ находятся ключи отъ рая и отъ ада съ его ужасами. Благодаря предоставленной ему власти онъ, хотя и самъ грѣшный человѣкъ, является въ эти минуты не только служителемъ, но какъ бы намѣстникомъ Бога на землѣ. Онъ можетъ, если найдетъ это нужнымъ, отказать умирающему въ послѣднемъ утѣшеніи, въ отпущеніи грѣховъ.

Деканъ долго оставался въ комнатѣ Ульрики. Гавріилъ все это время въ безпокойствіи ходилъ по своей комнатѣ, погруженный въ мрачныя размышленія. Лишь нѣсколько шаговъ, только одна дверь раздѣляла его отъ жены его, но она оставалась запертою. Онъ уже не былъ господиномъ въ своемъ домѣ; патеръ имѣлъ большую власть, пользовался большимъ довѣріемъ, чѣмъ онъ, супругъ. Онъ не долженъ былъ знать того, въ чемъ она сознавалась тому; ея покаянія должны были на-вѣкъ оставаться тайной для мужа, которому запрещалось даже спрашивать объ этомъ. Передъ духовникомъ она выворачивала на изнанку всю свою душу и все свое сердце, остававшіяся закрытыми для супруга. Она прислушивалась къ его словамъ, какъ къ небесному благовѣсту, къ его совѣтамъ, какъ къ откровенію ангеловъ. Онъ выслушивалъ ея признанія, ея жалобы, быть можетъ, ея послѣднія желанія, скрываемыя отъ мужа. Гавріилу казалось, будто между нимъ и его женой встала какая-то темная тѣнь, будто какая-то чужая рука желаетъ отнять у него сердце Ульрики.

Наконецъ снова раздался громкій, рѣзкій звукъ колокольчика; г-жа Утенговенъ и прислуга снова опустились на колѣна и деканъ прошелъ мимо нихъ съ высоко поднятыми для благословенія руками. Гавріилу показалось, будто на

лицѣ духовника играла торжествующая улыбка, но по всей вѣроятности его обманывало его возбужденное воображеніе.

Вскорѣ послѣ того Ульрика позвала его къ себѣ. Онъ нашелъ ее нѣсколько утомленной, но замѣтно успокоенной. Она протянула ему руку, которую онъ нѣжно поцѣловалъ. Оба молчали, обуреваемые различными чувствами. Гавріилъ отвернулся, чтобы скрыть свои слезы.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ онъ ее наконецъ.

— Лучше, гораздо лучше—отвѣтила она слабымъ голосомъ.—Святое причастіе подкрѣпило меня.

— Я боялся, что ты устанешь. Деканъ оставался у тебя такъ долго.

— Что это за человѣкъ!—воскликнула больная, оживившись.—Онъ утѣшилъ и ободрилъ меня. Каждое его слово было бальзамомъ для моего сердца и приносило миръ въ мою душу. Я желала бы, чтобы ты слышалъ его.

— Не волнуйся, пожалуйста—убѣждалъ ее Гавріилъ;—это вредно для тебя. Мы другой разъ поговоримъ о немъ.

— Нѣтъ, нѣтъ—сказала она, съ трудомъ приподнимаясь.—Мнѣ нельзя терять времени. Не сердись на меня, мой милый, если я воспользуюсь немногими часами, которые, быть можетъ, мнѣ осталось жить, для того, чтобы исправить сдѣланное зло. Я умру спокойнѣе, если ты поможешь мнѣ въ этомъ.

— Скажи, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать? Чего ты отъ меня требуешь?—спросилъ онъ, глубоко взволнованный.

— Я знаю—прошептала больная—какъ ты меня любишь, и потому не сомнѣваюсь въ томъ, что ты принесешь мнѣ ту жертву, которой я отъ тебя потребую. Дѣло идетъ о моемъ спокойствіи, о моемъ вѣчномъ блаженствѣ.

— Я съ удовольствіемъ исполню всякое твое желаніе, если только это зависитъ отъ меня.

— Ну, такъ я прошу тебя воспитывать нашего младшаго сына въ католической вѣрѣ.—Какъ, ты молчишь?

Гавріилъ съ удивленіемъ и горестью смотрѣлъ на жену свою, которая съ видимой тревогой ожидала его рѣшенія.

Онъ видѣлъ, какъ ея прекрасные глаза наполнялись слезами, какъ она простирала къ нему свои исхудалыя руки, какъ ея блѣдныя губы дрожали отъ внутренняго волненія. Могъ ли онъ быть настолько жестокъ, чтобы противиться мольбамъ умирающей, послѣднему желанію своей любимой жены?

Уже однажды, при подобныхъ же обстоятельствахъ, онъ нанесъ смертельный ударъ бѣдной Рахили, о которой онъ невольно вспомнилъ въ эту минуту и взялъ на свою совѣсть тяжелый грѣхъ. Онъ зналъ, что отъ его рѣшенія зависитъ, быть можетъ, жизнь Ульрики, что его отказъ убьетъ ее, погаситъ въ ней послѣднюю искру жизни. Отвѣтственность была слишкомъ велика, слишкомъ ужасна. Онъ не хотѣлъ сдѣлаться во второй разъ убійцей своей жены, какъ ни тяжело было для него исполненіе ея желанія.

— Успокойся—сказалъ онъ мягкимъ голосомъ.—Такое важное рѣшеніе требуетъ нѣкотораго размышленія. Я сознаюсь тебѣ, что не ожидалъ именно этой просьбы, что наконецъ мое общественное положеніе...

— Въ виду смерти нѣтъ общественнаго положенія—произнесла она съ глубокимъ вздохомъ.—Завтра, быть можетъ, уже будетъ поздно. Я чувствую, что часы мои сочтены. Неужели мнѣ разстаться съ тобой, не дождавшись этого утѣшенія? Неужели ты будешь такъ жестокъ, что откажешь въ исполненіи послѣдней моей просьбы!

Хотя Гавріилу трудно было рѣшиться на исполненіе желанія больной, онъ однако не въ состояніи былъ долѣе противиться ея просьбамъ, ея слезамъ. Сознаніе вины своей, своего обмана, возлагало на него нѣкоторымъ образомъ обязанность примирить ее съ собою исполненіемъ ея просьбы, принести ей эту жертву, дать ей новое доказательство своей любви.

— Ты не умрешь, ты не должна умереть—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Врачи не отчаяваются въ твоемъ выздоровленіи. Небо услышитъ мои горячія молитвы и сохранитъ тебя для меня и для нашихъ дѣтей. Я, съ своей стороны, охотно сдѣлаю все для успокоенія тебя, и если ты полагаешь, что спасеніе души твоей зависитъ отъ

того, чтобы нашъ младшій сынъ былъ крещенъ въ католическую вѣру и воспитанъ въ ней, то я охотно дамъ тебѣ это обѣщаніе.

— Благодарю тебя, мой милый—прошептала больная съ засвѣтившимися отъ радости глазами.—Твои слова возвращаютъ мнѣ жизнь. Я чувствую себя гораздо бодрѣе. Да благословитъ тебя за это Богъ! Онъ поможетъ намъ. Да свершится воля его!

Ульрика, съ сложенными на груди руками и закрытыми глазами, откинулась на подушки, и вскорѣ заснула. Гавріилъ остался сидѣть у ея изголовья. Уже нѣсколько недѣль она лишена была благодѣянія спокойнаго, укрѣпительнаго сна. Когда въ обычный часъ явились врачи, они не мало были удивлены неожиданно-благопріятнымъ оборотомъ, который приняла болѣзнь, хотя они и не считали еще опасность окончательно устраненною.

Лишь нѣсколько дней спустя наступилъ желанный кризисъ. Однако выздоровленіе подвигалось впередъ лишь крайне медленно, вслѣдствіе чего врачи совѣтовали какъ можно болѣе щадить больную. Вслѣдствіе этого Гавріилъ счелъ себя обязаннымъ сдержать данное обѣщаніе и избѣгать всего, что могло бы взволновать больную.

Деканъ окрестилъ новорожденнаго въ католическую вѣру въ тихомолку, чтобы избѣжать ненужныхъ толковъ и разговоровъ. Но тѣмъ не менѣе протестантское населеніе города отнеслось крайне неодобрительно къ этой уступчивости совѣтника и даже губернаторъ не скрылъ отъ него своего удивленія.

Къ сожалѣнію ребенокъ, получившій въ крещеніи имя Бенедикта, родился такимъ слабымъ, что несмотря на самый тщательный уходъ, умеръ уже черезъ нѣсколько недѣль отъ родимчика. Смерть ребенка до того потрясла еще не совсѣмъ оправившуюся мать, что нѣкоторое время можно было опасаться серьезнаго ухудшенія въ ея здоровьи.

При такихъ обстоятельствахъ все веденіе домашняго хозяйства, понятно, выпало на долю г-жи Утенговенъ, и Гавріилу приходилось менѣе чѣмъ когда-либо заботиться о

воспитаніи дѣтей, предоставленномъ почти исключительно бабушкѣ и католической прислугѣ. Вліяніе г-жи Утенговенъ сказывалось замѣтнѣе всего на маленькомъ Фридрихѣ, очень даровитомъ, но столь же нервномъ ребенкѣ. Несмотря на его, еще дѣтскій, возрастъ, въ немъ уже сказывалась поэтически-мечтательная натура, развитію которой немало способствовала воспріимчивая ко всему Ульрика. Онъ не любилъ играть съ другими дѣтьми, а предпочиталъ сидѣть у ногъ своей все еще больной матери, на которую онъ нѣжно смотрѣлъ своими большими, черными глазами, перелистывая какую нибудь книжку сказокъ или рисуя на аспидной доскѣ разныя фигуры, причемъ онъ преимущественно старался скопировать лики святыхъ съ картинъ подаренныхъ ему деканомъ. Но особенно радъ былъ онъ тому, что бабушка порою брала его съ собою въ соборъ, чтобы помолиться за выздоровленіе матери, или къ декану. Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и удивленія садился онъ возлѣ прелата, всегда относившагося къ нему очень ласково, поглаживавшаго съ отеческою нѣжностью его бѣлокурую головку или дарившаго ему какую нибудь книгу или картинку. Но съ особеннымъ восторгомъ маленькій Фридрихъ каждый разъ вступалъ въ великолѣпный соборъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ готической архитектуры, видъ котораго наполнялъ душу мальчика благоговѣніемъ и удивленіемъ.

Это впечатлѣніе усиливалось еще во время торжественнаго богослуженія, когда раздавались потрясающіе душу звуки громаднаго органа. Мощные звуки эти перемежались пѣніемъ хора и полу-проговоренными, полу-пропѣтыми молитвами декана, совершавшаго богослуженіе, въ блестящемъ, дорогомъ облаченіи, окруженный священниками и діаконами, среди которыхъ величественная фигура особенно рельефно выдѣлялась, когда вся вѣрующая община опускалась на колѣна. Падающій сквозь пестрыя, узорчатыя стекла свѣтъ придавалъ этому величественному зрѣлищу особую торжественность и прелесть, а облака ѳиміама покрывали всю эту картину легкой завѣсой. Впечатлительному мальчику въ эти минуты казалось, что передъ нимъ разверзается небо

со всѣмъ его великолѣпіемъ, его молодая душа содрагалась отъ блаженства, а сердце переполнялось благоговѣніемъ и поэзіей.

Семейныя событія и обстоятельства тоже немало способствовали къ тому, чтобы опутать душу мальчика чарами и соблазнительнымъ блескомъ католической церкви. Какъ только появлялся дядя-деканъ, прислуга почтительно лобзала ему руки, а все семейство относилось къ нему, какъ къ высшему существу, какъ къ святому. Особенно сильное впечатлѣніе произвели на мальчика смерть и похороны новорожденнаго братца. Маленькій трупъ его, уложенный въ черный гробъ, осыпанный цвѣтами и ярко освѣщенный многочисленными свѣчами, казался ему ангельскимъ видѣніемъ. Послѣ похоронъ у него не было другой игры съ своей сестренкой, кромѣ игры въ обѣдню: онъ читалъ обѣдню, подражая голосу и движенію декана, между тѣмъ какъ маленькая Эльза должна была изображать собою то мертваго ребенка, то колѣнопреклоненнаго причетника. Онъ съ затаеннымъ дыханіемъ внималъ разсказамъ благочестивой бабушки о чудесахъ святыхъ или о страшныхъ мукахъ еретиковъ, кончавшихъ за свои прегрѣшенія жизнь свою на кострахъ или въ мрачныхъ подземельяхъ. Въ другой разъ она показывала ему на стѣнахъ собора надгробныя надписи надъ гробницами епископовъ, въ числѣ которыхъ были и члены стариннаго семейства Утенговенъ; ихъ высѣченныя въ камнѣ изображенія и надписи, свидѣтельствовавшія о ихъ благочестіи и о заслугахъ ихъ относительно церкви, глубоко запечатлѣвались въ памяти мальчика.

Все это питало природную мечтательность Фридриха и усиливало въ немъ католическія наклонности, безсознательно сказывавшіяся какъ въ его играхъ, такъ и въ болѣе серьезныхъ занятіяхъ. Сухость религіознаго ученія въ протестантской школѣ, которую онъ посѣщалъ уже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, механическое зазубриваніе катехизиса и непонятныхъ ему текстовъ изъ Библіи, трезвое, лишенное всякаго внѣшняго великолѣпія богослуженіе въ лютеранской церви мало гармонировало съ его живымъ, впечатлительнымъ

умомъ, между тѣмъ, какъ блескъ и торжественность католическаго богослуженія производили на него все болѣе и болѣе сильное обаяніе. Ему то хотѣлось сдѣлаться ангеломъ, какъ умершій братецъ, то хоровымъ мальчикомъ, въ бѣломъ съ краснымъ одѣяніи, съ кадильницей въ рукѣ, то деканомъ, стоящимъ въ золотой ризѣ передъ алтаремъ, то епископомъ, въ митрѣ съ посохомъ въ рукѣ. Таковы были мечтанія этого страннаго мальчика, не подозрѣвавшаго въ это время, какія тяжкія испытанія и горькія разочарованія ожидаютъ его впереди.

VIII.

Письмо братца Гольдштюккера, извѣщавшее Іосифа о серьезной болѣзни старика Самуила, сильно взволновало добряка-Іосифа и онъ выразилъ желаніе немедленно же отправиться съ Саррой къ больному, чтобы получить его послѣднее благословеніе, такъ какъ, судя по полученнымъ извѣстіямъ можно было ожидать скорой его кончины. Гитель, безъ прекословія, дала ему отпускъ на неопредѣленное время и снабдила его и его спутницу такимъ запасомъ теплаго платья и провизіи, какъ будто имъ предстояло совершить кругосвѣтное путешествіе. Вопреки своему обыкновенію, Іосифъ постоянно понукалъ кучера и даже обѣщалъ ему довольно щедрую приплату, если онъ пріѣдетъ во-время.

Всю дорогу онъ только и думалъ о старикѣ-отцѣ, хотя въ сущности имѣлъ бы основательныя причины жаловаться на него. Онъ говорилъ съ благоговѣніемъ о добродѣтеляхъ достопочтеннаго Самуила, въ которомъ онъ уважалъ и патріархальнаго главу семейства, и образецъ истиннаго еврея. Онъ старался также утѣшать Сарру, горько плакавшую при мысли о близкой смерти любимаго дѣдушки.

Она болѣе чѣмъ когда-либо чувствовала въ это время свое одиночество. Она сознавала, что если умретъ, правда строгій, но все же искренне любившій ее дѣдъ, то она останется одинока, безъ всякой опоры и поддержки, бѣдной сиротой, несмотря на то что у нея въ сущности оставался

родной отецъ. Въ первый разъ ей пришлось подумать о своемъ далеко необезпеченномъ будущемъ и въ умѣ ея невольно возникъ мучительный вопросъ о томъ, что станется съ нею въ такомъ случаѣ и что ей прійдется дѣлать. Ея гордость не допускала мысли о томъ, что ей придется жить на хлѣбахъ у родственниковъ, но еще невыносимѣе была для нея мысль о томъ, что ей прійдется искать убѣжища у отца, отрекшагося отъ своей вѣры и сдѣлавшагося виновникомъ смерти ея матери. Она скорѣе готова была служить чужимъ людямъ и поддерживать свое существованіе работой рукъ своихъ, чѣмъ обратиться къ отцу-вѣроотступнику и что-нибудь принять отъ него. Какъ ни молода была она, ея здоровый природный умъ отлично понималъ то безотрадное положеніе, въ которое поставитъ ее ожидавшаяся смерть ея дѣда. Нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній практической Гитель не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что имущественное положеніе стараго Самуила было далеко не столь блистательно, какъ это вообще полагали. Она узнала изъ разговоровъ ея съ Іосифомъ, что онъ въ послѣднее время понесъ чувствительныя потери, которыя, вѣроятно и подорвали въ значительной мѣрѣ его крѣпкое здоровье.

Хотя ей хорошо была извѣстна сердечная доброта ея дяди Іосифа, но она достаточно долго пробыла въ его домѣ, чтобъ отлично понимать, что онъ находился въ полной зависимости отъ своей бережливой жены. Сарра, правда, не имѣла основанія жаловаться на обращеніе съ нею Гитель за все время, которое она гостила въ ихъ домѣ, но у Іосифа было многочисленное семейство и хотя дѣла его шли недурно, ему однако до сихъ поръ не удалось скопить капиталъ и у него еле хватало средствъ на то, чтобы прокормить свое потомство.

Съ такими печальными мыслями ѣхала Сарра къ своему дѣду. Опасенія за больного и ранняя забота о своей собственной будущности тяжело лежали на молодомъ сердцѣ и на прелестныхъ глазахъ ея выступали слезы. Но добрякъ Іосифъ не могъ видѣть слезъ, въ особенности на глазахъ своей любимицы, дочери дорогой сестры его, и потому онъ

всячески старался утѣшить ее, хотя ему самому было невесело.

— Вѣдь ты знаешь нашего братца Гольдштюккера—говорилъ онъ, стараясь улыбнуться.—Онъ вѣчно все преувеличиваетъ и для него ничего не стоитъ сдѣлать изъ теленка быка, изъ мухи—слона. Съ Божьей помощью батюшка поправится и проживетъ еще лѣтъ сто. Только пожалуйста не плачь; мнѣ становится такъ тяжело на сердцѣ, когда слезы катятся по твоимъ щекамъ; мнѣ такъ и кажется тогда, что я вижу твою покойную мать, когда она въ послѣдній разъ шла въ синагогу съ старухой Хаей.

Не желая огорчать добряка-дядю, Сарра старалась удерживать слезы, которыя потекли изъ глазъ ея съ удвоенною силою при этомъ не вполнѣ умѣстномъ воспоминаніи; она даже согласилась съѣсть кусочекъ жаренаго цыпленка, который онъ вынулъ изъ захваченнаго ими съ собой запаса и который онъ предлагалъ ей, какъ универсальное средство противъ всякихъ страданій. „Скушай только кусочекъ", добродушно упрашивалъ, онъ „и ты сейчасъ же увидишь, какъ тебѣ полегчаетъ на сердцѣ. Если ты не станешь ѣсть, ты еще заболѣешь. Не будь дурочкой и съѣшь кусочекъ жаркаго; сдѣлай это ради меня. Выпей также глоточекъ наливки: это подкрѣпитъ тебя. Моя Гитель—а вѣдь она умная женщина—всегда говоритъ: когда всгрустнется, ничто такъ не помогаетъ, какъ глотокъ водочки". И для подкрѣпленія своихъ словъ онъ самъ основательно хлебнулъ изъ бутылки, прежде чѣмъ передать ее Саррѣ, которая, однакоже, всетаки отказалась отъ нея. Но за то она не могла отказаться отъ того, чтобъ онъ прикрылъ ее своей шубой, а самъ остался мерзнуть въ сюртукѣ, хотя онъ и не переставалъ увѣрять ее, что не знаетъ, куда дѣваться отъ жары.

Былъ холодный декабрьскій день, и съ ближнихъ горъ дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, въ скоромъ времени окрасившій въ красный цвѣтъ лицо и въ особенности носъ добраго Іосифа, о чемъ, однако, послѣдній ни мало не безпокоился. Небо заволокло сѣрыми снѣговыми тучами и красивый въ другое время ландшафтъ казался мрачнымъ и непри-

глядынымъ. Большая дорога, по которой они ѣхали, точно вымерла; лишь изрѣдка встрѣчался имъ тяжело нагруженный возъ, который усталыя лошади съ трудомъ тащили по размякшему шоссе. Высокія трубы плавильныхъ печей поднимались на горизонтѣ точно великаны, а закоптѣлыя фигуры углекоповъ беззвучно проскальзывали мимо нихъ, точно подземные духи. Оголенный лѣсъ какъ будто сокрушался о потерѣ своего красиваго одѣянія. Пѣніе птицъ замолкло, и лишь вороны оглашали по временамъ воздухъ своимъ карканіемъ. Саррѣ невольно вспомнилась ея первая поѣздка по этой дорогѣ съ добрымъ бохеромъ, который нѣсколько недѣль тому назадъ получилъ мѣсто учителя въ Биркенштедтельской школѣ. Въ то время лѣсъ еще блисталъ богатой листвой. Въ то время на небѣ еще ярко свѣтило солнце, а ея маленькое сердце было полно радостныхъ надеждъ. А теперь—теперь вся природа была такъ сѣра и печальна, а въ душѣ ея печаль смѣнила радость. Быть можетъ, нѣкоторымъ утѣшеніемъ для нея было бы то, еслибы рядомъ съ нею сидѣлъ Маркъ, хотя добрый ея дядя смотрѣлъ ей въ глаза и старался вычитать въ нихъ ея желанія.

Какъ скоръ показался ей тотъ переѣздъ, а этотъ тянулся цѣлую вѣчность. Печаленъ былъ путь, а еще печальнѣе то зрѣлище, которое ожидало ее, когда повозка, наконецъ, остановилась передъ знакомымъ ей домомъ и она, послѣ столь долгаго отсутствія вошла въ квартиру своего дѣда. У дверей ихъ встрѣтилъ братецъ Гольдштюккеръ и печальное лицо его не предвѣщало ничего хорошаго. Госпожа Малка вышла къ нимъ на встрѣчу съ заплаканными глазами, едва отвѣтивъ на ихъ поклонъ.

— Ради Бога!—воскликнулъ испуганный Іосифъ—живъ ли еще отецъ?

— Онъ еще живъ—простонала Малка—но я не думаю чтобъ онъ васъ узналъ. Его разбилъ параличъ. Господи, помилуй насъ всѣхъ! Если онъ умретъ— я буду ничто, бѣдная, несчастная женщина.

Въ своемъ эгоистическомъ огорченіи она даже и не взглянула на бѣдную Сарру, которая для нея успѣла сдѣ-

латься совсѣмъ чужая. По всей вѣроятности она думала въ эту минуту только о наслѣдствѣ и о томъ, хватитъ ли его, вмѣстѣ съ сдѣланными ею сбереженіями, для дальнѣйшаго безбѣднаго существованія ея. Саррѣ сдѣлалось жутко отъ такого холоднаго пріема. Она уже чувствовала себя сиротой, сознавала, что у нея не было отчаго дома.

Вся внѣшняя обстановка носила на себѣ отпечатокъ безпорядка и суеты. Въ сѣняхъ стояли незнакомые люди, которыхъ она прежде не видѣла, члены благочестиваго общества, имѣвшіе обыкновеніе собираться во время агоніи кого-либо изъ членовъ общины, чтобы молиться за него, подобно тому, какъ вороны собираются вокругъ издыхающаго животнаго. Тутъ толкались нищіе и ротозѣи, друзья и родственники, и все это распоряжалось въ домѣ умирающаго, какъ въ своемъ собственномъ. Порядка никакого не было—была полнѣйшая анархія. На столахъ и прочей мебели густымъ слоемъ лежала пыль. Платье было разбросано по стульямъ, полъ не былъ выметенъ, окна не были вымыты, ковры и салфетки на столахъ не выколочены. Старые стѣнные часы остановились — ихъ забыли завести. Никто, повидимому, не заботился о хозяйствѣ, которое пришло въ крайнее разстройство. Было достаточно немногихъ дней, чтобы произвести этотъ полнѣйшій разгромъ и чтобы повергнуть, вмѣстѣ съ хозяиномъ, въ агонію и все хозяйство.

Бѣдная Сарра какъ-то автоматически послѣдовала за Іосифомъ въ комнату умирающаго, гдѣ раввинъ, вмѣстѣ съ знатнѣйшими членами общины, сидѣли у изголовья Самуила, стараясь ободрить его религіозными утѣшеніями, несмотря на то, что онъ былъ безъ чувствъ. Однако, казалось, онъ узналъ своего сына и свою внучку, когда они схватили его холодныя, исхудалыя руки и стали цѣловать ихъ. Безжизненныя черты лица его оживились, потускнѣвшіе глаза вспыхнули послѣднимъ блескомъ и блѣдныя губы сложились на подобіе улыбки. Умирающій старикъ сдѣлалъ усиліе, чтобы что-то сказать, но пораженный параличемъ языкъ отказался служить ему. Опечаленный и раздосадованный своей неудачей, онъ сталъ смотрѣть то на опечаленнаго Іосифа, то на

безутѣшную Сарру, какъ бы желая повѣрить имъ важную тайну, сдѣлать имъ предсмертное внушеніе.

— Батюшка, дорогой батюшка—воскликнулъ сквозь слезы Іосифъ.—Скажи мнѣ, чего ты желаешь. Я сдѣлаю все, что ты потребуешь.

Больной пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ и указалъ лѣвой рукой, которою онъ еще могъ шевелить, на плачущую Сарру, между тѣмъ, какъ на худомъ, блѣдномъ лицѣ выразилась глубокая скорбь. Огорченный сынъ наклонился надъ умирающимъ, который повторилъ то же движеніе. Очевидно старикъ заботился еще въ послѣднюю минуту о судьбѣ внучки, но несмотря на всѣ старанія ему не удалось произнести ни одного слова. Не особенно догадливый отъ природы Іосифъ на этотъ разъ, повидимому, угадалъ мысль умирающаго отца, хотя тотъ и не могъ говорить. „Богъ мнѣ свидѣтель!"—воскликнулъ онъ — „я ее не покину".

Казалось онъ, самъ того не сознавая, успокоилъ покидающую этотъ міръ душу и облегчилъ для нея разставаніе съ земной оболочкой. Еще разъ едва замѣтная улыбка удовольствія заиграла на блѣдныхъ губахъ его, еще разъ вспыхнули тускнѣющіе глаза, еще разъ онъ протянулъ свою руку, какъ бы для благословенія.

Кругомъ царила глубокая, благоговѣйная тишина, тишина приближающейся смерти.

Вдругъ умирающій поднялся съ сверхъестественной силой, какъ бы преодолѣвая слабость и параличъ. Къ нему возвратился и даръ слова и онъ произнесъ громкимъ, явственнымъ голосомъ: „Внемли, Израиль, я Вѣчный, я твой Богъ". Всѣ присутствующіе вздрогнули, какъ бы услышавъ откровеніе неба, и повторили, не исключая и Сарры: „Внемли, Израиль, я Вѣчный, я твой Богъ".

Еще одинъ вздохъ, легкое хрипѣніе, судорожное движеніе тѣла—и душа старика Самуила отлетѣла среди молитвъ окружавшихъ его. Малка, громко вскрикнувъ, кинулась къ трупу и рвала на себѣ волосы какъ бы для засвидѣтельствованія глубины своей скорби; Іосифъ и Сарра потихоньку

плакали; раввинъ старался по возможности утѣшить обѣихъ женщинъ.

Согласно древнему обычаю, трупъ былъ поднятъ съ постели, положенъ на землю и покрытъ чернымъ платкомъ. Два старика остались возлѣ него, чтобы читать надъ нимъ молитвы. Въ то же время во всемъ домѣ были завѣшаны зеркала, а вся находившаяся въ то время въ домѣ вода вылита, такъ какъ, по преданію, ангелъ смерти обмакнулъ въ нее мечъ свой.

На слѣдующій же день происходили похороны, такъ какъ евреи въ то время имѣли обыкновеніе обходить изданное христіанскими властями о трехдневномъ срокѣ между днемъ смерти и днемъ похоронъ; торопились они такъ вслѣдствіе вѣрованія, что отлетѣвшая отъ тѣла душа до похоронъ не будетъ имѣть покоя. Вся община, съ раввиномъ во главѣ, оказала своему согражданину послѣднюю почесть. На еврейскомъ кладбищѣ, въ небольшой мертвецкой, трупъ былъ сначала обмытъ, и притомъ не наемными людьми, а знатнѣйшими жителями города, добивавшимися этого какъ чести, а затѣмъ облечено въ бѣлый молитвенный балахонъ. Затѣмъ раввинъ подвелъ Іосифа къ трупу, и сынъ громкимъ голосомъ, какъ будто старикъ еще могъ его слышать, при всѣхъ просилъ у отца прощенія за всѣ причиненныя ему при жизни огорченія. За нимъ слѣдовали по порядку другіе родные, друзья и знакомые, читавшіе при этомъ установленныя надгробныя молитвы. Въ заключеніе раввинъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой восхвалялъ заслуги покойнаго и далъ присутствующимъ утѣшительное увѣреніе, что Самуилъ еще сегодня же будетъ сидѣть въ раю и съ наслажденіемъ вкушать гигантской рыбы левіаѳана, превосходящей вкусомъ самыя лучшія яства въ мірѣ, что преисполнило удовольствія всѣхъ присутствующихъ, и въ особенности Іосифа.

По окончаніи рѣчи, опять-таки не наемные носильщики, а сынъ и ближайшіе друзья семейства подняли носилки и понесли ихъ на плечахъ къ вырытой могилѣ, въ которую трупъ и былъ опущенъ не въ гробу, а на носилкахъ. Надъ могильной насыпью Іосифъ прочиталъ въ память и въ честь

своего отца молитву „каддошъ“, которую онъ обязанъ былъ повторять до самой своей смерти въ день кончины отца. чтобы радовать душу покойнаго еще и тамъ, въ раю. Затѣмъ онъ велѣлъ себѣ сдѣлать тутъ же, на кладбищѣ, надрѣзъ на сюртукѣ въ нѣсколько дюймовъ длины въ знакъ траура, послѣ чего онъ возвратился домой, гдѣ онъ съ госпожей Малкой и съ Саррой въ теченіе цѣлой недѣли сидѣлъ на полу и питался только тѣмъ, что имъ приносили и присылали сосѣди. Во все это время говорили только о покойномъ, какъ между собою, такъ и съ многочисленными посѣтителями, приходившими навѣщать и утѣшать лишившихся главы своего семейства. Ни о наслѣдствѣ, ни о будущности бѣдной Сарры не было упомянуто ни единымъ словомъ, такъ какъ вся недѣля должна была быть исключительно посвящена скорби по умершемъ.

Лишь по прошествіи этого срока принялись за дѣла. Согласно завѣщанію, все наслѣдство должно было быть раздѣлено на три равныя части, за исключеніемъ извѣстной суммы, назначенной госпожѣ Малкѣ еще при выходѣ ея замужъ. Но, какъ оказалось, понесенныя Самуиломъ въ послѣднее время потери были такъ значительны, что, за вычетомъ слѣдовавшей Малкѣ суммы, на долю Сарры осталось лишь нѣсколько сотъ талеровъ.

Хотя львиная доля въ наслѣдствѣ досталась госпожѣ Малкѣ, и кромѣ того у нея были еще свои собственныя сбереженія, она жаловалась громче всѣхъ; въ то же время она объявила, что желаетъ возвратиться къ своимъ роднымъ, въ числѣ которыхъ былъ богатый. еще не старый вдовецъ. Злые языки утверждали, что она дожидалась только смерти Оренштейна, чтобы вступить во второй бракъ съ этимъ вдовцомъ, что дѣйствительно и случилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Но теперь она громко спорила изъ-за всякой мелочи, стараясь забрать себѣ то или другое изъ не особенно богатой движимости, изъ которой опять-таки многое уже раньше было ею припрятано. Кончилось тѣмъ, что и тутъ Іосифъ и Сарра остались почти ни съ чѣмъ.

Среди этихъ ссоръ и дрязгъ, которыя еще усиливали въ

ней скорбь объ умершемъ, Сарра вдвойнѣ тяжело ощущала свое сиротство и одиночество. На ея глазахъ старая, съ дѣтства знакомая ей мебель, была отправлена къ старьевщику, старые слуги были отпущены; даже братецъ Гольдштюккеръ долженъ былъ покинуть домъ и искать себѣ новаго пристанища. Старуха Хайя простилась съ нею, обливаясь слезами, между тѣмъ какъ госпожа Малка собиралась въ путь и нагружала большую повозку своими сундуками и ящиками, не переставая перебраниваться съ кучеромъ.

Обливаясь слезами, сидѣла бѣдная Сарра въ почти опустѣвшей квартирѣ—круглая сирота, не зная, что начать, куда дѣться, куда преклонить голову, гдѣ найти помощь и поддержку. У окна стоялъ Іосифъ, погруженный въ глубокую задумчивость, а бѣдняку таки трудненько было думать. Занявшись нѣкоторое время этой непривычной работой, во время которой онъ не переставалъ барабанить пальцами по стеклу, онъ наконецъ принялъ рѣшеніе, рѣшеніе по истинѣ геройское, такъ какъ онъ вообще не привыкъ, да и не смѣлъ рѣшать что либо безъ своей жены. Это первое самостоятельное рѣшеніе своей воли привело его въ замѣтное волненіе, отразившееся и на его туповатомъ языкѣ. Съ какою-то лихорадочною поспѣшностью, какъ будто самъ не довѣряя своей рѣшимости, онъ схватилъ руку плачущей дѣвушки, которая съ удивленіемъ взглянула на него. Послѣ смерти отца онъ считалъ себя какъ бы главою семейства, и это сознаніе придавало ему мужество, чему отчасти способствовало отсутствіе энергичной Гитель. Онъ старался даже придать себѣ важный видъ, что доставалось ему не легко и выходило бы даже нѣсколько комичнымъ, еслибъ эта напускная важность не смягчалась прирожденнымъ ему добродушіемъ.

— Сарра, дитя мое,—сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ— я далъ покойному отцу моему, нынѣ обитающему въ раю, обѣщаніе, что я не покину тебя и буду заботиться о тебѣ. Отнынѣ ты будешь жить въ моемъ домѣ, ѣсть за моимъ столомъ, словомъ — ты будешь мнѣ дочерью. Пока я живъ и здоровъ, ты ни въ чемъ не будешь терпѣть недостатка.

Внучка Самуила, дочь моей сестры, не должна нуждаться и скитаться по чужимъ людямъ, пока у меня есть хоть грошъ въ карманѣ. Я этого не долженъ допустить даже ради памяти моего покойнаго отца. Я возьму тебя съ собою въ Биркенштедтель и моя Гитель, безъ сомнѣнія, съ радостью приметъ тебя.

Послѣ этой длинной рѣчи, которая стоила добряку Іосифу не малаго труда, онъ поцѣловалъ Сарру, которая была слишкомъ взволнована, чтобы тотчасъ-же отвѣтить на его неожиданное предложеніе.

— Ты такъ добръ, такъ добръ, — произнесла она, наконецъ, сквозь рыданія,—но я боюсь быть тебѣ въ тягость.

— Не говори вздора—воскликнулъ Іосифъ, совершенно забывая свою напускную важность. — Ты не только не будешь мнѣ въ тягость, но, напротивъ, доставишь мнѣ величайшее удовольствіе. Когда я вижу твое веселое личико. мнѣ самому становится весело на душѣ. Словомъ, ты ѣдешь со мною и останешься жить у насъ. Ѣда покажется мнѣ вдвое вкуснѣе, если ты будешь сидѣть за нашимъ столомъ.

— Но у тебя у самаго дѣти, о которыхъ тебѣ нужно заботиться—отвѣтила молодая дѣвушка задумчиво—и тебѣ не слѣдуетъ брать на себя новую обузу.

— Знаешь что, — я еще разсержусь. Развѣ и ты не дитя мое? Что за важность, что мнѣ придется кормить лишній ротъ. Тамъ, гдѣ десять человѣкъ остаются сыты, не трудно прокормить и одиннадцатаго. Богъ дастъ, не умремъ съ голоду. Къ тому же ты сторицей заслужишь тотъ хлѣбъ, который получишь отъ меня. Вѣдь ты можешь помогать моей Гитель по хозяйству; она и безъ того жалуется на то, что ей не справиться со всѣмъ. Если она посадитъ тебя въ лавку, отъ покупателей не будетъ отбоя. Ты будешь помогать ей вести книги, писать счеты и письма, такъ что намъ можно будетъ обойтись безъ приказчика. Ты намъ будешь очень полезна и не только сдѣлаешь намъ одолженіе, но еще заработаешь себѣ деньги. Вотъ-то будетъ удовольствіе, когда мы опять пойдемъ гулять въ дворцовомъ саду и бу-

демъ бесѣдовать съ нашимъ умнымъ учителемъ. Да я этого удовольствія не уступлю даже за цѣлый горшокъ съ золотыми червонцами.

Сарра не могла не улыбнуться. Ей трудно было противустоять противъ такой доброты, хотя она все еще продолжала сомнѣваться въ томъ, одобритъ-ли Гитель этотъ планъ. Но добрякъ Іосифъ въ своей сердечной радости и не думалъ о возможныхъ послѣдствіяхъ своего смѣлаго шага. Онъ снова принялся обнимать и цѣловать молодую дѣвушку, какъ будто она сдѣлала ему величайшее удовольствіе. Затѣмъ онъ побѣжалъ сдѣлать еще нѣсколько распоряженій и визитовъ; Сарра же осталась одна и стала, хотя и съ тяжелымъ сердцемъ, укладывать въ свой сундукъ скудные пожитки, доставшіеся ей изъ дѣдушкина наслѣдства. Вся углубившись въ это занятіе, она не замѣтила, какъ кто-то тихонько постучалъ въ дверь. Тѣмъ сильнѣе было ея удивленіе, когда она вдругъ неожиданно увидѣла передъ собою двухъ мужчинъ, въ одномъ изъ которыхъ она тотчасъ-же узнала преслѣдовавшаго ее Готшалька.

Спутникъ его, высокій человѣкъ, укутанный въ темный дорожный плащъ, въ видимомъ волненіи прислонился къ стѣнѣ и съ влажными отъ слезъ глазами смотрѣлъ на испуганную дѣвушку, которая при видѣ его не могла удержаться отъ легкой дрожи. Какой-то страхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то пріятное предчувствіе заставили ея сердце биться сильнѣе и она почувствовала какое-то стѣсненіе въ груди.

— Сарра!—раздался замѣтно взволнованный голосъ, который, какъ ей казалось, она уже слышала во снѣ.

Она хотѣла говорить, спросить, но не могла произнести ни слова. Блѣдная и нѣмая, она стояла, подобно статуѣ изъ бѣлаго мрамора, и не въ состояніи была пошевелиться.

— Сарра!—опять воскликнулъ незнакомецъ, простирая къ ней руки—иди къ твоему отцу.

— Отецъ мой—пробормотала она, почти изнемогая подъ тяжестью обуревавшихъ ее въ эту минуту ощущеній.

IX.

Прошло болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Гавріилъ покинулъ свою жену и свою пятилѣтнюю дочь. Вмѣсто прежняго малаго ребенка, онъ видѣлъ теперь передъ собою красивую, молодую дѣвушку. Черты лица ея, правда, напоминали добрую Рахиль, но въ черныхъ глазахъ ея свѣтился умъ, избыткомъ котораго не отличалась ея покойная мать, а складъ губъ обнаруживалъ твердость характера, граничащую съ упрямствомъ. Мрачнымъ, почти угрожающимъ взоромъ посмотрѣла она на отца, оправившись отъ перваго впечатлѣнія. Въ ея душѣ боролись любовь и ненависть, нѣжность и негодованіе, радость и горе, смѣняя другъ друга съ поразительной быстротой. То она чувствовала, что ее влечетъ къ нему какая-то невидимая сила, то ее что-то отталкивало отъ него, то она желала броситься въ его объятія, то ей хотѣлось бѣжать, то сердце ея раскрывалось, то опять судорожно сжималось. Когда красивый, знатный господинъ, назвавшійся отцомъ ея, говорилъ съ нею съ такою любовью и нѣжностью, ею инстинктивно одолѣвало невѣдомое ею доселѣ чувство, сознаніе того, что она, какъ дочь его, должна его любить. Она любовалась его красивымъ, мужественнымъ видомъ, его изысканнымъ языкомъ, его изящными манерами, его сдержаннымъ и въ то же время ласковымъ обращеніемъ; всего этого она не замѣчала среди окружающихъ ее лицъ, между тѣмъ какъ сама она чувствовала къ тому инстинктивное стремленіе.

Но мысль о покинутой матери ея, ужасное обвиненіе ея дѣда, мысль о томъ, что отецъ бросилъ и ее еще ребенкомъ—все это набрасывало тѣнь на ея отца, дѣйствовало на едва распустившійся цвѣтъ любви ея къ отцу подобно тому, какъ поздній морозъ дѣйствуетъ на показавшійся изъ подъ земли вешній цвѣтъ. Но не одну Сарру, а также и Гавріила волновали самыя разнообразныя чувства. Его поразила красота его дочери, умное выраженіе ея лица, онъ любовался ея граціей, но въ то же время его удивляла, даже оскорбляла ея сдержанность, ея почти отталкивающая

холодность. Онъ ожидалъ радостной встрѣчи, искренняго проявленія любви, преданности и нѣжности; вмѣсто нихъ онъ встрѣчалъ какое-то оскорбительное недовѣріе, несвойственное ея возрасту самообладаніе; вмѣсто послушнаго, благодарнаго и наивнаго ребенка онъ видѣлъ передъ собою вполнѣ самостоятельную женщину, обвинительницу и судью его дѣйствій.

Гавріилъ нашелся вынужденнымъ объяснить гораздо подробнѣе, чѣмъ онъ вначалѣ предполагалъ, свое положеніе и свой образъ дѣйствій, чтобы побороть ея предразсудки, устранить ея подозрѣнія. Молча, прижимая руки къ сердцу, какъ бы желая утишить его біеніе, она выслушала его исповѣдь, разсказъ о тяжелой, вынесенной нмъ, внутренней и внѣшней борьбѣ, причины, побудившія его принять христіанство, свою размолвку съ нетерпимымъ дѣдомъ и свою разлуку съ доброй, слабой Рахилью, не перенесшею этого удара.

Все время, пока онъ говорилъ, странная, зрѣлая не по лѣтамъ, дѣвушка ни единымъ словомъ, ни малѣйшимъ проявленіемъ любви или ненависти, прощенія или гнѣва, не выдала того, что происходило въ душѣ ея; лишь изрѣдка бѣлый лобъ ея слегка морщился, черные глаза ея вспыхивали и слеза скатывалась по ея щекамъ, между тѣмъ какъ сердце сжималось отъ невыразимой горести и печали.

-- Теперь ты знаешь все — такъ закончилъ Гавріилъ свою рѣчь.—Я ничего не скрылъ отъ тебя и надѣюсь, что ты теперь не такъ строго будешь судить дѣйствія твоего отца и будешь имѣть обо мнѣ лучшее мнѣніе, чѣмъ какое ты составила себѣ на основаніи страстныхъ и фанатичныхъ обвиненій тѣхъ лицъ, которыя доселѣ окружали тебя. При твоемъ ясномъ умѣ тебѣ не трудно будетъ понять пристрастныя искаженія, ложные слухи и невѣрныя свѣдѣнія, сообщавшіяся тебѣ доселѣ относительно меня. Я не могу, да и не желаю считать себя безусловно правымъ, но не меньшаго упрека заслуживаютъ тѣ, которые своею нетерпимостью и своимъ неумѣстнымъ рвеніемъ толкнули меня на этотъ тяжелый шагъ. Богъ мнѣ свидѣтель, какую я вынесъ тяжелую борьбу, какъ я страдалъ, какъ я скорбѣлъ, узнавъ о смерти

твоей доброй матери. Если она въ состоянiи слышать меня въ настоящую минуту, она, безъ сомнѣнiя, проститъ мнѣ, узрѣвъ духомъ истину и понявъ, что не я, а лишь только стеченiе несчастныхъ обстоятельствъ виноваты въ ея и въ моемъ несчастiи.

Задушевный тонъ рѣчи ея отца, откровенное изложенiе обстоятельствъ, приведенные имъ доводы, основательность которыхъ была очевидна для нея, и прежде всего обаянiе его личности не могли не произвести сильнаго впечатлѣнiя на ея молодое сердце. Выслушавъ его, она уже не могла его осуждать, хотя въ душѣ ея и возникали еще нѣкоторыя сомнѣнiя, отравлявшiя радость этой минуты.

— Спасибо тебѣ за то, — сказала она, наконецъ—что ты вспомнилъ обо мнѣ и разыскалъ меня.

— Давно уже—отвѣтилъ онъ—я заботился о тебѣ и о твоей участи, какъ ты вѣроятно слышала отъ моего друга Готшалька. Но, къ сожалѣнiю, многочисленныя занятiя мои и другiя обстоятельства до сихъ поръ мѣшали мнѣ дать тебѣ наглядное доказательство въ томъ, что я не забылъ тебя. Попытка сближенiя, сдѣланная мною черезъ моего друга, разбилась о сопротивленiи твоего дѣда, который даже счелъ нужнымъ совершенно удалить тебя отсюда. Я счелъ нужнымъ щадить предразсудки этого почтеннаго, но фанатическаго старика, и не хотѣлъ довести дѣла до крайности. Къ тому же меня какъ разъ въ то время поглощали тяжелыя домашнiя заботы, такъ что мнѣ не удалось тотчасъ-жъ привести въ исполненiе мое намѣренiе и по-неволѣ пришлось ждать. Но когда я узналъ отъ моего друга о смерти твоего дѣда и о твоемъ теперешнемъ безпомощномъ положенiи, то меня уже ничто не могло удержать отъ исполненiя моего долга и вотъ я прiѣхалъ къ тебѣ, чтобы посмотрѣть, что я могу сдѣлать для тебя и для твоей будущности.

— Я вовсе не такъ одинока, какъ ты думаешь—робко возразила Сарра. — Дядя Iосифъ предложилъ мнѣ убѣжище въ своемъ домѣ, и, если ты ничего противъ этого не имѣешь, я бы желала отнынѣ остаться жить у него.

— Нѣтъ, этого нельзя—сказалъ Гаврiилъ, качая голо-

вой.—Я намѣренъ дать тебѣ воспитаніе, вполнѣ соотвѣтствующее моему положенію. Ты не должна дольше оставаться въ теперешней твоей обстановкѣ, которая только поддерживаетъ въ тебѣ ложные взгляды и предразсудки. Я не могу оставить тебя въ еврейскомъ семействѣ, въ домѣ, въ которомъ не признается единственный путь къ спасенію.

— Ради Бога!—воскликнула она въ испугѣ — чего ты отъ меня требуешь?

— Только того, что предписываютъ мнѣ мой долгъ и моя совѣсть—твоего блага, твоего счастія. Поэтому я намѣренъ сначала отдать тебя въ христіанскій пансіонъ, гдѣ ты докончишь свое образованіе подъ руководствомъ почтенныхъ и благочестивыхъ воспитательницъ и отрѣшишься отъ теперешнихъ твоихъ заблужденій. Когда ты, какъ я того жду и надѣюсь, усвоишь себѣ высшее образованіе и перейдешь въ христіанскую вѣру, я тебя открыто признаю своей дочерью и приму тебя въ мой домъ, гдѣ тебя ожидаютъ любящій отецъ, вторая мать, братья и сестры, и прекрасная, счастливая будущность.

Ошеломленная и испуганная, какъ будто подъ ея ногами вдругъ разверзлась бездна или будто ее ударила любящая рука, Сарра уставилась на своего отца, и не подозрѣвавшаго силы произведеннаго его словами на нее впечатлѣнія. Онъ слишкомъ быстро и грубо разрушилъ всѣ ея мечты о родительской любви, вырвалъ нѣжные отпрыски, пущенные было ея молодымъ сердцемъ, разрушилъ зародившееся было въ ней довѣріе, оскорбилъ самыя чистыя и святыя чувства ея. Кто давалъ ему право произвольно распоряжаться ея судьбой, обращаться съ нею, какъ съ неимѣющимъ своей воли ребенкомъ, послѣ того какъ онъ прежде бросилъ ее на произволъ судьбы? Развѣ не онъ самъ разорвалъ всѣ узы, нарушилъ свои обязанности относительно нея и предоставилъ ее на произволъ случая? А теперь онъ вдругъ требуетъ отъ нея, чтобъ она слѣпо слѣдовала за нимъ, чтобъ она принесла для него въ жертву свои убѣжденія, самыя лучшія и священныя воспоминанія свои, чтобъ она отреклась отъ единственнаго человѣка, къ которому лежало ея сердце,

чтобъ она оттолкнула своихъ родныхъ, всегда относившихся къ ней съ любовью, отреклась отъ вѣры своей матери, нарушила данную ею дѣду торжественную клятву!

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ—я никогда не стану креститься, я не хочу сдѣлаться христіанкой!

— Я и не требую отъ тебя—кротко сказалъ Гавріилъ—чтобы ты приняла рѣшеніе тотчасъ же, безъ предварительнаго обсужденія. Въ пансіонѣ ты будешь имѣть случай ознакомиться съ христіанскою религіей и я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что ты современемъ сама изберешь единственный путь, который можетъ повести тебя къ счастію.

Готшалькъ, который доселѣ молчалъ, тоже счелъ нужнымъ поддержать друга своимъ краснорѣчіемъ и прочесть упрямой Саррѣ цѣлую лекцію о преимуществахъ христіанства, но достигъ цѣли діаметрально-противуположной той, которую онъ поставилъ себѣ. Все время, пока онъ говорилъ, улыбка недовѣрія играла на губахъ Сарры; когда же отецъ ея опять заговорилъ о своей родительской любви и напомнилъ ей ея обязанности относительно него, она, ничего не отвѣчая ему, смотрѣла на него взоромъ, полнымъ печали и укора. Всѣ его доводы и убѣжденія, просьбы и совѣты отскакивали отъ нея, какъ будто она была покрыта желѣзной броней. Въ выраженіи ея лица и въ словахъ, во всѣхъ ея манерахъ сказывалась та своеобразная смѣсь холодной разсудительности и жгучей страсти, непоколебимаго упрямства и вѣрности своимъ убѣжденіямъ, которыя когда-то одушевляли ветхозавѣтныхъ героинь, Юдиѳь и Дебору.

— Я поклялась моему покойному дѣду на могилѣ моей матери—сурово произнесла она—что я никогда не буду креститься.

— Такая клятва—сурово возразилъ Гавріилъ—недѣйствительна и необязательна для тебя. Только отцу твоему принадлежитъ право рѣшать твою будущность; мнѣ одному ты обязана повиноваться.

— Но ты забываешь, что до сихъ поръ у меня не было отца, что я всѣмъ обязана дѣду. Онъ любилъ меня,

заботился обо мнѣ, сидѣлъ возлѣ моей кровати, когда я была больна, воспиталъ и охранялъ меня. А дядя Іосифъ былъ другомъ моего дѣтства, который носилъ меня на рукахъ, игралъ со мной и осыпалъ меня доказательствами своей нѣжности. Родные моей матери кормили, одѣвали и воспитали меня.

Каждое изъ ея словъ звучало, какъ горькій упрекъ, и еще болѣе раздражало и безъ того уже оскорбленнаго Гавріила, который лишь съ трудомъ сдерживался. „Я уже сказалъ тебѣ“—отвѣтилъ онъ съ нетерпѣніемъ—„что въ то время обстоятельства помѣшали мнѣ исполнить мои обязанности, что мнѣ невозможно было позаботиться о тебѣ“.

— Я даже не знала—продолжала Сарра—что отецъ мой живъ и должна была думать, что ты давно умеръ. Поэтому я перенесла всю мою любовь на моего дѣда и на другихъ родныхъ. Лишь много лѣтъ спустя я узнала, что у меня еще есть отецъ. А теперь ты вдругъ являешься самъ и требуешь отъ меня, чтобы я все забыла, чтобы я сразу изгладила всѣ воспоминанія и ощущенія, глубоко начертанныя въ моемъ сердцѣ, чтобы я покинула моихъ друзей и родныхъ и отреклась отъ моей вѣры.

— Но за то я предлагаю тебѣ щедрое вознагражденіе—любовь твоего отца.

— Я боюсь—печально произнесла она—что теперь уже слишкомъ поздно. Еслибы я была еще ребенкомъ и ты бы раньше обо мнѣ вспомнилъ и взялъ меня къ себѣ, то я, безъ сомнѣнія, съ радостью повиновалась бы тебѣ. Но съ тѣхъ поръ я выросла и узнала многое, что противорѣчитъ твоимъ взглядамъ. Я не могу повѣрить и никогда не повѣрю, чтобы твоя религія была лучше моей, что только христіанинъ можетъ спастись, что всѣ мои родные отверженцы только потому, что они молятся Богу Израиля. Я никогда не повѣрю тому, чтобы мое спасеніе зависѣло отъ того, что я...

— Довольно!—рѣзко прервалъ ее Гавріилъ.—Ты все это лучше постигнешь и поймешь, когда ты просвѣтишься,—какъ я надѣюсь и отъ души желаю. Я обязанъ ука-

зать тебѣ путь къ спасенію, и поэтому я еще сегодня же отведу тебя въ пансіонъ, въ которомъ ты останешься до тѣхъ поръ, пока ты окажешься достойной вступить въ христіанскую общину и въ мой домъ.

— Ты не можешь заставить и не заставишь меня поступить противъ моихъ убѣжденій. Я никогда не покину моего добраго дядю и не сдѣлаюсь христіанкой.

— Не доводи меня до крайности!—воскликнулъ онъ раздраженнымъ тономъ;—иначе мнѣ придется воспользоваться моей родительской властью и ты сама будешь сожалѣть объ этомъ!

Сарра стояла противъ удивленнаго и раздраженнаго отца своего съ раскраснѣвшимися щеками и блестѣвшими глазами, крѣпко сжавъ губы и сморщивъ брови, какъ олицетвореніе твердой рѣшимости и несокрушимой энергіи.

— Убей меня!—наконецъ воскликнула она, увлеченная гнѣвомъ и упрямствомъ — убей меня, какъ ты убилъ мою бѣдную мать въ день отпущенія грѣховъ!

Нѣсколько мгновеній царило глубокое, тяжелое молчаніе, точно послѣ сильнаго раската грома. Гавріилъ безмолвно смотрѣлъ на свою дочь, самъ еще хорошенько не зная, осуществить ли ему свою угрозу. Печаль и гнѣвъ, раскаяніе и досада боролись въ его родительскомъ сердцѣ и лишали его въ этотъ важный моментъ спокойствія и хладнокровія. Снова, послѣ многихъ лѣтъ, въ этомъ семействѣ сталкивались два непримиримыя противорѣчія, два, раздѣленныя глубокою пропастью, міровоззрѣнія; снова сталкивались, при тѣхъ же обстоятельствахъ, даже въ томъ же домѣ, вѣра съ вѣрой, убѣжденіе съ убѣжденіемъ, въ противоестественной борьбѣ за религію, во имя Бога, который есть любовь.

— Ты права—сказалъ наконецъ Гавріилъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія съ горькой улыбкой.— Я явился слишкомъ поздно. Лучше бы мнѣ было никогда не видѣть тебя. Да, я, къ сожалѣнію, долженъ считать тебя навсегда потерянной для меня, такъ какъ ты не хочешь слушать меня и отталкиваешь мою руку. Хотя законъ

и представляетъ мнѣ на то право, но я не желаю прибѣгать къ насилію, чтобы сдѣлать тебя счастливой. Отправляйся къ своему дядѣ и оставайся еврейкой. Но ты, конечно, поймешь, что при такихъ обстоятельствахъ ты уже не дочь мнѣ, что я, хотя и съ болью въ сердцѣ, долженъ навсегда отказаться отъ тебя, что мы разстаемся на-вѣки.

Хотя каждое его слово острымъ ножомъ вонзалось въ ея сердце и безжалостно разрушало всѣ ея надежды, она была слишкомъ горда, чтобы просить прощенія у разгнѣваннаго отца.

Въ жилахъ Сарры текла кровь стараго Самуила, внучка унаслѣдовала отъ дѣда его упорство. Гавріилъ тщетно ждалъ признака раскаянія, ласковаго слова изъ этихъ судорожно сжатыхъ устъ. Тщетно перепуганный Готшалькъ старался склонить упрямую дѣвушку къ сознанію своей вины. Хотя бы отъ этого зависѣла ея жизнь, но она рѣшилась не просить прощенія у своего отца. Только тяжелый вздохъ вырвался изъ груди ея и горючія слезы потекли по ея щекамъ, когда Гавріилъ, даже не простившись съ нею, повернулся, чтобы покинуть ее навсегда. Но даже и теперь она не пыталась удержать его хотя бы единымъ словомъ примиренія, хотя она невыразимо страдала при мысли, что ей прійдется на вѣкъ потерять только что найденнаго ею отца.

Лишь тогда, когда онъ отворилъ дверь, чтобъ уйти съ Готшалькомъ, она невольно испустила раздирающій душу крикъ и кинулась за нимъ, чтобы еще разъ схватить его руку. Но силы ее покинули, она чувствовала себя близкой къ обмороку, и подъ гнетомъ тяжелыхъ чувствъ, она упала у ногъ своего отца.

Въ это самое время Іосифъ, поспѣшившій окончить свои дѣла и визиты, вернулся домой, радуясь тому, что онъ не заставилъ слишкомъ долго ждать себя свою дорогую племянницу. Разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, онъ въ испугѣ смотрѣлъ на двухъ незнакомыхъ ему мужчинъ, державшихъ при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, въ своихъ объятіяхъ лишившуюся чувствъ Сарру.

— Боже мой, Боже мой! — воскликнулъ онъ въ ужасѣ —

зать тебѣ путь къ спасенію, и поэтому я еще сегодня же отведу тебя въ пансіонъ, въ которомъ ты останешься до тѣхъ поръ, пока ты окажешься достойной вступить въ христіанскую общину и въ мой домъ.

— Ты не можешь заставить и не заставишь меня поступить противъ моихъ убѣжденій. Я никогда не покину моего добраго дядю и не сдѣлаюсь христіанкой.

— Не доводи меня до крайности!—воскликнулъ онъ раздраженнымъ тономъ;—иначе мнѣ придется воспользоваться моей родительской властью и ты сама будешь сожалѣть объ этомъ!

Сарра стояла противъ удивленнаго и раздраженнаго отца своего съ раскраснѣвшимися щеками и блестѣвшими глазами, крѣпко сжавъ губы и сморщивъ брови, какъ олицетвореніе твердой рѣшимости и несокрушимой энергіи.

— Убей меня!—наконецъ воскликнула она, увлеченная гнѣвомъ и упрямствомъ — убей меня, какъ ты убилъ мою бѣдную мать въ день отпущенія грѣховъ!

Нѣсколько мгновеній царило глубокое, тяжелое молчаніе, точно послѣ сильнаго раската грома. Гавріилъ безмолвно смотрѣлъ на свою дочь, самъ еще хорошенько не зная, осуществить ли ему свою угрозу. Печаль и гнѣвъ, раскаяніе и досада боролись въ его родительскомъ сердцѣ и лишали его въ этотъ важный моментъ спокойствія и хладнокровія. Снова, послѣ многихъ лѣтъ, въ этомъ семействѣ сталкивались два непримиримыя противорѣчія, два, раздѣленныя глубокою пропастью, міровоззрѣнія; снова сталкивались, при тѣхъ же обстоятельствахъ, даже въ томъ же домѣ, вѣра съ вѣрой, убѣжденіе съ убѣжденіемъ, въ противоестественной борьбѣ за религію, во имя Бога, который есть любовь.

— Ты права—сказалъ наконецъ Гавріилъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія съ горькой улыбкой.— Я явился слишкомъ поздно. Лучше бы мнѣ было никогда не видѣть тебя. Да, я, къ сожалѣнію, долженъ считать тебя навсегда потерянной для меня, такъ какъ ты не хочешь слушать меня и отталкиваешь мою руку. Хотя законъ

и представляетъ мнѣ на то право, но я не желаю прибѣгать къ насилію, чтобы сдѣлать тебя счастливой. Отправляйся къ своему дядѣ и оставайся еврейкой. Но ты, конечно, поймешь, что при такихъ обстоятельствахъ ты уже не дочь мнѣ, что я, хотя и съ болью въ сердцѣ, долженъ навсегда отказаться отъ тебя, что мы разстаемся на-вѣки.

Хотя каждое его слово острымъ ножомъ вонзалось въ ея сердце и безжалостно разрушало всѣ ея надежды, она была слишкомъ горда, чтобы просить прощенія у разгнѣваннаго отца.

Въ жилахъ Сарры текла кровь стараго Самуила, внучка унаслѣдовала отъ дѣда его упорство. Гавріилъ тщетно ждалъ признака раскаянія, ласковаго слова изъ этихъ судорожно сжатыхъ устъ. Тщетно перепуганный Готшалькъ старался склонить упрямую дѣвушку къ сознанію своей вины. Хотя бы отъ этого зависѣла ея жизнь, но она рѣшилась не просить прощенія у своего отца. Только тяжелый вздохъ вырвался изъ груди ея и горючія слезы потекли по ея щекамъ, когда Гавріилъ, даже не простившись съ нею, повернулся, чтобы покинуть ее навсегда. Но даже и теперь она не пыталась удержать его хотя бы единымъ словомъ примиренія, хотя она невыразимо страдала при мысли, что ей прійдется на вѣкъ потерять только что найденнаго ею отца.

Лишь тогда, когда онъ отворилъ дверь, чтобъ уйти съ Готшалькомъ, она невольно испустила раздирающій душу крикъ и кинулась за нимъ, чтобы еще разъ схватить его руку. Но силы ее покинули, она чувствовала себя близкой къ обмороку, и подъ гнетомъ тяжелыхъ чувствъ, она упала у ногъ своего отца.

Въ это самое время Іосифъ, поспѣшившій окончить свои дѣла и визиты, вернулся домой, радуясь тому, что онъ не заставилъ слишкомъ долго ждать себя свою дорогую племянницу. Разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, онъ въ испугѣ смотрѣлъ на двухъ незнакомыхъ ему мужчинъ, державшихъ при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, въ своихъ объятіяхъ лишившуюся чувствъ Сарру.

— Боже мой, Боже мой! — воскликнулъ онъ въ ужасѣ —

что тутъ творится! Сарра, дитя мое, открой свои глазки. Вѣдь я подлѣ тебя, я твой дядя Іосифъ. Я не позволю прикоснуться къ единому волосу на твоей головѣ, я защищу тебя.

— Мой отецъ—прошептала дѣвушка, приходя въ себя—мой отецъ здѣсь.

Только теперь Іосифъ узналъ сильно измѣнившагося Гавріила; въ то же время въ головѣ его промелькнула ужасная мысль, что шуринъ его явился, чтобы похитить беззащитную Сарру и силой окрестить ее. Подобно львицѣ, у которой хотятъ отнять ея дѣтеныша, онъ бросился защищать ее, совершенно забывая и прирожденную ему трусость, и свое добродушіе.

— Отецъ! Хорошъ отецъ!—ворчалъ онъ.—Чего ему отъ тебя нужно, за коимъ чортомъ онъ пришелъ сюда! Пусть только посмѣетъ прикоснуться къ тебѣ! Я не боюсь его, я не боюсь даже уголовщины. Когда я разсержусь, я самъ себя не помню; я его убью, какъ разбойника.

И дѣйствительно никогда не отличавшійся особымъ мужествомъ Іосифъ наступалъ съ сжатыми кулаками на обоихъ посѣтителей и успокоился только тогда, когда Сарра нѣсколько разъ повторила ему, что никто и не думалъ похищать ее или причинить ей какое-нибудь зло. Хотя недовѣріе его еще не совсѣмъ исчезло, онъ однако протянулъ съ сконфуженной улыбкой шурину свою большую, неуклюжую руку для примиренія.

— Ты ужъ извини пожалуйста меня—сказалъ онъ ласково,—если я тебя обидѣлъ, и не сердись на меня, если я по-прежнему обращаюсь къ тебѣ на ты. Какъ я слышалъ, ты сдѣлался важнымъ бариномъ, кажется совѣтникомъ. Я очень радъ тому, а еще болѣе тому, что ты не гнушаешься нами и не забылъ этой милой дѣвочки. Хотя ты и отрекся отъ нашей вѣры, но въ сердцѣ, надѣюсь, ты все же остался евреемъ, и Богъ тебѣ проститъ твои прегрѣшенія. Миръ съ тобою.

Даже разсерженный Гавріилъ не въ состояніи былъ противустоять въ виду этого въ одно и то же время комическаго и трогательнаго добродушія и пожалъ протянутую къ нему

руку честнаго Іосифа, который сталъ затѣмъ говорить полу-фамильярнымъ, полу-почтительнымъ тономъ съ своимъ знатнымъ шуриномъ, о смерти стараго Самуила и о Саррѣ, ничего не подозрѣвая о только-что разыгравшейся въ этой самой комнатѣ сценѣ.

— Ну, что ты скажешь—спросилъ онъ съ замѣтной гордостью—о нашей милой дѣвочкѣ? Вѣдь какъ двѣ капли воды покойная Рахиль, только красивѣе и умнѣе. Вѣдь ты, вѣроятно, уже знаешь, что она хочетъ переѣхать ко мнѣ, такъ какъ у тебя вѣдь ей нельзя жить.

— Я знаю—мрачно отвѣтилъ Гавріилъ.

— Ты объ ней пожалуйста не безпокойся. Ей будетъ у меня не только не хуже, но даже лучше, чѣмъ моимъ собственнымъ дѣтямъ. Хотя я и человѣкъ не богатый, не важный чиновникъ, то все же она у меня ни въ чемъ не будетъ терпѣть недостатка, а моя Гитель будетъ съ нею хорошо обращаться и пріучить ее къ хозяйству. Богъ дастъ, твоя дочь со временемъ найдетъ хорошаго мужа. Вѣдь ты, конечно, не откажешься дать ей нѣсколько тысячъ талеровъ въ приданое.

Въ своей сердечной простотѣ онъ не замѣчалъ ни увеличившагося съ каждымъ его словомъ нетерпѣнія своего шурина, ни омущенія бѣдной Сарры, и онъ еще долго продолжалъ бы болтать, еслибъ Гавріилъ, къ великому изумленію Іосифа, вдругъ не поднялся бы и не собрался бы уходить.

— Какъ, ты уже уходишь?—спросилъ удивленный Іосифъ.— Но вѣдь намъ еще нужно поговорить между собою относительно твоей дочери, относительно ея....

— У меня нѣтъ дочери!—рѣзко прервалъ его Гавріилъ.

— Какъ, нѣтъ дочери? Ты, безъ сомнѣнія, только шутишь.

— И не думаю шутить. Я говорю совершенно серьезно. Сарра уже сдѣлала выборъ: предпочитаетъ ѣхать къ тебѣ и остаться еврейкой.

— Да благословитъ Господь милую дѣвочку!—воскликнулъ Іосифъ, только теперь понявъ смыслъ словъ и поведе-

ніе своего шурина. — Вотъ-то будетъ радоваться мой отецъ и ея матушка на томъ свѣтѣ!

И онъ кинулся обнимать и цѣловать плачущую дѣвушку, между тѣмъ какъ глаза его блестѣли отъ радости и гордости.

— Я дѣлалъ все, чего требовалъ отъ меня мой долгъ, и даже болѣе, — продолжалъ неумолимый Гавріилъ — а она упорно отвергаетъ мою родительскую любовь; я поэтому нахожусь вынужденнымъ, хотя и съ болью въ сердцѣ, предоставить ее ея участи. Пусть пеняетъ сама на себя, если я навсегда отказываюсь отъ нея и не хочу ее больше знать.

— Милосердый Боже! — воскликнулъ возмущенный Іосифъ — и у тебя, отца ея, хватаетъ духу отталкивать отъ себя бѣдную дѣвочку! Подумай, Гавріилъ, о томъ, что ты этимъ берешь на душу тяжелый грѣхъ. Вѣдь въ ея жилахъ течетъ твоя кровь, и хотя ты и сдѣлался христіаниномъ, ты отъ этого не пересталъ быть ея отцомъ. Чтожъ, она совершаетъ преступленіе, желая оставаться еврейкой, что-ли? Я бы постыдился на твоемъ мѣстѣ даже подумать это, а не то что сказать.

Не удостоивъ Іосифа отвѣта, Гавріилъ повернулся къ двери, а Готшалькъ послѣдовалъ за нимъ. Сарра еще разъ попыталась удержать разгнѣваннаго отца своего, ухватившись за его руку, но онъ грубо вырвалъ ее и ушелъ. Печально взглянувъ на уходившаго, дѣвушка судорожно разрыдалась, что вывело изъ себя Іосифа.

— Чего ты плачешь? чего ты кричишь? — говорилъ онъ, гладя ее по головѣ. — Я тебя не покину, я буду тебѣ отцомъ. Хотя я и не важный чиновникъ, и не ученый, но все же у меня есть сердце и я люблю дочь моей покойной сестры. Повѣрь мнѣ, ты не раскаешься въ томъ, что поѣдешь ко мнѣ и не сдѣлаешься христіанкой. Богъ наградитъ тебя за то.

— Отецъ мой — прошептала несчастная дѣвушка, въ отчаяніи ломая себѣ руки.

— Пусть себѣ идетъ. Онъ не стоитъ такой дочери. Прошу тебя, перестань плакать, а то и я расплачусь.

Между тѣмъ какъ добрякъ Іосифъ старался успокоить и

несравненно болѣе многочисленной и враждебно, мстительно противъ нихъ настроенной. Многіе сектанты были опять заключены въ тюрьму. Въ знакъ того, что они не принадлежатъ ни еврейству, ни христіанству, имъ отрѣзали половину бороды и обрили переднюю часть головы. Они какъ бы стояли внѣ закона; въ каменецъ-подольской губерніи житья имъ не было, и многіе удалились въ сосѣднюю Бессарабію, (тогда принадлежавшую Турціи). Но и тамъ не нашли они покоя: польскіе раввины снеслись по этому поводу съ константинопольскимъ хахамомъ-баши, и послѣдній лишилъ ихъ своего покровительства. Одинъ изъ главныхъ вождей секты, старикъ Элиша Шоръ, былъ убитъ во время одной свалки.

Преслѣдуемые и гонимые повсюду, франкисты обратились къ королю, Августу III и, представивъ ему привилегіи, пожалованныя имъ Деймбовскимъ, просили покровительства. Изъ уваженія къ памяти покойнаго епископа, а можетъ быть и вслѣдствіе личнаго сочувствія сектантамъ, Августъ далъ имъ охранительную грамату (11 іюня 1758), согласно которой „контраталмудистамъ“ разрѣшается возвратиться въ Польшу и вездѣ свободно проживать *.

---

* Вотъ текстъ граматы, которую считаемъ нужнымъ перепечатать, во-первыхъ, какъ документъ, довольно характерный по содержанію и во-вторыхъ, за рѣдкостью и недоступностью источника, изъ коего она заимствована (Acta Illmi Dembowsky. листъ 11-ый).

«Августъ III, Божіею милостью, Король Польскій etc.

«Увѣдомляемъ симъ листомъ нашимъ всѣхъ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ, что намъ представлено вѣрными чинами нашими, отъ имени невѣрныхъ (юдаизму?) контраталмудистовъ, что они (поименовано 15 лицъ) и другіе къ той же сектѣ принадлежащіе, по окончаніи спора и препирательство съ талмудистами, вслѣдствіе козней послѣднихъ... не могутъ спокойно и свободно жить въ своихъ домахъ и терпятъ ущербъ по торговымъ и другимъ благовиднымъ своимъ занятіямъ, *будучи* преслѣдуемы разными хитроумными способами. Между тѣмъ противники ихъ (т. е. талмудисты)—*народъ суевѣрный, христіанскому имени непріязненный и судамъ непослушный*, и, вопреки декрету преосв. епископа волыно-каменецкаго и львовскаго, изданному 17 сентября 1757 года, медлятъ исполненіемъ произнесеннаго надъ ними приговора. А поэтому просили насъ чины наши, чтобы мы сказанныхъ контраталмудистовъ взяли подъ свое покровительство, дали имъ сей листъ нашъ желѣзный *противъ насилій талмудистовъ*, дабы они, контраталмудисты, не только въ воеводствахъ волын-

ЯКОВЪ ФРАНКЪ И ЕГО СЕКТА ХРИСТІАНСТВУЮЩИХЪ *.

II. Франкъ и Франкисты.

IV.

Счастіе, однако, недолговѣчно. Это всего чаще испытывали на себѣ франкисты. Своенравная фортуна опять улыбнулась раввинистамъ, какъ бы сжалившись при видѣ ихъ горестнаго положенія.

Епископъ Дембовскій вдругъ умеръ (17 ноября 1757). Франкисты лишились своей главной опоры, прежде чѣмъ успѣли хоть вдоволь насладиться своимъ торжествомъ и начать свою прерванную дѣятельность. Со смертью Дембовскаго, преслѣдованія противъ талмуда тотчасъ прекратились. Евреи вѣрили, что внезапная смерть Дембовскаго вызвана ихъ усердными молитвами и постами; и даже серьезный Эмденъ позволяетъ себѣ разсказывать разныя небылицы, въ родѣ того, что незадолго передъ смертью къ епископу явились сожженыя талмудическія книги, въ образѣ страшныхъ и грозныхъ привидѣній; епископъ испугался и тотчасъ заявилъ, что раскаивается во всѣхъ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ противъ талмуда. Въ массѣ еврейской подобныхъ сказокъ курсировало множество: бѣдные хоть на этомъ душу отводили... Но «отведши душу», они вспомнили и про расплату со своими ярыми врагами. Личныя преслѣдованія, доносы и подкупъ сдѣлали свое— и франкисты опять очутились беззащитными, среди массы,

---

* См. „Восходъ", кн. III.

несравненно болѣе многочисленной и враждебно, мстительно противъ нихъ настроенной. Многіе сектанты были опять заключены въ тюрьму. Въ знакъ того, что они не принадлежатъ ни еврейству, ни христіанству, имъ отрѣзали половину бороды и обрили переднюю часть головы. Они какъ бы стояли внѣ закона; въ каменецъ-подольской губерніи житья имъ не было, и многіе удалились въ сосѣднюю Бессарабію, (тогда принадлежавшую Турціи). Но и тамъ не нашли они покоя: польскіе раввины снеслись по этому поводу съ константинопольскимъ хахамомъ-баши, и послѣдній лишилъ ихъ своего покровительства. Одинъ изъ главныхъ вождей секты, старикъ Элиша Шоръ, былъ убитъ во время одной свалки.

Преслѣдуемые и гонимые повсюду, франкисты обратились къ королю, Августу III и, представивъ ему привилегіи, пожалованныя имъ Дембовскимъ, просили покровительства. Изъ уваженія къ памяти покойнаго епископа, а можетъ быть и вслѣдствіе личнаго сочувствія сектантамъ, Августъ далъ имъ охранительную грамату (11 іюня 1758), согласно которой „контраталмудистамъ“ разрѣшается возвратиться въ Польшу и вездѣ свободно проживать *.

---

* Вотъ текстъ граматы, которую считаемъ нужнымъ перепечатать, во-первыхъ, какъ документъ, довольно характерный по содержанію и во-вторыхъ, за рѣдкостью и недоступностью источника, изъ коего она заимствована (Acta Illmi Dembowsky. листъ 11-ый).

«Августъ III, Божіею милостью, Король Польскій etc.

«Увѣдомляемъ симъ листомъ нашимъ всѣхъ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ, что намъ представлено вѣрными чинами нашими, отъ имени невѣрныхъ (юдаизму?) контраталмудистовъ, что они (поименовано 15 лицъ) и другіе къ той же сектѣ принадлежащіе, по окончаніи спора и препирательство съ талмудистами, вслѣдствіе козней послѣднихъ... не могутъ спокойно и свободно жить въ своихъ домахъ и терпятъ ущербъ по торговымъ и другимъ благовиднымъ своимъ занятіямъ, будучи преслѣдуемы разными хитроумными способами. Между тѣмъ противники ихъ (т. е. талмудисты)—*народъ суевѣрный, христіанскому имени непріязненный и судамъ непослушный*, и, вопреки декрету преосв. епископа волыно-каменецкаго и львовскаго, изданному 17 сентября 1757 года, медлятъ исполненіемъ произнесеннаго надъ ними приговора. А поэтому просили насъ чины наши, чтобы мы сказанныхъ контраталмудистовъ взяли подъ свое покровительство, дали имъ сей листъ нашъ желѣзный *противъ насилій талмудистовъ*, дабы они, контраталмудисты, не только въ воеводствахъ волын-

Обнищавшими, ободранными и жалкими вернулись многіе сектанты къ прежнимъ мѣстамъ своего жительства, но успокоенія не находили. Королевскій указъ такъ и остался мертвой буквой, такъ какъ за исполненіемъ его некому было наблюдать. Кагалъ же преслѣдовалъ несчастныхъ безпощадно. Съ франкистами, въ силу произнесеннаго надъ ними херема, запрещалось имѣть какія бы то ни было сношенія, такъ что несостоятельные между ними должны были питаться милостынею, присылавшеюся имъ ихъ явными или тайными единомышленниками... Въ этомъ критическомъ своемъ положеніи, сектанты обратились съ посланіемъ къ Франку, жившему тогда въ Турціи, прося его совѣтовъ и указаній. Получивъ это посланіе, Франкъ немедленно оставилъ Турцію и отправился въ Польшу, на помощь своимъ угнетеннымъ послѣдователямъ.

Въ январѣ 1759 года явился онъ въ Польшу, послѣ долгаго отсутствія. Съ его появленіемъ, жизнь опять проснулась въ средѣ гонимыхъ сектантовъ. Присмотрѣвшись и ознакомившись съ положеніемъ послѣднихъ, Франкъ рѣшилъ, что теперь уже недостаточно, въ интересахъ самозащиты, заявить духовенству,

---

скомъ и подольскомъ, но и во всякомъ мѣстѣ королевства и панства нашего могли пребывать свободно... дабы они пользовались привилегіями и правами... свободно и спокойно...

Имѣя законныя основанія снизойти къ принятію сихъ справедливыхъ просьбъ; принимая въ соображеніе, что контраталмудисты отрекаются отъ талмуда, *наполненнаго разными богохульствами, противными церкви* и святой отчизнѣ, за что онъ и былъ осужденъ на сожженіе; имѣя также въ виду, что они (контраталмудисты) дошли до познанія Бога въ трехъ лицахъ,—Мы беремъ ихъ подъ свое покровительство, давая имъ сей желѣзный листъ противъ мстительности вышесказанныхъ лицъ и угрожаемъ карой его нарушителямъ. Пусть вѣдаютъ они, что контраталмудисты, имѣя опору и защиту, могутъ безпечно и безъ всякихъ препятствій пребывать во всѣхъ панствахъ нашихъ. Они могутъ вести торговлю, сообразно съ привилегіями, въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ и селѣ, бывать на ярмаркахъ... вести судебныя тяжбы, добиваться наслѣдства и т. д. И не только они сами, но и ихъ жены, дѣти, домашняя челядь и имущество берутся подъ королевское наше покровительство.

Для большаго ко всему сказанному довѣрія, сей листъ скрѣпляется королевской нашей печатью... Данъ въ Варшавѣ, іюня 11 дня, въ лѣто отъ Р. Х., 1758, царствованія же нашего въ 25-е.

Августъ, Король».

что „контраталмудисты" вѣрятъ въ Троицу и т. д.; но слѣдуетъ также заявить, по крайней мѣрѣ прозрачно намекнуть, что сектанты не прочь и христіанство принять. Духовенство, конечно, съ радостью ухватится за такое предложеніе и, въ ожиданіи обращенія, надѣлитъ сектантовъ различными льготами, а между тѣмъ они подъ шумокъ будутъ дѣлать свое; да и врагамъ отомстятъ. Предложеніе Франка было единогласно одобрено его послѣдователями, и 20 февраля 1759 года, шесть франкистовъ-депутатовъ подали прошеніе новому архіепископу львовскому, *Вратиславу Лубинскому*, гдѣ выражаютъ готовность «пристать къ лону церкви», слезно жалуются на своихъ единоплеменниковъ-преслѣдователей, на которыхъ мимоходомъ взводятъ разныя обвиненія, и просятъ, чтобы имъ, сектантамъ, указали „на поле, на которомъ они могли бы дать рѣшительное сраженіе врагамъ истины", т. е. чтобы имъ разрѣшили вторично устроить религіозный диспутъ съ раввинистами. — Но франкисты ошиблись въ разсчетѣ: Лубинскій принялъ ихъ прошеніе и депутацію довольно хладнокровно, похвалилъ ихъ усердіе въ дѣлѣ богоугодномъ, но просилъ доказать на дѣлѣ сочувствіе свое къ христіанству. Прошеніе ихъ Лубинскій напечаталъ, дабы съ одной стороны возвѣстить торжество церкви, а съ другой — огласкою заставить франкистовъ сдержать свое слово.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Тяжелое положеніе франкистовъ не облегчилось. Перейти сейчасъ же въ христіанство, не упрочивъ предварительно своего положенія, они тоже считали непрактичнымъ. И вотъ, по совѣту Франка, они шлютъ, 16 мая 1759 г., два прошенія: одно королю, а другое — архіепископу Лубинскому, назначенному въ это время на высокій постъ государственнаго примаса и архіепископа гнѣзненскаго. Приводимъ, въ переводѣ, тексты обоихъ этихъ прошеній, замѣчательныхъ какъ по содержанію, такъ и по тону. Эти и слѣдующіе документы служатъ главными «pièces justificatives» къ исторіи франкистскаго движенія вообще, и впервые найдены и обнародованы архиваріусомъ Ватикана *Тейнеромъ*, въ 1864 году. По вычурности слога этихъ прошеній, можно подумать,

что тутъ творится! Сарра, дитя мое, открой свои глазки. Вѣдь я подлѣ тебя, я твой дядя Іосифъ. Я не позволю прикоснуться къ единому волосу на твоей головѣ, я защищу тебя.

— Мой отецъ—прошептала дѣвушка, приходя въ себя—мой отецъ здѣсь.

Только теперь Іосифъ узналъ сильно измѣнившагося Гавріила; въ то же время въ головѣ его промелькнула ужасная мысль, что шуринъ его явился, чтобы похитить беззащитную Сарру и силой окрестить ее. Подобно львицѣ, у которой хотятъ отнять ея дѣтеныша, онъ бросился защищать ее, совершенно забывая и прирожденную ему трусость, и свое добродушіе.

— Отецъ! Хорошъ отецъ!—ворчалъ онъ.—Чего ему отъ тебя нужно, за коимъ чортомъ онъ пришелъ сюда! Пусть только посмѣетъ прикоснуться къ тебѣ! Я не боюсь его, я не боюсь даже уголовщины. Когда я разсержусь, я самъ себя не помню; я его убью, какъ разбойника.

И дѣйствительно никогда не отличавшійся особымъ мужествомъ Іосифъ наступалъ съ сжатыми кулаками на обоихъ посѣтителей и успокоился только тогда, когда Сарра нѣсколько разъ повторила ему, что никто и не думалъ похищать ее или причинить ей какое-нибудь зло. Хотя недовѣріе его еще не совсѣмъ исчезло, онъ однако протянулъ съ сконфуженной улыбкой шурину свою большую, неуклюжую руку для примиренія.

— Ты ужъ извини пожалуйста меня—сказалъ онъ ласково,—если я тебя обидѣлъ, и не сердись на меня, если я попрежнему обращаюсь къ тебѣ на ты. Какъ я слышалъ, ты сдѣлался важнымъ бариномъ, кажется совѣтникомъ. Я очень радъ тому, а еще болѣе тому, что ты не гнушаешься нами и не забылъ этой милой дѣвочки. Хотя ты и отрекся отъ нашей вѣры, но въ сердцѣ, надѣюсь, ты все же остался евреемъ, и Богъ тебѣ проститъ твои прегрѣшенія. Миръ съ тобою.

Даже разсерженный Гавріилъ не въ состояніи былъ противустоять въ виду этого въ одно и то же время комическаго и трогательнаго добродушія и пожалъ протянутую къ нему

руку честнаго Іосифа, который сталъ затѣмъ говорить полу-фамильярнымъ, полу-почтительнымъ тономъ съ своимъ знатнымъ шуриномъ, о смерти стараго Самуила и о Саррѣ, ничего не подозрѣвая о только-что разыгравшейся въ этой самой комнатѣ сценѣ.

— Ну, что ты скажешь—спросилъ онъ съ замѣтной гордостью—о нашей милой дѣвочкѣ? Вѣдь какъ двѣ капли воды покойная Рахиль, только красивѣе и умнѣе. Вѣдь ты, вѣроятно, уже знаешь, что она хочетъ переѣхать ко мнѣ, такъ какъ у тебя вѣдь ей нельзя жить.

— Я знаю—мрачно отвѣтилъ Гавріилъ.

— Ты объ ней пожалуйста не безпокойся. Ей будетъ у меня не только не хуже, но даже лучше, чѣмъ моимъ собственнымъ дѣтямъ. Хотя я и человѣкъ не богатый, не важный чиновникъ, то все же она у меня ни въ чемъ не будетъ терпѣть недостатка, а моя Гитель будетъ съ нею хорошо обращаться и пріучить ее къ хозяйству. Богъ дастъ, твоя дочь со временемъ найдетъ хорошаго мужа. Вѣдь ты, конечно, не откажешься дать ей нѣсколько тысячъ талеровъ въ приданое.

Въ своей сердечной простотѣ онъ не замѣчалъ ни увеличившагося съ каждымъ его словомъ нетерпѣнія своего шурина, ни омущенія бѣдной Сарры, и онъ еще долго продолжалъ бы болтать, еслибъ Гавріилъ, къ великому изумленію Іосифа, вдругъ не поднялся бы и не собрался бы уходить.

— Какъ, ты уже уходишь?—спросилъ удивленный Іосифъ.— Но вѣдь намъ еще нужно поговорить между собою относительно твоей дочери, относительно ея....

— У меня нѣтъ дочери!—рѣзко прервалъ его Гавріилъ.

— Какъ, нѣтъ дочери? Ты, безъ сомнѣнія, только шутишь.

— И не думаю шутить. Я говорю совершенно серьезно. Сарра уже сдѣлала выборъ: предпочитаетъ ѣхать къ тебѣ и остаться еврейкой.

— Да благословитъ Господь милую дѣвочку!—воскликнулъ Іосифъ, только теперь понявъ смыслъ словъ и поведе-

ніе своего шурина. — Вотъ-то будетъ радоваться мой отецъ и ея матушка на томъ свѣтѣ!

И онъ кинулся обнимать и цѣловать плачущую дѣвушку, между тѣмъ какъ глаза его блестѣли отъ радости и гордости.

— Я дѣлалъ все, чего требовалъ отъ меня мой долгъ, и даже болѣе, — продолжалъ неумолимый Гавріилъ — а она упорно отвергаетъ мою родительскую любовь; я поэтому нахожусь вынужденнымъ, хотя и съ болью въ сердцѣ, предоставить ее ея участи. Пусть пеняетъ сама на себя, если я навсегда отказываюсь отъ нея и не хочу ее больше знать.

— Милосердый Боже! — воскликнулъ возмущенный Іосифъ — и у тебя, отца ея, хватаетъ духу отталкивать отъ себя бѣдную дѣвочку! Подумай, Гавріилъ, о томъ, что ты этимъ берешь на душу тяжелый грѣхъ. Вѣдь въ ея жилахъ течетъ твоя кровь, и хотя ты и сдѣлался христіаниномъ, ты отъ этого не пересталъ быть ея отцомъ. Чтожъ, она совершаетъ преступленіе, желая оставаться еврейкой, что-ли? Я бы постыдился на твоемъ мѣстѣ даже подумать это, а не то что сказать.

Не удостоивъ Іосифа отвѣта, Гавріилъ повернулся къ двери, а Готшалькъ послѣдовалъ за нимъ. Сарра еще разъ попыталась удержать разгнѣваннаго отца своего, ухватившись за его руку, но онъ грубо вырвалъ ее и ушелъ. Печально взглянувъ на уходившаго, дѣвушка судорожно разрыдалась, что вывело изъ себя Іосифа.

— Чего ты плачешь? чего ты кричишь? — говорилъ онъ, гладя ее по головѣ. — Я тебя не покину, я буду тебѣ отцомъ. Хотя я и не важный чиновникъ, и не ученый, но все же у меня есть сердце и я люблю дочь моей покойной сестры. Повѣрь мнѣ, ты не раскаешься въ томъ, что поѣдешь ко мнѣ и не сдѣлаешься христіанкой. Богъ наградитъ тебя за то.

— Отецъ мой — прошептала несчастная дѣвушка, въ отчаяніи ломая себѣ руки.

— Пусть себѣ идетъ. Онъ не стоитъ такой дочери. Прошу тебя, перестань плакать, а то и я расплачусь.

Между тѣмъ какъ добрякъ Іосифъ старался успокоить и

утѣшить опечаленную Сарру, Гавріилъ удалялся вмѣстѣ съ своимъ другомъ отъ дома, въ которомъ онъ только-что оставилъ рыдающую дочь свою. Ему долго еще слышалось это рыданіе и онъ невольно вспомнилъ о той ночи, въ которую онъ простился съ плакавшимъ ребенкомъ. Но въ то время онъ еще надѣялся когда-нибудь увидѣть ее, теперь она была потеряна для него навсегда.

По временамъ онъ останавливался, точно ожидая, что она нагонитъ его и послѣдуетъ за нимъ. Но никто не бѣжалъ за нимъ, никто не звалъ его. У него больше не было дочери,— а Сарра еще долго продолжала оплакивать потеряннаго ею отца.

Максъ Рингъ.

ЯКОВЪ ФРАНКЪ И ЕГО СЕКТА ХРИСТІАНСТВУЮЩИХЪ *.

II. Франкъ и Франкисты.

IV.

Счастіе, однако, недолговѣчно. Это всего чаще испытывали на себѣ франкисты. Своенравная фортуна опять улыбнулась раввинистамъ, какъ бы сжалившись при видѣ ихъ горестнаго положенія.

Епископъ Дембовскій вдругъ умеръ (17 ноября 1757). Франкисты лишились своей главной опоры, прежде чѣмъ успѣли хоть вдоволь насладиться своимъ торжествомъ и начать свою прерванную дѣятельность. Со смертью Дембовскаго, преслѣдованія противъ талмуда тотчасъ прекратились. Евреи вѣрили, что внезапная смерть Дембовскаго вызвана ихъ усердными молитвами и постами; и даже серьезный Эмденъ позволяетъ себѣ разсказывать разныя небылицы, въ родѣ того, что незадолго передъ смертью къ епископу явились сожженыя талмудическія книги, въ образѣ страшныхъ и грозныхъ привидѣній; епископъ испугался и тотчасъ заявилъ, что раскаивается во всѣхъ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ противъ талмуда. Въ массѣ еврейской подобныхъ сказокъ курсировало множество: бѣдные хоть на этомъ душу отводили... Но «отведши душу», они вспомнили и про расплату со своими ярыми врагами. Личныя преслѣдованія, доносы и подкупъ сдѣлали свое— и франкисты опять очутились беззащитными, среди массы,

---

* См. „Восходъ", кн. III.

что „контраталмудисты" вѣрятъ въ Троицу и т. д.; но слѣдуетъ также заявить, по крайней мѣрѣ прозрачно намекнуть, что сектанты не прочь и христіанство принять. Духовенство, конечно, съ радостью ухватится за такое предложеніе и, въ ожиданіи обращенія, надѣлитъ сектантовъ различными льготами, а между тѣмъ они подъ шумокъ будутъ дѣлать свое, да и врагамъ отомстятъ. Предложеніе Франка было единогласно одобрено его послѣдователями, и 20 февраля 1759 года, шесть франкистовъ-депутатовъ подали прошеніе новому архіепископу львовскому, *Вратиславу Лубинскому*, гдѣ выражаютъ готовность «пристать къ лону церкви», слезно жалуются на своихъ единоплеменниковъ-преслѣдователей, на которыхъ мимоходомъ взводятъ разныя обвиненія, и просятъ, чтобы имъ, сектантамъ, указали „на поле, на которомъ они могли бы дать рѣшительное сраженіе врагамъ истины", т. е. чтобы имъ разрѣшили вторично устроить религіозный диспутъ съ раввинистами. — Но франкисты ошиблись въ разсчетѣ: Лубинскій принялъ ихъ прошеніе и депутацію довольно хладнокровно, похвалилъ ихъ усердіе въ дѣлѣ богоугодномъ, но просилъ доказать на дѣлѣ сочувствіе свое къ христіанству. Прошеніе ихъ Лубинскій напечаталъ, дабы съ одной стороны возвѣстить торжество церкви, а съ другой — огласкою заставить франкистовъ сдержать свое слово.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Тяжелое положеніе франкистовъ не облегчилось. Перейти сейчасъ же въ христіанство, не упрочивъ предварительно своего положенія, они тоже считали непрактичнымъ. И вотъ, по совѣту Франка, они шлютъ, 16 мая 1759 г., два прошенія: одно королю, а другое — архіепископу Лубинскому, назначенному въ это время на высокій постъ государственнаго примаса и архіепископа гнѣзненскаго. Приводимъ, въ переводѣ, тексты обоихъ этихъ прошеній, замѣчательныхъ какъ по содержанію, такъ и по тону. Эти и слѣдующіе документы служатъ главными «pièces justificatives» къ исторіи франкистскаго движенія вообще, и впервые найдены и обнародованы архиваріусомъ Ватикана *Тейнеромъ*, въ 1864 году. По вычурности слога этихъ прошеній, можно подумать,

ЯКОВЪ ФРАНКЪ И ЕГО СЕКТА ХРИСТІАНСТВУЮЩИХЪ *.

II. Франкъ и Франкисты.

IV.

Счастіе, однако, недолговѣчно. Это всего чаще испытывали на себѣ франкисты. Своенравная фортуна опять улыбнулась раввинистамъ, какъ бы сжалившись при видѣ ихъ горестнаго положенія.

Епископъ Дембовскій вдругъ умеръ (17 ноября 1757). Франкисты лишились своей главной опоры, прежде чѣмъ успѣли хоть вдоволь насладиться своимъ торжествомъ и начать свою прерванную дѣятельность. Со смертью Дембовскаго, преслѣдованія противъ талмуда тотчасъ прекратились. Евреи вѣрили, что внезапная смерть Дембовскаго вызвана ихъ усердными молитвами и постами; и даже серьезный Эмденъ позволяетъ себѣ разсказывать разныя небылицы, въ родѣ того, что незадолго передъ смертью къ епископу явились сожженыя талмудическія книги, въ образѣ страшныхъ и грозныхъ привидѣній; епископъ испугался и тотчасъ заявилъ, что раскаивается во всѣхъ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ противъ талмуда. Въ массѣ еврейской подобныхъ сказокъ курсировало множество: бѣдные хоть на этомъ душу отводили... Но «отведши душу», они вспомнили и про расплату со своими ярыми врагами. Личныя преслѣдованія, доносы и подкупъ сдѣлали свое— и франкисты опять очутились беззащитными, среди массы,

* См. „Восходъ“, кн. III.

несравненно болѣе многочисленной и враждебно, мстительно противъ нихъ настроенной. Многіе сектанты были опять заключены въ тюрьму. Въ знакъ того, что они не принадлежатъ ни еврейству, ни христіанству, имъ отрѣзали половину бороды и обрили переднюю часть головы. Они какъ бы стояли внѣ закона; въ каменецъ-подольской губерніи житья имъ не было, и многіе удалились въ сосѣднюю Бессарабію, (тогда принадлежавшую Турціи). Но и тамъ не нашли они покоя: польскіе раввины снеслись по этому поводу съ константинопольскимъ хахамомъ-баши, и послѣдній лишилъ ихъ своего покровительства. Одинъ изъ главныхъ вождей секты, старикъ Элиша Шоръ, былъ убитъ во время одной свалки.

Преслѣдуемые и гонимые повсюду, франкисты обратились къ королю, Августу III и, представивъ ему привилегіи, пожалованныя имъ Деибовскимъ, просили покровительства. Изъ уваженія къ памяти покойнаго епископа, а можетъ быть и вслѣдствіе личнаго сочувствія сектантамъ, Августъ далъ имъ охранительную грамату (11 іюня 1758), согласно которой „контраталмудистамъ“ разрѣшается возвратиться въ Польшу и вездѣ свободно проживать *.

---

* Вотъ текстъ граматы, которую считаемъ нужнымъ перепечатать, во-первыхъ, какъ документъ, довольно характерный по содержанію и во-вторыхъ, за рѣдкостью и недоступностью источника, изъ коего она заимствована (Acta Illmi Dembowsky. листъ 11-ый).

«Августъ III, Божіею милостью, Король Польскій etc.

«Увѣдомляемъ симъ листомъ нашимъ всѣхъ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ, что намъ представлено вѣрными чинами нашими, отъ имени невѣрныхъ (юдаизму?) контраталмудистовъ, что они (поименовано 15 лицъ) и другіе къ той же сектѣ принадлежащіе, по окончаніи спора и препирательство съ талмудистами, вслѣдствіе козней послѣднихъ... не могутъ спокойно и свободно жить въ своихъ домахъ и терпятъ ущербъ по торговымъ и другимъ благовиднымъ своимъ занятіямъ, будучи преслѣдуемы разными хитроумными способами. Между тѣмъ противники ихъ (т. е. талмудисты)—*народъ суевѣрный, христіанскому имени непріязненный и судамъ непослушный*, и, вопреки декрету преосв. епископа волыно-каменецкаго и львовскаго, изданному 17 сентября 1757 года, медлятъ исполненіемъ произнесеннаго надъ ними приговора. А поэтому просили насъ чины наши, чтобы мы сказанныхъ контраталмудистовъ взяли подъ свое покровительство, дали имъ сей листъ нашъ желѣзный *противъ насилій талмудистовъ*, дабы они, контраталмудисты, не только въ воеводствахъ волын-

что они составляютъ переводъ съ древнееврейскаго оригинала. Вотъ текстъ прошенія къ королю.

* Пресвѣтлѣйшему, могущественнѣйшему и непобѣдимому Августу III, милостію Божіей королю польскому, великому князю литовскому, курфирсту саксонскому, счастливому побѣдителю, благочестивому, достославному и милостивѣйшему государю нашему. —

«Отъ еврейскаго народа (?), вернувшагося, по милости Божіей, къ Царю своему — къ Мессіи, который, по безконечной благости Своей, воспріялъ страданія за весь міръ — *Прошеніе*.

«Послѣдствіемъ правленія, полнаго кротости, плодомъ мудрости правительства вашего величества въ сей правовѣрной странѣ, было то, что мы, невѣрившіе и ослѣпленные іудеи, познавъ истину, скрытую въ завѣтѣ Моисея и пророковъ, воодушевились желаніемъ устремиться, яко раненая лань, къ тому источнику ученія, который течетъ изъ лона Мессіи, распятаго на крестѣ. Мы благоговѣемъ передъ всемогуществомъ Божіимъ и передъ проявленіемъ Его милосердія: поелику мы упорствовали въ своихъ заблужденіяхъ, Онъ насъ оставлялъ и разстраивалъ умыслы наши, какъ необузданный вѣтеръ разбиваетъ скалы. Но св. духъ, нашептывая (намъ) подобно тихому зефиру, отнялъ у насъ это очерствѣлое сердце, взамѣнъ коего далъ намъ другое, болѣе чувствительное.... (слѣдуютъ обычные комплименты и благопожеланія королю).

«Вашему Величеству уже извѣстно, какимъ долгимъ, труднымъ и полнымъ превратностей путемъ вела насъ рука Божія къ (достиженію) милости Его. Покойный епископъ каменецкій, Дембовскій, память коего да будетъ благословленна, — этотъ добрый отецъ нашъ и руководитель, (о смерти) котораго мы никогда не перестанемъ жалѣть,—много и ревностно для насъ потрудился. Послѣ его смерти, мы были вынуждены, для обез-

* *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae....* nondum edita, ex tabulariis Vaticanis collecta, ab Augustino Theiner (Romae, 1864, in folio). T. IV, pars I, pag. 158—159. — Текстъ этого прошенія у Тейнера — на французскомъ языкѣ и имѣетъ надпись: «Traduction de *la Requête de Juifs-Antitalmudistes au Roi*, signée par Jehuda-ben-Nosen Krysa et par Salomon-ben-Elie de Rohatyn, au nom de tous, en 1759, le 16 de May, a Léopol».

что „контраталмудисты“ вѣрятъ въ Троицу и т. д.; но слѣдуетъ также заявить, по крайней мѣрѣ прозрачно намекнуть, что сектанты не прочь и христіанство принять. Духовенство, конечно, съ радостью ухватится за такое предложеніе и, въ ожиданіи обращенія, надѣлитъ сектантовъ различными льготами, а между тѣмъ они подъ шумокъ будутъ дѣлать свое, да и врагамъ отомстятъ. Предложеніе Франка было единогласно одобрено его послѣдователями, и 20 февраля 1759 года, шесть франкистовъ-депутатовъ подали прошеніе новому архіепископу львовскому, *Вратиславу Лубинскому*, гдѣ выражаютъ готовность «пристать къ лону церкви», слезно жалуются на своихъ единоплеменниковъ-преслѣдователей, на которыхъ мимоходомъ взводятъ разныя обвиненія, и просятъ, чтобы имъ, сектантамъ, указали „на поле, на которомъ они могли бы дать рѣшительное сраженіе врагамъ истины“, т. е. чтобы имъ разрѣшили вторично устроить религіозный диспутъ съ раввинистами. — Но франкисты ошиблись въ разсчетѣ: Лубинскій принялъ ихъ прошеніе и депутацію довольно хладнокровно, похвалилъ ихъ усердіе въ дѣлѣ богоугодномъ, но просилъ доказать на дѣлѣ сочувствіе свое къ христіанству. Прошеніе ихъ Лубинскій напечаталъ, дабы съ одной стороны возвѣстить торжество церкви, а съ другой — огласкою заставить франкистовъ сдержать свое слово.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Тяжелое положеніе франкистовъ не облегчилось. Перейти сейчасъ же въ христіанство, не упрочивъ предварительно своего положенія, они тоже считали непрактичнымъ. И вотъ, по совѣту Франка, они шлютъ, 16 мая 1759 г., два прошенія: одно королю, а другое — архіепископу Лубинскому, назначенному въ это время на высокій постъ государственнаго примаса и архіепископа гнѣзненскаго. Приводимъ, въ переводѣ, тексты обоихъ этихъ прошеній, замѣчательныхъ какъ по содержанію, такъ и по тону. Эти и слѣдующіе документы служатъ главными «pièces justificatives» къ исторіи франкистскаго движенія вообще, и впервые найдены и обнародованы архиваріусомъ Ватикана *Тейнеромъ*, въ 1864 году. По вычурности слога этихъ прошеній, можно подумать,

изъ земли, ибо то есть великій день (для) Израиля". Мы подъ этимъ подразумѣваемъ видимаго главу церкви на землѣ, нашего святѣйшаго отца—папу.

„По всѣмъ этимъ пунктамъ мы обратились съ прошеніемъ къ его высочеству примасу, какъ къ вѣрному совѣтнику в. в. и главному пастырю, бодрствующему надъ стадомъ благовѣрныхъ. *Богъ, вѣрный своимъ обѣщаніямъ, сказалъ Соломону, что Онъ воскресить Его Престолъ, и Давиду обѣщалъ, что Онъ не лишитъ его потомства человѣка, который будетъ царемъ Израиля.* Да благословитъ этотъ Богъ августѣйшую фамилію в. в., дабы изъ нея выходили, понеже стоитъ міръ, монархи справедливые, добрые, благочестивые и непобѣдимые, и дабы они, подобно в. в., были исполнены тою мудростью, какую Богъ далъ Соломону.

„Да внемлете, ваше величество, подобно Езекію и Осію, ревностнымъ къ возвеличенію имени Господня, да внемлете нашимъ нижайшимъ мольбамъ. Умоляемъ в. в. поступать съ нами лучше всего такъ, какъ Богъ положитъ вамъ на сердце ваше, привязанное къ Нему.

„Мы и жены наши, наши отцы, матери, дѣти и старцы не устанемъ воздымать руки къ Небу, въ надеждѣ, что мы дождемся возможности пѣть со всѣми благовѣрными подданными 17-й псалмъ *.

Подписали: Іегуда-бенъ-Носенъ Крыса изъ Надворна.
Соломонъ-бенъ-Элія изъ Рогатина".

Того же 16 мая, было подано другое прошеніе Лубинскому, тогда архіепископу гнѣзенскому и католическому примасу Польши:

** „Мы нижеподписавшіеся, двое изъ всѣхъ тѣхъ, которые жаждутъ открыто и вполнѣ пристать къ ученію и правдѣ истиннаго Мессіи, мы имѣли уже честь представить вашему

* Вѣроятно псалом 18-й по еврейскому канону „на спасеніе отъ враговъ". *Ред.*

** *Theiner*, Documenta, *Ibid.* pag. 159—161. Съ французскаго текста. Надпись: Traduction de la Requête des juifs Antitalmudistes *à son altesse le Primat* signée par Ben Nosen Krysa de Nadworne et Salomon ben Elie de Rohatyn, *au nom de tous, du 16 de May 1759, à Léopol.*

высочеству во Львовѣ прошеніе наше, отъ 20 февраля 1759 года.

„Прошеніе это было отъ всѣхъ насъ, которые, будучи просвѣтлены по милости Духа Святого, возымѣли одно желаніе, одно стремленіе, вытекающее изъ глубины сокрушеннаго сердца; это было отъ насъ, потомковъ народа Израильскаго, въ нѣдрахъ котораго Богъ (прежде) непостижимый чудеснымъ образомъ воспріялъ тѣло человѣческое, въ каковомъ видѣ и открылся (человѣчеству) во времена минувшія, дабы искупить первородный грѣхъ и сдѣлаться жертвою на крестѣ, во имя Бога-Отца, Ему равнаго.

„В. в. *сдѣлали наше прошеніе извѣстнымъ всему христіанскому міру;* но неисповѣдимая воля Провидѣнія не позволила намъ открыть вамъ тогда же то, въ чемъ собратья наши обвиняли насъ словесно, — и мы опять очутились среди нихъ, скрывая слово Божіе въ нашемъ сердцѣ.

„Вскорѣ послѣ того, какъ мы получили обратно (безъ удовлетворенія) наше прошеніе, Господь, предъ которымъ мы преклоняемся, возвелъ в. в., какъ нѣкогда Илію на небо, въ высшій санъ примаса. Мы глубоко рады (тому), что в. высочество, ставъ главою духовенства и первымъ княземъ въ государствѣ, съумѣете столь же ревностно заботиться о нашихъ душахъ, какъ Господь Творецъ заботится обо всемъ Имъ созданномъ; какъ сказалъ Онъ черезъ пророка своего: „Возможно-ли чтобы мать забыла свое дитя, чтобъ она не имѣла состраданія къ сыну своего чрева? Но еслибы даже она и забыла, то *Я* не забуду васъ..., ибо Я начерталъ васъ на руцѣ Своей". Мы въ восхищеніи (отъ мысли), что в. в., слѣдуя примѣру пастыря надъ пастырями—Отца милосердія, окажете намъ ваше покровительство и содѣйствіе во благо намъ, радуясь и благодаря Провидѣніе за наше возвращеніе въ общество благовѣрныхъ. Ибо Господь возвысилъ родъ вашъ и избралъ именно васъ, дабы вы утѣшали плачущихъ. Поэтому, такъ какъ мы не могли изложить вашему высочеству во Львовѣ все то, въ чемъ собратья наши насъ обвиняли, и отдаленность (мѣстопребыванія вашего) мѣшала намъ отправиться къ вамъ лично, то

мы (пользуясь настоящимъ случаемъ) прибыли сюда, во Львовъ, дабы сообщить вамъ теперь письменно наши желанія.

„1)—Въ первомъ нашемъ прошеніи мы просили в. в. разрѣшить намъ *имѣть публичный диспутъ съ нашими противниками.* Мотивы, побудившіе насъ къ этому, состоятъ въ томъ, чтобы лишить нашихъ противниковъ права говорить, что только крайняя нужда, въ которой пребываютъ многіе изъ насъ, заставила насъ просить о св. крещеніи, или что только алчность и плутовство, а не разумъ, руководили нами въ этомъ дѣлѣ.

„Есть очень много евреевъ, которые держатся одинаковаго съ нами мнѣнія, но изъ боязни они вынуждены скрываться въ различныхъ мѣстахъ. Когда эти люди узнаютъ, что истина, нами исповѣдуемая, признана ортодоксальной представителями высшей (духовной) юрисдикціи, они открыто выступятъ и найдутъ свое спасеніе. Мы не хотѣли бы, чтобы наши собратья могли упрекать насъ въ опрометчивости, не хотѣли бы, чтобы они (въ нашей неудачѣ) нашли для себя соблазнъ, который могъ бы уменьшить ихъ рвеніе.

„Наконецъ, путемъ взаимнаго диспута мы надѣемся снять пелену съ глазъ нашихъ противниковъ, упорствующихъ и богохульствующихъ, дабы они могли озариться свѣтомъ (истиннаго) ученія Божія въ писаніи; ибо, какъ нашимъ ближнимъ, мы имъ желаемъ того же самаго просвѣтленія, имъ же во благо.

„2)—Въ виду того, что при началѣ нашего процесса, въ епархіи каменецкой, намъ пришлось выдержать страшную бурю со стороны нашихъ противниковъ, которые насъ очернили въ глазахъ нашихъ господъ и начальниковъ; въ виду того, что благодаря этому, мы потеряли жилища и имущества наши и доведены до такой бѣдности, что когда нѣсколько сотъ нашихъ собратьевъ нашло убѣжище въ имѣніяхъ епископа, они не имѣли никакого другаго средства къ жизни, кромѣ одной только милостыни, присылавшейся имъ изъ Венгріи, Валахіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ; въ виду всего этого и потому еще, что эти несчастные бѣдняки не желаютъ поселиться на границѣ Турціи, переполненной нашими противниками, готовыми насъ преслѣдовать,—мы умоляемъ в. в. упо-

требить свой авторитетъ относительно польскихъ пановъ, дабы намъ было разрѣшено селиться на королевскихъ земляхъ. Ибо обращеніе наше, требуя (отъ насъ) измѣненія жизни и нравовъ, вынуждаетъ насъ предварительно искать постояннаго мѣстопребыванія для нашихъ женъ, дѣтей, родителей и старцевъ. Нужно доказать нашимъ врагамъ, что, принимая догмы истинной вѣры, мы покоряемся власти Мессіи и слышимъ его голосъ, ибо писано: „Обратитесь. сыны мои, ибо Я — вашъ защитникъ и Я возьму по одному изъ (всякаго) города, по два— изъ (всякаго) колѣна, и поведу васъ въ Сіонъ, гдѣ дамъ вамъ пастыря по сердцу Моему: онъ будетъ пасти васъ съ мудростію и знаніемъ".

„Мы, поэтому, желаемъ имѣть возможность *водвориться въ Буйскѣ и въ Глиніанахъ*, какъ въ городахъ, населенныхъ (преимущественно) христіанами. Хлѣбъ свой будемъ тамъ зарабатывать или какимъ либо законнымъ и честнымъ промысломъ, или трудомъ нашихъ рукъ. *Впредь у насъ отнюдь не будетъ кабатчиковъ*, *никто не сдѣлаетъ себѣ ремесла изъ опаиванія народа*, чтобы высасывать кровь изъ бѣднаго христіанина, обреченнаго на бѣдствія, по понятіямъ талмудистовъ, которые обманъ вмѣняютъ себѣ въ заслугу; нѣтъ, мы боимся Бога, испытующаго малѣйшее изъ нашихъ дѣйствій.

„Просимъ, поэтому, ваше высочество—написать, согласно этому, старостѣ Глиніанскому и князю-старостѣ г. Буйска, Яблоновскому, на земляхъ котораго живетъ уже много нашихъ единомышленниковъ.

„3) Когда мы были (въ прошлый разъ) во Львовѣ, у насъ уже было готово прилагаемое при семъ прошеніе *къ королю*, но мы пожелали предварительно узнать мнѣніе в. в., признаете-ли удобнымъ отправить его (по назначенію).

Увѣряемъ в. в., что желаніе наше пріобщиться св. крещенія всегда неизмѣнно горячо и твердо; мы только просимъ васъ имѣть дѣйствительное сострađаніе къ нашимъ душамъ, и, зная сколь молитвы законодателя нашего Моисея и пророковъ дѣйствуютъ предъ Господомъ, мы просимъ васъ возсылать мольбы также и за насъ: да угодно будетъ Господу, въ великомъ милосердіи Его, забыть наше прошлое ослѣпленіе и

ніе своего шурина. — Вотъ-то будетъ радоваться мой отецъ и ея матушка на томъ свѣтѣ!

И онъ кинулся обнимать и цѣловать плачущую дѣвушку, между тѣмъ какъ глаза его блестѣли отъ радости и гордости.

— Я дѣлалъ все, чего требовалъ отъ меня мой долгъ, и даже болѣе, — продолжалъ неумолимый Гавріилъ — а она упорно отвергаетъ мою родительскую любовь; я поэтому нахожусь вынужденнымъ, хотя и съ болью въ сердцѣ, предоставить ее ея участи. Пусть пеняетъ сама на себя, если я навсегда отказываюсь отъ нея и не хочу ее больше знать.

— Милосердый Боже! — воскликнулъ возмущенный Іосифъ — и у тебя, отца ея, хватаетъ духу отталкивать отъ себя бѣдную дѣвочку! Подумай, Гавріилъ, о томъ, что ты этимъ берешь на душу тяжелый грѣхъ. Вѣдь въ ея жилахъ течетъ твоя кровь, и хотя ты и сдѣлался христіаниномъ, ты отъ этого не пересталъ быть ея отцомъ. Чтожъ, она совершаетъ преступленіе, желая оставаться еврейкой, что-ли? Я бы постыдился на твоемъ мѣстѣ даже подумать это, а не то что сказать.

Не удостоивъ Іосифа отвѣта, Гавріилъ повернулся къ двери, а Готшалькъ послѣдовалъ за нимъ. Сарра еще разъ попыталась удержать разгнѣваннаго отца своего, ухватившись за его руку, но онъ грубо вырвалъ ее и ушелъ. Печально взглянувъ на уходившаго, дѣвушка судорожно разрыдалась, что вывело изъ себя Іосифа.

— Чего ты плачешь? чего ты кричишь? — говорилъ онъ, гладя ее по головѣ. — Я тебя не покину, я буду тебѣ отцомъ. Хотя я и не важный чиновникъ, и не ученый, но все же у меня есть сердце и я люблю дочь моей покойной сестры. Повѣрь мнѣ, ты не раскаешься въ томъ, что поѣдешь ко мнѣ и не сдѣлаешься христіанкой. Богъ наградитъ тебя за то.

— Отецъ мой — прошептала несчастная дѣвушка, въ отчаяніи ломая себѣ руки.

— Пусть себѣ идетъ. Онъ не стоитъ такой дочери. Прошу тебя, перестань плакать, а то и я расплачусь.

Между тѣмъ какъ добрякъ Іосифъ старался успокоить и

1759), онъ, въ качествѣ нунція, посылаетъ римской куріи свои рапорты * о ходѣ дѣла „контраталмудистовъ"; изъ этихъ рапортовъ видно, что онъ былъ о нихъ совсѣмъ нелестнаго мнѣнія и видѣлъ въ нихъ лишь организаторовъ новой мистической секты. Во всякомъ случаѣ онъ былъ проницательнѣе своихъ коллегъ.... Но нельзя также не замѣтить во всей этой непріязненности къ франкистамъ дѣятельной руки Баруха Явана и скрывавшейся за его спиною толпы ортодоксовъ.

V.

Но вотъ колесо фортуны опять повернулось и хоть нѣсколько подняло франкистовъ съ низкой топи, куда эта же фортуна ихъ раньше загнала.

Лубинскій вдругъ оставилъ постъ гнѣзненскаго архіепископа, и на его мѣсто, въ качествѣ исправляющаго должность архіепископа, вступилъ каноникъ Микулицъ-Микольскій, состоявшій въ то время «администраторомъ» (секретаремъ) при архіепископствѣ львовскомъ. Въ Микольскомъ уже была прозелитическая жилка Дембовскаго. Почувствовавъ перемѣну вѣтра, сектанты не замедлили обратиться къ новому архіепископу съ просьбой о покровительствѣ, о разрѣшеніи имъ устроить диспутъ и т. д. Микульскій отвѣчалъ, что религіозныя пренія между ними и раввинистами онъ разрѣшаетъ и даже поможетъ устроить это, но франкисты должны ему доказать на дѣлѣ, что они склонны къ христіанству и признаютъ его главные догматы. Тогда тѣ же два депутата, Крыса и Шоръ, подъ руководствомъ конечно Франка, составила новую «Исповѣдь» (Manifestatio), гдѣ христіанская догматика и каббала такъ дипломатически, искусно перепутаны, соединены въ такой пропорціональной смѣси, чтобы на непосвященнаго въ тайны еврейскихъ сектъ Микольскаго это могло произвести желательное впечатлѣніе. Воспроизвожу текстъ «Манифестаціи» in extenso.

---

* Напечатаны у *Тейнера*, Monumenta etc., IV, p. I, pag. 152—158.

ЯКОВЪ ФРАНКЪ И ЕГО СЕКТА ХРИСТІАНСТВУЮЩИХЪ *.

II. Франкъ и Франкисты.

IV.

Счастіе, однако, недолговѣчно. Это всего чаще испытывали на себѣ франкисты. Своенравная фортуна опять улыбнулась раввинистамъ, какъ бы сжалившись при видѣ ихъ горестнаго положенія.

Епископъ Дембовскій вдругъ умеръ (17 ноября 1757). Франкисты лишились своей главной опоры, прежде чѣмъ успѣли хоть вдоволь насладиться своимъ торжествомъ и начать свою прерванную дѣятельность. Со смертью Дембовскаго, преслѣдованія противъ талмуда тотчасъ прекратились. Евреи вѣрили, что внезапная смерть Дембовскаго вызвана ихъ усердными молитвами и постами; и даже серьезный Эмденъ позволяетъ себѣ разсказывать разныя небылицы, въ родѣ того, что незадолго передъ смертью къ епископу явились сожженыя талмудическія книги, въ образѣ страшныхъ и грозныхъ привидѣній; епископъ испугался и тотчасъ заявилъ, что раскаивается во всѣхъ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ противъ талмуда. Въ массѣ еврейской подобныхъ сказокъ курсировало множество: бѣдные хоть на этомъ душу отводили... Но «отведши душу», они вспомнили и про расплату со своими ярыми врагами. Личныя преслѣдованія, доносы и подкупъ сдѣлали свое— и франкисты опять очутились беззащитными, среди массы,

---

* См. „Восходъ“, кн. III.

несравненно болѣе многочисленной и враждебно, мстительно противъ нихъ настроенной. Многіе сектанты были опять заключены въ тюрьму. Въ знакъ того, что они не принадлежатъ ни еврейству, ни христіанству, имъ отрѣзали половину бороды и обрили переднюю часть головы. Они какъ бы стояли внѣ закона; въ каменецъ-подольской губерніи житья имъ не было, и многіе удалились въ сосѣднюю Бессарабію, (тогда принадлежавшую Турціи). Но и тамъ не нашли они покоя: польскіе раввины снеслись по этому поводу съ константинопольскимъ хахамомъ-баши, и послѣдній лишилъ ихъ своего покровительства. Одинъ изъ главныхъ вождей секты, старикъ Элиша Шоръ, былъ убитъ во время одной свалки.

Преслѣдуемые и гонимые повсюду, франкисты обратились къ королю, Августу III и, представивъ ему привилегіи, пожалованныя имъ Деймбовскимъ, просили покровительства. Изъ уваженія къ памяти покойнаго епископа, а можетъ быть и вслѣдствіе личнаго сочувствія сектантамъ, Августъ далъ имъ охранительную грамату (11 іюня 1758), согласно которой „контраталмудистамъ“ разрѣшается возвратиться въ Польшу и вездѣ свободно проживать *.

---

* Вотъ текстъ граматы, которую считаемъ нужнымъ перепечатать, во-первыхъ, какъ документъ, довольно характерный по содержанію и во-вторыхъ, за рѣдкостью и недоступностью источника, изъ коего она заимствована (Acta Illmi Dembowsky. листъ 11-ый).

«Августъ III, Божіею милостью, Король Польскій etc.

«Увѣдомляемъ симъ листомъ нашимъ всѣхъ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ, что намъ представлено вѣрными чинами нашими, отъ имени невѣрныхъ (юдаизму?) контраталмудистовъ, что они (поименовано 15 лицъ) и другіе къ той же сектѣ принадлежащіе, по окончаніи спора и препирательство съ талмудистами, вслѣдствіе козней послѣднихъ... не могутъ спокойно и свободно жить въ своихъ домахъ и терпятъ ущербъ по торговымъ и другимъ благовиднымъ своимъ занятіямъ, будучи преслѣдуемы разными хитроумными способами. Между тѣмъ противники ихъ (т. е. талмудисты)—*народъ суевѣрный, христіанскому имени непріязненный и судамъ непослушный*, и, вопреки декрету преосв. епископа волыно-каменецкаго и львовскаго, изданному 17 сентября 1757 года, медлятъ исполненіемъ произнесеннаго надъ ними приговора. А поэтому просили насъ чины наши, чтобы мы сказанныхъ контраталмудистовъ взяли подъ свое покровительство, дали имъ сей листъ нашъ желѣзный *противъ насилій талмудистовъ*, дабы они, контраталмудисты, не только въ воеводствахъ волын-

Обнищавшими, ободранными и жалкими вернулись многіе сектанты къ прежнимъ мѣстамъ своего жительства, но успокоенія не находили. Королевскій указъ такъ и остался мертвой буквой, такъ какъ за исполненіемъ его некому было наблюдать. Кагалъ же преслѣдовалъ несчастныхъ безпощадно. Съ франкистами, въ силу произнесеннаго надъ ними херема, запрещалось имѣть какія бы то ни было сношенія, такъ что несостоятельные между ними должны были питаться милостынею, присылавшеюся имъ ихъ явными или тайными единомышленниками... Въ этомъ критическомъ своемъ положеніи, сектанты обратились съ посланіемъ къ Франку, жившему тогда въ Турціи, прося его совѣтовъ и указаній. Получивъ это посланіе, Франкъ немедленно оставилъ Турцію и отправился въ Польшу, на помощь своимъ угнетеннымъ послѣдователямъ.

Въ январѣ 1759 года явился онъ въ Польшу, послѣ долгаго отсутствія. Съ его появленіемъ, жизнь опять проснулась въ средѣ гонимыхъ сектантовъ. Присмотрѣвшись и ознакомившись съ положеніемъ послѣднихъ, Франкъ рѣшилъ, что теперь уже недостаточно, въ интересахъ самозащиты, заявить духовенству,

---

скомъ и подольскомъ, но и во всякомъ мѣстѣ королевства и панствъ нашего могли пребывать свободно... дабы они пользовались привилегіями и правами... свободно и спокойно...

Имѣя законныя основанія снизойти къ принятію сихъ справедливыхъ просьбъ; принимая въ соображеніе, что контраталмудисты отрекаются отъ талмуда, *наполненнаго разными богохульствами, противными церкви* и святой отчизнѣ, за что онъ и былъ осужденъ на сожженіе; имѣя также въ виду, что они (контраталмудисты) дошли до познанія Бога въ трехъ лицахъ,—Мы беремъ ихъ подъ свое покровительство, давая имъ сей желѣзный листъ противъ мстительности вышесказанныхъ лицъ и угрожаемъ карой его нарушителямъ. Пусть вѣдаютъ они, что контраталмудисты, имѣя опору и защиту, могутъ безпечно и безъ всякихъ препятствій пребывать во всѣхъ панствахъ нашихъ. Они могутъ вести торговлю, сообразно съ привилегіями, въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ и селѣ, бывать на ярмаркахъ... вести судебныя тяжбы, добиваться наслѣдства и т. д. И не только они сами, но и ихъ жены, дѣти, домашняя челядь и имущество берутся подъ королевское наше покровительство.

Для большаго ко всему сказанному довѣрія, сей листъ скрѣпляется королевской нашей печатью... Данъ въ Варшавѣ, іюня 11 дня, въ лѣто отъ Р. Х., 1758, царствованія же нашего въ 25-е.

Августъ, Король».

что „контраталмудисты" вѣрятъ въ Троицу и т. д.; но слѣдуетъ также заявить, по крайней мѣрѣ прозрачно намекнуть, что сектанты не прочь и христіанство принять. Духовенство, конечно, съ радостью ухватится за такое предложеніе и, въ ожиданіи обращенія, надѣлитъ сектантовъ различными льготами, а между тѣмъ они подъ шумокъ будутъ дѣлать свое, да и врагамъ отомстятъ. Предложеніе Франка было единогласно одобрено его послѣдователями, и 20 февраля 1759 года, шесть франкистовъ-депутатовъ подали прошеніе новому архіепископу львовскому, *Вратиславу Лубинскому*, гдѣ выражаютъ готовность «пристать къ лону церкви», слезно жалуются на своихъ единоплеменниковъ-преслѣдователей, на которыхъ мимоходомъ взводятъ разныя обвиненія, и просятъ, чтобы имъ, сектантамъ, указали „на поле, на которомъ они могли бы дать рѣшительное сраженіе врагамъ истины", т. е. чтобы имъ разрѣшили вторично устроить религіозный диспутъ съ раввинистами. — Но франкисты ошиблись въ разсчетѣ: Лубинскій принялъ ихъ прошеніе и депутацію довольно хладнокровно, похвалилъ ихъ усердіе въ дѣлѣ богоугодномъ, но просилъ доказать на дѣлѣ сочувствіе свое къ христіанству. Прошеніе ихъ Лубинскій напечаталъ, дабы съ одной стороны возвѣстить торжество церкви, а съ другой — огласкою заставить франкистовъ сдержать свое слово.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Тяжелое положеніе франкистовъ не облегчилось. Перейти сейчасъ же въ христіанство, не упрочивъ предварительно своего положенія, они тоже считали непрактичнымъ. И вотъ, по совѣту Франка, они шлютъ, 16 мая 1759 г., два прошенія: одно королю, а другое — архіепископу Лубинскому, назначенному въ это время на высокій постъ государственнаго примаса и архіепископа гнѣзненскаго. Приводимъ, въ переводѣ, тексты обоихъ этихъ прошеній, замѣчательныхъ какъ по содержанію, такъ и по тону. Эти и слѣдующіе документы служатъ главными «pièces justificatives» къ исторіи франкистскаго движенія вообще, и впервые найдены и обнародованы архиваріусомъ Ватикана *Тейнеромъ*, въ 1864 году. По вычурности слога этихъ прошеній, можно подумать,

«сохраняютъ за собою право расширить и дополнить» etc., и дѣйствительно написали дополненіе къ сейчасъ приведенной «исповѣди». По крайней мѣрѣ, я такъ понимаю значеніе одного документа, который у Тейнера, страннымъ образомъ, является безъ всякой надписи, безъ чьей-либо подписи и даже числа не обозначено также, къ кому обращены эти строки, только написано наверху: ex idiomate polonico (переводъ съ польскаго; документъ на латинскомъ) *. Но при сколько нибудь внимательномъ разсмотрѣніи можно убѣдиться, что это—продолженіе предыдущаго «заявленія»**. Документъ этотъ заключаетъ въ себѣ крайне важныя данныя — болѣе важныя чѣмъ въ предыдущихъ строкахъ—, почему и считаю нужнымъ воспроизвести его въ слѣдующихъ строкахъ, въ качествѣ *дополненія* къ предыдущему. Наиболѣе важныя мѣста подчеркнуты. Замѣчу кстати, что и здѣсь—масса темныхъ, двусмысленныхъ и даже непонятныхъ, по неправильности логической комбинаціи, мѣстъ, которые передаются здѣсь in extenso, безъ измѣненія смысла.

„Мы нижепоименованные, всепокорнѣйше и нижайше повергаемся къ стопамъ Господа, *единаго въ троеличности, и Іисуса, истиннаго Мессіи, въ котораго мы непоколебимо вѣруемъ, какъ во второе лицо св. Троицы, принявшее*, 1759 лѣтъ тому назадъ, *человѣческій ликъ* и снизошедшее въ сей міръ, спасенія ради человѣчества: мы признаемъ, что Онъ—спаситель и искупитель нашъ, и страстно желаемъ Его любить всею душою, пока дышемъ. Предъ Его величіемъ преклоняемся съ простертыми руками, благодаря Его неустанно (за то), что Онъ удостоилъ озарить наши души свѣтомъ настоящей истины; Ему одному посвящаемъ тѣло и душу наши, Ему одному мы дали обѣтъ служить, на Его помощь и милосердіе уповаемъ,

---

* *Theiner*, Ibid. pag. 163—164.

** Дополненіе это, какъ явствуетъ изъ одного мѣста его, написано мѣсяца черезъ два-три послѣ подачи заявленія отъ 25-го мая, а именно *послѣ львовскаго диспута*, описаніе коего будетъ ниже. Помѣщая это дополненіе здѣсь, я грѣшу противъ хронологическаго порядка, въ интересахъ логической послѣдовательности.

дабы мы могли Его любить изъ рода въ родъ и съ Нимъ властвовать во вѣки вѣковъ. Аминь.

«Проникнутые великою любовью ко всѣмъ, взывающимъ къ истинному Мессіи Іисусу, (просвѣщенные) частыми бесѣдами съ Г. Пикульскимъ, священникомъ и богословомъ львовскаго прихода Бернардинцевъ, — мы открыли ему (Пикульскому) тайны наши (а именно), какимъ образомъ возгорѣлся въ насъ тотъ свѣтъ истинной вѣры, котораго мы долго искали въ молитвахъ и слезахъ, скрывая душевныя чувства отъ родителей, супругъ и дѣтей нашихъ; какимъ образомъ мы, посредствомъ изученія каббалы по еврейскимъ нашимъ книгамъ, научились и просвѣтлѣли... (Увѣряемъ что) талмудъ полонъ заблужденій и басенъ, и вѣрующіе въ него не могутъ имѣть спасенія.

«И хотя изъ ученія Зогара мы уже имѣли нѣкоторое понятіе о таинствѣ св. Троицы, однако долго не рѣшались мы открыть талмудистамъ, что мы познали эту безсомнѣнную истину, и даже другъ другу не осмѣливались сообщать эти тайны, вслѣдствіе преслѣдованія и ненависти со стороны талмудистовъ ко всѣмъ, признающимъ св. Троицу. *Когда же, въ 1755 году, въ ноябрѣ, пришелъ въ Подолію изъ Турціи Франкъ Лейбовичъ, весьма свѣдущій въ каббалистическомъ ученіи, мы тайно послали къ нему нѣсколько человѣкъ, чтобы узнать о его ученіи и какого онъ образа мыслей въ дѣлахъ вѣры.* Онъ, укрѣпивъ души пословъ нашихъ въ таинствѣ св. Троицы, началъ ходить по градамъ и весямъ, вездѣ пропагандируя это каббалистическое ученіе, что Богъ—единъ въ троеличности, но не упоминая вовсе о св. крещеніи и католической религіи, и только при удобномъ случаѣ намекая, что ученіе о Троицѣ принадлежитъ христіанской религіи. Послѣ вторичнаго прибытія въ Польшу, онъ уже *твердилъ намъ о необходимости перейти въ лагерь Христа* и просилъ только хранить объ этомъ молчаніе.

«Слова его проповѣди были до того прекрасны, спасительны и трогательны, что мы его слушали со слезами на глазахъ, когда онъ говорилъ: «Если вы рѣшились всѣмъ сердцемъ вѣрить въ троеличнаго Бога, то много предстоитъ вамъ вынести бѣдствій, но за то честь и слава вамъ, идущимъ по стопамъ Авраама, Давида и другихъ праотцевъ, которые

также были вынуждаемы подвергаться опасности за свою добродѣтель". Сверхъ того мы замѣтили, что все, что онъ (Франкъ) предсказываетъ въ будущемъ, дѣйствительно всегда сбывается. Когда онъ, четыре года тому назадъ, ѣхалъ изъ Львова въ Рогатинъ, и остановился на ночлегъ въ мѣстечкѣ Давидово, онъ увидѣлъ надъ собою ночью духъ нѣкогда называвшагося Шліомою Рогатинскимъ а нынѣ, по принятіи св. крещенія, именуемаго, Лукою Францискомъ. Этотъ духъ принялъ сначала видъ звѣзды сверкающей и блестящей, затѣмъ излилъ свѣтъ на пространствѣ локтя. Впослѣдствіи, когда этотъ же Франкъ Лейбовичъ былъ въ Брестѣ, по дорогѣ въ Ландскронъ, онъ намъ предсказалъ о грядущей къ намъ опасности... что и сбылось. Когда онъ находился въ тюрьмѣ, онъ предсказалъ въ Карачинѣ, въ какой день насъ всѣхъ освободятъ изъ заключенія, и это также сбылось точно... И когда мы величали его добродѣтель, называя ее сверхчеловѣческой, онъ самъ, будучи скромнаго мнѣнія, о себѣ, отвѣчалъ: «Я между вами самый незначительный».

«Послѣ послѣдняго своего прибытія, Франкъ Лейбовичъ открыто высказалъ, что нѣтъ религіи лучше католической и что ее надо принять, ради спасенія души; тѣмъ болѣе, что на все это мы имѣемъ доказательства въ нашемъ писаніи, доказательства, которыя онъ намъ разъяснялъ самъ и которыя мы привели на публичномъ спорѣ во Львовѣ, хотя и не всѣ. Между прочимъ, онъ намъ проповѣдывалъ слѣдующія мистеріи: 1) Близокъ конецъ міра, и настаетъ время, когда единъ будетъ пастырь и едино стадо; 2) Антихристъ уже явился на землю, въ лицѣ Іакова изъ Тисменица смотри рукопись котораго Франкъ видѣлъ въ Салоникахъ... 3) «Думаете ли вы,—спросилъ насъ Франкъ—что Господь Христосъ въ извѣстное время еще снизойдетъ съ неба для учиненія суда?»—(и самъ же отвѣчалъ): «Все это очень вѣрно, но вы не постигаете душою настоящаго смысла этихъ евангельскихъ словъ. Кто знаетъ, не скрывается ли Онъ (Христосъ) теперь между людьми, воплощенный въ формѣ человѣческой? ...Но придетъ время, когда Онъ явится, по окончаніи антихристовыхъ страданій.

«Глубоко обдумавъ всѣ эти слова, дѣянія и обстоятельства,

мы пришли къ убѣжденію, что *Христосъ, въ котораго мы вѣруемъ, скрывается въ лицѣ вождя нашего Франка.* Мы даже собственными глазами видѣли на головѣ и груди послѣдняго рубцы христовыхъ ранъ (?), хотя онъ и не желалъ этого обнаружить, считая себя ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ насъ.

«Представляемъ весь этотъ результатъ такихъ размышленій нашихъ на судъ матери нашей, св. Церкви, дабы она, божественнымъ духомъ вдохновенная, изыскала правду и насъ, недостойныхъ, просвѣтила и утвердила въ истинной вѣрѣ. Почему и подписали имена свои еврейскими буквами etc.» (Подписей при текстѣ нѣтъ).

Какъ видно изъ всего сейчасъ приведеннаго, дополнительная часть заявленія отличается гораздо большей откровенностью относительно дѣйствительныхъ стремленій франкистовъ, чѣмъ первая его часть, хотя и тутъ двусмысленностей не оберешься. Эта откровенность, въ связи съ другими обстоятельствами, впослѣдствіи оказалась роковой для франкистовъ... Но пока они въ одномъ добились успѣха: диспутъ съ раввинистами имъ былъ разрѣшенъ, и самъ Микольскій взялся хлопотать о его устройствѣ.

Устроить этотъ второй диспутъ уже не такъ легко удалось какъ первый, каменецкій. Духовенство теперь было сильно предубѣждено противъ франкистовъ. Примасъ и папскій нунцій смотрѣли на нихъ недружелюбно. Одни полагали, что они преслѣдуютъ свои личныя, сектаторскія цѣли; другіе были убѣждены, что они притворно склоняются къ христіанству, имѣя цѣлью поправить свое бѣдственное, почти нищенское положеніе. По поводу заявленія Микольскаго о необходимости диспута, примасъ ему предложилъ шесть вопросныхъ пунктовъ *, на которые Микольскій далъ отвѣты въ благопріятномъ

* Вотъ содержаніе этихъ вопросныхъ пунктовъ: 1) Чѣмъ отличаются эти именующіе себя контраталмудистами отъ караимовъ? 2) Имѣютъ ли контраталмудисты достаточное религіозно-теологическое оправданіе своимъ стремленіямъ? 3) Не имѣютъ ли они въ виду, подъ предлогомъ принятія христіанства, какія либо корыстныя цѣли (aliquod lucrum)? 4 и 5) Добросовѣстный ли и свѣдущій ли человѣкъ переводчикъ (толмачъ), который будетъ передавать ихъ мнѣнія? 6) Что за люди тѣ, которые ходатайствуютъ отъ имени всей партіи?

для франкистовъ смыслѣ. Наконецъ, старанія Микольскаго увѣнчались успѣхомъ: было объявлено, что диспутъ между „зогаристами“ (какъ ихъ теперь стали называть оффиціально) и талмудистами начнется 16 іюля (1759), во Львовѣ. Раввины львовской епархіи приглашались къ этому дню на диспутъ, подъ угрозою денежнаго штрафа въ тысячу талеровъ за просрочку. На диспутѣ имѣлось въ виду обсуждать, кромѣ вопросовъ догматическаго характера, еще вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови во время пасхи, — въ чемъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго заявленія, франкисты обвиняли евреевъ. По этому послѣднему пункту, даже нунцій Серра, бывшій вообще противъ диспута, очень любопытствовалъ узнать, что отвѣтятъ евреи на столь ужасное обвиненіе со стороны ихъ же единовѣрцевъ. Нунцій, конечно, не могъ догадываться, что именно въ этомъ пунктѣ франкисты проявили всю свою низость и завѣдомо лгали, между тѣмъ какъ по другимъ вопросамъ, подлежавшимъ спору, они были лишь жертвами мистификаціи, а не мистификаторами...

Приготовленія къ этому диспуту вовсе не соотвѣтствовали мизерному и трагикомичному исходу его. Микольскій разрисовалъ представителямъ духовенства и дворянства заманчивую переспективу поголовнаго обращенія „infidelium judaeorum“, какъ результатъ этого религіознаго диспута. На диспутѣ изъявили желаніе присутствовать многіе изъ представителей высшихъ круговъ польскаго панства. Присутствующимъ и зрителямъ выдавались входные билеты, за которые давались довольно крупныя деньги. Сборъ съ „спектакля“ предназначался въ пользу бѣдствующихъ сектантовъ. Въ назначенный день, 16 іюля, въ львовскій каѳедральный соборъ явились депутаты отъ раввинистовъ и отъ „зогаристовъ“, по три человѣка съ каждой стороны. Представителями первыхъ, (которые на этотъ разъ поторопились, опасаясь денежнаго штрафа), были равви-

Выдающіяся-ли это лица между евреями, и на какомъ основаніи они ходатайствуютъ за другихъ?—Микольскій въ своемъ отвѣтѣ отъ 20 іюня 1759 г. (напечатанъ у Тейнера, p. 164—165) разсѣялъ сомнѣнія примаса на счетъ сектантовъ, настаивая на диспутѣ, какъ на мѣрѣ очень важной для обращенія «заблудшихся».

ны: львовскій—Хаимъ Когенъ Рапопортъ, язловицкій—Беръ, присутствовавшій еще на каменецкомъ диспутѣ, и меджибожскій — Израиль *. Со стороны франкистовъ явились самъ Франкъ **, Лейбъ Крыса и Соломонъ Шоръ. Предсѣдательствовалъ администраторъ Микольскій. Громадная съ колоннадою зала каѳедральнаго собора была переполнена зрителями. Здѣсь были облеченные въ черное представители духовенства, пришедшіе узрѣть торжество католической церкви; были и гонорные паны изъ высшихъ слоевъ польской знати; они явились на диспутъ въ сопровожденіи разряженныхъ дамъ и „паненокъ", тоже почему то полюбопытствовавшихъ услышать споръ раввиновъ съ каббалистами: были и мѣщане, шляхтичи, пришедшіе посмотрѣть, какъ евреи будутъ обвинять своихъ же собратьевъ. Дѣйствительно, зрѣлище замѣчательное. „Это каббала и талмудъ вцѣпились другъ другу въ волосы", — замѣчаетъ Грецъ...

Начались пренія. Раввины не понимали по польски, а поляки, конечно, ни слова не знали по еврейски. Приходилось пользоваться переводчиками. Пренія начались съ догматики. Франкисты, на основаніи Зогара, заявляютъ, что Богъ — «единъ въ троеличности» (unum Deum esse in trinitate), и что Богъ воплотился нѣкогда въ человѣческой формѣ, во искупленіе грѣховъ человѣчества. Положеніе раввиновъ было самое затруднительное. Съ одной стороны, какъ имъ отрицать то, на что довольно ясно намекаетъ «Зогаръ?» Съ другой стороны, еслибъ они и рѣшились заявить полную несолидарность съ Зогаромъ, то имъ пришлось бы рѣзко отрицать все то, что составляетъ предметъ вѣры для всей массы присутствующихъ, пристальные взоры которыхъ были устремлены на нихъ. При такой обстановкѣ, изъ преній ничего путнаго не могло выйти. Правда, противъ обвиненія въ употребленіи крови раввины

* Есть достаточное основаніе полагать, что этотъ Израиль меджибожскій былъ никто иной, какъ самъ, славной памяти, Бештъ, родоначальникъ современнаго хасидизма. Ср. *Graetz*. Frank und die Frankisten; *Кагане*: Even Ofel, гл. 23, примѣчаніе.

** Г. *Кагане* (Oven Ofel, гл. 23, при концѣ) удачно доказалъ ошибочность утвержденія Греца, будто бы Франкъ лично не былъ на львовскомъ диспутѣ.

твердо защищались, но незнаніе исторіи предмета, какъ и то обстоятельство, что имъ приходилось передавать свои возраженія черезъ переводчиковъ, дѣлали доводы ихъ невразумительными, не достаточно обоснованными. Три дня длились эти нескончаемыя пренія (16, 23 и 30-го іюля), и побѣда, конечно, оказалась на сторонѣ франкистовъ. Раввины должны были возратиться вспять, въ гнетущемъ сознаніи своего безсилія и забитости...

Но на этотъ разъ пораженіе раввиновъ уже не повлекло за собою тѣхъ преслѣдованій и актовъ насилія, какими сопровождался первый, каменецкій диспутъ. Сѣдыя головы раввиновъ были сильно посрамлены, но никакихъ *непосредственно* вредныхъ для еврейства послѣдствій посрамленіе это не вызвало. Съ другой стороны, франкисты далеко не достигли осуществленія своихъ желаній и просьбъ. Послѣ того, какъ они на диспутѣ доказали истинность догматовъ о Троицѣ и вочеловѣченіи по Зогару, католическое духовенство совершенно резонно потребовало у нихъ быть послѣдовательными и перейти открыто на лоно церкви. Нѣкоторое время сектанты все не рѣшались сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ они не признавали и десятой доли того, за что распинались въ своихъ прошеніяхъ и на диспутахъ. Они вѣрили въ Троицу, но не въ христіанскую, а въ каббалистическую. Они признавали пришествіе и вочеловѣченіе Мессіи, но этого мессію они видѣли не въ Іисусѣ, а въ Саббатаѣ Цеви и въ Яковѣ Франкѣ, который для нихъ представлялся воплощеніемъ Саббатая. Въ виду этого, они все откладывали свой обѣщанный переходъ въ христіанство. Но требованія духовенства дѣлались все настойчивѣе, другаго исхода не могло быть для несчастныхъ сектантовъ; стоило бы имъ хоть словомъ намекнуть на нежеланіе принять католичество, и они немедленно очутились бы внѣ закона. Они еще не могли забыть недавныхъ жестокихъ преслѣдованій, которымъ они подверглись со стороны противниковъ, во время послабленія церковнаго покровительства. Да, наконецъ, и съ принципіальной стороны, что имъ мѣшаетъ принять христіанство? Вѣдь принялъ же Саббатай Цеви и, вслѣдъ за нимъ, вся его многочисленная свита исламъ, и нашли же

они даже очень глубокіе мотивы для этого принятія! Если Саббатай и его послѣдователи приняли внѣшнимъ образомъ исламъ для искупленія грѣшныхъ душъ магометанъ, «потомковъ Измаила», то почему бы и имъ, франкистамъ, не принять христіанства во искупленіе душъ христіанъ „потомковъ Исава" и, слѣдовательно, также приходящихся „намъ" сродни?... Эти соображенія были представлены самимъ Франкомъ своей паствѣ—и были одобрены почти единогласно. Сектанты рѣшились принять католическую вѣру.

Отчасти сами евреи способствовали даже *прямо* переходу франкистовъ въ христіанство. Послѣ львовскаго диспута, въ Константиновѣ состоялось чрезвычайное собраніе раввиновъ, которые рѣшили, что нѣтъ другаго средства избавиться отъ сектантовъ, какъ *заставить ихъ принять католичество*, и въ этомъ смыслѣ воздѣйствовать на кого слѣдуетъ. Было истрачено много денегъ, (по увѣренію Эмдена, болѣе двухъ тысячъ злотыхъ) на «ходатайства,» и это, конечно, ускорило обращеніе франкистовъ. Это явленіе, во всякомъ случаѣ, довольно характерно.... По этому поводу есть недурный разсказъ въ „Біографіи Бешта" (Schiwchei ha' Bescht, p. 10). Когда глава нынѣшнихъ хасидовъ узналъ о ходатайствахъ евреевъ въ пользу крещенія франкистовъ, онъ былъ очень огорченъ и сказалъ: „Я слышалъ, какъ Богъ плачетъ, видя окрещеныхъ, и говоритъ: „пока членъ еще соединенъ съ тѣломъ, есть хоть какая нибудь надежда, что онъ вылечится; когда же его отрѣзали, онъ ужь пропалъ навсегда"... Высказано тѣмъ языкомъ, который свойственъ главѣ хасидовъ, но сказано не безъ остроумія, а можетъ быть и не безъ искренности... Но польскіе евреи не послушались его совѣта и рѣшились ампутировать больной, по ихъ мнѣнію, членъ, и платили за это хирургамъ большія деньги.

Наконецъ, осенью 1759 года началось крещеніе франкистовъ. Первыми приняли католичество предводители секты: Соломонъ Шоръ, переименованный вслѣдствіе этого въ Луку Франциска *Воловскаго* *, и его братъ Натанъ Шоръ, названный

* Фамилія Воловскихъ существуетъ еще донынѣ въ Варшавѣ. О нихъ новѣйшія свѣдѣнія см. ниже въ концѣ статьи.

Михаиломъ Воловскимъ. Затѣмъ, въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, перешло въ католичество въ одномъ Львовѣ около *тысячи* франкистовъ. Но Яковъ Франкъ позже всѣхъ принялъ крещеніе. Онъ хотѣлъ обставить свой переходъ въ лоно церкви возможно большимъ блескомъ, хотѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и заставить о себѣ говорить. Въ октябрѣ 1759 г., Франкъ пріѣхалъ изъ Львова въ Варшаву. Пріѣздъ свой онъ обставилъ большой торжественностью: ѣздилъ въ каретѣ, запряженной шестеркой, носилъ роскошное турецкое платье и всегда былъ окруженъ свитою въ 30—50 человѣкъ, набранныхъ изъ его адептовъ и одѣтыхъ гвардейцами. По прибытіи въ Варшаву, Франкъ подалъ королю прошеніе, въ которомъ просилъ, чтобы самъ король удостоилъ быть его крестнымъ отцомъ. Франкъ, конечно, хотѣлъ пустить пыль въ глаза и показать своимъ темнымъ послѣдователямъ, какую роль онъ играетъ у короля. Августъ III снизошелъ на просьбу „главы Зогаристовъ". Въ ноябрѣ 1759 г. Яковъ Франкъ былъ окрещенъ и нареченъ въ католичествѣ Іосифомъ, при чемъ крестнымъ отцомъ былъ король. Примѣръ Франка еще болѣе усилилъ переходъ въ католичество среди сектантовъ. Столбцы польскихъ газетъ наполнялись безпрестанно длинными списками именъ крестившихся изъ франкистовъ, и обозначались имена многихъ высокопоставленныхъ лицъ, пожелавшихъ быть имъ крестными отцами. Жена и дочь Франка, Ева, также приняли католичество.

Казалось бы, что послѣ этого бѣдствіямъ франкистовъ наступитъ конецъ, и на „лонѣ церкви" они обретутъ нѣкоторый покой. По крайней мѣрѣ, такъ они сами разсчитывали, принимая христіанство. Но вовсе не такъ вышло на дѣлѣ. У духовенства Франкисты и ихъ глава продолжали оставаться въ сильномъ подозрѣніи. Самъ Франкъ уже второй разъ мѣнялъ религію такъ какъ въ христіанство онъ перешелъ изъ магометанства;—объ этомъ не могло не знать духовенство. Сектанты же не могли такъ искусно выдерживать свою роль, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній. Принимая христіанство съ единственною цѣлью—подъ его покровомъ удобнѣе преслѣдовать свои сектаторскія цѣли, они не только не достигли желаемаго, но даже поставили себя въ невозможность продолжать свою пропаганду.

Теперь уже за каждымъ ихъ шагомъ слѣдили, каждое ихъ дѣйствіе возбуждало подозрѣніе. Особенно подозрительнымъ показалось то, что Франкисты и послѣ крещенія продолжали просить о водвореніи ихъ на особой территоріи (на „королевскихъ земляхъ“), гдѣ нѣтъ евреевъ, подъ предлогомъ желанія заниматься производительнымъ трудомъ, но на самомъ дѣлѣ имѣя въ виду устроить замкнутое мессіанское царство съ особымъ мистическимъ культомъ. Къ этому же времени (къ концу 1759 г.) слѣдуетъ отнести подачу (кому-либо изъ представителей церкви) той дополнительной части „Исповѣди“, гдѣ франкисты пускаются въ такую рискованную откровенность и прямо заявляютъ, что они вѣрятъ во Франка, какъ въ воплощеніе Христа (см. выше, въ этой же главѣ: дополненіе къ заявленію). Еще болѣе вѣроятно, что эта часть „Исповѣди“ дана сектантами въ видѣ показанія на допросѣ, которому ихъ подвергли представители духовной инквизиціи въ Польшѣ.

Повидимому, послѣ долгихъ разслѣдованій, церковная инквизиція нашла очень тяжкія улики противъ франкистовъ. Фактически констатировано, что шесть человѣкъ, принадлежавшихъ къ сектѣ, сами выдали тайныя стремленія своихъ единомышленниковъ. Въ январѣ 1760 года былъ внезапно арестованъ Франкъ и съ нимъ многіе изъ его послѣдователей. Инквизиція, вѣроятно, употребила свое патентованное средство—пытку, такъ какъ на допросѣ Яковъ Франкъ признался во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ. Свидѣтельскія показанія подтверждали признанія обвиняемыхъ. Два мѣсяца продолжалось тайное слѣдствіе по дѣлу Франкистовъ. Наконецъ, въ мартѣ 1760 года, былъ изданъ инквизиціонный декретъ, по которому Яковъ Франкъ признается виновнымъ въ стремленіи создать новую религіозно-мистическую секту, въ томъ, что онъ самъ себя выставляетъ мессіею, приписывая себѣ божественное происхожденіе, и принялъ христіанство лишь съ цѣлью удобнѣе маскировать свои богохульные замыслы,—почему онъ и приговаривается къ заключенію въ Ченстоховскую крѣпость безъ срока. Главные его сподвижники, какъ Шоръ, Крыса и др., были также приговорены, на основаніи тѣхъ же мотивовъ, къ заключенію въ крѣпость Ченстоховъ и къ тяжкимъ работамъ. Собственно, согласно инкви-

зиціонному уставу, Яковъ Франкъ долженъ былъ подвергнуться за свою агитацію смертной казни, но въ виду того, что король былъ его крестнымъ отцомъ, судъ ему смягчилъ наказаніе. Весною 1760 г. Франкъ и его главные сподвижники отправлены закованными въ кандалахъ въ Ченстоховскую крѣпость. Всѣ остальные сектанты были отчасти приговорены къ тяжкимъ работамъ въ той же крѣпости, Ченстоховѣ, отчасти же препровождены этапомъ на родину и оставлены подъ надзоромъ...

Здѣсь начинается новый періодъ въ исторіи франкистскаго движенія, столь бурнаго и столь богатаго событіями. Ученіе Франка, выработанное имъ подробнѣе во время заключенія въ крѣпости, его послѣдующая агитація, носящая романтическій характеръ, въ связи съ исторіей его секты — все это составитъ предметъ слѣдующихъ главъ.

С. Дубновъ.

(*Окончаніе будетъ*).

НОВЫЙ АГАСФЕРЪ.

(Окончаніе) *.

Тяжелыя испытанія ожидали его по возвращеніи на родину. Возвращеніе это совершилось въ самый разгаръ антисемитическаго движенія въ Германіи. Уже въ вагонѣ, уже подъѣзжая къ тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ привыкъ считать своими родными мѣстами, кинулась ему въ глаза, поразила и оскорбила его, даже привела въ ужасъ та перемѣна въ настроеніи общества, которая успѣла совершиться за это время, которой онъ и не подозрѣвалъ въ своихъ странствіяхъ по африканскимъ степямъ, да и не могъ подозрѣвать—такъ мало была, повидимому, подготовлена нѣмецкая почва для подобнаго движенія въ ту пору, когда Генрихъ покидалъ родину. Вотъ при какомъ разговорѣ пришлось ему присутствовать въ то время, когда поѣздъ уже почти подъѣзжалъ къ Берлину.

— Проклятая жидовская сволочь!—воскликнулъ одинъ изъ пассажировъ, продолжая начатую до входа Генриха въ этотъ вагонъ бесѣду; это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, инженеръ по профессіи;—проклятая жидовская сволочь!.. Полумѣрами, презрительнымъ обращеніемъ, насмѣшками надъ ними мы ничего не подѣлаемъ. Они должны быть совсѣмъ прогнаны изъ Германіи. Пока они живутъ здѣсь въ такомъ огромномъ количествѣ, мы не гарантированы отъ ихъ козней. Законодательныя постановленія тоже не помогутъ намъ

* См. „Восходъ“, кн. III.

справиться съ хитрыми негодяями. Они сплочены между собою самымъ тѣснымъ образомъ, образуютъ колоссальный, внѣгосударственный тайный союзъ и умѣютъ истолковать всякую статью закона въ свою пользу. Вотъ почему я и говорю: Никакихъ полу-мѣръ! Вонъ евреевъ изъ Германіи!

— Мнѣ кажется—возразилъ ему другой пассажиръ, пожилой и серьезный человѣкъ—мнѣ кажется, что вы заходите слишкомъ далеко. Я не говорю, что опасность ничтожна. Но у насъ въ Пруссіи до сихъ поръ законы не оказывались лишними и безполезными, и обходить ихъ не такъ легко. Вѣдь можно просто не допускать евреевъ къ отправленію извѣстныхъ общественныхъ должностей.

— Да,—замѣтила длинная барыня, сидѣвшая противъ инженера,—мой поставщикъ тоже еврей, и у него никогда не найдете хорошаго масла.

А ея сосѣдка добавила:

— Вѣдь извѣстно, что евреи никогда не держатъ хорошаго молока.

— Изволите видѣть, сударыня,—продолжалъ инженеръ—все это происходитъ оттого, что вы не закупаете у честныхъ христіанъ. Вы поддерживаете вашими деньгами только пьявокъ, сосущихъ Германію, и за это должны еще ѣсть порченный жидовскій товаръ, который разстраиваетъ вашъ желудокъ.

— Надо бы запретить всѣмъ евреямъ торговать!—сказала длинная барыня, а ея сосѣдка прибавила:—И тоже печь хлѣбы.

— Чѣмъ же прикажете евреямъ быть?—иронически спросилъ пожилой господинъ.- Хотятъ они заняться чѣмъ нибудь кромѣ торговли—мы говоримъ: нѣтъ; а продолжаютъ торговать—это не нравится женщинамъ. Какъ же выйдти изъ этого заколдованнаго круга?

— Выгнавъ ихъ изъ Германіи!—горячо воскликнулъ инженеръ.—Законами съ этой сволочью ничего не подѣлаешь. Не допустите жида къ той или другой должности, тому или другому занятію—онъ

выкрестится, но это не мѣшаетъ ему все таки остаться жидомъ. Вотъ отчего я и настаиваю: вонъ ихъ изъ Германіи!...

Разговоръ продолжался въ томъ-же родѣ. Въ Берлинѣ, при самомъ вступленіи на берлинскія улицы, Генриха ожидало еще болѣе осязательное потвержденіе того, что покамѣсть казалось ему тяжелымъ, непостижимымъ сномъ. Окна книжныхъ магазиновъ были завалены брошюрами по „еврейскому вопросу"; газеты—старыя и новыя, а этихъ послѣднихъ развелось не мало, именно для служенія „новому дѣлу"—звонили на эту же тему и старались превзойти другъ друга въ усердіи.

„Трескучая передовая статья—(остроумно характеризуетъ намъ авторъ эту антисемитическую прессу)—доказывала что евреи не обладаютъ моральною правоспособностью быть домовладѣльцами. Изъ-за границы сообщали, что гдѣ-то на востокѣ или юго-востокѣ сотни двѣ евреевъ были ограблены, и газета прибавляла, что такъ имъ и надо. Во внутреннемъ политическомъ отдѣлѣ занимали немаловажное мѣсто сообщенія родословной той или другой выдающейся личности; почтенные ученые, теперешніе или отставные министры, знаменитые ораторы подвергались микроскопическимъ изслѣдованіямъ для опредѣленія степени присутствія въ ихъ жилахъ семитической крови. Еще тѣснѣе примыкали къ современному вопросу извѣстія изъ жизни столицы. Рожденіе тройни въ одномъ бѣдномъ еврейскомъ семействѣ давало поводъ къ замѣчанію, что пагубное плодородіе евреевъ вызывало репрессивныя мѣры уже въ Египтѣ. Въ южной части города бѣшеная собака укусила христіанскаго мальчика—надо полагать, что настоящій владѣлецъ собаки, правда христіанинъ, купилъ ее у еврея. Одинъ офицеръ застрѣлился отъ долговъ—онъ попалъ въ руки ростовщиковъ, а ростовщичество, какъ извѣстно, сосредоточено исключительно въ рукахъ евреевъ. Въ сѣверной части Берлина обнаружилось нѣсколько случаевъ трихинной болѣзни.—Евреи свиного мяса не ѣдятъ; слѣдовательно, весьма натурально, что болѣзнь обрушилась исключительно на бѣдныхъ христіанъ. Въ Тиргартенѣ повѣсился одинъ рабочій—такъ какъ этотъ человѣкъ очевидно не могъ найти себѣ работу, вся же промышленность находится въ рукахъ

евреевъ, то отвѣтственными за это самоубійство должны быть евреи. Большое число и другихъ самоубійствъ должно быть приписано тому, что матеріалистическій еврейскій духъ уничтожилъ въ народѣ вѣру въ загробную жизнь“...

Въ домѣ своей возлюбленной Генрихъ встрѣтилъ тоже не веселую обстановку. За это время случилось печальное и важное семейное обстоятельство: Молодой Бруно, любимецъ старика-барона фонъ-деръ-Эгге, будущій наслѣдникъ всего маіората и этого аристократическаго имени, отправился, въ качествѣ моряка, въ плаваніе на одномъ изъ фрегатовъ. Фрегатъ разбило—и когда въ Берлинъ былъ доставленъ списокъ спасшихся лицъ экипажа, имени Бруно въ немъ не оказалось. То было тяжкимъ ударомъ для стараго барона—и ударомъ этимъ задумалъ воспользоваться нашъ старый знакомый Куртъ. Онъ теперь оставался единственнымъ представителемъ мужскаго колѣна фонъ-Эгге; къ нему, слѣдовательно, по всѣмъ правамъ переходило все то, что готовилъ въ наслѣдство своему Бруно старикъ баронъ. Надо было только снискать себѣ расположеніе этого послѣдняго; какъ ни трудна была эта задача при уже извѣстномъ намъ взглядѣ старика на Курта, особенно послѣ женитьбы этого послѣдняго на Эммѣ Фейгельбаумъ—но Куртъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые останавливаются передъ трудностью задачи. Притомъ же, это былъ человѣкъ, въ которомъ изобрѣтательность равнялась недобросовѣстности. Онъ разомъ придумалъ разныя средства для сближенія со старикомъ-барономъ. Во первыхъ, онъ припомнилъ, что старикъ въ былое время очень желалъ, чтобы онъ женился на Клемансъ и чтобы ея благотворное вліяніе произвело переворотъ въ порочныхъ наклонностяхъ молодаго человѣка, сдѣлало его снова достойнымъ почтеннаго имени фонъ-деръ-Эгге. Чего же лучше? Надо влюбить себя въ Клемансъ и жениться на ней. Но вѣдь Куртъ женатъ, замѣтитъ читатель. Э, вздоръ! Его жена умираетъ за границей и вѣрно не долго протянетъ—а коли она не поторопится на тотъ свѣтъ, то вѣдь трудно ли развестись? И Куртъ принялся за дѣло. Во вторыхъ, онъ выказалъ себя нѣжнѣйшимъ родственникомъ старика-барона; во все

время тяжкой болѣзни этого послѣдняго, вызванной катастрофою съ Бруно, Куртъ неотступно ухаживалъ за нимъ, велъ его всѣ дѣла и вообще поступалъ такъ ловко, что черезъ нѣсколько недѣль баронъ былъ почти убѣжденъ, что его внукъ—въ душѣ истинный Эгге и серьезно искупаетъ прогрѣшенія молодости. Мало по малу расположеніе его усилилось, и Куртъ наконецъ воспользовался имъ, чтобы объявить старику, что онъ страстно влюбленъ въ Клеманс, что въ бракѣ съ нею онъ видитъ не только высшую земную цѣль своей жизни, но и избавленіе отъ мучительныхъ воспоминаній о своемъ прошедшемъ. На возраженіе барона, что вѣдь Куртъ женатъ, тотъ сказалъ о предстоящемъ разводѣ, и старикъ, которому, какъ мы знаемъ, бракъ доктора Вольфа съ его внучкой былъ не совсѣмъ по сердцу, черезъ нѣсколько времени отвѣчалъ Курту, что все зависитъ оттого, успѣетъ ли онъ въ теченіе года пріобрѣсть любовь молодой дѣвушки. Смыслъ этихъ словъ о годовомъ срокѣ Куртъ понялъ только впослѣдствіи, когда отъ того же барона узналъ объ отношеніяхъ Генриха и Клемансъ. Теперь, слѣдовательно, надо было, устранить этого соперника, надо было подорвать его значеніе—въ глазахъ и старика, и его внучки. Относительно перваго онъ воспользовался начавшимся тогда антиеврейскимъ движеніемъ; мы забыли сказать, что онъ уже не задолго до того далъ знаменитому Штроппу денегъ на основаніе антиеврейской газеты, которая, будучи поддержана и другими, издавалась подъ громкимъ названіемъ „Арминій“ и, своими грубыми нападками на евреевъ, производила извѣстную сенсацію между дворянами-землевладѣльцами, интересы которыхъ она яко-бы поддерживала. Куртъ позаботился, чтобъ „Арминій“ получался и въ Эггервицѣ.

„Каждый день—разсказываетъ авторъ—Куртъ читалъ старику всѣ статьи, направленныя въ этой газетѣ противъ евреевъ, выражалъ свое полное согласіе съ ними и опровергалъ возраженія старика, которыя обыкновенно отличались достаточною шаткостью.

„Барона весь этотъ еврейскій вопросъ, все это, направленное противъ нихъ движеніе, очень волновало и раздражало,—и Куртъ выска-

зывалъ свое полное изумленіе этому обстоятельству. Какое дѣло барону Эгге до евреевъ! Вредитъ-ли имъ „Арминій“, или нѣтъ, бѣситъ-ли онъ ихъ своими ежедневными нападками или оставляетъ равнодушными,— что до этого въ сущности такому аристократу, какъ старикъ Гербертъ фонъ-деръ Эгге? Вѣдь враги евреевъ и ихъ оффиціальный органъ, т. е. „Арминій“, прежде всего — вѣрные товарищи нѣмецкаго дворянства и должны быть поддерживаемы всякимъ членомъ консервативной партіи, даже если онъ не принципіальный противникъ евреевъ...

„Подобными разговорами Куртъ приводилъ ежедневно барона въ сильнѣйшее раздраженіе, такъ что однажды старикъ совсѣмъ вышелъ изъ себя и приказалъ своему собесѣднику молчать. Тотъ настоятельно пожелалъ узнать причину такого неожиданнаго запрещенія. —и тутъ-то баронъ, радуясь представившейся возможности поговорить наконецъ объ озабочивавшемъ его обстоятельствѣ, плаксиво разсказалъ о сватовствѣ Генриха и о данномъ ему обѣщаніи... Но вѣдь за это время положеніе дѣлъ такъ много измѣнилось! Домъ фонъ-деръ-Эгге потерялъ своего наслѣдника и, слѣдовательно, надо было съ удвоенною осторожностью позаботиться о сохраненіи его цѣлости и достоинства. Правда, баронъ обязанъ исполнить свое слово. Если Клемансъ не охладѣетъ къ своему Генриху—ну, тогда дѣлать нечего! Но если она за это время образумится и вспомнитъ про свое аристократическое происхожденіе, то это будетъ пріятно, очень пріятно ему, старику-дѣду. Онъ можетъ тогда даже возстановить Курта въ его нравственныхъ и матеріальныхъ правахъ, лишь бы пріобрѣсть подходящую партію для своей дорогой внучки, для Клемансъ...

Этого было достаточно для Курта. Теперь онъ повернулъ оружіе противъ невѣсты Генриха. Добиться любви Клемансъ казалось ему не совсѣмъ невозможнымъ, причемъ онъ разсчитывалъ все на тотъ-же еврейскій вопросъ: Вѣдь не выйдетъ же Клемансъ фонъ-Ауэнгеймъ за жида, въ то самое время, когда весь его народъ, а слѣдовательно и его самого, закидываютъ камнями!.. И вотъ Куртъ дѣлается усерднымъ посѣтителемъ дома Ауэнгеймъ. На первыхъ порахъ шансы его у Кле-

мансъ оказались далеко неблагопріятны, тѣмъ болѣе, что она принимала горячее участіе въ бѣдной женѣ его и возмущалась его обхожденіемъ съ нею. За то онъ нашелъ себѣ союзника въ ея отцѣ, человѣкѣ крайне пустомъ и ограниченномъ. Съ первыхъ же словъ Курта объ антиеврейскомъ движеніи въ столицѣ, Ауэнгеймъ отнесся къ этому предмету съ живѣйшимъ интересомъ: до сихъ поръ, по его словамъ, онъ ровно ничего не зналъ объ этомъ движеніи, душевно благодаренъ кузену за извѣстіе и немедленно подпишется на „Арминія"; ему—прибавилъ онъ—еврейское племя всегда было ненавистно, „за исключеніемъ, само собою разумѣется, хорошенькихъ жидовочекъ". Съ этихъ поръ подобныя бесѣды велись между этими двумя господами каждый день—и велись въ присутствіи Клемансъ, помолвка которой съ Генрихомъ, какъ мы уже знаемъ, оставалась покамѣсть тайной для ея отца. „Клемансъ нѣсколько разъ пыталась преодолѣть свою робость и защищать евреевъ. Но это оказывалось для нея труднѣе, чѣмъ она думала. То, что́ говорилъ ея отецъ, нельзя было принимать серьезно: его разсужденія были только слабымъ повтореніемъ статей „Арминія". Но Куртъ всегда становился на религіозную точку зрѣнія и ругалъ завзятыхъ евреевъ, точно также какъ и тѣхъ, которые безъ убѣжденія, по какимъ нибудь ничтожнымъ или недобросовѣстнымъ причинамъ, переходятъ въ христіанство. Сердце сжималось у бѣдной дѣвушки каждый разъ, какъ Куртъ говорилъ подобныя вещи. Но она не знала, что отвѣчать. Вѣдь не могла же она показать этому злому человѣку свой дневникъ"!

Между тѣмъ, Куртъ, подготовляя себѣ такимъ образомъ почву, не устранилъ еще самаго важнаго препятствія—своего брака съ Эммой. Получить отъ нея разводъ оказалось совсѣмъ не такъ легко, какъ онъ ожидалъ. На первое его предложеніе она отвѣчала такимъ письмомъ: „Умоляю тебя подождать еще немного. Я очень больна. Нашъ бракъ скоро расторгнется безъ всякаго шума". А чрезъ нѣсколько времени онъ получилъ такую телеграмму: „Я не разстанусь съ тобой".

Куртъ пришелъ въ бѣшенство. Нѣтъ, она *должна* покориться ему, хотя бы ему пришлось принять для этого самыя насильственныя мѣры.

Но нельзя-ли обойтись безъ нихъ? Нельзя-ли устроить это болѣе приличнымъ образомъ? Изобрѣтательность и безсовѣстность Курта снова пришли ему на помощь. Читатель помнитъ о его любовныхъ сношеніяхъ съ красавицей Тиной Фейгельбаумъ,—сношеніяхъ, которыя не только не прекратились, но даже усиленно поддерживались послѣ того, какъ Куртъ женился на родной сестрѣ мужа Тины. Этимъ обстоятельствомъ рѣшилъ теперь воспользоваться благородный Куртъ. Онъ собралъ дюжину-другую любовныхъ записокъ къ нему отъ мадамъ Фейгельбаумъ и отправилъ ихъ своему тестю, г. Исааку Фейгельбауму. Этими документами онъ надѣялся склонить Эмму къ согласію на разводъ, потому что зналъ, какъ она боялась всякаго публичнаго скандала. Имъ руководило еще такое соображеніе: чуть мужъ Тины узнаетъ объ этой перепискѣ, онъ сейчасъ же конечно прогонитъ отъ себя жену, и тогда Эмма, уже ради брата, тоже должна будетъ развестись. Что касается самой Тины, то она уже столько разъ просила своего возлюбленнаго освободить ее отъ Юліуса, который съ каждымъ днемъ становился все скучнѣе и скучнѣе, а съ нѣкотораго времени началъ даже скаредничать...

Дѣйствіе этого благороднаго поступка скоро обнаружилось. На другой же день Тина влетѣла въ комнату Курта, со слезами объявила ему, что мужъ все узналъ и прогналъ ее, и что теперь она уже не оставитъ своего дорогого друга. Это, конечно, не входило въ разсчетъ нашего рыцаря, но онъ покамѣсть нашелъ лучшимъ не выводить барыню изъ заблужденія. А черезъ часъ послѣ ея появленія, ему доложили о приходѣ старика Фейгельбаума. Куртъ выслалъ Тину изъ комнаты, положилъ передъ собой на столѣ револьверъ и велѣлъ впустить стараго еврея.

„Предосторожность съ револьверомъ была не совсѣмъ лишняя. Изступленно, почти обезумѣвъ отъ горя и бѣшенства, ворвался Исаакъ въ комнату. Лакей не зналъ, уходить или остаться; Куртъ сдѣлалъ знакъ—тотъ удалился, и хозяинъ остался наединѣ со старикомъ. Куртъ спокойно направилъ на него револьверъ.

„Съ воплемъ протянулъ Исаакъ свою костлявую руку къ зятю. Изливая цѣлый потокъ брани и страшныхъ проклятій противъ Курта и

всей его фамиліи, клялся старикъ не успокоиться и не сложить рукъ до тѣхъ поръ, пока равное не заплатится равнымъ. Да, благородный фонъ-деръ-Эгге добился таки своего! бѣдная дочь Исаака, несчастная Эмма, должна будетъ наконецъ развестись съ мужемъ послѣ того, какъ онъ высосалъ столько денегъ у ея отца и отнялъ жену у дурака-брата! Но Богъ не оставитъ такихъ дѣлъ безъ наказанія!

— Стало быть, Эмма согласна на разводъ?

— Она должна согласиться! Какое-же еврейское дитя можетъ остаться у такого человѣка, какъ вы?

— Прекрасно! Только это мнѣ и нужно было знать. Теперь ступайте, или я велю васъ вытолкать!

„И Куртъ снова поднялъ вооруженную револьверомъ руку...“

Временный переѣздъ къ нему Тины съ разными ея вещами случайно поставилъ его въ возможность сдѣлать еще новую пакость, отъ которой онъ тоже ожидалъ для себя значительныхъ выгодъ. Если читатель не забылъ, Тина, въ свое первое и послѣднее посѣщеніе доктора Вольфа—посѣщеніе, сдѣланное съ обольстительными цѣлями—утащила у него засушенную въ томѣ Спинозы розу, подаренную ему Клемансъ въ то время, когда онъ еще лежалъ больной въ домѣ Ауэнгеймовъ. Перебирая теперь разныя вещи Тины, Куртъ случайно нашелъ между ними этотъ цвѣтокъ, прочелъ на приклеенной къ нему бумажкѣ „Rosa Clementiae, Берлинъ, 16 Іюня 1871 г.,“ узналъ отъ своей возлюбленной о его происхожденіи—и блестящая мысль осѣнила его голову. Вечеромъ того же дня онъ отправился къ Ауэнгеймамъ.

„Куртъ сейчасъ-же навелъ съ отцемъ Клемансъ разговоръ на ихъ любимую тему. Клемансъ хотѣла уже, какъ это она дѣлала почти всегда, удалиться, но Куртъ поспѣшилъ произнести имъ доктора Вольфа. И его—замѣтилъ Куртъ—не слѣдуетъ больше принимать въ этомъ домѣ: каждый еврей, уже по врожденной натурѣ своей, обманщикъ.

„Клемансъ сочла невозможнымъ молчать долѣе. Гнѣвно, но съ гордымъ достоинствомъ подошла она къ Курту и сказала:

— Какое вы имѣете право оскорблять друга того дома, гдѣ вы сами приняты какъ гость?

— У меня есть противъ него доказательства, которыми я до сихъ поръ не пользовался изъ уваженія къ вамъ.

— Доказательства? Да вѣдь вы почти совсѣмъ не знаете его.

— Я-то не знаю,—но тѣмъ ближе знакомъ онъ Тинѣ Фейгельбаумъ, его давней возлюбленной, и она можетъ поразсказать о еврейскихъ мужчинахъ больше, чѣмъ я.

„Клемансъ вспыхнула и черезъ нѣсколько минутъ спокойно отвѣчала:

— Я вѣрю доктору Вольфу больше, чѣмъ этой женщинѣ.

„Куртъ поднялся съ своего мѣста, глубоко возмущенный: высказанное недовѣріе повидимому относилось къ нему, и, слѣдовательно, надо было представить оффиціальный документъ, который, по его словамъ, хранился у него уже столько мѣсяцевъ.

„И, говоря это, онъ медленно раскрылъ свой бумажникъ и вынулъ оттуда розу. Клемансъ вздрогнула. потому что съ перваго взгляда узнала свой подарокъ. Она задыхалась. Куртъ же продолжалъ:

— У красавицы Тины есть причудливая привычка —заставлять каждаго изъ своихъ обожателей дарить ей такую вещь, которая напоминаетъ ему о какой нибудь глупости, сдѣланной въ молодые годы. У нея цѣлое собраніе такихъ забавныхъ предметовъ. Однажды я, въ качествѣ не обожателя, а просто ироническаго друга г-жи Фейгельбаумъ, разсматривалъ эту коллекцію и вдругъ наткнулся на почеркъ г. доктора Вольфа, друга вашего дома. Я взялъ цвѣтокъ. Подъ нимъ всякому понятныя слова: „Роза Клемансъ“. Число обозначено вѣрно. Этотъ еврейскій докторъ осмѣлился васъ компрометировать!

„Клемансъ сдѣлала рукой движеніе по направленію къ розѣ, попытавшись улыбнуться. Но улыбка замерла на губахъ. Она взяла букетъ съ цвѣткомъ и, въ сопровожденіи сестры, шатаясь, вышла изъ комнаты.

— Ну, полно,—крикнулъ ей вслѣдъ отецъ;—это пустяки. Мы не станемъ больше принимать къ себѣ ни одного еврея.

„Въ эту минуту послышался глухой стукъ, какъ отъ паденія чего нибудь тяжелаго. Эвхенъ (младшая сестра) звала на помощь: Клемансъ упала въ обморокъ...“

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Генрихъ вернулся на родину.

Личныя недоразумѣнія Генриха съ его невѣстой скоро разъяснились, и, казалось бы, теперь уже ничто не мѣшало осуществленію того, чего они оба такъ жадно ждали въ теченіе томительнаго года разлуки... Но на дорогѣ у нихъ стоялъ все тотъ-же „еврейскій вопросъ“. Чѣмъ болѣе всматривался Генрихъ во все, происходившее вокругъ него въ общественной средѣ, чѣмъ яснѣе выдѣлялись передъ нимъ гнусныя подробности антисемитической травли, тѣмъ мрачнѣе становилось у него на душѣ и тѣмъ немыслимѣе, постыднѣе представлялся ему переходъ — хотя бы и формальный только — въ христіанство, который онъ долженъ былъ совершить для того, чтобы назвать Клемансъ своей женою. Перейти, оставить своихъ единоплеменниковъ, разрушить тѣ *родственныя* узы, которыя продолжаютъ существовать при самой крайней степени космополитизма, кинуть домъ своихъ отцевъ — въ тѣ самыя минуты, когда на этотъ домъ устремляются шайки грабителей и поджигателей, когда евреи снова, какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, отданы на произволъ ненависти и зависти черни! Да развѣ это возможно! Да развѣ не святая обязанность его — теперь, во время борьбы, стать въ ряды своихъ единомышленниковъ, страдать и бороться вмѣстѣ съ ними до того времени, пока наступленіе мира — если суждено ему наступить — не дастъ ему права снова удалиться отъ нихъ? Удалиться потому, что при обыкновенномъ ходѣ вещей, съ евреями, какъ евреями, онъ, какъ мы уже знаемъ, не имѣлъ ничего общаго; онъ не зналъ ни ихъ привычекъ, ни ихъ законовъ; онъ могъ думать, чувствовать, разсуждать только какъ нѣмецъ, какъ германскій гражданинъ... Да, — при обыкновенномъ ходѣ вещей! Но теперь! При теперешнихъ условіяхъ — могъ ли онъ разыгрывать холоднаго философа, могъ ли чувствовать и поступать такъ, какъ будто все это вовсе его не касалось?..

Такія мысли и соображенія все болѣе и болѣе тѣснились въ голову и сердце доктора; одна сцена заставила ихъ заговорить еще громче. То была случайная встрѣча Генриха съ знакомымъ уже намъ портнымъ-философомъ Освальдомъ Френкелемъ. Френкель былъ сильно разстроенъ и взволнованъ, и Вольфъ спросилъ его о причинѣ этого состоянія.

— Ахъ, докторъ, докторъ!—со слезами отвѣчалъ тотъ,—почва убѣгаетъ изъ подъ меня, земля колеблется... Докторъ, травля на евреевъ разбиваетъ мнѣ сердце. Уже одинъ страхъ, что моя дорогая Доретта провѣдаетъ всю эту исторію и когда нибудь, въ минуту гнѣва, обзоветъ меня жидомъ—уже одно это не даетъ мнѣ спать ночью, мѣшаетъ думать днемъ.—(Мы, кажется, забыли упомянуть, знакомя читателей съ этой интересной фигурой, что жена его и ребенокъ-сынъ были христіане).—Вѣдь и у овечки—продолжалъ онъ—бываютъ часы, когда она защищаетъ своихъ дѣтенышей, какъ левъ. Я не даю ей въ руки газетъ, я самъ не разговариваю больше съ нею, чтобы какъ нибудь не выдать себя. Но что будетъ, когда мой Зигфридъ, этотъ великолѣпный отрокъ, выростетъ и, поступивъ въ школу, попадетъ въ руки безумныхъ учителей! Вѣдь если онъ когда нибудь вернется изъ училища домой и примется ругать евреевъ —я повѣшусь!

„И Освальдъ Френкель вскочилъ съ мѣста и сталъ въ сильномъ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Предоставьте развитію свободный ходъ, любезнѣйшій мой Френкель—успокаивалъ его Генрихъ.—Волна, которая, уже столько столѣтій наноситъ западные народы на такъ называемыхъ заблудшихся—язычниковъ, еретиковъ, евреевъ и проч. и проч. и проч., становится все слабѣе и слабѣе. Въ первое время евреевъ и убивали, и грабили, потомъ стали или сжигать, или грабить, бить и выгонять, а теперь открыто только ругаютъ; если же происходятъ случаи грабежа или угрозъ, то это дѣлается только совершенно частнымъ образомъ и въ видѣ исключенія. Еще какихъ нибудь два столѣтія — и волна совсѣмъ потеряетъ свою силу. Впрочемъ, вы вѣдь всегда возставали про-

тивъ исключительнаго положенія, которое евреи хотятъ удержать за собою среди европейскаго міра. А съ этой точки зрѣнія на травлю вамъ слѣдуетъ смотрѣть почти какъ на счастье: вѣдь эти проповѣдники тоже что злой духъ, который всегда хочетъ творить зло, а дѣлаетъ добро.

„Портной остановился передъ Генрихомъ и энергически схватилъ его за плечо.

— И это говорите вы, докторъ? И *какъ* говорите вы это! Печально, не искренно, какъ будто стоите у постели больного ребенка и утѣшаете его. И знаете ли, почему вы смотрите на меня, какъ на больного ребенка, и лжете? Да, лжете! Потому что у васъ на душѣ совершенно также, какъ у меня. Да, докторъ, я вижу это по вашему лицу и вашему тону. Вы не обладаете только, подобно мнѣ, философическимъ взглядомъ и потому не можете понять ваше внутреннее состояніе. И вы, и я не признаемъ себя за евреевъ, когда торговцы и мѣнялы кричатъ: „Сюда, сюда, евреи! Кто еврей—получитъ отъ насъ по червонцу! А кто христіанинъ — поплатится за это!“ Но когда раздается крикъ убійцъ и палачей: „прочь, христіане! пусть останутся здѣсь только евреи, для того, чтобы каждый изъ нихъ получилъ свой камень въ голову“, — о, тогда намъ обоимъ дѣлается ясно, что мы евреи. Мы становимся въ одни ряды съ фальшивыми монетчиками и ростовщиками и восклицаемъ: „Давайте и мнѣ мой камень, потому что я тоже еврей!“

„И Освальдъ выпрямился во весь ростъ и театральнымъ жестомъ разодралъ одежду на своей груди. Онъ и не подозрѣвалъ, какъ глубоко слова его дѣйствовали на его собесѣдника. Какъ ни странно звучали они—въ сущности ими передавалось то, что Генрихъ все болѣе и болѣе считалъ себя обязаннымъ высказать своей невѣстѣ.

„А портной продолжалъ:

— Все уже было подготовлено! Я уже былъ совсѣмъ готовъ выступить передъ невѣрующей общиной со словомъ божіимъ на устахъ, перенести всѣ надругательства и всѣ насмѣшки и силою правды привести Израиля къ избавленію... Но теперь—кто изъ насъ захочетъ надѣть

на себя фальшивую личину и въ минуту гоненія проповѣдывать переходъ въ общую, братскую религію? Неправда ли—ни я, ни ты не захотимъ этого? Не пожелаешь вѣдь и ты, о возлюбленный братъ, быть на столько пошлымъ и гнуснымъ, чтобы въ день битвы дезертировать изъ своего полка на томъ основаніи, что *до* объявленія войны ты намѣревался съѣздить въ гости къ своему теперешнему непріятелю?.. Нѣтъ, возлюбленный мой, я скажу тебѣ мистерію. Правда, что гоненія на евреевъ устраиваются врагами еврейства. Но ихъ дѣло—дѣло адское; эти враги—злые духи, ибо они не уничтожить хотятъ узкое еврейство — что было бы весьма хорошо — но увѣковѣчить его — что весьма прискорбно. Да, мой возлюбленный, уже давно евреи оставили бы своихъ старыхъ боговъ, если бы постоянно повторяющіяся и возобновляющіяся преслѣдованія и оскорбленія не сплочивали ихъ, каждый разъ сильнѣе и сильнѣе, въ одно нераздѣльное племя. Я же продолжаю жить одной надеждой—что евреи, благодаря подобнымъ мученіямъ и пыткамъ, съ теченіемъ вѣковъ сдѣлаются лучшими христіанами чѣмъ тѣ, которые ихъ мучатъ и истязаютъ. Не будь у меня этой послѣдней надежды, я, право, махнулъ бы рукой на весь міръ и снова сдѣлался бы винокуромъ.

„Долго еще велъ портной подобныя рѣчи. Генрихъ слушалъ его— и не вызывала въ немъ улыбки та, не лишенная комичности, форма, въ которую Освальдъ облекалъ свои философскія воззрѣнія...“

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого авторъ дѣлаетъ насъ зрителями слѣдующей сцены, какъ естественнаго послѣдствія только что переданныхъ обстоятельствъ. Она происходитъ черезъ полчаса послѣ того, когда всѣ недоразумѣнія разъяснились, Куртъ былъ почти выгнанъ изъ дому и старый баронъ фанъ-деръ Эгге далъ торжественное и открытое согласіе на бракъ своей внучки съ докторомъ Вольфомъ.

„...Генрихъ остался одинъ въ комнатѣ — (въ домѣ своей невѣсты). Онъ опустился на стулъ и сжалъ голову обѣими руками.

„Отчего же онъ не ликовалъ? Отчего не приводила его въ восторгъ увѣренность, что онъ съ этой минуты имѣетъ право открыто прижи-

мать къ груди дорогую невѣсту? Вѣдь она по прежнему сильно любила его! Вѣдь всѣ муки, вынесенныя имъ за эти послѣдніе дни, были нелѣпы, были болѣзнь, отъ которой онъ исцѣлился при первомъ нѣжномъ словѣ своей возлюбленной! Что же лежало теперь на немъ тяжелымъ гнетомъ? Что подавляло, терзало его?

„Въ эту минуту трепещущая рука коснулась его лба. У Генриха на душѣ вдругъ стало такъ, какъ будто тяготившее его бремя вдругъ слетѣло съ его головы подобно легкому перу. Не подымая глазъ, онъ взялъ эту мягкую руку и нѣжно прижалъ ее къ губамъ.

— Клемансъ—прошепталъ онъ—скажи мнѣ, что ты меня любишь. Мной пережиты такіе тяжелые, такіе мучительные дни сомнѣнія въ тебѣ...

„Клемансъ нѣжно наклонилась къ нему:

— Будь добръ, Генрихъ, и не говори никогда больше о прошедшемъ. Я была глупа и, можетъ быть, поступала нехорошо—потому что тебя не было со мною. Но вѣдь съ этого дня мы не разстанемся, и, глядя въ твои милые глаза, читая въ нихъ твои мысли и желанія, я буду всегда такою, какою желаешь меня видѣть ты, мой Генрихъ, мой возлюбленный!

„И еще ниже наклонилась благородная фигура дѣвушки, двѣ нѣжныя руки обвили его шею, и теплое, чистое дыханіе коснулось глазъ Генриха. И въ счастливомъ самозабвеніи поднялъ онъ блѣдное лицо, взглянулъ въ блестящіе глаза невѣсты, охватилъ обѣими руками прелестную головку, и любовь и надежда слились въ одномъ, долгомъ поцѣлуѣ.

„Клемансъ первая высвободилась изъ объятій и сѣла на табуретку подлѣ него.

— Я такъ счастлива, такъ счастлива!—сказала она.—Ахъ, отчего мама не дожила до этого!

„По лицу Генриха снова пробѣжала тѣнь.

— Отчего мама не дожила до этого! — повторилъ онъ, печально качая головой.—Да!.. Она была умна и добра, и ее я бы послушался.

Она указала бы намъ путь изъ этого міра заблужденія, лжи и ненависти.

— Что съ тобой, Генрихъ!—съ испугомъ сказала Клемансъ. — Какія нехорошія слова! Ты говоришь о лжи и ненависти, а передъ нами только любовь и солнечный свѣтъ. Забудь же прежнія муки! Живи и радуйся только нашею любовью! Я буду вычитывать въ твоихъ глазахъ каждое твое желаніе, и ты будешь счастливъ, всецѣло счастливъ съ твоею Клемансъ, которая, какъ невѣста твоя, столько огорчала тебя!

— Не говори такъ! — сказалъ печально Генрихъ: — уже одна мысль, что ты моя, что я могу держать твою руку, слышать твой голосъ, цѣловать тебя...

„Онъ вскочилъ, прошелся по комнатѣ, видимо набираясь силъ — и потомъ продолжалъ:

— Рѣшишься ли ты ради меня отречься отъ своего отца, дѣда, можетъ быть даже отъ сестры? Рѣшишься ли переносить гнѣвъ твоего семейства, состраданіе твоихъ подругъ? Иначе я не назову тебя моею— потому что не могу выполнить поставленное мнѣ условіе, не могу сдѣлаться христіаниномъ.

„Клемансъ медленно поднялась съ мѣста, и оба стояли нѣсколько минутъ рука въ руку...

— Подумай, что ты говоришь,—нѣжно сказала она; — вѣдь ты христіанинъ, ты самъ сказалъ мнѣ это, помнишь, въ тотъ важный для меня часъ...

— Да, я говорилъ это!—болѣзненно воскликнулъ Генрихъ, привлекая къ себѣ молодую дѣвушку. — Но именно потому, что я, какъ давно отрѣшившійся отъ всякой религіозной исключительности, принадлежу, по свободному выбору, великому, общему міру, — именно потому вдвойнѣ мучитъ и терзаетъ меня необходимость сказать, что въ настоящее время, при настоящихъ условіяхъ, я не могу рѣшиться на формальный переходъ въ христіанство. Будь я еврей въ истинномъ смыслѣ, притомъ такой еврей, какихъ непризваныя руки рисуютъ теперь на всѣхъ стѣнахъ—я бы, конечно, тоже отказался отъ этого пе-

рехода, но въ тоже время я всею душою стоялъ бы на сторонѣ еврейства, оставался бы при этомъ рѣшеніи въ полномъ согласіи съ самимъ собой. Поступая же такимъ образомъ при *моихъ* мысляхъ и чувствахъ, я отстраняю отъ себя то, чего жажду всѣмъ сердцемъ, жажду какъ избавленія! Да, избавленіемъ отъ стараго проклятія было бы, еслибы мильоны евреевъ, слитые во едино силою любви, стали бойцами въ ряды всего остального человѣчества! Избавленіемъ Агасфера было бы это! Но вѣдь вѣчный жидъ не имѣетъ права умирать! Только отдѣльный человѣкъ, боящійся смерти, находитъ ее! Масса же, стремящаяся къ ней, жаждущая ее, обязана жить, жить, никогда не умирая! И если я, какъ отдѣльный человѣкъ, еще недавно, съ совершенно спокойною совѣстью, хотѣлъ сбросить съ себя еврейство,—то теперь я уже не имѣю права сдѣлать это! Знаю, что ты возразишь мнѣ, знаю, что порядочному человѣку не слѣдъ обращать вниманіе на продѣлки отвратительной шайки всяческихъ мерзавцевъ,—все знаю, но поступить иначе не могу, не могу!

„Клемансъ въ отчаяніи заломала руки.

— Никогда дѣдушка не согласится, чтобы я, сдѣлавшись твоею женой, вышла черезъ это изъ христіанскаго общества! И никогда не буду я сама считать себя вполнѣ твоей женой, если мы не обвѣнчаемся въ той церкви, къ которой я принадлежу отъ рожденія. Повѣрь мнѣ, Генрихъ, не внѣшняя форма важна для меня въ этомъ случаѣ! Нѣтъ,— пойдемъ въ любую деревенскую церковь, пойдемъ въ часовню любой тюрьмы, и я признаю себя твоей женой, и не будетъ предѣла моей радости, моему блаженству! Только не избѣгай церковнаго благословенія, — потому что я хочу сдѣлаться твоею законной женой! Нѣ если даже ты не видишь надобности въ законномъ бракѣ, если желаешь сдѣлать меня просто своею подругой, если хочешь жить со мною вопреки общественнымъ условіямъ и религіи,—то и всего этого можешь требовать отъ меня! Я люблю тебя и пойду за тобою, куда захочешь! Я твоя, дѣлай со мной, что знаешь! Разлучи меня съ отцемъ, разлучи съ моей милой, дорогой сестрой, разлучи съ моимъ обществомъ, съ моимъ Бо-

гомъ—я подчинюсь всему! Но, дорогой мой, ты не захочешь, ты не можешь захотѣть такихъ жертвъ!

„И Клемансъ, рыдая, упала къ нему на грудь.

„Генрихъ нѣжно положилъ руку на ея плечо, преодолѣлъ свое тревожное состояніе и тихо заговорилъ:

— Уѣдемъ, моя ненаглядная, уѣдемъ изъ этой страны. Я стремился въ нее обратно, какъ блудный сынъ въ отчій домъ. Я проливалъ за нее кровь, какъ другіе, а теперь на меня смотрятъ въ ней не такъ, какъ на другихъ... Уѣдемъ, дорогая Клемансъ! Куда нибудь далеко, въ Швейцарію, въ какую нибудь тамошнюю нѣмецкую долину, съ недосягаемо высокими горами. Тамъ построимъ мы наше счастіе,—вѣдь ты моя! Найдутся тамъ конечно и больные, для которыхъ я могу трудиться... Въ хижинахъ бѣдняковъ я буду писать рецепты, а ты, милая хозяюшка моя — ты тоже не будешь сидѣть, сложа руки. Я научу тебя изъ моей медицины тому, что ты захочешь узнать. И въ то время, какъ я буду обходить горы и посѣщать моихъ больныхъ, ты будешь принимать дома деревенскихъ женщинъ, помогать, чѣмъ можешь, давать совѣты. А гдѣ окажется уже лишнимъ и совѣтъ, и помощь, тамъ ты появишься у постели умирающаго — и твое присутствіе будетъ повсюду успокоивать и утѣшать... Пойдемъ со мной, Клемансъ... жена моя!

„И онъ прижалъ голову дѣвушки къ своей груди и покрывалъ ея губы и глаза горячими поцѣлуями. Она не сопротивлялась. Но черезъ нѣсколько минутъ подняла на него сверкающіе глаза, сжала его руки и, качая головой, умоляющимъ тономъ сказала:

— Женой твоей я сдѣлаюсь только тогда, когда ты преклонишь вмѣстѣ со мною колѣни передъ алтаремъ въ моей церкви, когда священникъ благословитъ нашъ союзъ. Но я съумѣю быть терпѣливой. Я буду ждать, пока примиреніе войдетъ въ твое сердце и ты поймешь и согласишься, что Богъ любви не виноватъ въ томъ, что именемъ Его проповѣдывается ненависть. Если же ты находишь, что негодованіе твое не должно уничтожиться, если примиреніе для тебя невозможно, то дѣйствуй по своему убѣжденію. Я останусь твоею, останусь твоею

невѣстой до тѣхъ поръ, пока ты не найдешь, что наступило время пойти со мною въ церковь.

— Клемансъ! — воскликнулъ Генрихъ, внѣ себя отъ горя. — А если это время никогда больше не наступитъ? Если неистовство этой борьбы прекратится только тогда, когда оно навѣки разъединитъ нынѣшнее поколѣніе? Если намъ дѣйствительно прійдется сдѣлаться евреями, потому что насъ не хотятъ признавать за нѣмцевъ? Или если мы, подъ вліяніемъ гнѣва и въ порывѣ мстительности, на самомъ дѣлѣ станемъ преступниками и лишенными отечества заговорщиками?

— Тогда я останусь твоей невѣстой до гроба. Тогда мы будемъ знать, что остались вѣрными самимъ себѣ, что несемъ страданіе незаслуженно, безъ вины...

— Безъ вины! — сказалъ Генрихъ съ горькимъ смѣхомъ. — Мы наслѣдники нашихъ отцевъ. Я еврей и теперь расплачиваюсь за то, что мой народъ имѣлъ дерзость, не смотря на тысячелѣтнее преслѣдованіе, продолжать жить и, наряду со своими врагами, завоевывать себѣ существованіе, завоевывать часто помощью хитрости и пронырства—послѣдняго оружія противъ насилія и кровожадности. Ты же внучка знатныхъ предковъ, которые купили блескъ и красоту цѣною собственнаго убѣжденія. Для тебя міръ заключается въ людяхъ, окружающихъ тебя; ты не рѣшаешься ради твоей любви вступить въ борьбу съ этимъ міромъ. Ну, что-же! Я попытаюсь сразиться за обладаніе тобою моей собственной гордостью! Когда моя любовь одержитъ побѣду надъ моею честью, тогда я возвращусь.

„И Генрихъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери.

— Генрихъ!—крикнула съ рыданіемъ Клемансъ.—Идти за тобою я не имѣю права, жить безъ тебя не могу. Такъ пусть я лучше умру съ тобою, дорогой, несчастный человѣкъ!

— Умереть вмѣстѣ! — медленно повторилъ Генрихъ. — Если такъ, то мы разстаемся съ тобой не совсѣмъ безъ надежды!

„Онъ еще разъ нѣжно, страстно поцѣловалъ ее—и удалился“.

Тѣже самыя соображенія—только конечно въ другой формѣ—вы-

сказалъ Генрихъ своему пріятелю и нашему старому знакомому, гусару Виктору, (который—замѣтимъ здѣсь кстати—былъ въ это время уже обрученъ съ младшею сестрою Клемансъ). Викторъ убѣждалъ его не обращать вниманія на происходившую вокругъ него травлю евреевъ, доказывая, что она—дѣло очень небольшой шайки, а отнюдь не нѣмецкаго народа, дѣло совершенно частное, имѣющее чисто личный источникъ; Генрихъ никакъ не могъ согласиться съ нимъ—и тогда пріятель сдѣлалъ ему такое предложеніе: пойти въ какое нибудь изъ антисемитическихъ собраній, происходившихъ въ ту пору чуть не каждый день. „Если—сказалъ онъ—большинство участниковъ этого собранія не окажется состоящимъ изъ любопытныхъ зѣвакъ и зубоскаловъ, если тебѣ не сдѣлается ясно, что слушатели этихъ проповѣдниковъ крестовыхъ походовъ сами-же потѣшаются разглагольствованіями святыхъ мужей, если тебѣ не кинется въ глаза комическая и забавная сторона этого движенія—я признаю себя побѣжденнымъ. Но обѣщаніе за обѣщаніе! Если я окажусь правымъ — а это непремѣнно будетъ — ты открыто примкнешь къ христіанству или христіанскому міру—какъ тамъ себѣ хочешь—и исполнишь наконецъ такимъ образомъ то, что побуждаетъ тебя сдѣлать твое сердце“. Генрихъ принялъ предложеніе — и чрезъ нѣсколько времени авторъ вводитъ насъ въ собраніе антисемитовъ, описывая его въ слѣдующемъ видѣ.

„Оно происходило въ одномъ изъ большихъ пивныхъ заведеній... При входѣ въ это помѣщеніе оба пріятеля должны были предъявить свои билеты. Викторъ не могъ удержаться отъ смѣха, такъ какъ лице, удостовѣрившееся въ ихъ правѣ присутствовать на засѣданіи, было никто иной, какъ знаменитый Бумке... Наконецъ они вошли и очутились въ огромной залѣ, слабо освѣщенной нѣсколькими лампами.

„Длинными рядами стояли тутъ стулья и столы. Викторъ и Генрихъ заняли мѣсто за пустымъ столомъ, недалеко отъ ораторской каѳедры. Они условились—не говорить между собой во все время засѣданія и только по выходѣ оттуда обмѣняться своими впечатлѣніями...

„Сцена, которую не нарушило ихъ появленіе, по видимому оправ-

дывала взглядъ Виктора. На каѳедрѣ стоялъ господинъ съ черными волосами и бородою, во все горло ораторствовавшій на тему: „Чѣмъ отличаются евреи отъ насъ?“

„Именно въ эту минуту онъ представлялъ баснословное изображеніе современнаго образа жизни евреевъ. Щедро взваливалъ онъ на нихъ всевозможныя гнусности и преступленія, и каждый разъ, какъ изобрѣталъ онъ какое нибудь обвиненіе, въ безсмысленности котораго были убѣждены всѣ слушатели — со всѣхъ сторонъ раздавалось веселое браво! Присутствующіе смѣялись самымъ добродушнымъ образомъ и очевидно смотрѣли на эту рѣчь, какъ на даровое сценическое представленіе. Члены комитета, сидѣвшіе за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, строили мрачныя и сердитыя физіономіи.

„Рѣчь приняла неожиданный оборотъ, когда ораторъ дошелъ до особенностей тѣлеснаго устройства евреевъ. Уже утвержденіе его, что у всѣхъ евреевъ искривленныя бедра, вслѣдствіе чего они не могутъ играть въ кегли такъ хорошо, какъ христіане, было встрѣчено оглушительнымъ хохотомъ и безумными рукоплесканіями. Когда же онъ высказалъ, что чернаго цвѣта волосъ достаточно, чтобы признать въ человѣкѣ жида, веселый восторгъ слушателей перешелъ всякіе предѣлы. „Браво, браво!“ кричали одни. „Отчего же и вы отпустили себѣ черную бороду?“ восклицали другіе. „Мы не хотимъ слушать жида!“ орали третіе. А большинство вторило этимъ крикамъ аплодисментами и громкимъ хохотомъ.

„Викторъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Генрихъ началъ понимать юмористическую сторону дѣла и что это зрѣлище вызывало его улыбку.

„Такъ какъ шумъ не прекращался, то предсѣдатель лишилъ оратора слова, и на каѳедру взошелъ другой господинъ.

Викторъ невольно толкнулъ пріятеля.

— Если я не ошибаюсь, это Грейфеницъ, — тотъ самый, что поставлялъ въ салонъ Тины Фейгельбаумъ такихъ красавцевъ-мужчинъ?

„Генрихъ утвердительно кивнулъ головой.

„Фонъ-Грейфеницъ отрекомендовался обществу землевладѣльцемъ изъ дворянъ. По его словамъ, онъ ни лично, ни съ дѣловой стороны, не былъ заинтересованъ въ этомъ прекрасномъ національномъ движеніи; но именно потому, что судьба поставила его въ завидное положеніе — имѣть возможность жить въ столицѣ безъ всякаго дѣла, онъ считалъ своимъ національнымъ долгомъ приносить въ жертву національной идеѣ часть своего, не слишкомъ драгоцѣннаго, времени и свои слабыя силы.

„Послѣ этого введенія, принятаго съ одобреніемъ, г. фонъ-Грейфеницъ заявилъ, что онъ коснется возбужденнаго вопроса только въ одномъ пунктѣ, напомнивъ, какимъ образомъ заключаются у евреевъ браки. И тутъ, снабженный цѣлымъ арсеналомъ ругани, ораторъ не безъ остроумія изобразилъ дѣятельность еврейскаго свата, такъ называемаго шадхена. И что хуже всего—такъ заключилъ онъ—не только еврейскіе молодые люди, но и христіане-нѣмцы обращаются къ этимъ жалкимъ торговцамъ человѣческими душами, для которыхъ нѣтъ на свѣтѣ ничего святого, не исключая даже и бога любви! Правда, что не одинъ красавецъ-нѣмецъ, не одинъ отставной военный имѣетъ въ своей прекрасно-мужественной физіономіи, своей величественной осанкѣ, своемъ добромъ или старомъ имени капиталъ, которому не слѣдуетъ лежать непроизводительно. Но въ такихъ случаяхъ надо обращаться къ честнымъ агентамъ изъ христіанъ, если возможно—къ людямъ одного съ ними сословія, а уже отнюдь не къ этимъ цеховымъ посредникамъ, къ этимъ еврейскимъ шадхенамъ.

„Описаніе этого ремесла, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ораторъ сталъ удачно вводить въ свою рѣчь еврейскія фразы и обороты, вызвало усиленное одобреніе; но въ концѣ, когда г. фонъ-Грейфеницъ заговорилъ о необходимости обращаться къ сватамъ-христіанамъ, послышалось шиканье... Впрочемъ, рѣчь все таки завершилась апплодисментами, и предсѣдатель—(Викторъ мало по малу вспомнилъ, что и его онъ встрѣчалъ въ салонахъ Тины, въ числѣ друзей фонъ-Грейфеница) —предсѣдатель выразилъ оратору благодарность собранія за то, что

онъ обратилъ вниманіе присутствующихъ на столь грязный образецъ еврейской безнравственности...

„Въ эту минуту около каѳедры поднялся шумъ. Одинъ изъ присутствующихъ направился къ ней, съ намѣреніемъ говорить; со всѣхъ сторонъ его удерживали, убѣждали молчать, а члены комитета были видимо въ затруднительномъ положеніи. Наконецъ предсѣдательствующій позвонилъ и сказалъ, пожимая плечами:

— Г. докторъ Штроппъ желаетъ говорить. Прошу вниманія!

„Агитаторъ взошелъ на трибуну съ конвульсивными движеніями, заставившими подозрѣвать въ немъ ненормальное состояніе умственныхъ способностей. Кромѣ того, онъ нѣсколько разъ въ рѣчи останавливался, сбивался, переходилъ отъ одного вопроса къ другому безъ всякой связи и всякаго толка.

„То, что онъ говорилъ, повидимому не нравилось собранію. Штроппъ началъ съ превознесенія своихъ заслугъ, съ приписыванія исключительно себѣ всего, чѣмъ гордилась антисемитическая партія, какъ своимъ общимъ дѣломъ. Когда же предсѣдатель наконецъ пригласилъ его приступить къ дѣлу и не занимать собраніе своими личными интересами, Штроппъ захрипѣлъ отъ бѣшенства и воскликнулъ:

— Пришло наконецъ время выдвинуть на первый планъ свои личные интересы! Слишкомъ долго подчинялись мы всему. Мы желаемъ наконецъ получить какую нибудь выгоду отъ нашего преобразовательнаго движенія. Я пустилъ въ ходъ величайшую идею нынѣшняго столѣтія—и мнѣ-же теперь слышать, какъ другіе пьютъ за мое здоровье шампанское, между тѣмъ какъ я сижу за простымъ пивомъ? Нѣтъ, пора свести счеты. Чести и почета мы имѣемъ отъ нашего дѣла не Богъ вѣсть сколько! Такъ давайте намъ по крайней мѣрѣ жить и наслаждаться! А если насъ не желаютъ оцѣнивать по достоинству, если не находится для насъ высокихъ государственныхъ должностей и почестей, то мы образуемъ новую партію, которая будетъ въ одно и тоже время атеистическая, національная...

„Предсѣдатель сильно позвонилъ и лишилъ оратора слова. При

угрозахъ и насмѣшкахъ докторъ Штроппъ былъ низверженъ съ каѳедры и продолжалъ свои разглагольствованія въ кругу близкихъ друзей.

„Вдругъ на трибуну вскочилъ неизвѣстный молодой человѣкъ и, не дожидаясь конца волненія, началъ говорить. Предсѣдатель перебилъ его и пожелалъ узнать имя.

— Я свободный нѣмецъ и имя мое Почральскій! — отвѣчалъ безбородый юноша, темные волосы котораго падали густыми прядями на лобъ и уши.

„Общество снова заволновалось. Раздались крики: „Да вѣдь это совсѣмъ не нѣмецъ!“ — „Это жидъ!“ — „Польскій жидъ!“

„Но юноша ударилъ себя въ грудь и сталъ кричать такъ громко, что охрипъ чрезъ нѣсколько секундъ:

— Я свободный нѣмецъ, а не еврей! Боже меня упаси быть евреемъ! Я гонитель евреевъ съ самаго начала движенія!.. Если желаете, я въ слѣдующій разъ предъявлю вамъ мое родословное дерево. Моя мать была кормилица изъ Шпревальда. (*Громкій смѣхъ*). Не понимаю, что тутъ смѣшнаго! Еслибъ не было на свѣтѣ кормилицъ, вы всѣ были бы безплотные духи! (*Крики: „браво, Почральскій!“*) Мой отецъ никогда не зналъ мою мать. (*Громкій смѣхъ*). Я хочу этимъ сказать, что моя мать была постыдно кинута имъ. Онъ однако не былъ еврей, онъ былъ даже канатный плясунъ.

„Восклицанія приняли тутъ такой повсемѣстный характеръ, что наступила пауза. Затѣмъ, г. Почральскій продолжалъ:

„Я слышу вопросъ, откуда родомъ былъ мой отецъ. Правду сказать, не знаю. Но моя мать сказала мнѣ однажды, что онъ могъ говорить съ нею всегда два—три слова. Въ пьяномъ-же видѣ — (*крики: „браво, Почральскій!“*) онъ всегда восклицалъ: „бассама!“ Поэтому я съ отцовской стороны принадлежу къ рыцарственному племени мадьяровъ, среди котораго выдающіеся люди также возбудили въ настоящее время нѣмецкое движеніе противъ венгерскихъ евреевъ.

„Большинство слушателей помирало отъ хохота; многіе кричали

ура и „эліенъ!“ Предсѣдатель разсердился, спросилъ собраніе — для забавы, что-ли, сошлось оно сюда, и пригласилъ оратора немедленно приступить къ дѣлу: никто его здѣсь не знаетъ и комитету нисколько не желательно пускать на каѳедру перваго встрѣчнаго безъ предъявленія имъ своего имени и званія.

— Никто меня не знаетъ?— вскричалъ Почральскій. — Да будетъ же вамъ извѣстно, кто я: я помощникъ Бумке—того самаго, что сидитъ здѣсь у кассы. Знаете вы Бумке, одного изъ нашихъ лучшихъ патріотовъ? (*Крики: да здравствуетъ Бумке!*) Я съ дѣтства нахожусь у Бумке. Сперва я былъ отчасти въ еврейскихъ рукахъ, такъ какъ мой принципалъ состоялъ въ компаніи съ евреемъ. Но теперь онъ самостоятеленъ и благородно ведетъ свое дѣло. („*Какое дѣло?*“) Его прежній компаньонъ былъ ростовщикъ. Но г. Бумке употребляетъ весь свой капиталъ на то, чтобы вырывать христіанъ-должниковъ изъ рукъ еврейскихъ живодеровъ; это я объявляю вамъ отъ его имени, и если вы нуждаетесь въ его помощи, то онъ живетъ въ настоящее время...

„Предсѣдатель опять перебилъ оратора, попросивъ не продолжать въ этомъ тонѣ и замѣтивъ, что г. Бумке честный и энергическій дѣятель антисемитической партіи, но не имѣетъ никакого преимущества передъ другими членами.

— Что! Не имѣетъ преимущества! — крикнулъ Бумке со своего поста у дверей, откуда онъ слышалъ все происходившее. — А гдѣ бы теперь находился г. предсѣдатель со всею своею свитою, если бы не Бумке? Кто платитъ сегодня за залу? Бумке. Кто платитъ за газъ? Бумке! Кто контролируетъ билеты? Бумке. А кто во вчерашнемъ засѣданіи комитета поставилъ четвертную кульмбахерскаго пива? Бумке. И завтра, кто заплатитъ за всѣ кружки, увлажавшія сегодня горла ораторовъ на каѳедрѣ? Бумке! Кого, стало быть, должно назвать неблагодарнымъ бездѣльникомъ?

„Бумке! Бумке!“ отвѣтили сотни голосовъ. Начался страшный шумъ. Полицейскій офицеръ грозилъ распустить собраніе. Но Почраль-

скаго и Бумке вывели—и спокойствіе было возстановлено. На трибунѣ очутился новый ораторъ; повидимому, это былъ любимецъ партіи; шумное одобреніе встрѣтило его.

„Это былъ молодой человѣкъ, красавецъ, лице котораго украшалось одинаковымъ съ числомъ волосъ бороды количествомъ шрамовъ и царапинъ. Онъ серьезно поклонился во всѣ стороны. Викторъ спросилъ своего сосѣда—кто этотъ новый ораторъ?

— Неужели вы его не знаете?—удивился спрошенный: — эта наша главная сила. Правда, онъ еще студентъ, но ему слѣдовало бы быть министромъ. Это самая свѣтлая голова между нами. Послушайте-ка, что будетъ!

„Студентъ началъ въ пламенныхъ словахъ призывать партію къ серьезному образу дѣйствій. Энергически и рѣзко возсталъ онъ противъ Грейфеница, Штроппа и Бумке, противъ тѣхъ нечистыхъ элементовъ, которые даже среди этого великаго германскаго движенія были на столько низки въ своемъ образѣ мыслей, что преслѣдовали свои мелочныя, совершенно личныя, цѣли... Онъ требовалъ, чтобъ все нечистое оставило залу, чтобъ также поступили и охотники посмѣяться, смотрящіе на борьбу націи за существованіе какъ на обыкновенный забавный фарсъ. Остаться въ залѣ должны только люди серьезные—друзья они, или враги, все равно.

„Никто не пошевелился. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на юношу, который, въ упоеніи собственными словами, со своими пылающими щеками и сверкающими глазами, дѣйствительно представлялъ собою свѣтлый образъ юношеской силы и энергіи.

„Онъ говорилъ плавно, и то, что говорилось имъ, должно было проникать въ сердце слушателей. Онъ требовалъ возвращенія себѣ и всей нѣмецкой молодежи тѣхъ идеаловъ, которые поэтами и мыслителями были оставлены въ наслѣдство народу, какъ великое сокровище какъ неприкосновенный залогъ мирнаго развитія. Въ поэтическихъ краскахъ изобразилъ онъ страданія студента, который принесъ всю свою молодость въ жертву наукѣ и возвышеннымъ грезамъ — и вдругъ

увидѣлъ себя вытолкнутымъ въ практическую жизнь, очутившимся лицемъ къ лицу съ толпою эгоистовъ, у которыхъ былъ одинъ идеалъ — денежный сундукъ, одна дѣятельность — пріобрѣтеніе денегъ... Онъ вызывалъ тѣни великихъ мертвецовъ и спрашивалъ ихъ—неужели они своими безсмертными словами и дѣлами хотѣли создать націю торгашей и мелкихъ эгоистовъ?..

„Затѣмъ ораторъ перешелъ къ еврейскому вопросу. Онъ началъ съ заявленія, что не желаетъ проповѣдывать племенной ненависти, что между христіанами онъ знаетъ много жидовъ, а между евреями—много христіанъ. „Еврей" для него не обозначеніе племени, но нравственное понятіе. Подъ „жидомъ" онъ понималъ не потомковъ израильтянъ, которые имѣли право называть великаго основателя христіанства своимъ и изъ среды которыхъ вышли вѣдь тоже апостолы — но вообще всякаго врага идеальной нѣмецкой жизни.

„Послѣ этого объясненія онъ началъ указывать на общественныя язвы, но въ жару ораторскаго увлеченія забылъ сдѣланное имъ только что логическое разграниченіе. Свое „нравственное понятіе" надѣлилъ онъ всѣми тѣми отличительными свойствами, которыя народъ любитъ находить въ карикатурномъ изображеніи еврея — и все сильнѣе и сильнѣе, все съ большею и большею ненавистью падали его слова на еврейскій народъ, который онъ дѣлалъ отвѣтственнымъ за всѣ темныя стороны національной жизни. Чѣмъ болѣе воспламенялся ораторъ, тѣмъ рѣзче становились его упреки, тѣмъ слабѣе—доказательства. Къ концу рѣчи онъ занесся широкими историко-философскими фантазіями: уже въ средніе вѣка евреи были виною бѣдствій Германіи; они стояли на сторонѣ папъ, ведшихъ борьбу съ императорами; если реформація не слила во едино всю Германію, то виноваты въ этомъ были все таки евреи, которые, вѣроятно, поддерживали своими деньгами контръ-реформацію. „А Наполеонъ? Кто помогъ корсиканцу возвыситься? Конечно. евреи! Поэтому остается одно средство: гнать евреевъ изъ Германіи".

„И собраніе шумными рукоплесканіями отозвалось на этотъ призывъ!

„Съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣлъ Генрихъ на окружавшее его возбужденіе — и безконечно грустный взглядъ послалъ онъ своему другу. Но Викторъ топнулъ ногой и мгновенно направился къ трибунѣ.

— Что ты хочешь дѣлать? воскликнулъ Генрихъ.

— Послѣднюю попытку.

„И черезъ минуту онъ стоялъ на каѳедрѣ и говорилъ:

— Товарищи! Позвольте новому приверженцу вашихъ гуманныхъ стремленій предложить вамъ рѣшеніе, которое, правда, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что вы выслушали отъ моего почтеннаго предшественника, но которое однако, какъ я убѣжденъ, одно можетъ дать еврейскому вопросу исходъ въ національномъ и экономическомъ духѣ. Всѣ мои уважаемые предшественники на каѳедрѣ—какъ выслушанные мною сегодня, такъ и тѣ, которыхъ я знаю только по отзывамъ нашей прессы — отдалялись отъ истинной цѣли въ своихъ проектахъ реформы. Одни довольствуются тѣмъ, что бранятъ евреевъ, не желая однако, чтобы имъ былъ причиненъ какой бы то ни было серьезный вредъ; другіе требуютъ поголовнаго изгнанія евреевъ, третьи предлагаютъ ихъ избіеніе. Я докажу вамъ, что всѣ эти господа говорятъ совершенныя нелѣпости. Мое предложеніе только одно разумно и имѣетъ государственный характеръ: *сдѣлаемъ евреевъ нашими рабами*!

„Слова эти вызвали страшный шумъ. Одни думали, что ораторъ помѣшался, другіе — что онъ потѣшается надъ собраніемъ, третьихъ же новая идея точно наэлектризовала, и они перебѣгали отъ стола къ столу, крича:

— Да, рабами, рабами!

„После нѣкоторой паузы Викторъ продолжалъ:

— На счетъ тѣхъ господъ, которые только бранятъ евреевъ, но вредить имъ серьезно не желаютъ, я считаю лишнимъ тратить слова. Потому что или брань неосновательна — и въ такомъ случаѣ она нелѣпа; или бранью не причиняется евреямъ нисколько вреда - и въ этомъ случаѣ они не несутъ никакого наказанія за то, въ чемъ справедливо обвиняютъ ихъ...

„Что касается до требующихъ изгнанія или избіенія евреевъ, то они съ моей точки зрѣнія входятъ въ категорію близорукихъ, даже вредныхъ обществу, людей. То, что предложено мною, едва ли могло бы служить предметомъ обсужденія и спора для образованныхъ людей сто лѣтъ тому назадъ, въ пресловутый вѣкъ просвѣщенія! Но въ настоящее время, черезъ сто лѣтъ послѣ того, мы, подъ господствомъ новыхъ реально-политическихъ идей, зашли такъ далеко, что до стараго гуманизма намъ нѣтъ уже никакого дѣла, что насъ не могутъ уже вводить въ заблужденіе такія слова и фразы, какъ человѣческое право, свобода, человѣческое достоинство, равенство, братство и тому подобная дребедень. Мы варвары и гордимся этимъ!“

„Генрихъ началъ бояться за своего друга: публика должна же была въ концѣ концовъ понять горькую иронію его словъ, и тогда они двое очутились бы во власти двухъ-трехъ сотень взбѣшенныхъ людей. Но публика слушала весьма серьезно, и многіе одобрительно кивали головами.

„Викторъ бросилъ презрительный взглядъ на своихъ слушателей и продолжалъ:

— Но въ Германіи живетъ цѣлая масса евреевъ, что-то свыше четырехсотъ тысячъ. У этихъ евреевъ деньги, силы, дарованія, жены и дѣти. Не было ли бы поэтому съ нашей стороны безумнымъ злоупотребленіемъ народнаго капитала, если бы сами стали лишать себя этихъ людей? Я хочу сказать, что вѣдь изгоняя ихъ изъ Германіи, мы теряемъ навсегда ихъ деньги, ихъ духовныя и тѣлесныя силы, ихъ женъ и чадъ! Подвергая же евреевъ избіенію, мы, правда, сохраняемъ ихъ деньги, но капиталъ, заключающійся въ ихъ способностяхъ, навѣки погибаетъ для насъ. Если мы желаемъ избѣжать и того, и другаго промаха, то намъ слѣдуетъ съ одной стороны удержать евреевъ въ нашемъ отечествѣ, съ другой — извлекать изъ ихъ силъ пользу для нашего народа. *Мы должны сдѣлать евреевъ нашими рабами!*“

„Со всѣхъ сторонъ послышался одобрительный ропотъ. Идея была нова, но повидимому партія считала ее достойною вниманія и обсужде-

нія. Викторъ съ рѣзкою ироніею, обращаясь то къ одной, то къ другой изъ одобрявшихъ его группъ, продолжалъ:

— Практическому осуществленію моей идеи не препятствуетъ ничто, за исключеніемъ предразсудка нѣсколькихъ неисправимыхъ мечтателей-политиковъ, которые утверждаютъ. что уничтоженіе рабства должно быть включено въ программу всякаго образованнаго человѣка. Законы гуманности болѣе для насъ не существуютъ! („*Браво!*“) До мнѣнія цивилизованнаго міра намъ нѣтъ никакого дѣла. За границей могутъ сколько угодно возставать противъ нашего варварства, лишь бы намъ владѣть нашими еврейскими рабами и съ ихъ помощью достигать высшей точки національнаго благосостоянія и истинно-національной цивилизаціи.

„Позвольте въ нѣсколькихъ словахъ представить вамъ результаты предлагаемой мною великой мѣры, долженствующей составить эпоху въ исторіи нашего отечества.

„Вы всѣ согласитесь, что большинство евреевъ — прилежные, искусные, добропорядочные работники. („*Да, да!*“) Такъ неужели же намъ лишать себя плодовъ этой дѣятельности? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ — повторяю я! Напротивъ, намъ необходимо употребить всѣ усилія для того, чтобы еще увеличить доходность отъ еврейскаго труда!

„Съ обращеніемъ евреевъ въ нашихъ рабовъ начнется натурально распредѣленіе евреевъ между нами, германцами. Я представляю себѣ дѣло въ такомъ видѣ. Каждый взрослый еврей, какъ товаръ, оцѣнивается въ пять тысячъ марокъ. Сколько платить за еврейскую женщину и дѣтей—это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Если государство отдастъ своихъ евреевъ въ замѣнъ пятипроцентныхъ бумагъ такой же цѣнности, оно разомъ заработаетъ на этомъ дѣлѣ свыше двухъ милліардовъ. (*Сенсація*). При этомъ я еще вовсе не беру въ разсчетъ еврейскихъ капиталовъ, которые, само собою разумѣется, должны быть конфискованы.

„Наши капиталисты и крупные поземельные собственники полу-

чили бы этимъ путемъ въ свое владѣніе множество рабовъ, которыми затѣмъ пользовались бы сообразно ихъ способностямъ... Наше еврейское рабство представляю я себѣ устроеннымъ не по американскому образцу, а по несравненному примѣру древнихъ римлянъ. Ограниченные американскіе плантаторы были на столько глупы, что заставляли своихъ черныхъ вести жалкое существованіе въ хлопчатобумажныхъ, сахарныхъ и кофейныхъ плантаціяхъ; правда и то, что въ ихъ распоряженіи были только тупоумные негры. Мы же, въ распоряженіе которыхъ достанутся интеллигентные евреи, мы съ помощью ихъ достигнемъ апогея человѣческаго достоинства. Мы станемъ занимать грубыми работами только глупыхъ мужчинъ и уродливыхъ женщинъ. Лучшіе же элементы мы, подобно римлянамъ, обратимъ въ рабовъ образованныхъ. Понадобится кому изъ насъ быть остроумнымъ—рабъ исполнитъ это за него. Понадобится кому знать что нибудь — раба на сцену. И нашимъ идеаломъ будетъ тотъ благородный сенаторъ, который пересталъ думать собственной головой, но держалъ напримѣръ при себѣ особаго раба, говорившаго ему: „господинъ мой, ты сидишь!"—послѣ того, какъ другіе рабы усаживали его въ кресло.

„И знаете ли, почтенные товарищи, какое счастливое обстоятельство было причиною такого преуспѣянія Рима? Слушайте и изумляйтесь! Цвѣтущая пора римской жизни начинается съ того дня, когда они, въ качествѣ побѣдителей Кареагена, повлекли въ рабство населеніе пуническаго города. Такимъ образомъ, тѣ удивительные рабы, которые за римлянъ работали, думали, сочиняли и занимались искусствами и художествами, были кареагеняне, т. е. *семиты!* (*Всеобщее изумленіе*). То, что я вамъ говорю, не выдумано мною. Я вычиталъ это у Фридлендера; въ его „Исторіи нравовъ и обычаевъ Рима" вы можете найти болѣе обстоятельныя подробности о положеніи римскихъ рабовъ."

„Кто то въ залѣ крикнулъ: — Этотъ Фридлендеръ конечно еврей. Ему вѣрить нельзя.

„Викторъ патетически перебилъ:

— О, какъ близорукъ господинъ, прервавшій меня! Фридлендеръ,

можетъ быть, и еврей, но онъ несомнѣнно хорошій писатель. Никто вѣдь не станетъ спорить, что евреи, въ числѣ прочихъ дарованій, обладаютъ и писательскимъ. Изъ этого послѣдняго мы тоже будемъ извлекать пользу для себя. Я уже говорилъ, что за дѣло намъ надо приняться хитро и искусно. Мы будемъ стричь еврейскія дарованія такъ, какъ стригутъ тонкошерстныхъ овецъ. Но и это должно быть поставлено на большую ногу. Для того, чтобы поддерживать въ нашихъ еврейскихъ рабахъ свѣдѣнія и познанія, мы будемъ устраивать на площадяхъ обширныя школы для еврейскихъ рабовъ въ видѣ народныхъ училищъ, гимназій и университетовъ. Это очень облегчитъ нашу собственную молодежь, которая такъ страшно обременена учебнымъ матеріаломъ, („*Браво! браво!*") Большинство нашихъ еврейскихъ рабовъ безъ сомнѣнія окажется наиболѣе способнымъ къ торговлѣ. Мы будемъ ставить ихъ во главѣ нашихъ предпріятій; они станутъ торговать и надувать, обвѣшивать и обмѣривать, фальшиво объявлять себя банкротами и т. п. Но весь позоръ такихъ дѣлъ будетъ падать только на нихъ, а барыши будутъ опускаться въ нашъ господскій карманъ! („*Браво!*").

„Но было бы нелѣпо ограничивать евреевъ-рабовъ торговлею. На нихъ долженъ падать всякій трудъ, который тяжелъ для насъ, для того, чтобы нѣмцамъ жилось наконецъ такъ, какъ живется, по поговоркѣ, Богу во Франціи. Да! Мой пророчески-восторженный взоръ видитъ уже въ глубинѣ грядущихъ вѣковъ возникновеніе новой всемірно-исторической эпохи, созданной исключительно великою идеей обращенія евреевъ въ рабовъ христіанъ! Я вижу, какъ всѣ культурныя страны принимаютъ благородную систему, вижу, какъ извѣстнымъ плодородіемъ евреевъ пользуются для того, чтобы формировать арміи изъ нашихъ еврейскихъ рабовъ, вижу, какъ великія войны нашихъ культурныхъ странъ ведутся только еврейскою кровью. Мы же ограничиваемся тѣмъ, что хлещемъ плетью нашихъ рабовъ и наслаждаемся плодами ихъ трудолюбія. Только такимъ путемъ, милостивые госу-

дари, можетъ осуществиться истинный идеалъ нашего времени — *идеалъ негуманности!*"

„Викторъ кончилъ. Раздались оглушительныя рукоплесканія; сотни человѣкъ окружили оратора, кричали ура, называли его величайшимъ дѣятелемъ во всемъ этомъ движеніи, пили за его здоровье. Не оставалось никакого сомнѣнія: ироническій проектъ, помощью котораго онъ имѣлъ въ виду образумить ихъ, былъ принятъ ими совершенно серьезно, и они ждали, что авторъ его станетъ во главѣ возбужденной имъ агитаціи".

Переданная нами словами автора сцена произвела на Генриха весьма мрачное впечатлѣніе, и Викторъ напрасно старался разсѣять его, доказывая, что во всемъ этомъ преобладала только комическая сторона.

— Не станешь же ты — говорилъ онъ — принимать серьезно состояніе умовъ этого сборища сумасшедшихъ!

— Нѣтъ,—возражалъ Генрихъ—то было не сборище сумасшедшихъ! Ты замѣтилъ это также какъ я. Тутъ сидѣло много добродушныхъ гражданъ девятнадцатаго столѣтія, которые принимали все, подававшееся имъ, которые были на столько любезны, что смѣялись даже надъ г. Бумке! Но въ главной сути они всѣ согласны между собою: они дѣлаютъ различіе между мною и остальными нѣмцами! Я—не нѣмецъ! Викторъ, понимаешь ты, что это значитъ? Я—не нѣмецъ! Всѣ слезы гнѣва и радости, пролитыя мною въ годы войны, были фальшивы! Моя кровь, которая текла вмѣстѣ съ твоею по ту сторону Луары, была не настоящая кровь! И мнѣ не позволяютъ быть нѣмцемъ! Можетъ быть, мнѣ запретятъ еще говорить по нѣмецки, писать по нѣмецки, мыслить по нѣмецки! Отчего же нѣтъ? Вѣдь я не нѣмецъ! Не правда-ли, Викторъ, твоему отцу никогда не приходилось терпѣть и мучиться изъ-за своего нѣмецкаго имени? А вотъ мой отецъ—онъ былъ тоже врачъ — могъ кой-что поразсказать на этотъ счетъ. Изъ за того, что онъ былъ нѣмецъ, славяне, среди которыхъ онъ жилъ, прогнали его съ молодой женой съ мѣста его первой дѣятельности; изъ-за того, что онъ былъ

нѣмецъ и не забывалъ этого въ богемскомъ городкѣ, чернь стала однажды кидать камни въ комнату, гдѣ моя мачь рожала своего перваго ребенка, мою сестру. Мать осталась жива, ребенокъ умеръ. Изъ-за того, что мой отецъ былъ нѣмецъ и стоялъ горою за свой народъ, на него до самой смерти клеветали, не переставали поносить его. А я послѣ всего этого—не нѣмецъ! Что же я такое? Ужъ, конечно, не еврей! Ни въ какомъ случаѣ не еврей! Стало быть, я несуществующее существо, которое не кидаетъ отъ себя тѣни. Стало быть, я призракъ, Агасферъ, котораго нельзя убить, потому что у Агасфера нѣтъ ни одного уязвимаго мѣста, нѣтъ родины, нѣтъ дома, нѣтъ жены, нѣтъ дѣтей!

А на вопросъ Виктора: „что же ты станешь теперь дѣлать?“ — Генрихъ отвѣчалъ:

— Буду странствовать, странствовать какъ Агасферъ! Можетъ быть, въ послѣдніе годы моей жизни вернусь въ Богемію и поселюсь въ городкѣ, гдѣ умерла моя сестра. Тамъ буду бороться, сколько хватитъ у меня силъ, за нѣмецкое дѣло, и если когда нибудь снова разразится бѣшенство черни, я выступлю противъ нея. Тамъ они будутъ ненавидѣть меня, какъ нѣмца, тамъ будутъ въ меня кидать камнями, какъ въ нѣмца. Если уже суждено мнѣ пасть жертвою грубости и дикой пошлости, то пусть лучше погибну я какъ нѣмецъ отъ руки славянъ, чѣмъ какъ еврей подъ ударами нѣмцевъ!..

Викторъ просилъ друга присутствовать по крайней мѣрѣ на его свадьбѣ съ сестрой Клемансъ, долженствовавшей состояться черезъ двѣ недѣли. Генрихъ отказался:

— Мнѣ не подобаетъ появляться въ церкви. Можетъ быть насторъ, безъ котораго вѣдь дѣло не обойдется, окажется тоже однимъ изъ новыхъ поповъ, однимъ изъ арендаторовъ истины, и въ такомъ случаѣ онъ не потерпитъ присутствія жида въ храмѣ своего Бога... Прощай!

Заключеніе романа—въ совершенно мелодраматическомъ родѣ, и еврейскій вопросъ притянутъ здѣсь уже очень насильственно, что на-

зывается—зубами,—(какъ и вообще въ романѣ не мало фальшивыхъ и мелодраматическихъ подробностей, которыя мы въ нашемъ изложеніи опускали). Перескажемъ это заключеніе въ нѣсколькихъ словахъ:

Прежде чѣмъ пуститься въ „странствіе Агасфера“, Генрихъ навѣщалъ портного Освальда Френкеля, у котораго опасно заболѣлъ сынъ. Френкель въ это время узналъ о поползновеніяхъ доктора Штроппа на его драгоцѣнную супругу Доретту—и самымъ неделикатнымъ образомъ, даже съ побоями, вытолкалъ великаго агитатора изъ своего дома. Штроппъ, (дошедшій уже до полупомѣшательства), поклялся отомстить. Случай очень скоро представился. Онъ бродилъ передъ обиталищемъ портного и строилъ разные планы мщенія, когда тутъ же появился слуга Курта, арапъ, вывезенный Генрихомъ из Африки, подаренный имъ отцу Клемансъ и отъ него перешедшій въ услуженіе къ Курту. Омаръ—имя арапа—объяснилъ Штроппу, что онъ не впервые въ этихъ мѣстахъ, что онъ ходитъ сюда по приказанію своего барина подсматривать—не видаются-ли въ домѣ портного Генрихъ и Ауэнгеймская барышня; (для чего это нужно было Курту, когда онъ зналъ, что Генрихъ и Клемансъ уже помолвлены — это извѣстно только автору). Штроппа осѣнила геніальная мысль: онъ только что видѣлъ, какъ Генрихъ вышелъ изъ дома портного, а черезъ нѣсколько минутъ усмотрѣлъ, что къ этому же дому подъѣхалъ извощичій экипажъ, и изъ него вышла Клемансъ: она пріѣхала по письму Генриха, увѣдомившаго ее, что ея любимецъ, маленькій Зигфридъ, очень боленъ. „Пойдемъ, пойдемъ!—кричалъ Штроппъ арапу: — всюду, гдѣ мы встрѣтимъ пріятелей, будемъ разсказывать, что въ этомъ жидовскомъ домѣ христіанскую дѣвушку лишаютъ жизни и чести посредствомъ яда и колдовства“. И вотъ устроилась уличная агитація; небольшая толпа оборванцевъ, предводительствуемая арапомъ и Штроппомъ, кинулась къ дому портного... Кричали, что христіанская дѣвушка уже убита, требовали возмездія за невинно пролитую кровь христіанскую. Клемансъ узнала о причинѣ этого волненія и подошла къ окну, чтобы показать толпѣ, что она жива и здорова. Въ эту мину-

ту въ окно полетѣлъ камень, пущенный рукой Омара; пораженная въ високъ дѣвушка повалилась на полъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился въ домъ и Генрихъ—а еще нѣсколько минутъ спустя, Клемансъ лежала на его рукахъ бездыханнымъ трупомъ...

Послѣ этого и Генрихъ рѣшился умереть. Но прежде онъ вызвалъ на дуэль Курта, признавая въ немъ главнаго виновника постигшихъ его несчастій. Дуэль кончилась смертью Генриха.

Новому Агасѳеру посчастливилось такимъ образомъ больше, чѣмъ старому: смерть не отказала ему въ своемъ утѣшеніи.

Петръ Вейнбергъ.

*
* *

Нынче мнѣ снилось:
                    Вотъ между горами
Гордо, свободно струится потокъ;
Вкругъ него сфинксы, дворцы, пирамиды
И пожелтѣвшій пустыни песокъ;

И, начиная съ фигуръ Ипсамбулы,
До безграничной пучины морской,
Все поднимаются робкія тѣни,
Посеребренныя тусклой луной;

Изъ-подъ тяжелыхъ камней пирамиды,
Изъ-подъ Мемноновъ, Эрментскихъ колоннъ
Всѣ поднялися; идутъ на работы, —
И отовсюду доносится стонъ:

Снова въ крови безпощадныя плети
Бьютъ по спинамъ неповинныхъ рабовъ,
И поднимаются храмы и сфинксы;
Ихъ орошаетъ кипучая кровь...

Кто-же смягчитъ эти страшныя муки?
Кто-же услышитъ ихъ тягостный стонъ?

Мрачный палачъ ихъ мольбамъ не внимаетъ,
И беззаботенъ въ пирахъ фараонъ...

Нынче мнѣ снилось:
Широкія степи...
Чистое небо... раздолье... просторъ...
Рѣки струятся свободно и гордо,
Видны вершины синѣющихъ горъ...

Сумракъ... вотъ пламя стремится по вѣтру...
Смѣхъ и рыданья... Стропила трещатъ;
И освѣщенные пламенемъ трупы,
Трупы въ крови почернѣвшей лежатъ!

Тутъ предъ отцомъ, истекающимъ кровью,
Врагъ безобразный позоритъ дѣтей;
Тамъ-неутѣшная мать со стенаньемъ
Въ пламени ищетъ своихъ сыновей!.,

Кто-жъ отзовется на стонъ ихъ глубокій,
Кто-же ихъ жгучія боли смягчитъ?
Врагъ, торжествуя, ихъ стону внимаетъ,
Другъ безучастно въ безсильи стоитъ...

Канунъ Пасхи.

В. Жуковскій.

КЪ ВОПРОСУ О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ.

По поводу двухъ лекцій Ренана:

1. Qu'est-ce qu'une nation? читанной въ Сорбоннѣ 18 марта 1882 года.

2. Le judaïsme comme race et comme religion, читанной въ Société historique (cercle Saint-Simon) 27 января 1883 г.

Одна изъ наиболѣе характеристическихъ чертъ XIX вѣка — преобладающая роль національныхъ вопросовъ въ общественномъ міровоззрѣніи и въ международной политикѣ цивилизованныхъ государствъ. Вопросы о національномъ единствѣ попеременно волновали и возбуждали то одну, то другую сторону Европы и яркими полосами запечатлѣлись на ея старыхъ, созданныхъ насиліемъ, вѣроломствомъ и несправедливостью картахъ. Эти вопросы не только обсуждались въ кабинетахъ ученыхъ и государственныхъ людей, но волновали всѣ классы общества и, хотъ въ несовсѣмъ правильномъ и ясномъ видѣ, добрались даже до „темной массы", пустили крѣпкіе корни въ народѣ, который хотѣлъ видѣть въ осуществленіи національныхъ идей лучшее и счастливое для себя будущее, который смутно отожествлялъ свое объединеніе съ экономическимъ освобожденіемъ. Въ этомъ то чрезвычайная сила національныхъ движеній нашего вѣка. Многіе разсматриваютъ это замѣчательное развитіе, эту могучую силу національныхъ идей, какъ наиболѣе яркое выраженіе народнаго самосознанія, попираемаго и забиваемаго въ теченіи долгихъ вѣковъ, какъ наиболѣе рѣзкое и знаменательное проявленіе *народнаго* права, вмѣсто прежняго государственнаго, или проще говоря, династическаго. И это вѣрно; но было бы крайне неправильно и ошибочно думать, что національно-объединенный народъ есть на самомъ дѣлѣ освобож-

денный народъ, что, напримѣръ, ломбардцу теперь хоть сколько-нибудь лучше, чѣмъ подъ австрійскимъ игомъ...

Но, оставляя въ сторонѣ эти соображенія, я считаю нужнымъ тутъ же указать на полный разладъ и неутомимую борьбу, особенно въ настоящее время, между господствующими *національными* и *экономическими* тенденціями XIX вѣка, и на ихъ одновременное развитіе, бокъ о бокъ, точно двухъ факторовъ, дѣйствующихъ по одному и тому же направленію. Какъ ни парадоксально можетъ показаться одновременное развитіе и вліяніе двухъ взаимно противоположныхъ и борющихся еще тенденцій, національно-политической и международно-экономической, но это такъ, и даже самое поверхностное разсмотрѣніе ихъ можетъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ убѣдить насъ въ этомъ.

Національныя движенія слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ нужно было остановиться. Особенную силу они получили во второй и третьей четвертяхъ настоящаго столѣтія. Еще на нашихъ глазахъ совершилось объединеніе Италіи и Германіи и совершается разложеніе Турціи. Но наряду съ этимъ, капиталистическій способъ производства все болѣе и болѣе развивался и разростался и, наконецъ связалъ крѣпкой и неразрывной цѣпью всѣ цивилизованные народы; наряду съ этимъ, экономическія тенденціи прорывались черезъ всевозможныя границы, пробивали искусственные простѣнки, настроенные многовѣковымъ невѣжествомъ и варварствомъ, и медленно, незамѣтно, но все сильнѣе и сильнѣе, сокрушали и сокрушаютъ рознь и непріязнь между народами.

Съ безпрерывно возрастающей и охватывающей силой необходимо должна продолжаться *уравнительная работа* современныхъ соціально-экономическихъ идей, работа, которая въ концѣ концовъ приблизитъ всѣ цивилизованныя государства *къ одному общему соціальному типу*. Капиталъ—космополитъ; онъ признаетъ свое отечество тамъ, гдѣ ему болѣе выгодно найти себѣ приложеніе — это сотни разъ повторяютъ экономисты всѣхъ школъ. Капиталистическій способъ производства по своей сущности—международенъ и всеміренъ и всегда и вездѣ сопровождается одинаковыми и неизбѣжными соціальными явленіями. Его господство служитъ главнымъ базисомъ современнаго общественнаго строя, и онъ то

даетъ толчокъ и опредѣленное направленіе всей вообще государственной и частной жизни. Вообще же, господство современныхъ экономическихъ отношеній настолько полно и рѣшительно, что теперь можно считать общепринятымъ и пріобрѣвшимъ характеръ политической аксіомы извѣстный соціологическій законъ: *экономическія отношенія служатъ фундаментомъ всякой соціальной жизни.*

Сопоставляя эти кратко намѣченныя и неоспоримыя данныя, которыя теперь вообще необходимо всегда имѣть въ виду при рѣшеніи соціальныхъ вопросовъ, мы можемъ спросить себя: какимъ образомъ могли одновременно развиваться и влiять два противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу принципа, національно-политическій и международно-экономическій? Могутъ ли они ужиться, совмѣстно существовать и въ будущемъ?

Первый вопросъ скорѣе относится къ области исторіи, требуетъ слишкомъ много времени и мѣста для своего разрѣшенія и имѣетъ слишкомъ общее и широкое значеніе, чтобы мы могли хоть слегка коснуться его въ настоящей статьѣ. Мы его поэтому оставимъ и постараемся, насколько возможно полно, отвѣтить на второй вопросъ, разрѣшеніе котораго пріобрѣтаетъ первостепенную важность именно тамъ, гдѣ кончается изслѣдованіе Ренана. Крайне жаль, что знаменитый оріентологъ такъ далекъ отъ новѣйшей экономической точки зрѣнія, безъ которой ни одно крупное соціальное явленіе не можетъ быть ни выяснено, ни понято въ достаточной степени, что онъ вообще витаетъ въ высшихъ, недоступныхъ простымъ смертнымъ философскихъ эмпиреяхъ; иначе онъ, при своемъ глубокомъ и критическомъ умѣ, не ограничился бы только неопредѣленнымъ замѣчаніемъ, что націи, вѣроятно, будутъ замѣнены европейской конфедераціей.

Но предварительно познакомимся съ изслѣдованіями и доказательствами Ренана и выяснимъ себѣ, что такое нація вообще и еврейская въ частности.

Всѣ добросовѣстные и свѣдущіе изслѣдователи вопроса о національности рѣшительно признаютъ, что «нація», «отечество»— понятія исключительно *духовнаго, абстрактнаго свойства.* Понятіе о національности не имѣетъ никакихъ признаковъ; ни территорія, ни раса, ни религія, ни языкъ, не могутъ считаться доста-

точными и точными признаками, опредѣляющими націю. Я въ короткихъ словахъ коснусь этой части превосходныхъ изслѣдованій Ренана.

Раса и нація—два понятія совершенно различныя по своимъ признакамъ. Смѣшеніе этихъ двухъ понятій происходитъ отъ того, что филологи и антропологи не одинаково понимаютъ слово «раса». Историки и филологи понимаютъ расу, какъ нѣчто такое, что можетъ во всякомъ случаѣ передѣлываться, какъ нѣчто измѣняющееся и преходящее; антропологи же понимаютъ ее зоологически, какъ видъ или коллективную особь. Но всѣ расы, о которыхъ теперь говорятъ, имѣютъ происхожденіе сравнительно новое, не какъ зоологическіе виды. Подраздѣленія и различія, дѣлаемыя филологіей, исторіей и описательной антропологіей, только лингвистическія, этнографическія, но не видовыя, не зоологическія.

Если считать теперь базисомъ національностей расу, то это не только невѣрно, но и крайне вредно и опасно. Во время первой французской революціи полагали, что и къ народамъ въ 30, 40 милліоновъ населенія можно приложить общественное устройство независимыхъ народовъ, какъ Аѳины, Спарта и Римъ; но въ наше время совершаютъ еще болѣе грубую ошибку: смѣшиваютъ расу и націю, чуть ли даже не отожествляютъ ихъ и вообще приписываютъ этнографическимъ, скорѣе лингвистическимъ группамъ важность и значеніе, какъ бы дѣйствительно существующимъ народамъ, націямъ. Расовый принципъ игралъ преобладающую роль въ древности, въ античномъ мірѣ; но римская имперія, нашествіе народовъ и христіанство перемѣстили центръ тяжести въ другой пунктъ. Римъ еще не былъ націей въ современномъ смыслѣ этого слова, онъ распался и долженъ былъ распасться на двѣ половины. Только германское нашествіе ввело принципъ, который позже послужилъ базисомъ существованія національностей. До Верденскаго трактата, который раздѣлилъ Западную Европу на Францію, Германію, Италію, Испанію и Англію, т. е. до X вѣка, германскій элементъ вездѣ основывалъ династіи, аристократіи и вообще феодальныя организаціи. Такъ возникли Бургундія, Нормандія, Ломбардія и пр.

Всѣ эти государства германцы основывали не на расовомъ принципѣ. Карлъ Великій хотѣлъ сдѣлать то же, что римская

имперія, и при своихъ завоеваніяхъ онъ менѣе всего руководствовался расовыми принципами. Даже авторы Верденскаго трактата нисколько не имѣли въ виду расъ при своемъ дѣленіи Западной Европы. Раздѣленіе было только *территоріальное*, и на этихъ территоріяхъ съ теченіемъ времени, послѣ безпрерывнаго ряда войнъ, вѣроломствъ, насилій и пр., образовались современныя націи. Онѣ главнымъ образомъ — *историческаго* происхожденія, включаютъ въ себѣ многоразличныя расы, различныя народности, такъ что въ англичанинѣ или французѣ невозможно признать что-нибудь похожее на древняго кельта или бритта. Онѣ образовались путемъ захватовъ, насильственныхъ и кровавыхъ присоединеній, и объединились, только благодаря *забывчивости* присоединенными перенесенныхъ притѣсненій, униженій и насилій, благодаря просто незнанію исторіи. Современный французъ, напримѣръ, совершенно забылъ, какая страшная и долголѣтняя борьба происходила между сѣверомъ и югомъ Франціи, сколько крови стоило присоединеніе не только какой нибудь провинціи, но даже отдѣльныхъ городовъ и небольшихъ клочковъ земли, и всѣ эти провинціи образуютъ теперь одну объединенную Францію, и всѣ ихъ обитатели — одну и ту же французскую націю. «Да—замѣчаетъ справедливо Ренанъ—знаніе исторіи оказываетъ очень плохую услугу объединителямъ».

Въ противоположность мнѣнію профессора Лацаруса, Ренанъ находитъ, что и языкъ не можетъ служить признакомъ—опредѣлителемъ извѣстной націи. Важность, которую приписываютъ въ политикѣ языкамъ, происходитъ оттого, что ихъ считаютъ признаками расъ. Но это совершенно невѣрно. Много народовъ говорятъ теперь на иныхъ языкахъ, чѣмъ прежде. Въ Египтѣ, напримѣръ, теперь говорятъ по-арабски, въ Пруссіи прежде преобладалъ славянскій языкъ, а настоящій англійскій языкъ составился, какъ извѣстно, по меньшей мѣрѣ изъ трехъ языковъ. Вообще же ни одинъ существующій въ настоящее время въ Европѣ языкъ не можетъ считаться чистымъ, безъ радикальныхъ измѣненій и примѣсей. Встарину еще господинъ и рабъ говорили на одномъ языкѣ, несмотря на то, что, какъ извѣстно, рабы обыкновенно принадлежали къ другимъ народамъ и племенамъ. Въ наше время бельгійцы говорятъ по-французски, американцы—

по-англійски, а въ Швейцаріи говорятъ на трехъ языкахъ и прекрасно уживаются. «Есть въ человѣкѣ нѣчто высшее чѣмъ языкъ— замѣчаетъ Ренанъ по поводу Швейцаріи—это воля». Однимъ словомъ, языки цивилизованныхъ народовъ—*историческаго*, а не расоваго происхожденія.

Что ни территорія, ни религія не могутъ служить признаками націи—это, я думаю, излишне доказывать. Онѣ только принимали участіе, конечно, въ значительно меньшей степени, чѣмъ языки, въ образованіи, въ сформированіи современныхъ цивилизованныхъ націй; но въ настоящее время религія, напримѣръ, теряетъ, можно сказать, всякое вліяніе въ международной жизни западно-европейскихъ государствъ.

Нѣтъ, нація не опредѣляется ни расой, ни территоріей, ни языкомъ, ни религіей, ни какимъ бы то ни было внѣшнимъ, конкретнымъ признакомъ; она заключается въ *духовномъ единствѣ*, выработанномъ всей совокупностью естественно-историческихъ условій, въ *сознаніи духовнаго братства и общенія* всѣхъ ея членовъ.

«Нація—говоритъ Ренанъ—это *отвлеченный* принципъ, являющійся результатомъ глубокихъ усложненій исторіи, это *духовная* семья, но не группа, опредѣленная очертаніемъ почвы». «Двѣ вещи образуютъ «душу» націи, ея духовный принципъ: 1) прошедшее, т. е. общность историческихъ воспоминаній, страданій, славы, борьбы и пр.; 2) настоящее, т. е. согласіе, желаніе жить вмѣстѣ, желаніе продолжать наслѣдственный удѣлъ, преслѣдовать одну программу». «Нація, поэтому—великая *солидарность*, покоющаяся на воспоминаніи о взаимныхъ жертвахъ, которыя были принесены и будтъ приноситься впредь».

Посмотримъ теперь, имѣетъ ли іудаизмъ какіе-нибудь конкретные признаки и, вообще говоря, подходитъ ли онъ подъ данное опредѣленіе націи?

Обыкновенно полагаютъ, что еврейскій народъ составлялъ и особенно теперь составляетъ исключеніе изъ общаго правила, что его историческая жизнь сложилась совсѣмъ особо и своеобразно, что ни одинъ народъ не можетъ сравниться съ еврейскимъ въ отношеніи живучести, устойчивости и упорства даже не при такихъ

страшныхъ и убійственныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ. Думаютъ, что это единственный народъ, который сохранилъ чистоту своей древней расы, не смѣшивался или крайне мало смѣшивался съ другими народами, что мозаизмъ составляетъ его исключительную принадлежность и что еврей по религіи былъ и есть еврей по крови. Но если вѣрно, что исторія всегда была и остается мачихой для сыновъ Израиля, что другой народъ не устоялъ бы даже въ теченіи одного вѣка при такой страдальческой и ужасной жизни и уже давно долженъ былъ бы исчезнуть съ лица земли, то изъ этого еще никакъ не можетъ слѣдовать, что евреи сохранили чистоту своей расы до нашего времени.

Въ своемъ прекрасномъ и строго научномъ изслѣдованіи: «Le judaïsme comme race et comme religion» (см. выше) Ренанъ доказываетъ намъ совершенно противное общепринятымъ, ни на чемъ не основаннымъ, мнѣніямъ. Право, уже давно пора положить конецъ безсмысленнымъ, но къ несчастію общепринятымъ мнѣніямъ о чистотѣ еврейской расы и, вообще говоря, о какой-то исключительности еврейскаго народа, исключительности, прибавимъ мы, тѣмъ болѣе странной и непонятной, что этотъ народъ, по общему же признанію, удивительно легко ассимилируется вездѣ, гдѣ ему только возможно сколько нибудь сносно и свободно жить. Мы можемъ быть довольны, что именно Ренанъ, который уже разрушилъ столько вѣковыхъ басень, нелѣпицъ и суевѣрныхъ предразсудковъ, что именно онъ наноситъ теперь рѣшительный ударъ главному корню ходячихъ мнѣній и предубѣжденій относительно евреевъ. Но не касаясь ни его личности и эрудиціи, ни его научнаго и общественнаго вліянія не въ одной только Франціи, должно сказать, что наврядъ ли кто либо другой могъ бы въ такомъ сравнительно краткомъ изслѣдованіи представить столько доводовъ и доказательствъ и, вообще говоря, такъ убѣдительно и ясно изложить и разрѣшить поставленный имъ чрезвычайно сложный, запутанный и важный вопросъ. Читатель можетъ и самъ убѣдиться въ этомъ. Я только хочу сдѣлать одно маленькое замѣчаніе. Ренанъ слишкомъ строгій ученый и слишкомъ крѣпко держался своего прекраснаго метода изслѣдованія; но читатель, который можетъ себѣ позволить большую свободу въ сужденіяхъ и

обобщеніяхъ, найдетъ, что въ жилахъ современнаго еврея течетъ, можетъ быть, наиболѣе смѣшанная кровь.

Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, мы можемъ теперь смѣло утверждать, что еврейская нація вполнѣ поддается высказанному выше общему опредѣленію національности. Но говоря такъ, мы тѣмъ самимъ допускаемъ существованіе особой еврейской націи. А это еще спорный пунктъ. Многіе, и мимоходомъ замѣтимъ, часто тѣ самые, которые громко кричатъ о еврейской исключительности и особенности, находятъ, что еврейская нація не существуетъ и даже существовать не можетъ. И съ своей точки зрѣнія они совершенно правы. Для нихъ нація существуетъ одновременно съ государствомъ и главнымъ образомъ опредѣляется расой, территоріей, религіей и языкомъ. Но нація и государство далеко не одно и то же и не только часто несовмѣстимы на практикѣ, но даже теоретически, по самой своей сущности, различны, покоются на неодинаковыхъ принципахъ: въ то время, какъ первая представляетъ внутренній, такъ сказать *органическій* элементъ, второе является внѣшнимъ, *механическимъ* элементомъ общественнаго устройства. Что же касается до расы и пр., то мы выше видѣли, чего могутъ стоить всѣ разсужденія объ ихъ важности въ опредѣленіи націй.

Нѣтъ, вопросъ о существованіи особой еврейской націи можетъ быть поставленъ съ точки зрѣнія Ренана, Лацаруса и др. Можно спросить, какимъ образомъ евреи, которые уже около двухъ тысячъ лѣтъ лишены своего древняго государства и разсѣяны по угламъ земли, какимъ образомъ они могутъ имѣть одинаковыя историческія воспоминанія, одинаковые идеалы настоящаго и будущаго, *общее духовное* единство и, однимъ словомъ, составлять *одну и ту же* націю? Правда, они вездѣ жили *библейскимъ прошедшимъ*, они вездѣ имѣли свое особое царство—*царство гетто*, они имѣли и общую исторію въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, исторію страданій, гоненій и преслѣдованій, исторію Агасфера; но неужели полудикій кавказскій еврей также похожъ на французскаго, какъ французъ сѣвера на провансальца, неужели персидскій и англійскій еврей имѣютъ еще много общаго, кромѣ религіи? Да еще большой вопросъ, совершенно ли они общи по религіи? И неужели, вообще говоря, евреи, начиная съ разру-

шенія Іерусалимскаго храма до нашихъ дней, вездѣ, во всѣхъ странахъ подвергались однимъ и тѣмъ же условіямъ, развивались одинаково, пережили, словомъ, *одну и ту же исторію?* Конечно нѣтъ.

Подобныхъ вопросовъ можно поставить еще многое множество, но я думаю, что и приведенныхъ достаточно, чтобы, по меньшей мѣрѣ, усомниться въ общности и въ національномъ единствѣ всѣхъ нынѣ живущихъ евреевъ. Многіе находятъ, что еврейскій народъ не представляетъ одного общаго типа, а нѣсколько отличныхъ другъ отъ друга типовъ. Ренанъ еще думаетъ, что эти типы обязаны своимъ происхожденіемъ жизни евреевъ въ гетто. Это мнѣніе станетъ совершенно вѣрнымъ, если подъ словомъ гетто понимать всю совокупность ограниченій, стѣсненій и исключительныхъ условій несчастнаго Израиля. Во всякомъ случаѣ, если признаютъ существованіе нѣсколькихъ типовъ среди еврейскаго народа, то почему же не допустить, что евреи могутъ раздѣляться *духовно*, смотря по странамъ, гдѣ имъ приходится жить? Что касается до меня, то я думаю, что можно скорѣе допустить существованіе духовныхъ, моральныхъ отличій, чѣмъ физическихъ, этнографическихъ, уже потому, что духовная природа человѣка несравненно скорѣе и замѣтнѣе видоизмѣняется и подвергается вліянію окружающей среды, чѣмъ физическая.

Но существуютъ ли этнографическіе или духовные типы среди евреевъ или нѣтъ, для нашей цѣли это не имѣетъ существеннаго значенія. Для насъ важно только то, что еврейская нація, одна или съ подраздѣленіями, существуетъ, подобно другимъ націямъ, именно, какъ *духовный*, *историческій* и, слѣдовательно, какъ *прогрессирующій*, *измѣняющійся принципъ*, а не какъ нѣчто *неизмѣнное, незыблемое*, присущее расовымъ и инымъ особенностямъ. Только въ такомъ смыслѣ и можно понимать слово: еврейская нація; иначе совсѣмъ ничего не разберешь, иначе приходится допускать ничѣмъ необъяснимыя исключенія, чуть ли не чудеса, и вообще такія вещи, которыя противны наукѣ и даже здравому смыслу. Да, еврейская нація могла сложиться и удержаться до сихъ поръ *единственно* подъ вліяніемъ своей исторіи, благодаря своему *вынужденному* уединенію и *насильному* исключительному положенію, благодаря, главнымъ образомъ, *протесту совѣсти*

противъ вѣчныхъ гоненій и преслѣдованій, благодаря, однимъ словомъ, чисто *духовнымъ причинамъ.*

Разъ мы научно опредѣлили, что такое нація, разъ мы выяснили, что существенный характеръ націй, какъ опредѣленныхъ *духовныхъ единицъ*, остается вездѣ *одинъ и тотъ же, безъ исключеній*, мы можемъ теперь перейти къ поставленному въ началѣ этой статьи вопросу—вопросу, такъ сказать, о будущности націй и національныхъ раздоровъ и непріязни.

Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, существованіе всѣхъ современныхъ націй въ будущемъ, далекомъ будущемъ? Возможно ли смѣшеніе ихъ, объединеніе ихъ подъ одной какой либо политической формой, возможно ли, однимъ словомъ, преобразованіе человѣчества или только цивилизованныхъ народовъ въ одну націю, въ одно *духовное братство*?

Все это вопросы первостепенной важности, и какъ ни трудны и ни сложны они могутъ казаться, на нихъ можно, однако, отвѣтить съ достаточною ясностью въ довольно краткихъ словахъ. Конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было абсолютномъ рѣшеніи въ ту или другую сторону. Соціологическіе вопросы, по самой своей сущности, такъ рѣшаться не могутъ, и единственное, что возможно доказать или предвидѣть — это *преобладаніе*, *господство* одного принципа надъ другимъ. Исторія не знаетъ скачковъ—это уже старая и избитая истина. Все въ ней послѣдовательно, связано неразрывной цѣпью переходныхъ ступеней. Въ извѣстномъ общественномъ строѣ всегда существуютъ два или нѣсколько борющихся принциповъ, борющихся именно за преобладаніе, за господство. Съ теченіемъ времени роли ихъ мѣняются, прежній господинъ стушевывается, отчасти исчезаетъ, отчасти остается, какъ помощникъ новаго господина, прежде преслѣдуемаго, гонимаго или просто игнорируемаго. Сначала медленно и незамѣтно совершается этотъ переходъ, но потомъ борьба все болѣе и болѣе усиливается и обостряется, такъ что часто новый принципъ только *насильно* захватываетъ наконецъ мѣсто стараго. Таковъ историческій законъ прогресса.

Мы въ данномъ случаѣ постараемся поэтому разрѣшить только, какой принципъ можетъ и будетъ *господствовать, преобладать* въ будущемъ, національный или международный?

При такой постановкѣ вопроса можно рѣшительно отвѣтить: будущее принадлежитъ космополитизму, братству народовъ, а не узкому патріотизму и преступной національной розни. И немного, какъ мнѣ кажется, нужно, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ.

По данному выше опредѣленію націи, она является существенно измѣняемой, способной принять формы, вполнѣ соотвѣтствующія господствующимъ въ извѣстную эпоху соціальнымъ условіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если нація является, собственно говоря, *продуктомъ исторіи*, если она представляетъ *духовное единство* какого либо современнаго народа, если она есть нѣчто *психическое*, такъ сказать, общественная индивидуальность человѣка, то, очевидно, она будетъ видоизмѣняться и преобразовываться одновременно съ своими членами, съ ихъ общественными воззрѣніями и симпатіями. Оставаясь одной и той же по имени, она въ различныя эпохи будетъ имѣть различное *духовное содержаніе*, будетъ связана съ инымъ рядомъ идей, будетъ иначе пониматься ея членами, смотря по *общественнымъ идеаламъ*, которые ихъ будутъ воодушевлять. Это ясно, какъ Божій день. И если, напримѣръ, эти идеалы будутъ именно благопріятны космополитизму, то не менѣе ясно, что нація будетъ стремиться къ полному сліянію съ другими націями, къ обще-человѣческому или всемірному государству.

Какъ ни обще и умозрительно можетъ показаться только что приведенное разсужденіе, но оно вполнѣ основано на выработанномъ научно-философской критикой понятіи объ историческомъ прогрессѣ. Внимательное и критическое изученіе историческихъ фазисовъ развитія еще доказываетъ намъ, что, какъ ни связаны между собою всѣ условія общественной жизни, основная, преобладающая роль принадлежитъ ея *экономическому фактору*. Политическій строй является не руководителемъ, а рефлекторомъ соціально-экономическихъ отношеній данной эпохи. Политическія *формы* мѣняются и видоизмѣняются сообразно *содержанію*, которое вкладываетъ въ нихъ каждая историческая эпоха. Содержаніе же опредѣляется преимущественно, если не совсѣмъ, господствующими экономическими отношеніями. Эти отношенія, вообще говоря, служатъ *базисомъ* всѣхъ сторонъ человѣческой жизни.

Политическія формы общественной жизни, какія бы клички

онѣ ни носили, въ сущности всегда являются и должны являться вѣрнымъ выразителемъ господствующей *экономической системы производства и распредѣленія богатствъ*. Такъ было въ древности, въ средніе вѣка; но, чтобы не вдаваться въ подробности, замѣчу только, что современный западно-европейскій политическій строй совершенно несовмѣстимъ съ древнимъ рабствомъ и средневѣковымъ крѣпостничествомъ. Онъ можетъ существовать только при признаніи всѣхъ людей равными передъ закономъ, при *существованіи класса свободныхъ, политически-свободныхъ рабочихъ*. Это очевидно.

Наша задача теперь освобождена отъ массы побочныхъ и только мѣшающихъ обстоятельствъ и поставлена на совершенно реальную, научную почву. Если мы покажемъ, что современныя экономическія отношенія по самой своей сущности международны, то тѣмъ самимъ докажемъ, что будущій политическій строй неизбѣжно получитъ соотвѣтствующую *космополитическую форму*.

Если касаться только одной Западной Европы, то безспорно, что въ ней всевластно и всесильно *господствуетъ капиталистическій способъ производства*, способъ производства существенно космополитическій. Мы еще въ началѣ сдѣлали нѣсколько замѣчаній по этому поводу; теперь вкратцѣ дополнимъ ихъ.

Этотъ способъ производства предполагаетъ съ одной стороны капиталиста, работодателя, обладателя необходимыхъ орудій производства, и, съ другой стороны, пролетарія, работника, владѣтеля одной мускульной силы. Оба они равны передъ закономъ, оба имѣютъ одинаковыя политическія и гражданскія права, оба предполагаются одинаково свободными располагать своими силами. Они соединяются, связываются на опредѣленное число часовъ въ день не по дружбѣ или національнымъ симпатіямъ, а благодаря тому, что они другъ другу *нужны*, что одинъ *не можетъ обойтись безъ содѣйствія* другаго. Союзъ ихъ чисто дѣловой, опредѣляется договоромъ и не имѣетъ никакого отношенія къ національнымъ и тому подобнымъ вопросамъ. Во время стачекъ капиталистъ нарочно приглашаетъ иностранныхъ рабочихъ, а рабочіе обращаются за денежной помощью къ иностраннымъ рабочимъ корпораціямъ. О національной розни въ такихъ случаяхъ никто и не думаетъ.

Отечество капитала—это всемірный рынокъ; привязанности и симпатіи его—это хорошій сбытъ, выгодное приложеніе. Предметы производства предназначаются теперь *всему міру*, всѣмъ тѣмъ, которые обладаютъ *покупательной силой*, которые могутъ, при надобности, купить ихъ. Ремесленный трудъ, мелкое производство уже давно потеряли свой преобладающій характеръ. Крупное машинное производство все болѣе и болѣе расширяется, съ каждымъ днемъ захватываетъ новыя отрасли промышлености и даетъ рѣшительный толчокъ всей современной соціальной жизни.

Крупное производство произвело глубокій и знаменательный переворотъ въ соціальныхъ отношеніяхъ Западной Европы. *Вездѣ* оно сопровождалось и сопровождается одинаковыми явленіями, вездѣ оно вытѣсняло мелкое производство и низводило ремесленниковъ въ рабочихъ, въ пролетаріевъ, вездѣ оно сильно содѣйствовало громадному сосредоточенію капиталовъ въ рукахъ небольшого числа лицъ, которое мало-по-малу все уменьшается и должно уменьшаться, и образованію класса неимущихъ, продавцовъ своей мускульной и умственной силъ, пролетаріевъ, число которыхъ въ ужасающихъ размѣрахъ все разростается и увеличивается.

И безостановочно должно продолжаться побѣдоносное шествіе крупнаго производства, неизбѣжно должно оно закончиться пересозданіемъ стараго міра на новыхъ, болѣе широкихъ и менѣе эгоистическихъ основаніяхъ. Старыя рамки и дѣленія должны или исчезнуть, или стушеваться и уступить мѣсто нивелирующему, уравнительному движенію современныхъ соціально-экономическихъ тенденцій. Съ извѣстной точки зрѣнія можно даже сказать, что Европа дѣлится не на Англію, Францію и пр., а на буржуазію и пролетаріатъ.

Въ настоящее время каждое соціальное явленіе чрезвычайно тѣсно связано съ другими, и въ такой степени, что каждое событіе одной страны непремѣнно отзывается на прочихъ, на всемъ цивилизованномъ мірѣ. Американскій урожай или неурожай имѣетъ, можетъ быть, большее значеніе для Европы, чѣмъ для самой Америки. Кризисъ одной страны чувствительно отзывается на другихъ, крахъ одного банка производитъ всеобщій переполохъ, сопровождается раззореніемъ однихъ, обогащеніемъ другихъ, перемѣщеніемъ капиталовъ изъ однихъ рукъ въ другія, изъ

одной страны въ другую и часто можетъ кончиться всемірнымъ крахомъ, какъ случилось, напримѣръ, по поводу банкротства „Union Générale“. Даже банкротство одного торговаго дома отзывается въ разныхъ странахъ тамъ, гдѣ это и предполагать трудно было бы.

Никакія пограничныя стражи невозможны, чтобы помѣшать одной странѣ *экономически* вліять на другія. Космополитическое теченіе современныхъ экономическихъ отношеній прямо бросается въ глаза—вышеприведенные примѣры и доводы должны, какъ мнѣ кажется, убѣдить всякаго въ этомъ. Существенный интересъ каждой страны — одновременное развитіе съ другими, иначе она рискуетъ быть въ ихъ хвостѣ и подпасть ихъ вліянію и господству; взаимный интересъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ — ихъ *сближеніе* другъ съ другомъ, *выработка такой экономической организаціи*, при которой онѣ бы могли менѣе страдать отъ разныхъ случайностей, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и внести большую *правильность и гармонію* въ международныя отношенія.

Однимъ словомъ, господствующія теперь экономическія отношенія таковы, что они неизбѣжно должны привести цивилизованныя націи къ извѣстному объединенію, къ выработкѣ *общаго соціальнаго типа*, къ какой-нибудь космополитической формѣ общежитія. Что это заключеніе не содержитъ въ себѣ ничего утопическаго, читатель можетъ убѣдиться, если обратитъ вниманіе на все болѣе и болѣе распространяющійся новый принципъ международной политики, принципъ общеевроейспкихъ конгрессовъ или конференцій. Если я не слишкомъ ошибаюсь, то за настоящій вѣкъ, когда онѣ получили и могли получить начало, подобныхъ конференцій въ Европѣ и въ Америкѣ имѣлось больше пятидесяти. И, не касаясь ни ихъ практической вѣрности, ни ихъ благотворныхъ результатовъ, хотя бы только въ смыслѣ сбереженія цѣлыхъ потоковъ человѣческой крови, мы можемъ только замѣтить, что такое широкое примѣненіе ихъ при рѣшеніи разныхъ сложныхъ и щекотливыхъ вопросовъ международной политики служитъ неопровержимымъ доказательствомъ и распространенія космополитическихъ идей, и полной возможности приложенія ихъ къ другимъ сферамъ общественной жизни. Другой наглядный и не менѣе

убѣдительный примѣръ можно найти въ международной организаціи почтъ и телеграфовъ. Такова будетъ и организація желѣзнодорожныхъ сношеній, когда желѣзныя дороги перейдутъ въ собственность и распоряженіе государствъ. Отчасти это и теперь уже такъ.

Можно привести еще нѣсколько примѣровъ, можно указать на всемірныя выставки и международные конгрессы, промышленные, научные и художественные, и на широкое, разрастающееся значеніе гуманитарныхъ и космополитическихъ идей въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ; но это, я думаю, напрасно удлинило бы настоящую статью.

Очевидно, что указанный международный характеръ экономическихъ отношеній проявляется уже въ разныхъ общественныхъ службахъ и отправленіяхъ, что подъ ихъ вліяніемъ рѣшительно развивается космополитическій духъ современнаго человѣка. Правда, международная организація общественныхъ отправленій прилагается пока къ такимъ изъ нихъ, которыя болѣе и скорѣе способны такъ организоваться, какъ, напримѣръ, почты, телеграфы и пр.; но это только служитъ новымъ и вѣскимъ доказательствомъ нашего основного заключенія.

Иначе, собственно говоря, и быть не можетъ. Всякая коренная, созидающая идея развивается чрезвычайно медленно, сначала незамѣтно, но потомъ пробивается наружу, входитъ въ жизнь именно тамъ, *гдѣ она легче и скорѣе можетъ найти путь и приложеніе*. Эти пути съ теченіемъ времени мало по малу расширяются и увеличиваются, такъ что наконецъ, послѣ цѣлаго ряда вѣковъ, всѣ они захватываются новой идеей, которая становится тогда *господствующей*, господствующей до тѣхъ поръ, пока другая идея, болѣе широкая и справедливая, не замѣститъ ея. Такъ происходитъ и въ данномъ случаѣ съ космополической идеей.

Она со временемъ неизбѣжно станетъ господствующей! Все, цѣлая масса явленій современной общественной жизни, убѣдительно говоритъ намъ, что всѣ цивилизованныя націи когда-нибудь должны будутъ *соединиться вмѣстѣ подъ какой-либо космополитической формой*. Этого рѣшительно требуетъ вся совокупность соціально-экономическихъ условій нашего времени.

Мы, конечно, оставимъ въ сторонѣ собственно праздный во-

просъ о времени, объ опредѣленіи момента, когда возможна будетъ однородная международная форма правленія, общенародное государство. Намъ остается только сказать еще нѣсколько словъ о томъ, что произойдетъ тогда съ современными націями, какую роль онѣ могутъ и будутъ играть въ будущемъ?

Космополитизмъ ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ существованія отдѣльныхъ націй въ смыслѣ физическихъ и моральныхъ особенностей и различій. Космополитизмъ признаетъ своимъ отечествомъ весь міръ, своимъ народомъ—весь родъ человѣческій, но онъ признаетъ и всѣ *законныя и реальныя* особенности, какъ между отдѣльными людьми, такъ и между народами. Единственное, что онъ *уничтожитъ*—это безсмысленную *рознь* и напрасную *борьбу* между ними. Онъ только *объединитъ* ихъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ и основныхъ отношеніяхъ общежитія, дастъ имъ извѣстную общую связь, создастъ общую форму правленія, соотвѣтствующую уже *существующимъ однороднымъ ихъ интересамъ*. Предположить другое—значитъ совершить, по меньшей мѣрѣ, очень грубую ошибку.

Будущая политическая форма правленія явится только прямымъ слѣдствіемъ, выразителемъ необходимыхъ требованій современныхъ соціально-экономическихъ отношеній, она будетъ находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ ними, она будетъ имѣть мѣсто и значеніе лишь тогда, когда не будетъ нарушать *общей гармоніи интересовъ*. Ни больше, ни меньше. Подъ этой формой и французъ, и англичанинъ, и нѣмецъ съумѣютъ жить согласно своимъ особенностямъ, какъ найдутъ лучшимъ для себя, но будутъ *дружно* жить между собою, будутъ уживаться вмѣстѣ хоть такъ, какъ теперь уживаются французы, нѣмцы и итальянцы въ Швейцаріи; подъ этой формой между цивилизованными народами возможно будетъ установить такія же отношенія, какія существуютъ теперь между различными провинціями какой-либо страны.

Космополитическое государство можетъ, словомъ, въ такой же степени допускать, заключать въ себѣ національныя особенности или, если такъ можно выразиться, національныя индивидуальности, какъ современное государство допускаетъ и гарантируетъ личную свободу, личную индивидуальность. Конечно, многія націо-

нальныя особенности стушуются, сгладятся, потеряютъ и въ силѣ, и въ рѣзкости проявленія и, вообще говоря, значительно сравняются въ силу *взаимодѣйствія* соціальныхъ явленій, подъ вліяніемъ болѣе общей и однородной соціально-экономической жизни.

Неизбѣжнымъ и благотворнымъ слѣдствіемъ всего этого безспорно будетъ уничтоженіе національной розни, непріязни, исчезновеніе шовинизма и войнъ, и вообще разсѣяніе всѣхъ старыхъ предразсудковъ и предубѣжденій, которыя теперь мѣшаютъ объединенію народовъ.

Ни одинъ еврей, конечно, на это не пожалуется. Мнѣ кажется, что только тогда прекратятся травли и преслѣдованія, которыми еще продолжаютъ награждать евреевъ отъ времени до времени за чужіе грѣхи, только тогда наступитъ конецъ ихъ безконечнымъ страданіямъ и бѣдствіямъ.

Чѣмъ бы тогда ни сталъ еврейскій народъ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ скорѣе и легче другихъ народовъ потеряетъ многія свои дѣйствительныя и всѣ свои искуственныя особенности. Если онѣ сохранились до нашихъ дней, то только, или главнѣйшимъ образомъ, благодаря тѣмъ стѣсненіямъ, тѣмъ исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ евреи были вынуждены влачить свое несчастное существованіе. Преслѣдованія и страданія—вотъ ихъ исторія и государство въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ. Разъ ихъ не будетъ, разъ не будетъ этихъ основныхъ *консервативныхъ* началъ ихъ, они, можетъ быть, совершенно прекратятъ свое самостоятельное существованіе и сольются съ народами, среди которыхъ будутъ жить.

Во всякомъ случаѣ, еврейскій народъ меньше всѣхъ другихъ народовъ сохранитъ свои особенности, созданныя многовѣковой жизнью въ гетто, менѣе всѣхъ устоитъ противъ теченія космополитическихъ идей.

Да и зачѣмъ евреямъ сохранять свои особенности, которыя другія развили въ нихъ палками и притѣсненіями? Развѣ только для того, чтобы, какъ мы выше видѣли, ложно называть себя сынами Израиля? Удивительное удовольствіе, удивительная пріятность!

Нѣтъ! по своему исключительному положенію, еврейскій народъ скорѣе всѣхъ можетъ и долженъ содѣйствовать развитію ко-

космополитизма и всякихъ раціональныхъ идей. Его существенный, настоятельный интересъ—это быть porte-voix и porte-drapeau космополитическаго государства.

«Дѣло XIX вѣка—разрушеніе гетто»—говоритъ Ренанъ. И это вѣрно и прекрасно сказано. Пусть только евреи не забываютъ, что *ихъ* гетто рушится только одновременно съ сокрушеніемъ всевозможныхъ современныхъ гетто.

Я. Ромбро.

Парижъ.
12 марта 1883 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Rodkinssohn, M. L. Tefilo le' Moscheh mi' Kozi: Toldot ha'tefilin we'keirotehen. (Молитва по Моисею изъ Коци: Происхожденіе и исторія филактерій). Pressburg, 1883. (XXIV — 152 pp. in. 8o).

Критика раввинизма, еще совсѣмъ недавно занимавшая столь важное мѣсто въ новоеврейской литературѣ, въ послѣдніе годы все болѣе теряетъ свой прежній престижъ. Недалеко еще то время, когда громко раздавались голоса смѣлыхъ критиковъ раввинизма—Авраама Гейгера, Шора, Крохмаля (Авраама) и Гольдгейма; недалеко и памятно еще время, когда голоса этихъ борцовъ противъ отжившихъ традицій будили еврейскую мысль и вызывали оживленныя пренія не только въ литературѣ, но и въ дѣйствительной жизни: на различныхъ соборахъ, синодахъ и т п. Нынѣ все рѣже и рѣже раздаются подобные голоса, все болѣе умолкаютъ эти благородные призывы къ самореформированію, къ религіозной эмансипаціи. Позорная антиеврейская агитація, волнующая извѣстныя страны Европы съ конца 70-хъ годовъ, парализуетъ внутреннюю критическую мысль въ еврействѣ, отвлекая мыслящіе умы къ вопросамъ политическаго и соціальнаго свойства. Вопросы послѣдняго рода—большею частію эфемерные и праздные, имѣющіе предметомъ азбучныя истины и могущіе возникать лишь въ наше, полное недоразумѣній, время—отодвинули самокритику на задній планъ, или даже совсѣмъ вытѣснили ее изъ литературы. Мало того, въ еврейской литературѣ послѣднихъ годовъ стало замѣчаться нѣчто въ родѣ реакціи прежнему критическому, обличительному направленію: стало замѣчаться направленіе апологетическое въ смыслѣ религіозно-традиціонномъ.

Эти безосновательныя апологіи раввинизма чаще всего вызываются не менѣе безосновательными нападками на талмудъ и раввинскую литературу,—нападками со стороны людей, обладающихъ гораздо болѣе дерзостью и нахальствомъ, чѣмъ компетенціей въ подобнаго рода вопросахъ. Какъ ни естественно, однако, это апологетическое направленіе въ настоящее время, но отъ этого мало утѣшенія уму, не дающему омрачать себя эфемерными событіями, — и такое направленіе приходится признать однимъ изъ самыхъ печальныхъ явленій, замѣчаемыхъ въ жизни еврейскаго народа въ послѣднее время.

Въ виду этого, тѣмъ съ большею благодарностью должны мы встрѣчать рѣдкую попытку—идти по оставленному, запущенному пути религіозной критики; тѣмъ болѣе должны мы цѣнить трудъ человѣка, умѣющаго возвышаться надъ явленіями современной жизни, умѣющаго говорить о вопросахъ, почему либо вышедшихъ изъ моды, но тѣмъ не менѣе важныхъ и настоятельныхъ. Трудъ, заглавіе коего выше выписано, заслуживаетъ, вслѣдствіе этого, уже по самому содержанію своему, полнѣйшаго сочувствія. Посмотримъ теперь, насколько автору его удалось выполнить свою задачу.

Есть въ библіи одна заповѣдь, которая, не смотря на отличающую ее неопредѣленность, двусмысленность и относительную второстепенность, вызвала впослѣдствіи къ жизни сложный обрядъ, считающійся однимъ изъ важнѣйшихъ, основныхъ въ религіозно-обрядовой системѣ евреевъ. Обрядъ этотъ—обязательное ношеніе ежедневно, во время утренней молитвы, такъ называемыхъ ***филактерій***, т. е. двухъ кожаныхъ кубиковъ, внутри которыхъ находятся куски пергамента съ написанными на нихъ извѣстными стихами изъ св. писанія (изъ этихъ кубиковъ одинъ надѣвается на темя и привязывается ремнями вокругъ головы, а другой—надѣвается на руку, повыше локтя и обвязывается ремнями вокругъ руки до ладони, на которой ремни переплетаются съ пальцами и образуютъ извѣстную комбинацію изображеній). Обрядъ этотъ соблюдается такъ строго, что нарушеніе его со стороны кого бы то ни было считается самымъ тяжкимъ святотатствомъ и оскорбленіемъ религіознаго «догмата» (kefira be'icar). Но какъ возникъ этотъ обрядъ? Откуда ведетъ онъ свое происхожденіе?

Въ Пятикнижіи сказано: «И да будетъ то знакомъ на рукѣ

твоей и *татафотъ* между глазами твоими, что сильною рукою освободилъ тебя Богъ изъ Египта» (Исходъ, III, 16); въ другомъ мѣстѣ заповѣдь эта повторяется слѣдующимъ образомъ: «И навяжешь ихъ (слова Божіи) какъ знакъ на рукѣ твоей, и будутъ они «татафотъ» между глазами твоими» (Второзаконіе, VI, 8); Тамъ же (XI, 18) заповѣдь еще разъ приводится съ прибавленіемъ словъ: «Положите эти слова Мои въ сердце ваше и въ душу вашу». Кто знакомъ съ библейскимъ способомъ выраженія и судитъ раціонально, тотъ могъ бы понять, что во всѣхъ приведенныхъ стихахъ заключается только заповѣдь — всегда помнить о словахъ и чудесахъ Господнихъ, имѣть ихъ постоянно передъ глазами, словно начертаны они на рукѣ каждаго израильтянина. Но талмудъ, и въ особенности позднѣйшіе раввины, путемъ казуистическаго толкованія этихъ стиховъ и слова «татафотъ» (по сирійски — украшеніе), вывели изъ этихъ простыхъ и возвышенныхъ заповѣдей обязательность обряда «филактерій», т. е. обязательность дѣйствительнаго ношенія на темени (между глазъ) и на рукѣ кубиковъ съ заключающимися внутри ихъ «словами божьими». Это простое соображеніе, а именно, что раввины поняли въ смыслѣ грубомъ, матеріальномъ то, что предписано Пятикнижіемъ какъ обязанность отвлеченная, внутренняя — это бросается въ глаза всякому, хотъ поверхностно знакомому съ сущностью обряда филактерій. Но обрядъ этотъ подвергся не одной только этой метаморфозѣ: онъ имѣетъ свою «исторію развитія», исторію довольно характерную, — и съ нею знакомитъ насъ авторъ разбираемаго изслѣдованія.

Опредѣленныхъ указаній объ обрядѣ носить филактеріи мы не находимъ ни въ библіи, ни въ постановленіяхъ «великаго синедріона». Впервые объ этомъ обрядѣ заговорили танаиты Ямнійской академіи; кубики, подлежащіе ношенію на головѣ и рукѣ, были названы ими «tefilin»,—имя, которое они носятъ до сихъ поръ. Авторъ арамейскаго перевода библіи, *Онкелосъ* (около 189 г. по Р. Хр.) впервые перевелъ неопредѣленное библейское слово «татафотъ» словомъ «тефилинъ», что объясняется знакомствомъ переводчика съ толкованіями танаитовъ, которыми онъ, по словамъ талмуда, руководился въ своемъ переводѣ (Мегила,

гл. I). Слово «филактерія» есть, какъ извѣстно, греческое отъ φυλαχτήριον—охрана, талисманъ. Въ евангеліи «отъ Матѳея» есть одно мѣсто, которое, согласно греческому тексту, гласитъ такъ: «Они (книжники и фарисеи) всѣ дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди, расширяютъ *филактеріи* свои и увеличиваютъ воскрылія одеждъ своихъ» (Матѳей, XXIII, 5). Если считать (по Ренану, Vie de Jèsus, введеніе), что составленіе «Logia» Матѳея не можетъ восходить раньше конца I-го вѣка христіанской эры, то намъ станетъ ясно, что обрядъ «тефилинъ» имѣлъ практическое примѣненіе въ теченіе перваго вѣка; подробныя же о немъ постановленія были сдѣланы Ямнійскими танаитами, родоначальникомъ которыхъ былъ извѣстный р. Іоханан-бенъ-Заккай (жилъ до и послѣ разрушенія второго храма). О послѣднемъ талмудъ говоритъ, что онъ «не проходилъ пространства въ четыре локтя безъ филактерій» (Суко, 28). Но обрядъ ношенія филактерій во время талмудистовъ далеко не имѣлъ такого обширнаго примѣненія, какое онъ имѣетъ въ настоящее время. Авторъ лежащаго передъ нами изслѣдованія употребляетъ всю свою обширную эрудицію, чтобы установить слѣдующую градацію въ ходѣ развитія обряда филактерій: 1) Во время танаитовъ и амораитовъ обрядъ этотъ существовалъ, но былъ очень мало распространенъ; ношеніе филактерій (не только во время молитвы, но и въ продолженіе цѣлаго дня, при занятіяхъ торою и проч.) составляло особую привилегію ученыхъ представителей народа, религіозныхъ законодателей; да и послѣдними обрядъ этотъ соблюдался не всегда. Правда, о филактеріяхъ много было писано въ талмудѣ въ различныхъ мѣстахъ, но большею частью этимъ занималась Агада, окружившая зтотъ обрядъ какимъ-то фантастическимъ ореоломъ; Галаха же занимается только способами изготовленія филактерій, расположеніемъ внутри ихъ пергаментныхъ свертковъ со стихами Писанія и тому подобными чисто-внѣшними атрибутами. Нѣкоторые амораиты совершенно оспаривали обязательность обряда филактерій. Характерно то обстоятельство, что въ то время, какъ въ талмудѣ всякому синагогальному обряду посвящается отдѣльный трактатъ, обряду «тефилинъ» не посвящено ни одной даже спеціальной главы, и постановленія о немъ разсѣяны въ различ-

ныхъ мѣстахъ Талмуда *. Въ общемъ, филактеріи, въ талмудическій періодъ, имѣли значеніе предохранительныхъ талисмантовъ противъ нечистыхъ силъ и т. п., и одно время (въ первые вѣка христіанства) служилъ для многихъ евреевъ знакомъ, установленнымъ для отличія ихъ отъ «назареянъ»' и другихъ религіолныхъ сектаторовъ. 2) Во время гаоновъ, а именно послѣ знаменитаго отпаденія Анана, главы караимовъ, былъ возбужденъ вопросъ: можетъ ли ношеніе филактерій считаться обязательнымъ и относительно простолюдиновъ, или это обязательно лишь для «великихъ мужей». Вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что простолюдинамъ *не запрещается* носить филактерій, но въ религіозную обязанность не вмѣняется, такъ что и во время гаоновъ народъ не носилъ филактерій. 3) Въ періодъ раввиновъ-коментаторовъ и тоссафистовъ велись горячіе дебаты о способѣ писанія и укладыванія «тефилинъ», но обязательность ихъ все еще оспаривалась. По свидѣтельству знаменитаго казуиста-коментатора р. Тама, въ его время тефилины вовсе не употреблялись; извѣстный раввинъ Іосифъ Колонъ выразился даже, что произносящій благословеніе надъ филактеріями употребляетъ всуе имя Божіе и нарушаетъ третью заповѣдь. Курьезно, конечно, то обстоятельство, что въ то время, какъ за филактеріями не признавалось даже силы обязательности, объ ихъ формѣ и способѣ изготовленія велись горячія пренія между различными школами, а именно—между школою Раши и школою упомянутаго уже р. Тама (въ XII вѣкѣ). Но знакомому съ духомъ той эпохи, такое обстоятельство ничуть не покажется страннымъ: это было время самаго сильнаго развитія религіозно-казуистическаго направленія; и чѣмъ безплоднѣе, безпочвеннѣе были эти споры, тѣмъ они были необузданнѣе, тѣмъ дальше у спорщиковъ умъ за разумъ заходилъ. Этотъ споръ — о способѣ расположенія пергаментныхъ свиточковъ внутри филактерій — не разрѣшенъ, какъ извѣстно, и до нынѣ, — и набожные евреи и теперь надѣ-

* Сохранилась только одна рукопись маленькаго трактата «Тефилинъ», который относятъ къ талмуду іерусалимскому. Рукопись эта напечатана была Кармоли и Кирхгеймомъ впервые въ 1851 г. Но помимо неважности содержанія этого «трактата», древность и подлинность его еще подлежатъ сомнѣнію. Ср. подробно въ разбираемой книгѣ стр. 122 и сл.

ваютъ ежедневно двѣ пары «тефилинъ»: одну съ расположеніемъ пергаментовъ по Раши, а другую—по р. Таму, дабы не обидѣть ни того, ни другаго авторитета.. — 4) Но честь окончательнаго введенія въ законную силу обряда о филактеріяхъ выпала на долю р. Моисея изъ Коци, автора извѣстнаго кодекса «Сеферъ Mizwot godol» (жилъ въ первой половинѣ XIV в.). Этотъ богобоязненный раввинъ и великій казуистъ съ сокрушеннымъ сердцемъ видѣлъ, какъ пренебрегается евреями обрядъ ношенія филактерій,—и онъ приступилъ къ пропагандированію этой «истины». Приводимъ отрывокъ изъ упомянутой книги р. Моисея, отрывокъ, характеризующій тогдашніе пріемы религіозной пропаганды. «Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ разсѣянъ Израиль, я проповѣдовалъ о важности обряда филактерій..., ибо изъ всѣхъ 613 заповѣдей нашихъ только три заповѣди имѣютъ характеръ религіознаго знамени: это—соблюденіе субботы, обрѣзаніе и ношеніе филактерій. И такъ какъ каждое дѣло устанавливается по показанію *двухъ* свидѣтелей, то каждый израильтянинъ не заслуживаетъ этого имени, если при немъ нѣтъ постоянно *двухъ* свидѣтелей, двухъ признаковъ, что онъ — еврей. Вотъ почему въ субботу и праздничные дни, почитаемые какъ суббота, еврей свободенъ отъ ношенія филактерій, ибо достаточно ему двухъ признаковъ, свидѣтельствующихъ, что онъ еврей: соблюденія субботы и обрѣзанія; въ будни же, когда первый изъ упомянутыхъ признаковъ отсутствуетъ, необходимо, поэтому, носить филактеріи, что вмѣстѣ съ «знакомъ обрѣзанія составитъ два признака», и т. д. въ этомъ родѣ. Далѣе р. Моисей разсказываетъ, какъ ему удалось «реставрировать (никакой раввинъ не созидалъ, но всегда увѣрялъ, что реставрируетъ забытое) обрядъ филактерій. «И было это послѣ 4905 года по сотвореніи міра, я сдѣлался орудіемъ неба для пропаганды. И въ 4996 г. (1335 г. по Р. Х.) былъ я въ Испаніи, чтобы возвратить евреевъ на путь истины, и Господь Богъ укрѣпилъ длань мою посредствомъ сновъ, видѣнныхъ евреями и не евреями и посредствомъ звѣздныхъ видѣній и землетрясенія... и учинились великія покаянія, и тысячи, и десятки тысячъ приняли обряды филактерій... И также въ другихъ странахъ бывалъ я послѣ этого, и они (обряды) приняты были во всѣхъ мѣстахъ»... (Tefilo le' Moscheh p. 84 — 85). Результатомъ

этого довольно страннаго способа пропаганды, при помощи силъ небесныхъ и видѣній, было то, что съ XV вѣка ношеніе филактерій сдѣлалось однимъ изъ важнѣйшихъ догматовъ еврейской религіи, обязательнымъ для всякаго мужчины отъ тринадцатилѣтняго возраста. Послѣдующіе кодификаторы, какъ р. Яковъ, авторъ «Туримовъ» и р. Іосифъ Каро въ «Шулхонъ Орухѣ», урегулировали этотъ обрядъ и обставили его безчисленными формальностями. Нынѣ ортодоксальный еврей сочтетъ ренегатомъ того, который бы не соблюдалъ «священнаго» обряда «тефилинъ»; утренняя молитва (за исключеніемъ субботняго и праздничныхъ дней) даже немыслима безъ этого аттрибута.

Вотъ противъ авторитетности этого обряда и борется въ своей книгѣ г. Родкинсонъ. На основаніи множества данныхъ, онъ вывелъ, что установленіе этого обряда, какъ чего-то обязательнаго для всѣхъ, принадлежитъ позднѣйшимъ раввинскимъ авторитетамъ, что произошло это отъ неправильнаго толкованія словъ Писанія. Имѣя въ виду неудобства, вытекающія изъ практическаго примѣненія такого первобытнаго и нѣсколько курьезнаго обряда, какъ ношеніе «тефилинъ», — авторъ требуетъ отмѣны его на основаніи закона, по крайней мѣрѣ для простолюдиновъ. Этотъ обрядъ, по мнѣнію автора, служитъ первымъ толчкомъ къ «отступленію» отъ еврейской вѣры, развитому среди молодежи: многіе, не желая исполнять этотъ забавный обрядъ, подвергаются преслѣдованіямъ со стороны ортодоксовъ и признаются послѣдними за не-евреевъ, такъ что молодые люди подчасъ и впрямь отказываются даже отъ того, что̀ есть въ этой религіи раціональнаго, и все болѣе проникаются невѣріемъ (р. 45). Мало-мальски свободный человѣкъ, конечно, крайне стѣсненъ обязательнымъ ношеніемъ «тефилинъ», и отъ пренебреженія послѣдними переходитъ къ отрицанію вещей существенной важности. Намъ кажется, что этотъ доводъ можно привести не противъ однихъ филактерій, а противъ всей сложной системы нашей обрядности. Нелѣпость и внутренняя несостоятельность многихъ религіозныхъ предписаній такъ бросается въ глаза, что только ослѣпленные ортодоксы не могутъ этого замѣтить; молодые же люди, избавившіеся отъ рутиннаго воспитанія, разъ убѣдившись въ несостоятельности этихъ обрядовъ, зачастую отбрасываютъ вмѣстѣ съ по-

слѣднимъ и такія начала вѣры, до серьезнаго, мотивированнаго отрицанія которыхъ они еще не доросли. И выходитъ, конечно, путаница и отсутствіе *всякихъ* убѣжденій... Г. Родкинсонъ, впрочемъ, обѣщаетъ еще, въ слѣдующихъ своихъ трудахъ, доказать несостоятельность многихъ другихъ обрядовъ и агитировать въ пользу ихъ отмѣны.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о внѣшнихъ качествахъ труда г. Родкинсона. Отдавъ уже полную справедливость какъ похвальнымъ стремленіямъ, воодушевляющимъ автора, такъ и обширности его эрудиціи, не можемъ не замѣтить, что автору слѣдовало бы внести бо́льшій порядокъ, большую логическую стройность въ расположеніи громадной массы данныхъ, касающихся предмета его изслѣдованія. Нельзя сказать, чтобы авторъ былъ небреженъ въ этомъ отношеніи; наоборотъ, замѣтно даже, что онъ старался возможно лучше расположить собранные имъ матеріалы, но это ему не удалось, и книга его остается безсистемною и для справокъ крайне затруднительною. Впрочемъ, въ такихъ недостаткахъ, равно какъ во многихъ отступленіяхъ отъ предмета изслѣдованія, проявляется только безпокойная публицистическая жилка г. Родкинсона, которая не совсѣмъ-то на мѣстѣ въ рамкахъ сухого научнаго изслѣдованія. Надо еще сказать относительно нѣкоторыхъ частностей въ аргументаціи автора, что нерѣдко встрѣчаются у него выводы довольно проблематичные и грѣшащіе тою же казуистикою, противъ которой авторъ же вооружается. Онъ часто старается насильно подгонять матеріалъ подъ извѣстную тенденцію, и сдается, что самъ онъ сознаетъ несообразность своей аргументаціи, но не имѣетъ другаго способа увернуться. Это особенно замѣтно въ разсужденіяхъ автора относительно приведеннаго выше изрѣченія евангелія, которое онъ старается отнести къ гораздо позднѣйшему времени, ко времени составленія Мишны (стр. 54—55 и прим.); натяжками кажутся старанія автора объяснить неподходящія или противорѣчащія мѣста талмуда (см. напр. стр. 58, 59, 71 etc). Не считаемъ нужнымъ пускаться здѣсь въ подробный разборъ этихъ пунктовъ, чтобы не растянуть нашей рецензіи, тѣмъ болѣе, что *въ общемъ* аргументація автора очень убѣдительна. Будемъ надѣяться, что въ слѣдующихъ своихъ трудахъ, (которые онъ обѣ-

щаетъ издавать въ скоромъ времени), г. Родкинсонъ постарается исправить нѣкоторые второстепенные недостатки, замѣчаемые въ вышедшихъ до сихъ поръ двухъ книжкахъ его (о первой мы дали отчетъ въ «Литературной Лѣтописи» «Восхода» № 1 — 2 с. г.). Направленіе же его, повторяемъ, заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія.

С. Д.

ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

(Статья третья и послѣдняя *).

Впечатлѣніе прогулки по «русской Іудеѣ».— Переходъ изъ европейской Азіи въ настоящую Европу.—Измѣнившееся положеніе дѣлъ во всей западной Европѣ.— Германія и Австрія.— Положеніе тамъ евреевъ среди различныхъ національностей и классовъ.— Требованія, предъявляемыя къ нимъ этими послѣдними.— Вызванное погромами общественное мнѣніе Европы и «вмѣшательство во внутреннія дѣла».— Европейскіе комитеты, христіанскіе и еврейскіе и ихъ дѣятельность.— Отношеніе заграничныхъ евреевъ и ихъ забывчивость.—Общій планъ дѣйствій еврейскихъ союзовъ и очищеніе Бродъ.— Германскій и венгерскій антисемитизмъ.— Его жалкіе успѣхи и вызванные имъ протесты лучшихъ людей.—Результатъ.

Прогулка, которую мы совершили по русской Іудеѣ, или еврейской Россіи, (ибо Россія, кромѣ азіатской и европейской, можетъ быть еще подраздѣлена на еврейскую и внѣ-еврейскую) была далеко не изъ пріятныхъ. Читатель легко припомнитъ, что во всей этой обширной области мы все встрѣчали не радостныя и довольныя лица, не тихое и безмятежное семейное счастье, не трудъ и веселье, и не общее гражданское служеніе отечеству. Нѣтъ, передъ нами были совсѣмъ иныя картины...

Никакое лучезарное сіянье не освѣщало намъ, какъ нѣкогда Моисею, пути въ нашей ужасной пустынѣ, безъ оазисовъ, изъ которой неизвѣстно когда выберемся. И мы, современныя поколѣнія, мы всѣ, отъ начинающаго, „элементарнаго“ школьника до людей съ самымъ высшимъ образованіемъ, и отъ послѣдняго „поденщика, раба нужды“, до „царей“ биржи, — мы всѣ живо

---

* См. „Восходъ“, кн. I—II и III.

чувствуемъ тяжесть оковъ, мѣшающихъ намъ свободно двигаться и дѣйствовать, сообразно силамъ и желаніямъ нашимъ. А вѣдь еврей, по справедливому замѣчанію Шейлока, также чувствуетъ боль, какъ всѣ другіе люди. Неудивительно, поэтому, что многими овладѣло такое чувство отчаянія и тоски, что въ душу многихъ и многихъ заронилась неотвязчивая мысль о томъ: не есть ли еврейскій вопросъ—вопросъ вѣчный и по существу неразрѣшимый. Другими словами: безправіе и отчужденность не неизбѣжные ли спутники самого существованія еврейскаго народа, такъ сказать, его историческая индивидуальность? И можетъ быть, отъ такого органическаго недуга необходимо и возможно избавиться только какимъ нибудь радикальнымъ и безповоротнымъ всенароднымъ самоуничтоженіемъ, принятіемъ какого либо сильно дѣйствующаго яда для прекращенія мучительной жизни...

Среди этихъ грустныхъ, но невольныхъ размышленій, мы, вѣроятно, нѣсколько утѣшимся и успокоимся, когда перешагнемъ чрезъ границу, отдѣляющую Россію отъ Европы. Эта граница не условная, или только политическая и дипломатическая; нѣтъ, она проводитъ раздѣльную черту между двумя совершенно различными мірами; она отмѣчаетъ, гдѣ кончается европейское продолженіе Азіи и начинается дѣйствительная Европа. Въ этихъ двухъ мірахъ все различно,—различна также участь евреевъ-обитателей. Было время, Европа имѣла свои Балты, Елисаветграды и т. д.; евреи переживали тогда тѣ же и еще худшіе дни, чѣмъ въ Россіи въ послѣдніе годы. Но это — „дѣла давно минувшихъ дней", и мы не должны быть чрезчуръ злопамятны. Теперь, въ той самой Франціи, гдѣ столько разъ грабили, били и изгоняли евреевъ, они состоятъ министрами, генералами, вообще высшими сановниками, сенаторами, депутатами и т. д., — словомъ, участвуютъ наравнѣ съ „коренными" въ управленіи страною. Какъ законодатели, они диктуютъ законы потомкамъ тѣхъ феодаловъ, аристократовъ-помѣщиковъ, которые знали для евреевъ только презрѣніе и насиліе. Тоже самое мы видимъ въ Англіи, еще столь недавно, только въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, признавшей своихъ евреевъ гражданами. Не меньшей свободой и вліяніемъ пользуются евреи въ объединенной и обновленной Италіи, той самой Италіи, которая почти всегда стояла во главѣ

священной и неумолимой войны противъ евреевъ, начиная съ Веспасіана и Тита до послѣднихъ папъ-жидоѣдовъ и изобрѣтателей инквизиціи. Выборы въ итальянскую палату депутатовъ, произведенные осенью прошлаго года, нѣсколько назначеній въ сенатъ и на высшія должности, лестное вниманіе правительства и общества вообще, все это несомнѣнно доказываетъ, что изъ преданій древняго и средневѣковаго Рима относительно евреевъ ничего или почти ничего не сохранилось въ памяти новыхъ поколѣній. Геройское участіе евреевъ въ войнахъ за освобожденіе и объединеніе Италіи теперь справедливо вознаграждено. Одна Испанія еще не успѣла ни сама оправиться послѣ безумной и несчастной политики Фердинанда и Изабеллы и ихъ преемниковъ, ни внушить евреямъ снова довѣріе и привлечь ихъ въ страну. Всѣ прочія, не „великія" державы—Голландія, нѣкогда первая изъ всѣхъ государствъ Европы, провозгласившая гражданственность еврейства, Бельгія, Скандинавскія государства, Швейцарія, Греція, и въ значительной мѣрѣ и новыя славянскія княжества—всѣ онѣ приняли уже евреевъ въ свою гражданскую семью. Но пора намъ, въ этомъ маленькомъ путешествіи по Европѣ заглянуть въ двѣ, сосѣднія съ Россіею, великія державы—Германію и Австрію. И не даромъ, не случайно медлили мы все этимъ посѣщеніемъ. Здѣсь, въ главной квартирѣ нѣмцевъ и южныхъ славянъ, жизнь евреевъ уже не совсѣмъ такъ безмятежна и ровна, какъ въ романскихъ земляхъ, Англіи и др. Правда, и здѣсь нѣтъ „еврейскаго вопроса", но за то есть не мало лицъ, которыя бы хотѣли его возбудить, завидуя лаврамъ Россіи на этомъ поприщѣ.

Законъ и общественное мнѣніе признаютъ евреевъ полноправными гражданами; во всей разнообразной и кипучей жизни, въ промышлености, торговлѣ, въ законодательствѣ и судѣ, въ защитѣ отечества противъ внѣшняго врага—евреи принимаютъ дѣятельное и весьма видное участіе. А имена многочисленныхъ еврейскихъ ученыхъ, писателей и художниковъ блестятъ ярче звѣздъ на небѣ голубомъ. Но благодаря, вопервыхъ, большему вліянію стариннаго поземельнаго дворянства, сохранившему феодальныя преданія и отношенія къ евреямъ; во-вторыхъ, — усилившейся въ послѣднія 10—15 лѣтъ борьбѣ различныхъ народностей и церквей

за преобладаніе или господство; наконецъ, благодаря еще сильнымъ въ простомъ народѣ цеховымъ и покровительственнымъ понятіямъ, которыя нашли поддержку въ политикѣ Бисмарка—благодаря всему этому въ Германіи и Австріи еще оказался возможнымъ *антисемитизмъ*, хотя, конечно, нельзя и сравнить германскій антисемитизмъ съ русскимъ, — не говоря уже о совершенно различномъ отношеніи къ нему со стороны правительства и общества въ этихъ странахъ и въ Россіи. Обѣ эти страны служатъ какъ бы переходомъ отъ россійскаго «жидотрепанья» къ полному гражданскому слiянiю евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Дѣйствительно, въ пестромъ и безпорядочномъ смѣшеніи ненавидящихъ одна другую національностей, вѣроисповѣданій и языковъ, какое господствуетъ въ Австріи,—немудрено, что въ пылу «спора славянъ между собою» или съ нѣмцами, мадьярами и т. д.—забывается мѣра справедливости и къ посороннимъ въ этомъ дѣлѣ евреямъ. Такъ, напримѣръ: въ Россіи вы можете часто слышать въ обществѣ, или читать въ оффиціальныхъ донесеніяхъ обвиненіе евреевъ въ томъ, что во время польскаго мятежа, и послѣ они явно тянули въ сторону поляковъ; съ своей стороны, поляки обвиняли евреевъ за преданность Россіи и часто жестоко расправлялись съ ними за это. Перейдя нашу границу и вступая въ австрійскія владѣнія, мы видимъ еще болѣе запутанные счеты. Въ Галиціи, евреи поставлены въ весьма щекотливое политическое положеніе между поляками, русинами и нѣмцами, которые всѣ желаютъ пользоваться для своихъ особенныхъ цѣлей силой и значеніемъ 600,000-наго еврейскаго населенія. Далѣе, въ Богеміи, такое же неловкое и неудобное положеніе среди вѣчно враждующихъ лагерей: чеховъ и нѣмцевъ. Въ Моравіи соперничаютъ славяне, нѣмцы и мадьяры,—и всѣ зорко смотрятъ за евреями. Въ Венгріи также не легко угодить крайне напряженному теперь чувству національности мадьяръ. И такъ далѣе, во всей Австріи. Такимъ образомъ; если въ Россіи русскіе обвиняютъ евреевъ въ излишней преданности полякамъ, а поляки—въ привязанности къ русскимъ; если въ Галиціи, Моравіи, Богеміи, Венгріи и др. земляхъ Австріи слышитъ отъ нѣмцевъ, славянъ и мадьяръ такіе же противорѣчивые отзывы — то, смѣемъ думать, правдивость и достоинство этихъ обвиненій ясны сами по себѣ, безъ дальнѣйшихъ

объясненій... Въ Германіи причины антисемитизма, впрочемъ болѣе слабаго, чѣмъ въ Австріи,—нѣсколько иные, преимущественно-сословно экономическаго свойства; но мы здѣсь не можемъ входить въ подробности. Въ Германіи и Австріи не все населеніе еще свыклось съ мыслью, что евреи теперь такіе же подданные, какъ и остальные, коренные, и гражданскія права должны со стороны евреевъ оплачиваться поддержкой той или другой, господствующей или стремящейся къ господству національности и политической партіи...

Не смотря на эти различія въ политическомъ положеніи евреевъ въ разныхъ странахъ, общественное мнѣніе Европы было единодушно въ своемъ негодованіи противъ того способа, какимъ рѣшался еврейскій вопросъ въ Россіи, на площадяхъ и въ коммисіяхъ. Послѣ варшавскаго погрома состраданіе къ русскимъ евреямъ стало все рости и рости; этому содѣйствовало преимущественно сознаніе того, что пока народные политики будутъ по своему рѣшать еврейскій вопросъ, принимать свои «мѣры» для предотвращенія и т. д.—до тѣхъ поръ безпорядки будутъ продолжаться и должны сдѣлаться еще болѣе жестокими и частыми. И вотъ, къ чести человѣчества, началось сильное общественное движеніе въ пользу евреевъ. Много думали и говорили о дипломатическомъ заступничествѣ предъ русскимъ правительствомъ со стороны европейскихъ державъ. Но уже на берлинскомъ конгрессѣ, когда нѣкоторые представители Европы заговорили о необходимости улучшить положеніе евреевъ въ Россіи, князь Горчаковъ заявилъ, что подобное вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи будетъ встрѣчено объявленіемъ войны. Въ этомъ же смыслѣ появилось сообщеніе въ «Прав. Вѣстникѣ», когда впервые возникли слухи о «готовящемся вмѣшательствѣ». Поэтому, для дипломатическаго заступничества необходимо было быть готовыми поддержать свой «дружескій совѣтъ» вполнѣ убѣдительными средствами, вообще быть готовыми къ «осложненіямъ». А этого въ то время не могли желать руководители европейской политики, по очень основательнымъ соображеніямъ. Политика стала поперегъ дороги человѣколюбію и возмущенному чувству справедливости — и они уступили. Гладстонъ, правда, выразилъ въ парламентѣ чувства глубокаго негодованія и скорби по поводу гнусныхъ событій, вен-

герскій министръ-президентъ, Тисса, чрезъ нѣкоторое время выразился гораздо рѣзче, — но только американскіе Соединенные Штаты, непричастные европейскимъ политическимъ интригамъ, обратились нѣсколько позже къ русскому правительству съ дружескимъ совѣтомъ и просьбой: болѣе заботливо охранять жизнь, честь и имущество подданныхъ евреевъ... Пришлось ограничиться частными выраженіями общественнаго мнѣнія, и эти выраженія были многочисленны и громки. Все высшее духовенство Англіи, Франціи и отчасти Германіи, лучшіе представители науки, литературы, общественной жизни спѣшили протестовать противъ «русскихъ ужасовъ». Но не довольствуясь нравственной поддержкой, благороднѣйшіе изъ христіанъ стали всюду собирать денежныя пожертвованія для невольныхъ эмигрантовъ изъ Россіи и вообще для жертвъ народной политики. Во всѣхъ значительныхъ городахъ Америки, Англіи, Франціи, Германіи, Австріи и всѣхъ другихъ государствъ Европы образовались комитеты для сбора пожертвованій, обыкновенно подъ ближайшимъ руководствомъ городскихъ головъ, дѣятелей магистрата, самыхъ видныхъ дѣятелей политики, свѣтилъ науки и литературы. Одинъ лондонскій комитетъ собралъ болѣе милліона руб... Такимъ образомъ была собрана порядочная сумма денегъ, весьма и весьма пригодившаяся евреямъ. Но и нравственная поддержка лучшаго христіанскаго общества, лучшихъ людей Европы и Америки была въ высшей степени благотворна и отрадна въ такое мрачное для евреевъ время и не осталась безъ замѣтнаго вліянія на будущія судьбы ихъ...

Разумѣется, ближе всего должны были заняться участью русскихъ евреевъ ихъ европейскіе единовѣрцы. Въ противоположность первымъ, послѣдніе составляютъ богатый, просвѣщенный и вліятельный классъ общества. Наслаждаясь сами свободою, безопасностью и благосостояніемъ, совершенно неизвѣстными огромнѣйшей части русскаго еврейства, евреи Европы были призваны совершить что нибудь великое, необыкновенное, для посильнаго спасенія своихъ братьевъ. Все впрочемъ, что можно было сдѣлать при данныхъ условіяхъ, — это было: собрать какъ можно больше денегъ, помочь пострадавшимъ отъ погромовъ, пожаровъ и «мѣръ», и выселить по возможности большее число изъ Россіи, устроивъ ихъ гдѣ нибудь, всего лучше въ Америкѣ. А денегъ вѣдь у ев-

ропейскихъ евреевъ достаточно, много, досуга тоже. Не будучи очень требовательными и придирчивыми, мы можемъ однако заявить, что по нашему крайнему разумѣнію, евреи Европы не выполнили цѣликомъ своего долга. Зависѣло это отъ многихъ причинъ. Прежде всего, согласно *своимъ* понятіямъ о *своемъ* отечествѣ, они считали эмиграцію дѣломъ малодушія, несовмѣстнаго съ достоинствомъ и гражданина и отечества. Они упорно продолжали думать, что русское правительство строжайше запрещаетъ выселеніе, даже въ то время, когда евреевъ чуть прямо не гнали изъ Россіи. Въ этомъ заблужденіи больше всего виноваты нѣкоторые русскіе, но по духу уже европейскіе, евреи, которые почему-то очень заботились о достоинствѣ русскаго государства... Еще важнѣе то, что заграничные евреи считаютъ своихъ русскихъ собратьевъ вообще лѣнтяями и бездѣльниками, изъ которыхъ особеннаго прока нигдѣ не будетъ. Это обстоятельство играло очень большую роль, и мы не можемъ удержаться здѣсь отъ одного замѣчанія по этому поводу. Заграничные евреи обнаруживаютъ очень короткую память, забывая, что еще сто лѣтъ тому назадъ, большинство изъ нихъ считалось такой же безнадежно-негодною частью населенія, какою они теперь считаютъ русскихъ евреевъ, что сто лѣтъ назадъ, болѣе просвѣщенные и болѣе богатые французскіе евреи относились съ такимъ презрѣніемъ къ нѣмецкимъ евреямъ, что не хотѣли ихъ терпѣть въ средѣ своихъ общинъ и выхлопотали на время указъ у своего правительства *объ удаленіи и недопущеніи ихъ селиться у себя*! Стало быть, нечего такъ кичиться достигнутымъ положеніемъ... Но вернемся къ нашему предмету. Еще одной причиной, тормозившей дѣло помощи русскимъ евреямъ, было то, что евреи Европы, большею частью, считаютъ не безъ основанія колонизацію Палестины непрактическою и несостоятельною въ будущемъ; а среди русскаго еврейства раздавались тогда многіе голоса именно въ пользу Палестины. Если прибавить еще, на что уже было указано въ предыдущемъ очеркѣ, что вопросъ объ эмиграціи принялъ такіе размѣры, которые выходятъ за предѣлы обыкновенной филантропіи, превращаясь въ вопросъ государственный,—то мы легко поймемъ, отчего помощь заграничныхъ евреевъ

была столь недостаточна и такъ мало помогла въ дѣйствительности.

Дѣятельность еврейскихъ союзовъ въ помощь бѣглецамъ началась еще въ 1881 г.; первыя партіи, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, или тысячи человѣкъ, были отправлены въ Америку, преимущественно стараніями и на счетъ Alliance Israélite Universelle. Одно время казалось, что этимъ дѣло кончится. Но вотъ произошелъ погромъ въ Варшавѣ, въ которомъ русскіе евреи съ вѣрнымъ инстинктомъ усмотрѣли провозвѣстника новыхъ погромовъ и бѣдствій. Эмиграція стала усиливаться и усиливаться. Положеніе Alliance дѣлалось все затруднительнѣе; обыкновенныя средства его начали истощаться, а новыя и трудныя задачи застигли его почти въ расплохъ, безъ готоваго плана дѣйствій, безъ большихъ денежныхъ средствъ. Остальные еврейскіе союзы ничего или почти ничего не дѣлали. Устроившійся въ февралѣ, въ Лондонѣ, меншенъ-гоузскій комитетъ весьма кстати явился въ помощь Alliance. Между тѣмъ число бѣглецовъ все росло, и они всѣ скоплялись въ Бродахъ, небольшомъ и бѣдномъ городѣ Галиціи, и безъ того переполненномъ «коренными» евреями. Правда, заграничные евреи просили русскихъ — не покидать Россіи и не являться въ Броды безъ особыхъ приглашеній, но это мало дѣйствовало на тѣхъ. кому жизнь сдѣлалась невыносимою на родинѣ. Скоро бѣдствія собравшихся въ Бродахъ и томительно долго ждавшихъ пособія достигли ужасающихъ размѣровъ. Къ тому же, вѣдь надо было такъ или иначе очистить Броды, не злоупотребляя терпѣніемъ австрійскаго правительства, которое выказало въ этомъ случаѣ замѣчательное человѣколюбіе и благородство. Такимъ образомъ возникла новая задача—очищеніе, и эта задача сыграла роковую роль въ исторіи эмиграціи; она заставила торопиться отправкой прибывшихъ эмигрантовъ, во что бы то ни стало и куда бы то ни было. Оттого надѣлано множество ошибокъ, которыя дорого обошлись и комитетамъ и, еще больше, эмигрантамъ. Съ приближеніемъ балтскаго погрома, который почти всѣ, такъ сказать, предвкушали. и сейчасъ послѣ него, старые комитеты начали дѣйствовать рѣшительнѣе, и образовалось много новыхъ комитетовъ. Сначала они всѣ какъ-то дѣйствовали врознь, каждый по своему усмотрѣнію, безъ особаго толка и пользы. Между нѣкоторыми изъ глав-

ныхъ комитетовъ, напр. лондонскимъ и нью-іоркскимъ, существовали даже какія-то недоразумѣнія, въ ущербъ дѣлу. Поэтому все настоятельнѣе и настоятельнѣе чувствовалась необходимость объединенія дѣйствій всѣхъ комитетовъ, выработки общаго плана, совмѣстнаго и дружнаго его выполненія. Для этой цѣли собралась сперва конференція въ Вѣнѣ, въ концѣ апрѣля, гдѣ чрезъ г. Эллингера, состоялось соглашеніе съ нью-іоркскимъ комитетомъ. А приблизительно чрезъ мѣсяцъ собрался съѣздъ делегатовъ отъ главныхъ комитетовъ въ Берлинѣ. Здѣсь, въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ былъ принятъ проектъ г. Венеціани объ эвакуаціи Бродъ, гдѣ уже накопилось болѣе 15,000 несчастныхъ бѣглецовъ, о распредѣленіи ихъ по разнымъ странамъ и о раздѣленіи обязанностей и расходовъ между всѣми еврейскими комитетами и союзами въ Европѣ. Чрезъ 3 или 4 мѣсяца Броды были уже «эвакуированы», болѣе 20.000 евреевъ изъ Россіи размѣщены по всему земному шару. Удачно ли?—это другой вопросъ, на который еще не настало время отвѣчать. Такова въ бѣглыхъ словахъ внѣшняя исторія дѣятельности европейскихъ комитетовъ въ пользу русскихъ евреевъ.

Такимъ образомъ, главныя заботы европейскихъ евреевъ, въ теченіе большей части, почти всего года, были посвящены участи русскихъ евреевъ. Дома у нихъ была тишь да гладь, да Божья благодать. По крайней мѣрѣ, такъ было съ нашей точки зрѣнія, ибо нельзя же считать особенно серьезными неудобствами въ жизни выходки антисемитовъ въ печати, на сходкахъ, или даже въ парламентѣ. Всѣ эти вылазки дѣлались просто для собственнаго удовольствія гг. антисемистовъ и явно оставались безъ всякаго вліянія на дѣйствительное общественное мнѣніе. Напротивъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ году совершился благопріятный поворотъ во мнѣніи общества относительно евреевъ. Безобразія, къ которымъ привела антисемическая агитація въ Россіи, заступничество всѣхъ лучшихъ ученыхъ, писателей и публицистовъ—все это образумило тѣхъ, кто, не вникнувъ хорошенько въ дѣло, увлеклись было антисемистическою теоріею—спасенія общества путемъ избавленія отъ евреевъ. Антисемитизмъ лишился своихъ жизненныхъ соковъ, поддержки общества, и сталъ все болѣе падать. Не угомонились однако тѣ, которые антисеми-

тизму обязаны своею извѣстностью, впрочемъ незавидною. Такъ называемые руководители антисемитизма старались, какъ можно чаще, давать о себѣ знать, и только. Въ Берлинѣ продолжалъ агитировать „умѣренный“ Штеккеръ со свитою, все болѣе и болѣе рѣдѣвшею. Въ Галиціи, Меруновичъ вноситъ въ сеймъ разныя петиціи и предложенія противъ евреевъ, но совершенно безуспѣшно. Не болѣе удачны были старанія Шенерера, главы австрійскаго антисемитизма, неоднократно возбуждавшаго въ австрійскомъ парламентѣ вопросъ еврейскій, то петиціями, то разными предложеніями. Но больше всѣхъ усердствовали антисемисты Венгріи, хотя ихъ порывы были также безплодны, какъ и порывы ихъ вѣнскихъ и берлинскихъ единомышленниковъ. Венгерскіе антисемисты оттѣснили германскихъ и заняли передовое мѣсто въ рядахъ священной арміи. И это потому, что нѣмцы, даже антисемистическіе нѣмцы, т. е. самый плохой сортъ, никакъ не отдѣлаются отъ своихъ дурныхъ привычекъ—методичности, обдуманности, нѣкоторой разборчивости, законности и т. п. вещей, которыя только мѣшаютъ успѣху дѣла. Венгерскимъ антисемитамъ ничто не страшно и ничто не стыдно. Они не знаютъ и знать не хотятъ того чисто-искусственнаго различія, которое нѣкоторые установили между правдою и ложью, честными и безчестными поступками, и т. п. тонкостей. А такое невѣдѣніе залогъ большого успѣха. Когда агитація ихъ стала уже очень надоѣдать всѣмъ, оставаясь безъ всякаго результата, Истоцци и его товарищи рѣшились прибѣгнуть къ какой либо отчаянной мѣрѣ и придумали знаменитое тисса-эсларское дѣло. Исчезнувшая 1 апрѣля молодая служанка одного еврея въ Тисса-Эсларѣ, Эстеръ Солимосси, подала антисемитамъ поводъ обвинить евреевъ въ убіеніи ее, для употребленія ея крови съ религіозною цѣлью на предстоявшемъ вскорѣ праздникѣ Пасхи. Какъ ни нелѣпа и ни устарѣла сама по себѣ эта басня, но невѣжественному венгерскому крестьянину не трудно было уже внушить вѣру въ эту чудовищную ложь, какъ это не трудно было 20 лѣтъ тому назадъ и не трудно было бы и теперь въ Россіи.

Съ этого времени агитація оживляется въ Венгріи, въ мѣстностяхъ съ наиболѣе грубымъ и невѣжественнымъ населеніемъ, то тамъ, то здѣсь, происходятъ мелкіе безпорядки противъ евреевъ,

подъ управленіемъ подстрекателей изъ учениковъ Истоцци. Имъ удалось запутать слѣдствіе, и безъ того безобразно веденное; и когда дѣло, повидимому, уже окончательно выяснилось, конечно въ пользу несчастныхъ подсудимыхъ-евреевъ, то на помощь антисемитамъ явилось вытащенное изъ рѣки Тейссы, 1 іюля, тѣло молодой дѣвушки, принятой многими за Солимосси, что опять, и весьма значительно, усложнило слѣдствіе. А этого только и нужно было Истоцци, Оноды, Симоньи и др. для того, чтобъ пока возбуждать народъ противъ евреевъ, ссылаясь на тисса-эссларское дѣло. Это имъ и удавалось въ значительной мѣрѣ. За то въ палатѣ депутатовъ, правительствѣ и лучшемъ обществѣ всѣ петиціи антисемитовъ, равно какъ предложенія, направленныя противъ евреевъ или ихъ гражданскихъ правъ, встрѣчали постоянно самый дружный отпоръ со стороны правительства и всѣхъ представителей венгерскаго народа,—всѣхъ, кромѣ 8—9 человѣкъ, составляющихъ антисемитическую партію.

Неудачи и видимый упадокъ антисемитизма побудили апостоловъ новаго ученія подумать о какомъ нибудь обще-европейскомъ оживленіи своей агитаціи. Самымъ простымъ и легкимъ средствомъ оказался торжественный конгрессъ или международный съѣздъ антисемитовъ. Этотъ конгрессъ дѣйствительно состоялся въ августѣ, въ Дрезденѣ. Съѣхалось болѣе 400 человѣкъ—всею душою ненавидящихъ евреевъ—искателей приключеній, добивающихся легкой и дешевой извѣстности. Тутъ были на первомъ планѣ венгерскіе героическіе антисемиты, рѣшительно первенствующіе теперь среди „своихъ" — были многочисленые представители такъ называемыхъ „христіанско-соціальныхъ" (!) союзовъ, вдохновитель которыхъ — самъ Штеккеръ, удостоилъ тоже съѣздъ своимъ кратковременнымъ присутствіемъ. Какъ на всякихъ съѣздахъ, была одна партія болѣе умѣренная, школа Штеккера, предлагавшая пока только лишеніе евреевъ гражданскихъ правъ, и т. п.; и другая, крайняя, или партія дѣйствія, мечтающая о повсемѣстномъ введеніи погромовъ и вообще русской антисемитической программы. Это были венгерцы, которые и одержали побѣду на этомъ шутовскомъ конгрессѣ. Истоцци, «среди общаго одобренія и восторга», прочелъ свой „адресъ къ правительствамъ и народамъ угрожаемыхъ евреями странъ", каковой

адресъ рѣшено распространить во всѣхъ государствахъ. Программа антисемитовъ всѣхъ странъ теперь дѣйствительно объединена и представляетъ въ главныхъ чертахъ подражаніе или снимокъ съ русскаго дѣйствующаго права и «временныхъ правилъ». о евреяхъ... Вотъ гдѣ отечество наше — въ авангардѣ! Обѣщавъ собраться и въ слѣдующемъ году, антисемиты разъѣхались, довольные собою и своимъ дѣломъ. Какъ бы въ утѣшеніе антисемитамъ и, можетъ быть, вслѣдствіе усиленной агитаціи, въ Венгріи произошли вскорѣ послѣ конгресса, именно въ сентябрѣ, болѣе значительные, чѣмъ прежде, безпорядки противъ евреевъ. Правда, они далеко не имѣли такого дикаго и разгульнаго характера, какъ въ Россіи, но все таки они произвели подавляющее впечатлѣніе на австрійское и венгерское правительства и общества. Были дѣйствительно приняты самыя быстрыя и рѣшительныя мѣры для прекращенія и предупрежденія въ будущемъ подобныхъ исторій. Пресбургскіе безпорядки вызвали сильное сочувственное движеніе въ пользу евреевъ среди венгерскаго общества, и лучшіе сыны отечества, какъ Кошутъ и др., выступили съ горячей защитой еврейскаго населенія. И мы можемъ, кажется, надѣяться, что пресбургскіе безпорядки — послѣдніе въ западной Европѣ.

Обходя другія, болѣе или менѣе, незначительныя явленія въ жизни западныхъ евреевъ, кончимъ нашъ бѣглый очеркъ замѣчаніемъ, что печальная участь русскихъ евреевъ и усилія заграничныхъ собратьевъ помочь имъ много содѣйствовали оживленію духа солидарности и взаимности между евреями всего свѣта. И если это достигнутое сближеніе сможетъ на будущее время облегчить страданія въ тяжкія годины, то мы хоть нѣсколько будемъ вознаграждены за претерпѣнное въ Россіи въ 1881—82 гг.

И. О.

